

3

ISSN 0042—8779

ИВМ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11 - 12

93

Под редакцией
И. В. Павлова

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11-12/93 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Я. С. Лурье** — Русь XV века: отражение в раннем и независимом летописании 3
- В. Л. Харитонов** — Февральская революция в России (попытка многомерного подхода) 18

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Т. А. Капустина** — Николай I 27

ПУБЛИКАЦИИ

- Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р. В. Малиновского (май — ноябрь 1914 г.) 50

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин** — Очерки русской смуты 94

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- П. Н. Савицкий** — Геополитические заметки по русской истории (Вступительная статья В. И. Дурновцева) 120

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- Ю. Освальт — Духовенство и реформа приходской жизни. 1861—1865 140

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков — «Шлюссштайн» 150
А. В. Гладышев — Сен-Симон до и во время революции 154

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Е. В. Чистякова — М. Н. Тихомиров как историк древнерусской культуры 158
Т. А. Сивохина — Н. Верт. История Советского государства. 1900—1991 165
О. Л. Милова — Дж.Форсис. История народов Сибири. Северная азиатская колония России. 1581—1990 167
Е. И. Кычанов — Н. С. Кулешов. Россия и Тибет в начале XX века. 170
И. Н. Данилевский — И. А. Заичкин, И. Н. Почкаев. Русская история. Популярный очерк. IX — середина XVIII в. 171
А. С. Козлов — О. Р. Бородин. Византийская Италия в VI—VIII веках. (Равеннский экзархат и Пентаполь) 173
А. И. Сыч — Ф. Фукуяма. Конец истории и последний человек 176
По страницам зарубежных журналов 178

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. В. Иванов — О родоначальнике Русской Америки 183
В. С. Астраханский — Новое о военной службе В. Н. Татищева в 1706—1708 годах 184
Ответ нашим критикам 186
Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1993 году 187

СТАТЬИ

Русь XV века: отражение в раннем и независимом летописании

Я. С. Лурье

Основной источник по политической истории Московской Руси XV в. — летописи. Но они разнообразны и нередко противоречат друг другу. Ценность летописи как источника информации (а не просто как памятника — «остатка прошлого») в значительной степени зависит от близости ее по времени к описываемому событию. Конечно, современность источника не гарантирует его достоверности. Автор, писавший через 10—20 лет после события, мог быть даже менее тенденциозен или более осведомлен, чем ближайший современник. Но в тех случаях, когда временной интервал между событием и его отражением в источнике значителен, превосходя время жизни одного поколения, для использования сведений источника необходимо доказать, что в распоряжении позднего автора имелся более ранний памятник.

Столь же важно различать летописные источники по степени их беспристрастности: независимый источник, даже если он сочувствует той или иной стороне, надежнее, чем источник официальный или официозный, для которого высказываемые положения имеют насущное политическое значение.

Наиболее ранней из летописей XV в. можно считать Троицкую летопись, доведенную до 1408 г. и доступную нам теперь лишь частично (она сгорела в 1812 г.) — в обширных выписках Н. М. Карамзина и отражениях ее в более позднем летописании. Вплоть до 1390 г. текст Рогожского летописца и Симеоновской летописи¹ в основном совпадает с текстом Троицкой, но затем явно расходится: Троицкая отражает, очевидно, митрополичье летописание начала XV в., а Рогожский летописец и Симеоновская летопись — особую версию этого летописания, созданную в Твери и доведенную до 1412 года. Параллельно с общерусским летописанием, представленным этими летописями, существовало местное, отразившееся главным образом в Новгородской I младшего извода и в Псковских летописях².

Следующим за Троицкой летописью памятником общерусского летописания был так называемый Новгородско-Софийский свод, отразившийся в Новгородской IV, близкой к ней Новгородской Карамзинской и Софийской I летописях³. Текст Новгородской IV и Софийской I летописей совпадает до 1418 г.; в Новгородской Карамзинской сходна с Софийской I также статья 1425 года.

Лурье Яков Соломонович — доктор филологических наук, член Союза писателей.

Предположение А. А. Шахматова, что Новгородско-Софийскому своду предшествовал более ранний источник — митрополичий свод (Полихрон Фотия) 1418—1421 гг., не подтвердилось дальнейшими исследованиями: летописи, в которых Шахматов видел независимое от Новгородско-Софийского свода отражения Полихрона Фотия, опирались, как выяснилось, не на этот гипотетический памятник, а на летописание конца XV — начала XVI века. Поскольку общий источник Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей — Новгородско-Софийский свод — предшествовал первой редакции Новгородской IV, составленной в 1437 г., этот свод следует, очевидно, датировать 30-ми годами XV века⁴. Текст Софийской I старшей редакции доходит лишь до 1418 г., но младшая редакция (Бальзеровский список) содержит краткие известия до 1434 г., затем дополнительные статьи до 1462 г. и сказание о походе на Новгород в 1471 году.

Софийская I, в свою очередь, послужила основным источником московского великокняжеского летописания, отразившегося в разных редакциях в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях (свод 1472 г.), «Летописце от 72-х язык» (фрагмент свода 1477 г.), Московском своде (своды 1479 г., начала и конца 90-х годов XV в.)⁵ и летописях XVI в., включая Воскресенскую и Никоновскую.

Наряду с великокняжеским летописанием существовало в XV в. и более независимое общерусское летописание, представленное Ермолинской и сходными с нею летописями (они отражали северный свод начала 70-х годов XV в., составленный, вероятнее всего, в Кирилло-Белозерском монастыре) — Типографской (ростовский владычный свод 80-х годов XV в.), Софийской II и Львовской (свод 1518 г., в основе которого лежит оппозиционный церковный свод 80-х годов XV в.)⁶ и другими летописями.

Между тем в основу историографии образования Русского государства легло не летописание XV в., а официальное великокняжеское и продолжившее его царское летописание, а также Степенная книга XVI века. Влияние московской официальной традиции сказалось и на «Истории Российской» В. Н. Татищева и на «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, несмотря на то, что последний осознавал важность использования наиболее близких по времени летописных источников. В принципе он предпочитал «харатейные» (пергаменные) памятники более поздним, писанным на бумаге, но единственной «харатейной» летописью, относящейся к XV в. (его первым годам), была Троицкая, которую Карамзин использовал при изложении истории начала этого века. После окончания текста Троицкой главным источником о событиях XV в. для Карамзина стала Никоновская летопись XVI в., хотя к ее «вымыслам» и «баснословиям» при изложении более ранних событий он относился весьма скептически. Ему не были известны ни Симеоновская, ни Рогожский летописец, ни ряд других летописей, отражающих летописание XV века. Летописи, основанные на Новгородско-Софийском своде, почти не были использованы в его труде.

С. М. Соловьев, опираясь на те же летописи, что и Карамзин, в значительной степени возвращался к традиции Никоновской летописи и «Истории» Татищева. Не пересматривал летописных источников по истории XV в. и В. О. Ключевский.

Историки, писавшие после Шахматова, могли уже исходить из его открытий и построений, но коренного пересмотра истории XV в. в свете современных событий источников никто из историков не предложил. Л. В. Черепнин в книге «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.», исследовал происхождение и тенденции документальных источников XV в., дошедших до нас нередко в составе специально подобранных московских актов сборников, но в своем обобщающем труде «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» (М. 1960) привлекал летописи без аналогичного критического анализа. Он использовал ряд летописей, введенных в науку Шахматовым и другими учеными конца XIX — начала XX в. (Симеоновскую, Ермолинскую летописи, Рогожский летописец и др.), но уделил мало внимания проблеме соотношения этих памятников с другими. Рассказы о том или ином конкретном событии Черепнин разбирал сами по

себе, не учитывая генеалогии сводов, в которых они содержались; он, как и другие исследователи, не делал попыток разграничить между собой своды XV в. и официальные летописи последующего времени и часто, излагая конкретные события, ссылаясь на летописи XVI в. в подборку с летописями, современными событиями XV века. Следствием такого привлечения материала оказалось восприятие фактов в их «московской политической трактовке», от чего еще в 1940 г. предостерегал М. Д. Приселков ⁷.

Обращение к ранним и независимым летописным источникам, в противовес поздним и официальным, изменяет наши представления об основных фактах политической истории Руси XV века. Различие между летописанием конца XIV — начала XV в. и поздним, на которое опирались обычно историки, особенно ясно обнаруживается в тексте до 1390 г., идентичном в Троицкой летописи, Рогожском летописце и Симеоновской летописи.

Характерен в этом отношении рассказ о Куликовской битве. Способ использования источников в исторических трудах, посвященных этой битве, присущ и описанию последующих событий. Источники, близкие по времени — Троицкая летопись и сходные с нею в этой части Рогожский летописец и Симеоновская летопись, сообщают о том, что Куликовская битва была «великой победой» русских войск, но уделяют ей немного места. Летописи последующего времени отражают прежде всего постепенное осмысление этой победы. Чрезвычайно популярное в литературе известие о роли Сергия Радонежского в подготовке похода на Мамаю отсутствует в Троицкой летописи, Рогожском летописце и Симеоновской летописи, хотя самому Сергию свод конца XIV — начала XV в., лежащий в основе этих летописей, уделял значительное внимание. Краткое упоминание о благословении Сергием Дмитрия Донского перед битвой появилось лишь полвека спустя в Новгородско-Софийском своде, а рассказ об активном участии Сергия и отправке им двух иноков-воинов, как и другие подробности Куликовской битвы, вошедшие в летописи XVI в. и вслед за ними — в историографию, принадлежат уже «Сказанию о Мамаевом побоище», составленному, по всей видимости, в конце XV — начале XVI века ⁸.

Начиная с 1390 г. текст Троицкой летописи (свода 1408 г., составленного вскоре после смерти митрополита Киприана), известный нам по выпискам Карамзина, и текст Рогожского летописца и Симеоновской летописи (тверской редакции общерусского свода) расходятся: по-разному сообщают эти источники о присоединении Нижнего Новгорода в 1392 г. и о нашествии Едигея в 1408 году. Своеобразие рассказа тверской редакции заключалось в резком осуждении Василия за его лавирование между Ордой и Литвой и за уступки Орде; прямым следствием этой политики сводчик считал внезапное нападение Едигея. Рассказ тверской редакции — не только ценный источник, но и выдающийся памятник общественной мысли. Восходящий, видимо, к рассказу московского летописца, бежавшего в Тверь, текст тверской редакции отражает не специфически московскую и не тверскую, а общерусскую точку зрения: осознание необходимости единения перед лицом общей опасности ⁹.

Борьба за великокняжеский престол после смерти Василия Дмитриевича, разгоревшаяся между его сыном Василием II и братом Юрием, а после смерти Юрия — между Василием II и его двоюродным братом Дмитрием Шемякой, рисовалась в великокняжеском летописании второй половины XV и XVI в. как борьба законного государя с узурпаторами. Ту же трактовку восприняла и вся историография — вплоть до последнего времени. Черепнин видел сущность борьбы Василия II с его соперниками в том, что «крепнувшей великокняжеской власти, опиравшейся на служилое боярство, формирующееся дворянство, поддерживаемой горожанами, удалось подавить сопротивление удельно-княжеской и боярской оппозиции, шедшей из феодальных центров, которые отстаивали свою независимость». Юрий Дмитриевич, по мнению Черепнина, «явно хотел вернуться к тем порядкам, при которых любой князь мог получить от хана ярлык на великое княжение»; при Дмитрие Шемяке «борьба сторонников феодальной раздробленности против политики централизации происходит уже в неприкрытом виде» ¹⁰.

Наиболее ранний летописный памятник того времени — свод, отразившийся в Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях. Но в конечной части, охватывающей как раз интересующий нас в данном случае период, эти летописи уже не совпадают друг с другом. Софийская I старшей редакции обрывается на 1418—1422 гг.; младшая редакция этой летописи продолжена до 1456—1471 гг., но сплошное совпадение ее с Новгородской IV доходит только до 1418 г.; в Новгородской Карамзинской, обрывающейся на 1428 г., с Софийской I летописью совпадает еще известие 1425 г. о вступлении Василия II на великое княжение.

Новгородские летописи, кроме Карамзинской, умолчали о вступлении Василия в 1425 г. на престол; дальнейшие их сообщения о московских делах были весьма лаконичны. Под 1431—1432 гг. Новгородские I и IV летописи, как и Софийская I, сообщали о поездке Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича к «царю», т. е. в Орду, однако если в Софийской I утверждалось, что «царь... предасть княжение великое держати Василию Васильевичю», то новгородские летописи сообщали, что первоначально оба князя вышли «из Орды без великаго княжения» и лишь в 1432 г., «царь Махмет» дал «княжение великое князю Василию Васильевичю»¹¹. Псковские летописи утверждают, что в результате поездки в Орду обоих князей «княжения не взят ни един»¹². Тверская летопись тоже не говорит об успехе Василия в 1432 году¹³.

Об обстоятельствах спора в Орде в 1432 г. можно судить, к сожалению, только на основании великокняжеского свода, составленного не ранее 50-х годов XV в., уже после окончательной победы Василия II над галицкими князьями (Никаноровская, Вологодско-Пермская летописи). Однако, несмотря на тенденциозность этого источника (и всех его последующих отражений в великокняжеском летописании), он заслуживает особого внимания уже потому, что сообщает ряд подробностей, явно не вытекающих из общей тенденции и даже противоречащих ей. Таково, например, сообщение великокняжеского летописца, что Василий искал престола «по отчеству и по дедству», по «цареву жалованию» и царевым (ханским) «деветерем и ярлыком», а Юрий — «летописцы старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрия». Ясно, что приверженцы Василия II более определенно и настойчиво рассчитывали на «жалование великого царя», чем Юрий Дмитриевич¹⁴.

По-разному отразилась в летописях и дальнейшая борьба Василия с Юрием в 1433—1434 годах. Только в великокняжеском своде Василия Темного (Никаноровская, Вологодско-Пермская летописи) и зависевших от него летописях появился рассказ о том, что после первой победы Юрия в 1433 г. и ссылки Василия в Коломну к нему туда отъехали «многие люди». Даже в Софийской I летописи, отражавшей в этой части, по-видимому, общерусский Новгородско-Софийский свод, ничего об этом не говорится; упомянуто лишь, что «Юрьи Дмитриевичь оставя Москву и поехал в свою отчину»; далее описывается возвращение Василия в Москву, его поход на Галич и ответный поход Юрия на Москву, жители которой «отвориша ему град». О таком же поведении москвичей сообщали и псковские летописи, утверждавшие, что Василий напал на «дядю своего, а чрез мирную руку и правду».

В 1434 г. Юрий Дмитриевич умер на великокняжеском престоле; началась борьба Василия с сыновьями Юрия — сначала с Василием Косым, затем с Дмитрием Шемякой. Дальнейшие события, в ходе которых Шемяка захватил власть и ослепил Василия II, связаны со сражением под Суздаlem в 1445 г., когда Василий был побежден и пленен татарами, а в 1446 г. выпущен из плена за выкуп. Спустя несколько месяцев Дмитрий Шемяка пленил Василия II и захватил престол. В 1447 г. Василий Темный с помощью тверского великого князя Бориса отвоевал Москву и снова вернулся к власти.

Великокняжеские летописи, описывая события 1445 г., всячески подчеркивали отрицательную и даже предательскую роль Шемяки в борьбе с татарами: он не поддержал Василия во время Суздальской битвы, а затем якобы

хотел, да не успел вступить в переговоры с ханом. Однако в летописях, независимых от великокняжеского летописания¹⁵, нет известия о таких намерениях Шемяки. Интересное известие о событиях 1445 г. содержится в Тверской летописи. Через неделю после Суздальской битвы в Москве возник большой пожар; при этом мать великого князя София пыталась бежать в Тверь, а Дмитрий Шемяка заставил ее вернуться. А. А. Зимин, обративший внимание на это известие, сделал заключение, что в тревожное время, когда можно было ожидать нашествия татар, а великого князя в Москве не было, Шемяка как старший в роде возглавлял власть в городе и не допустил бегства великой княгини¹⁶.

Трудно сказать, имела ли версия о переговорах Шемяки с ханом (обычно принимаемая историками)¹⁷ реальные основания, но появилась она уже после окончательной победы Василия Темного и явно должна была противостоять другим известиям, получившим широкое распространение после возвращения Василия из плена. Об огромном «окупе», обещанном татарам самим Василием, сообщали и новгородские летописи, и псковские, и Тверская. Не мог умолчать об этом и великокняжеский свод, сообщивший, что хан отпустил Василия II, «утвердив его крестным целованием, что дать ему с себя окупу, сколько может». Именно эти уступки татарам и стали потом главным обвинением против Василия II при его низвержении с престола.

Новгородские летописи приводили такие слова его противников в 1446 г.: «Чему еси татар привел на Рускую землю, и города подавал им, и волости подавал еси в кормление?.. А злато и серебро и имение даешь татаром»¹⁸. Об этих обвинениях не мог не упомянуть и великокняжеский летописец; рассказывая о пленении Василия союзником Шемяки князем Иваном Можайским, он приводил его слова: «Се сотворихом христьянства дея и твоего окупа, видевши бо се татарове, пришедши с тобою, облегчат окуп». Не могла умолчать великокняжеская летопись и о том, что после освобождения Шемякой Василия Темного из ссылки в 1447 г. низверженный князь признал свою вину перед «всем православным христьянством, его же изгубих и еще изгубить хотел»¹⁹.

При таких обстоятельствах совершенно естественно, что после возвращения Василием себе великокняжеского престола ему необходимо было выставить против Шемяки контробвинения — в уклонении от участия в Суздальской битве и в несостоявшихся, но предполагавшихся переговорах с ханом. Первое из этих обвинений содержалось уже в составленной в 1447 г. грамоте духовенства к Шемяке, изгнанному из Москвы, но продолжавшему борьбу; однако здесь обвинения в переговорах с ханом не было²⁰ — оно появилось только в великокняжеском летописании.

Завершающие эпизоды борьбы с Шемякой, естественно, отразились в летописях, составленных уже после победы Василия Темного. Из них мы узнаем о гибели в 1453 г. Шемяки, бежавшего в Новгород. О подробностях отравления Шемяки, подстроенного великокняжеским дьяком Стефаном Бородатым, сообщали неофициальные летописи (Ермолинская, Львовская). Великокняжеское летописание умолчало об обстоятельствах смерти Шемяки, но сообщило, что он умер «напрасно» (внезапно) и что подьячий, сообщивший эту весть Василию, получил дьяческое звание²¹.

Сопоставление летописных памятников по истории борьбы за престол в 1425—1453 гг. выявляет сомнительность традиционной трактовки этих событий. Весьма популярный в историографии рассказ о том, что когда Юрий Дмитриевич в 1433 г. занял престол и отправил Василия в Коломну, все стали отъезжать к молодому князю, основывается на летописи Василия Темного, составленной после его победы; на этот же источник опираются историки, описывая перипетии борьбы Василия с Шемякой.

В своем посмертно изданном труде «Витязь на распутье» Зимин решительно пересмотрел характеристику сил, противостоявших в 1425—1453 годах. Он обратил внимание на то, что ни в одной из летописей нет никаких данных о том, что Василия II в его борьбе с соперниками поддерживало городское население; московские торговые люди

даже в великокняжеской летописи упоминаются как участники заговора Шемяки в 1446 году. Еще меньше оснований усматривать в политике соперников Василия — галицких князей — какие-либо проордынские тенденции. Юрий Дмитриевич, как отметил Зимин, еще в княжение своего брата воевал «татарскую землю» «никто же не помнит столь далече»; во время спора 1432 г. он ссылался не на «царево жалование», а на завещание Дмитрия Донского. Наконец, и в 1446 г. обвинения в потворстве «татаром» и в предательстве «христиан» адресовались Василию II²².

Отмечая особую роль Галицкого княжества и северных районов Руси, как территории, где существовало свободное крестьянство и развивалась соледобывающая промышленность, Зимин высказал мысль, что именно Юрий Галицкий, а затем Дмитрий Шемяка стремились к централизации Руси и были истинными наследниками дела Дмитрия Донского, поднявшими «знамя борьбы с татарскими насильниками»²³. Позволяет ли анализ летописных известий поддержать столь кардинальный пересмотр смысла событий? Ясно, что нет оснований видеть в галицких князьях представителей «удельно-княжеской оппозиции», но в то же время рассматривать их как носителей национальной идеи и сторонников централизации также нет достаточных оснований.

Идеи централизации Руси мы обнаруживаем не в программах князей-соперников, а прежде всего в Новгородско-Софийском своде первой половины XV века. Зимин, соглашаясь с выводом об едином (а не двухэтапном — на основе Полихрона Фотия) происхождении Новгородско-Софийского свода, пришел к выводу о его новгородском происхождении. Однако такое мнение противоречит общерусскому характеру свода и заметному в нем сочувствию митрополиту и великому князю в их столкновениях с Новгородом в конце XIV века²⁴.

А. Г. Бобров, также согласившийся с тем, что в основе Софийской I, Новгородских IV и Карамзинской летописей лежал один свод, считает его митрополичьим сводом Фотия, датируя 1418 годом. Однако этому, в свою очередь, противоречит содержание свода — обилие новгородских известий и систематическое подчеркивание новгородских вольностей — права новгородцев изгонять князей, нарушавших «наряд» — порядок отношений с Новгородом²⁵. Между тем, ни о каких симпатиях Фотия к Новгороду ничего не известно. Но после смерти Фотия в 1431 г. митрополия не прекратила своего существования. В 1434 г. митрополитом «на Рускую землю» был поставлен в Константинополе смоленский епископ Герасим, не поехавший в Москву, по словам псковского летописца, «зане князи руския воюются и секутся о княженъи великом на Руской земли»²⁶. Герасим был связан с Новгородом, архиепископ которого признал его главой русской церкви. Вполне вероятно, что и значительная часть московской митрополичьей канцелярии находилась в то время вне Москвы, где «секлись» князья из-за великокняжеского престола, — в Смоленске (при Герасиме) или в Новгороде.

Наряду с новгородскими известиями Новгородско-Софийский свод включал и ряд смоленских и развивал общерусские идеи свода 1412 года. Он настойчиво призывал «братьев»-князей к объединению; именно здесь появились развернутые рассказы о нашествии Батые, Куликовской битве, Дмитрии Донском. Выдвинутая неизвестным сводчиком смелая программа объединения русских земель при сохранении их автономии (в частности, новгородских вольностей — права изгонять неугодных князей) не осуществилась, но Новгородско-Софийский свод оказал огромное влияние на последующее летописание²⁷.

Ко времени Василия II относятся и важные перемены в судьбе русской церкви — начало ее автокефалии, независимости от Константинопольской патриархии. Повествуя об этих событиях, историки, как и в других случаях, опираются на великокняжеские летописи, составленные значительно позже описываемых ими событий. В этих летописях преемником умершего в 1431 г. митрополита Фотия с самого начала изображается рязанский епископ Иона. Герасим, занимавший, согласно современным тем событиям нов-

городским и псковским летописям, митрополичью кафедру в 1432—1434 гг., не упоминается совсем; об Исидоре, занимавшем кафедру в 1437—1441 гг., рассказывается лишь, что он с самого приезда в Москву «хотел итти в Рим на осмой собор», а в 1440—1441 гг. по возвращении с него был «обличен», заточен, а затем бежал «ко Тфери, а оттоле к Литве, да и к Риму». Под 1448 г. та же великокняжеская летопись сообщала о поставлении на митрополию Ионы «епископы русскими» и в связи с этим указывала, что Иона еще прежде «в Царьграде был о исыправлении митрополии», но патриарх тогда поставил митрополитом не его, а Исидора ²⁸.

Принимая эту версию, историки опирались, кроме великокняжеского летописания, еще и на грамоты Василия II, содержащиеся в Софийской II и Львовской летописях и в рукописных сборниках конца XV и XVI в. и адресованные (в разных вариантах) византийскому императору или патриарху, где упоминалась поездка (или поездки) Ионы в Константинополь. Но ни Софийская I летопись, ни новгородское, ни псковское, ни тверское летописание ничего не сообщают об этих поездках, и даже более поздние великокняжеские своды упоминают о его сношениях с Константинополем не под соответствующими датами, а задним числом — под 1448 годом ²⁹. Грамоты, упоминающие о поездке Ионы в Царьград, противоречат одна другой и имеют черты позднейшей фальсификации ³⁰. В обнаруженном недавно завещании Ионы при описании его деятельности ни словом не упоминается о его поездке в Константинополь ³¹. Что касается его предшественника Исидора, то деятельность его как митрополита отмечена в наиболее ранних летописях и документах: уже после Флорентийской унии и возвращения на Русь Исидор выступал как посредник в московско-тверском договоре ³².

О том, что уния была отвергнута на Руси, ничего не сообщали ни Софийская I летопись, ни тверское «Слово инока Фомы», несмотря на то, что в нем описывается поездка на собор посла великого князя Тверского. Наиболее раннее упоминание об отказе от унии содержится в Новгородской I летописи ³³.

Иона — сторонник Дмитрия Шемяки, помогавший ему в 1446 г. захватить детей Василия Темного, — был поставлен в митрополиты именно Шемякой и официально утвержден Василием лишь после того, как перешел на сторону последнего. Ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Твери Иона, не утвержденный патриархом, признан не был: ни в новгородских, ни в псковских, ни в Тверской летописях его поставление в 1448 г. не упоминается. Избрание Ионы не вызвало своевременной реакции патриарха, ибо в 1453 г. Константинополь был захвачен турками. Но в конце 60-х годов XV в. не только патриарх-эмигрант, находившийся в Риме, но и патриарх Дионисий, отвергший унию и оставшийся в Константинополе, признал законным «митрополитом всея Руси» киевского митрополита и заявил, что православная церковь «не имеет, а ни держит, а ни именует за митрополитов» Иону и его преемников ³⁴. Лишь после этого Иван III объявил «изрушившимся» греческое православие, открыв в дальнейшем путь к попыткам радикального переустройства русской церкви.

Присоединение Новгорода к Московскому государству получило в летописании одностороннее освещение. Новгород во время походов на него Ивана III в 1470—1471 и 1478 гг., когда была окончательно уничтожена республика, не имел союзников, так что все летописи, кроме новгородских, отражали, в большей или меньшей степени, враждебную ему позицию. Независимое новгородское летописание за вторую половину XV в. дошло до нас лишь в виде фрагментов. Большинство списков Новгородской IV летописи не переходило за рубеж 1447 г.; о событиях же 70-х годов XV в. сообщают лишь два ее списка, дополненные известиями до 1476 г. — Строевский и Синодальный. Все остальные известия о присоединении Новгорода содержатся лишь в официальном великокняжеском летописании, либо в неофициальном, но лояльном великому князю.

В историографии рассказ о походе 1471 г. обычно основывается на великокняжеских летописях 70-х годов XV в. (Никаноровская, Вологодско-

Пермская, Московский свод) и на особом сочинении «Словеса избрана от святых писаний о правде и смиренномудрии, еже створи благочестия делатель великий князь Иван Васильевич... и о гордости величавых мужей новгородских», созданном, видимо, в митрополичьей канцелярии во время самого похода на Новгород и сохранившемся в дополнительной части Бальзеровского списка Софийской I летописи³⁵. Оба эти рассказа были восприняты и воспроизводились в официальном летописании последующего времени.

Следуя версии московского летописания, историки объясняли поход 1471 г. тем, что новгородцы вступили в сношения с польским королем и великим литовским князем Казимиром, проявили склонность к «латинству» (католичеству или униатству), пожелав после смерти архиепископа Ионы получить благословение для нового владыки от киевского митрополита и пригласив в город киевского князя Михаила Олельковича. Роль вождя этой «литовской», или «латинской», партии приписывается обычно вдове посадника Борецкого Марфе. Важное место в построениях историков принадлежит договору Новгорода с Казимиром, содержащемуся в одном из московских рукописных сборников. Тайное посольство новгородцев к Казимиру, приглашение Михаила Олельковича и «церковное подчинение Литве» Черепнин рассматривал как неразрывно связанные между собою звенья единой политики, направленной на «переход под власть Литвы». Ю. Г. Алексеев также считает «обращение к Казимиру и приглашение Олельковича» результатом «деятельности литовской партии» — партии Борецкой³⁶.

Верность традиционной схемы впервые поставил под сомнение еще польский историк Ф. Папэ. Он обратил внимание на то, что Михаил Олелькович вряд ли мог прийти в Новгород по воле Казимира, так как отношения между ними были отнюдь не дружественными, и что договор Новгорода с королем отсутствует в своде документов Казимира — Метрике Литовской. Папэ пришел к выводу, что этот договор представлял собой лишь новгородский проект, не получивший утверждения со стороны короля³⁷. К. В. Базилевич и В. Н. Бернадский также считали, что приезд Михаила не мог быть связан с договором Новгорода с Казимиром, составленным уже позже отъезда Михаила из Новгорода³⁸. С определением договора как неосуществленного проекта согласились Зимин и А. Л. Хорошкевич³⁹.

Неофициальные летописи, даже враждебные Новгороду, не подтверждают традиционную версию московского летописания о событиях 1470—1471 годов. Несмотря на то, что в 1471 г. Псков был военным союзником Москвы, Псковская II летопись (в Псковской I летописи известий 1470—1471 гг. нет) говорит только, что Иван III пошел на Новгород, «хотя отмстити» ему «древняя нечести и многия грубости». О сущности же этих «нечестий» и «грубостей» она умалчивает, отсылая к «Рускому летописцу», — очевидно, к великокняжескому летописанию. Псковская III летопись, хотя и утверждает, что Михаил Олелькович «ис королевы руки новгородци испросен», никак не связывала его приезд со спором о владычном престоле и обвинениями в «латинстве». Более того, летописец точно указывал, что Михаил приехал в Новгород 8 ноября 6979 (т. е. в ноябре 1470) г., через три дня после того, как умер архиепископ Иона, — очевидно, решение о его выезде на Русь было принято еще до смерти Ионы. Обратившись из Новгорода «в Киев на свою отчину» Михаил Олелькович, согласно этой летописи, выехал в марте 1471 г., т. е. еще до объявления Иваном III войны Новгороду⁴⁰.

Северный (кирилло-белозерский) свод, отразившийся в Ермолинской и сходных летописях, тоже был враждебен Новгороду, постоянно нападавшему на белозерские земли, но ни о спорах с великим князем из-за поставления новгородского владыки, ни о Марфе Борецкой, ни о сношениях Новгорода с Казимиром и приезде Михаила Олельковича ничего не говорит⁴¹.

В Новгородской IV летописи вообще не упоминаются те обвинения,

которые выдвинул великий князь перед походом 1471 года. Рассказ о войне начинается здесь без объяснений: «Вверже князь великий Иван Васильевич нелюбие на Великий Новгород...»; никаких встречных обвинений против Ивана III здесь тоже нет. Составленный через несколько лет после поражения новгородский рассказ свидетельствует лишь об одном: об отсутствии единства в городе, о противоречиях между «большими» и «меньшими», сказавшихся даже во время Шелонской битвы ⁴².

В Новгородской IV летописи упоминается приезд Михаила Олельковича в 1470 г., но ничего не говорится о роли Казимира в его приглашении и о несогласии Москвы на него. Православных князей из литовской Руси приглашали в Новгород неоднократно, и протестов Москвы это не вызывало. Михаил Олелькович был вассалом и родичем Казимира, но еще более тесные узы связывали его с московским великим князем — он был двоюродным братом Ивана III, сыном сестры и активной сподвижницы Василия Темного. Старший брат Михаила Семен, по известию великокняжеской летописи, приезжал в 1451 г. в Москву. Когда же в марте 1471 г. Михаил покинул Новгород, пытаясь сменить умершего брата в качестве князя-наместника в Киеве, Казимир отверг его, ссылаясь на то, что дед Михаила «бегал на Москву и тым пробегал отчизну свою Киев». Спустя десять лет, в 1481 г., Михаил Олелькович был казнен Казимиром за заговор в пользу Москвы и выступление против католической «веры святой» ⁴³.

Нет никаких оснований предполагать, что политическая позиция Михаила в 1470 г. отличалась от той, которую занимала его княжеская фамилия до и после этого года. Нет оснований утверждать также, что киевская митрополия в это время «признала унию» с католической церковью, и Михаил приехал из «униатского Киева» ⁴⁴. За несколько лет до столкновения Ивана III с Новгородом константинопольский патриарх Дионисий (ученик знаменитого противника унии Марка Эфесского) признал законным «митрополитом всея Руси» именно киевского митрополита и отлучил от церкви московского.

Само существование в Новгороде «литовской партии», добивавшейся присоединения его к Польско-Литовскому государству, сомнительно. Прославленная в историографии Марфа Посадница (Борецкая) упоминается как «злая жена» — главная противница Москвы — лишь в явно легендарном рассказе «Словес избранных» и, гораздо лаконичнее, в великокняжеском летописании. Согласно Ермолинской летописи, муж Марфы Борецкой был сторонником Василия Темного и помог ему расправиться с Шемякой ⁴⁵.

Договор Новгорода с Казимиром, рассматриваемый обычно как документальное доказательство сговора «литовской партии» с королем, дошел до нас в сборнике, составленном, как убедительно показал Черепнин, в Москве и содержащем документы, обличающие врагов великого князя ⁴⁶. Текст его весьма странен: здесь нет имени «короля полского и великого князя литовского», с которым заключается соглашение, и датирован он 6989, т. е. 1481 годом, когда Новгород был уже окончательно присоединен к Москве. Даже если считать, что эта дата является опиской московского канцеляриста, датировка договора остается неясной.

Московские источники, рассказывающие о договоре Новгорода с Казимиром, расходятся в определении его даты. Согласно великокняжескому своду, он заключен был перед приездом Михаила, т. е. до ноября 1470 г.; «Словеса избранна» упоминают договор с Казимиром только в связи с Шелонской битвой в июле 1471 г., утверждая, что этот документ был найден в «кошевых выюках» новгородцев во время битвы. Вовсе не упоминал о новгородско-литовском договоре московский митрополит Филипп в своей обличительной грамоте марта 1471 г. против новгородцев, где перечислялись их вины перед великим князем ⁴⁷. Обращение Новгорода к Казимиру можно датировать именно временем накануне Шелонской битвы, когда, согласно Новгородской IV летописи, Новгород, действительно, «посла в Литву» послов через Ливонию, но магистр их не пропустил ⁴⁸.

Итак, ни приглашение Михаила Олельковича, ни договор с Казимиром

не могли вызвать поход Ивана III на Новгород. Единственным поводом можно было бы считать стремление части новгородцев обратиться за поставлением своего архиепископа не к московскому, а к киевскому «митрополиту всея Руси», но и это намерение не осуществилось — новоизбранный владыка Феофил был сторонником московского митрополита. Видеть главную причину войны 1471 г. в новгородской «измене» и «латинстве» можно только в том случае, если следовать тенденциозной и противоречивой версии официальных московских источников. Характерно, что при описании окончательного присоединения Новгорода в 1478—1479 гг. великокняжеское летописание обошлось без ссылки на «латинство» новгородцев.

Изложение обстоятельств гибели Новгородской республики строится в историографии на рассказах официального московского летописания; независимое новгородское летописание (Новгородская IV летопись) прерывается на 1477 году. Мотивировка похода 1478 г. в великокняжеском летописании представляется еще менее убедительной, чем объяснение похода 1471 года. Московский великокняжеский свод 1479 г., а вслед за ним и все последующие летописные памятники утверждают, что в марте 1477 г. новгородские послы подвойский Назар и дьяк Захар назвали Ивана III «государем»; в ответ на это он в апреле через своих послов запросил Новгород, «какого они хотят государства», но новгородцы «заперлись» (заперлись), «назвали то лжею» и на вече казнили своих послов. Далее в своде следует рассказ о походе на Новгород осенью 1477 — зимой 1478 г. и окончательной победе над ним.

Иван III действительно использовал историю с титулом «государь» как повод для войны; очевидно и то, что новгородское вече не давало санкции на такое титулование и сочло его провокацией. Но обращение к сравнительно недавно введенному в научный оборот более раннему великокняжескому своду 1477 г. обнаруживает, что и в Москве версия о том, что новгородцы сами назвали Ивана III «государем», возникла перед самым походом, и в 1477 г. ее в официальном летописании еще не было. В тексте свода 1477 г. упоминался приезд в марте новгородского посадника Захария Овинова и других новгородцев к великому князю для разбора судебных дел, — такого их рассмотрения в Москве, указывает летописец, «не бывало изначала, как земля их стала». Далее говорится о посылке в апреле в Новгород московских послов без всякого указания цели их миссии.

Сопоставление этого текста с текстом свода 1479 г. раскрывает, что известие о титуле «государь», данном новгородскими послами Ивану III, вставлено после изложения мартовских событий под вторично проставленной годовой датой 6985 (1477 г.) с повторением формулы «как земля их стала, того не бывало», а рассказ о расправе над послами в Новгороде вставлен с прямым нарушением хронологии — после изложения майских событий, идентичного сообщению свода 1477 года. Очевидно, перед нами вставки, сделанные уже после того, как началась война, и повод к ней нужно было провозгласить хотя бы задним числом ⁴⁹.

Присоединение земель Северо-Восточной Руси к Москве происходило и во второй половине XV в. и позже, но в большинстве случаев великие князья обходились без ссылки на «измену» и вообще без каких-либо оправданий. Так именно был присоединен Ярославль, а в начале XVI в. — Рязань. То же произошло и с Псковом. Для присоединения обширной Новгородской земли, имевшей вечевые традиции и собственные международные связи, московским властям требовались какие-то обоснования; недаром в 1471 г. Иван III взял с собой дьяка Стефана Бородатого, «умеюща говорити по летописцом Русским», вычитывая «измены давние» новгородцев ⁵⁰. Но это не обязывает историка доверять этим тенденциозным утверждениями великокняжеских политиков.

Как и при изложении истории предшествующего периода, описание историками освобождения Руси от ханской власти опирается на летописную традицию, сочувствующую великокняжеской власти. Но здесь возникал своеобразный историографический парадокс. Рассказывая о походе Ахмата

в 1480 г. и «стоянии на Угре», летописи — как официально-княжеские, так и неофициальные — сообщали, что великий князь колебался, вступить ли ему в сражение, и что в его окружении были сторонники компромисса с ханом. Однако историки XIX—XX вв. оказывались в этом случае более склонными защищать репутацию Ивана III, чем летописцы XV века. Объяснялось это отчасти тем, что многие летописи XV в., в том числе и наиболее ранние великокняжеские своды того времени, стали известны в историографии довольно поздно.

Больше всего привлекало внимание описание «стояния на Угре» в летописях XVI в. (Софийской II и Львовской). Описание это было сложным по происхождению: оно принадлежало своду 1518 г., использовавшему разные источники — великокняжеский свод, независимый рассказ ростовского происхождения, послание на Угру архиепископа Василия Ростовского и рассказ враждебного Ивану III церковного летописца⁵¹. Отмечая разнообразие источников, оразившихся в Софийской II и Львовской летописях, А. Е. Пресняков высказывал предположение, что и в официальных сводах XVI в., таких, как Воскресенская и Никоновская летописи, сохранились следы источников, враждебных великому князю⁵². Но уже Шахматов обратил внимание на летопись, отражающую ростовский свод конца XV в., чей рассказ об Угре был использован в Софийской II и Львовской в качестве одного из источников. Этот ростовский свод содержался в Типографской летописи. В нем упоминалось о колебаниях великого князя, но рассказ этот был вполне последовательным и, в отличие от рассказа Софийской II и Львовской летописей, не обнаруживал следов разных источников⁵³.

В 1949 г. был опубликован открытый Шахматовым Московский свод — официальная великокняжеская летопись конца XV века. Но и в ней рассказ об Угре оказался очень близким к рассказу Типографской и также упоминал о колебаниях великого князя⁵⁴. Базилевич утверждал, что рассказ Московского свода не мог быть рассказом великокняжеской летописи, ибо в нем, «при сдержанном отношении к Ивану III, допущены такие выражения о великой княгине Софии Палеолог, которые никак не могли иметь места в великокняжеской летописи»⁵⁵. В работах последних лет летописные известия об Угре привлекаются более полно и с учетом происхождения сводов, в которых они содержатся⁵⁶. Однако упоминание в великокняжеской летописи о колебаниях великого князя под влиянием «злых советников» продолжает вызывать недоумение историков.

Между тем упоминания о колебаниях и спорах во время «стояния на Угре», имеющиеся в самых различных источниках, никак не могут быть отвергнуты. О «прежних развратниках» Ивана III, советовавших ему «не противиться сопостатом», упоминается в послании ростовского архиепископа Вассиана⁵⁷, поведение которого по отношению к Ивану III было абсолютно лояльным и которого никак нельзя причислить к его противникам. Ростовская повесть об Угре (в составе Типографской летописи) вышла из той же среды, что и послание Вассиана, но нет оснований говорить о зависимости этой повести и других летописных памятников от послания Вассиана.

Достоверность известий о спорах и колебаниях во время нашествия Ахмата доказывается наличием этих известий в великокняжеских сводах во всяком случае уже в 90-х годах XV века. В основе сообщений великокняжеских сводов лежал ростовский рассказ, близкий к Типографской летописи, но с рядом важных изменений. И как раз они-то и объясняют, почему официальное летописание использовало ростовский рассказ. Великокняжеские летописцы, как и все остальные источники, упоминали о колебаниях Ивана III по той простой причине, что о них прекрасно знали современники. Удобнее поэтому было упомянуть об этих колебаниях, указав, что виноваты в них были «предатели христианские, а норовники бесерменские», которые советовали «государю на зло христианское».

Алексеев, признающий, что в окружении Ивана III могли быть «сторонники компромисса с ханом» и что «ропот московских горожан», требовавших отпора Ахмату, «действительно имел место», утверждает, однако,

что «удельно-клерикальная оппозиция» Ивану III состояла из его братьев и «клерикалов (в том числе и архиепископа Вассиана)»⁵⁸. Но братья Ивана, выступившие против него накануне нашествия Ахмата, пришли к нему на помощь во время «стояния на Угре» и сыграли важную роль в исходе событий, а Вассиан как раз призывал великого князя дать отпор хану. Между тем имена «злых советников» прямо называются летописями — это Григорий Мамон, упомянутый и в великокняжеском своде, Иван Ощера, а также лица, сопровождавшие Софию Палеолог в ее бегстве на Белоозеро, в том числе Василий Тучко. Тучко, как и великая княгиня София, которую он сопровождал, попал в это время в опалу.

Можно согласиться с тем, что «норовники бесерменские», о которых писали летописи и Вассиан, не были противниками великокняжеской власти — они выступали в соответствии с традиционной политикой московских князей, постоянно шедших на компромисс с ханами. Василий II не раз опирался на Орду и татарских «царевичей», и в победе Ивана III над Новгородом важнейшую роль сыграли войска татарского полководца Данияра. Призыв Вассиана в его послании отказаться от «клятвы», данной хану предками великого князя, отражал важное и новое явление в русской общественной мысли. Неудача и последующее отступление Ахмата реально уничтожили «клятву» хану. Меняя свою идеологическую политику, власть, как это часто бывает при политических переменах, возлагала вину за колебания на прежних советников. Сложившаяся после Угры новая политическая концепция русского суверенитета выразилась в закреплении в политической практике нового титула Ивана III — «великий князь всея Руси».

К концу 80-х годов XV в. прекращается неофициальное общерусское летописание; продолжают вестись только великокняжеские своды, местные летописи (в Пскове и частично в Новгороде) и краткие летописцы. Великокняжеские своды почти ничего не сообщают о внутривластной борьбе в конце XV века: они говорят лишь о противоречивых шагах Ивана III при определении себе наследника — внука Дмитрия или сына Василия. Ничего не упоминается в летописях о связи этой династической борьбы с идеологической; о том, что Дмитрий и мать его Елена были связаны с еретиками, действовавшими при дворе Ивана III, а Василий и София Палеолог — с их обличителями, сообщают только нелетописные источники. Но новонайденный краткий Вологодско-Пермский летописец подтверждает факт, который был известен прежде только по летописям более позднего времени, — конфискацию Иваном III в 1500 г. владычных и монастырских земель в Новгороде⁵⁹.

Эта конфискация, произведенная после коронации Дмитрия-внука в качестве наследника и великого князя венцом и бармами Мономаха, свидетельствовала, по-видимому, об успехе еретиков, стремившихся к реформационным мерам. А другой краткий летописец, из Погодинского собрания, доведенный до 1509 г., сообщает об обстоятельствах резкого изменения политики Ивана III, наступившего вскоре после возвышения Дмитрия, — о попытке Василия Ивановича «отъехать» от отца во время войны с Литвой и об уступке Ивана III, давшего великое княжение Василию, возвысившего Софию Палеолог и отправившего в заточение Дмитрия и Елену. Известие Краткого Погодинского летописца во многом неясно, но игнорировать сообщение этого раннего источника неправомерно⁶⁰.

Причины изменения политики великого князя неизвестны. Очевидны его колебания и неопределенность в целом церковной политики великокняжеской власти. Война с Литвой в 1499—1500 гг. велась во имя защиты «греческого закона», хотя белорусские и украинские приверженцы этого закона считали своим пастырем киевского митрополита, не являвшегося униатом. Для того чтобы иметь возможность считаться защитником православия в Белоруссии и на Украине, нужно было прежде всего примириться с иерерхами — своими и западнорусскими — и расправиться с еретиками, до этого пользовавшимися великокняжеским покровительством.

Резкое изменение политики Ивана III на пороге XVI в. означало, очевидно, отказ от его прежних планов. Именно поэтому политика его

в конце века не получила сколько-нибудь ясного отражения в великокняжеском летописании.

Факты политической истории Руси XV в., как они рисуются на основании наиболее ранних и наименее официальных летописных памятников, не подтверждают ту картину образования Русского государства, какая сложилась в советской историографии с конца 30-х годов. XV век обычно изображался как время победы прогрессивной централизованной монархии над феодальной раздробленностью. В основе таких построений лежал незаконченный набросок статьи Ф. Энгельса, озаглавленный публикаторами «О разложении феодализма и возникновении национальных государств»⁶¹, в которой он объяснял создание западных монархий в XV—XVI вв. усилением связей между отдельными землями и союзом королевской власти с городским населением. Хотя на Руси в XV в. такие явления не обнаруживались, все же делались попытки доказать усиление торговых связей и союз великокняжеской власти с городами, выявить черты сословно-представительной монархии и даже абсолютизма. Однако еще Г. В. Плеханов отметил, что самодержавный строй, складывавшийся на Руси, приобретал черты не столько западных, сколько восточных монархий того времени,— таких, как Османская империя⁶². Своеобразие русского самодержавия, сложившегося к концу XV в., требует специального исследования.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Ч. 1. Пг. 1922, стб. 44—186; т. 18. СПб. 1913, с. 22—159. Ср. ПРИСЕЛКОВ М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л. 1950.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1950; Псковские летописи. Вып. 1—2. М.—Л. 1941—1955.
3. ПСРЛ. Т. 4. СПб. 1848, с. 1—137; 2-е изд. т. 1, вып. 1. Пг. 1915; вып. 2. Л. 1925, с. 321—470; т. 5. СПб. 1851, с. 81—275; т. 6, СПб. 1853, с. 11—111; 2-е изд. т. 5. Л. 1925, вып. 1; Новгородская Карамзинская летопись.— Рукопись (ГПБ. Ф. IV. 603).
4. Новгородско-Софийский свод я склонен был прежде датировать, вслед за ранними работами Шахматова, 1448 годом. Однако наблюдения над Новгородской IV летописью дают основание полагать, что первая редакция этой летописи (Новороссийский и Голицынский списки) была составлена в 1437 г., при великокняжеском наместнике в Новгороде Григории Заболотском (ПСРЛ. Т. 4, 2-е изд., с. 453).
5. ПСРЛ. Т. 27. М.—Л. 1962, с. 17—161; т. 26. М.—Л. 1959, с. 9—243; т. 28. М.—Л. 1963, с. 96—142, 262—312; т. 25. М. 1949, с. 7—326; т. 18, с. 159—266. Московский свод 1479 г. (ГПБ, Эрмитажн. собр., № 4166) в первоначальной редакции не издан.
6. ПСРЛ. Т. 23. СПб. 1910, с. 1—161; т. 24. Пг. 1921, с. 1—203; т. 6, с. 119—262; т. 20, ч. 1. СПб. 1910, с. 39—395.
7. ПРИСЕЛКОВ М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л. 1940, с. 6.
8. ПСРЛ. Т. 4, 2-е изд., с. 311—325; т. 6; с. 90—111. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» (Сказания и повести о Куликовской битве. Л. 1982, с. 25—127) см.: ДМИТРИЕВ Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла.— Там же, с. 332—355; КУЧКИН В. А. Победа на Куликовом поле.— Вопросы истории, 1980, № 8, с. 7; е го же. Сергей Радонежский.— Там же, 1992, № 9, с. 85—86; Живая вода Непрядвы. М. 1988, с. 625—626.
9. ПСРЛ. Т. 15, стб. 177—185; т. 18, с. 155—159.
10. ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960, с. 743, 763; Ср.: АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск. 1991, с. 22, 35.
11. ПСРЛ. Т. 5. СПб. 1851, с. 262—276 (левая колонка); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 416—426; ПСРЛ. Т. 4, изд. 2-е, с. 433—444.
12. Псковские летописи. Вып. 1, с. 39—48; вып. 2, с. 126—137.
13. ПСРЛ. Т. 15. СПб. 1863, стб. 489—495.
14. ПСРЛ. Т. 26, с. 183—207; т. 27, с. 100—115. Ср. ПСРЛ. Т. 25, с. 246—269.
15. Исключением можно было бы считать Ермолинскую (ПСРЛ. Т. 23, с. 151—152), но рассказ о замысленных Шемякой переговорах с ханом отсутствует в других летописях,

- восходящих к общему с нею протографу (ПСРЛ. Т. 27, с. 272 и 346–347), и, вероятно, имеет в Ермолинской вторичное происхождение.
16. ПСРЛ. Т. 15, стб. 492; ЗИМИН А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М. 1991, с. 105–106.
 17. ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 787–788; ЗИМИН А. А. Ук. соч., с. 106–107.
 18. ПСРЛ. Т. 4, 2-е изд., с. 488. Ср. ПСРЛ. Т. 16. СПб. 1889, с. 189.
 19. ПСРЛ. Т. 26, с. 202, 204–205; т. 27, с. 112–113.
 20. Русский феодальный архив XIV первой трети XVI в. (РФА). Вып. 1. М. 1986, с. 104–105, № 19.
 21. ПСРЛ. Т. 23, с. 155; т. 20, первая пол. СПб. 1910, с. 262; т. 26, с. 213; т. 27, с. 118.
 22. ЗИМИН А. А. Ук. соч., с. 32, 108–109, 200–201. Ср.: ПСРЛ. Т. 26, с. 200.
 23. ЗИМИН А. А. Ук. соч., с. 68, 195.
 24. Там же, с. 137–138.
 25. БОБРОВ А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. ТОДРЛ. Т. 46 (в печати).
 26. Псковские летописи. Вып. 1, с. 43; вып. 2, с. 131.
 27. См. Festschrift F. von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Erlangen. 1982, S. 135–152.
 28. ПСРЛ. Т. 26, с. 192–194; т. 27, с. 106–107.
 29. ПСРЛ. Т. 26, с. 208; т. 27, с. 115. Дополненный текст в своде 1479 г.: ПСРЛ. Т. 25, с. 253–261, 266–267, 270.
 30. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 6., СПб. 1880, № 62 и 71; РФА, № 13. Ср.: ZIEGLER A. Die Union des Konzils von Florenz in der russischen Kirche. Würzburg. 1939, S. 102–107.
 31. РФА. Вып. 3., № 29, с. 649–654; ср. с. 644–645. Умолчание в завещании Ионы о его поездках в Константинополь никак не объяснили ни А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко (РФА, с. 646–648), ни Н. В. Сеницына (СИНИЦЫНА Н. В. Автокефалия русской церкви и учреждение московского патриархата (1448–1589 гг.). В кн.: Церковь, общество и государство в феодальной России. М. 1990, с. 128).
 32. Летописный свод XV в. В кн.: Материалы по истории СССР. Т. 2. М. 1955, с. 309; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. Л. 1950, № 37, с. 105–107; ср. ЧЕРЕПНИН Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М. 1948, с. 124–125.
 33. Новгородская первая летопись, с. 421–422.
 34. ЩАПОВ Я. Н. Восточнославянские и южнославянские книги в собраниях Польской народной республики. Т. 2. М. 1976. Приложение, № 52, с. 145–147; РИБ. Т. 6. СПб. 1880, № 100, стб. 708–711; ср.: МАКАРИЙ. История русской церкви. Т. 9, кн. 4. СПб. 1879, с. 36–38.
 35. ПСРЛ. Т. 26, с. 229–242; т. 27, с. 129–135. Ср. т. 25, с. 284–293. «Словеса избранна».— Там же, т. 6, с. 1–15; т. 20, первая пол., с. 283–296.
 36. ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 855–856; АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Москва и Новгород накануне Шелонского похода. В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 3(13). Л. 1989, с. 92–94.
 37. РАРЬЕ Fr. Polska a Litwa na przelomie wieków srednich. Т. 1. Kraków. 1904, str. 38–40.
 38. БАЗИЛЕВИЧ К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М. 1952, с. 92–96; БЕРНАДСКИЙ В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М. —Л. 1961, с. 270–273.
 39. Памятники русского права. Вып. 2. М. 1953, с. 260; ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М. 1980, с. 78.
 40. Псковские летописи. Вып. 2, с. 54–55, 172–185.
 41. ПСРЛ. Т. 23, с. 155–159.
 42. ПСРЛ. Т. 4, изд. 2-е, с. 446–449.
 43. ПСРЛ. Т. 26, с. 116; т. 27, с. 210; Акты, относящиеся к истории Западной Руси. Т. 1. СПб. 1846, с. 222; DŁUGOSZ J. Opera omnia. Т. 13. Cracoviae. 1878, str. 462; ПСРЛ. Т. 32. М. 1972, с. 162–163; т. 6, с. 233; т. 20, с. 348.
 44. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. «К Москве хотим». Закат боярской республики в Новгороде. Л. 1991, с. 42–43.
 45. ПСРЛ. Т. 23, с. 155.
 46. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. —Л. 1949, № 77, с. 129–132; ЧЕРЕПНИН Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1, с. 334–354.
 47. РИБ. Т. 6, № 102 (стб. 728–729).

48. ПСРЛ. Т. 4, изд. 2-е, с. 447; КАЗАКОВА Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л. 1975, с. 145-146.
49. ПСРЛ. Т. 25, с. 309; ср. т. 28, с. 140 и 311. Отвергая «мнение тех исследователей, которые считают сообщение Московской летописи позднейшей искусственной вставкой, т. е. фальсификацией», Алексеев («К Москве хотим», с. 121) игнорирует соотношение этих известий в сводах 1477 и 1479 гг., а между тем оно свидетельствует о вторичности интерполированного текста в Московском своде.
50. ПСРЛ. Т. 6, с. 192; т. 20, с. 294.
51. ПСРЛ. Т. 6, с. 222--232; т. 20, с. 336-347.
52. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Иван III на Угре. В кн.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб. 1911, с. 280—290.
53. ПСРЛ. Т. 24, с. 198-203.
54. ПСРЛ. Т. 25, с. 326—328.
55. БАЗИЛЕВИЧ К. В. Ук. соч., с. 120--123, 134-167.
56. См.: КЛОСС Б. М., НАЗАРОВ В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига в летописании конца XV в. В кн.: Древнерусское искусство XIV—XV вв. М. 1984, с. 283—313; АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л. 1989.
57. «Послание на Угру» входит в состав Софийской II, Львовской, Вологодско-Пермской летописей и более поздних сводов. Издание по отдельному списку конца XV — начала XVI в. см.: Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XV в. М. 1982, с. 522—537.
58. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига, с. 100, 121, 127—132.
59. КЛОСС Б. М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. В кн.: Летописи и хроники. М. 1976, с. 278—282. Ср.: Иоасафовская летопись. М. 1957, с. 138; ПСРЛ. Т. 12. СПб. 1901 (М. 1965), с. 249; Псковские летописи. Вып. 2, с. 252.
60. Археографический ежегодник за 1962 г. М. 1963, с. 443. То обстоятельство, что сообщение Краткого Погодинского летописца не вполне понятно и, возможно, дефектно, не оправдывает вывода, что это сообщение раннего летописца не может служить «серьезным источником» (АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Государь всея Руси, с. 203).
61. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 21, с. 406—416.
62. ПЛЕХАНОВ Г. В. История русской общественной мысли. Т. 1. М. 1914, с. 191; BARON S. Feudalism or the Asiatic Mode of Production? In: Windows on the Russian Past. Columbus. 1977.

Февральская революция в России (попытка многомерного подхода)

В. Л. Харитонов

Еще недавно особенностью нашего менталитета был одномерный подход к оценке исторических явлений. Между тем необходим многомерный подход при рассмотрении решающих событий, особенно таких сложных и эпохальных, как Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Наша литература о Феврале 1917 г. несет на себе влияние старых догм. Объективным видением среди работ 60—80-х годов выделяются монографии Э. Н. Бурджалова¹. Статья Г. З. Иоффе также отличается новыми подходами².

Вторая российская революция была исторически прогрессивна. Рухнуло 300-летнее господство династии Романовых. Произошло крушение царизма — одного из оплотов европейской и азиатской реакции. Конечно, царизм заметно ослабел по сравнению с тем, что представляла собой самодержавная Россия еще во второй половине XIX века³. Тем не менее русский монархический колосс оставался значительнейшей силой не только внутреннего порядка, но и мирового общественно-политического развития. Кроме того, Февральская революция в России — и это не оценено в должной мере в нашей литературе — косвенно причастна к падению монархических режимов в Германии и Австро-Венгрии, хотя подлинным режиссером этих событий являлась первая мировая война.

Другой аспект значения второй революции в России состоит в том, что она дала выразительнейший пример перехода общества от авторитаризма к демократии. Весомость этого образца для нашей страны и для мировой истории необъятно велика. С одной стороны, Россия приобрела широкие политические свободы. Казалось, перед ней открылась перспектива демократического развития. С другой — обнаружилась опаснейшая альтернатива дальнейшего движения, связанного с катастрофической ломкой социальных отношений.

В конечном счете Февральская революция очень быстро привела к Октябрю 1917 года. Характерно, что в среде русской эмиграции первой волны наряду с противопоставлением Февраля Октябрю преобладали, пожалуй, оценки второй российской революции как катастрофы. Вдумчивые русские мыслители видели истоки предстоящих катаклизмов в февральско-мартовских событиях. Один из них, И. А. Ильин, определял все происшедшее тогда как «февральское безумие»⁴. С этими оценками перекликаются мемуарные

Харитонов Владимир Львович — доктор исторических наук, профессор Украинской юридической академии. (Харьков).

реминисценции многих непосредственных участников революции из буржуазного лагеря, шокированных разгулом охлократии. Разумеется, подобные высказывания являлись следствием событий, происшедших после Октябрьской революции. Однако нельзя не отдавать отчета в том, что за негативным отношением к Февралю стояли серьезные объективные причины.

Необратимые последствия социальных потрясений послереволюционного периода были давно отмечены в мировой науке. Любая революция связана с сопротивлением старого общества, воспроизводящего себя в прямой борьбе, или с возвращением в том или ином виде идей и традиций прошлого. Еще И. Кант заметил, что мертвые управляют живыми. Эту мысль К. Маркс трансформировал в следующих словах: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых... они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»⁵.

Думается, что эту общую закономерность дополняла и усиливала слабость духовных предпосылок общественного развития России. В этом контексте поучительна аналогия с Великой Французской революцией. Она также являла собой попытку перехода от абсолютизма к демократии — перехода, принесшего, наряду с прогрессом, тяжелые издержки. Достаточно напомнить о якобинском терроре, 18 брюмера, реставрации французской монархии. В отличие, однако, от Февральской революции Французская несла с собой богатейшие демократические идеи, связанные с именами Вольтера, Руссо, Дидро и других выдающихся просветителей XVIII века. Это бесценное наследие оказало решающее влияние на дальнейшую трансформацию не только французской, но и всемирной духовной и общественной жизни.

В России к Февралю 1917 г. таких идейных предпосылок дальнейшего общественного развития было гораздо меньше. Здесь в той или иной форме получили распространение идеи революционного марксизма, что в начале XX столетия было характерно и для многих других стран. Реформистская концепция социальных преобразований в России (Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, И. А. Ильин и др.) лишь становилась на ноги.

Одной из причин трудностей переходного периода в России в 1917 г. являлась особенность социальной структуры российского общества: в нем не доставало среднего класса. Эта мысль, в частности, была высказана вскоре после революции Ильиным: «Западная демократия,— писал он,— держится на многочисленном и организованном среднем сословии и на собственническом крестьянстве... в России нет еще ни того, ни другого»⁶.

Первоочередным результатом Февральской революции наша литература считала сокрушение монархии не только как авторитарной системы, но и как отжившего политического института. Но не слишком ли категорично такое суждение? Историческая практика XX в. характеризуется высокой приспособляемостью монархических институтов, разумеется, усовершенствованных, во многих демократических странах. Их устойчивость в ряде европейских государств отвечает императивам исторических традиций, обуславливает политическую стабильность, стала неразрывной частью духовно-нравственной жизни общества. Что касается России, то здесь монархическая идея пронизала всю историю страны и отличалась большой прочностью. Идея целостности и жизнеспособности России в ее общественном сознании ассоциировалась и, собственно, сливалась с существованием монархии.

В свете этих соображений «отрицание» монархии в России в дни Февральской революции не было столь безусловным. Причем речь идет не только о верхах общества, которые отнюдь не мгновенно расстались с монархической идеей и в большинстве своем активно ее поддерживали. В среде пролетариата и особенно крестьянства, широких городских слоев не было единодушия в отношении монархии как таковой. Февральская революция развивалась под лозунгом «Долой войну!», а не «Долой царя!». Последний

лозунг был популярен среди радикально настроенных рабочих. Но часть рабочих испытывала колебания и даже стремление поддержать монархию. Уже на первом собрании Елисаветградского Совета рабочих депутатов 7 марта 1917 г. была принята приветственная телеграмма предполагаемому преемнику Николая II Михаилу Романову ⁷. Когда в железнодорожных мастерских в Харькове один из социалистов впервые сообщил рабочим, что царь свергнут, несколько рабочих стащили его с импровизированной трибуны ⁸. В Херсоне во время чтения губернатором манифеста об отречении Николая II часть рабочих, только что участвовавших в революционном шествии, встала на колени ⁹.

Верность монархической идее в более значительной степени была свойственна, естественно, крестьянству. Конечно, массовое участие солдат во второй российской революции было знаком поколебленной преданности крестьян царю. Однако вряд ли крестьянство тогда окончательно изжило царистские иллюзии ¹⁰. Более взвешенным представляется подход Г. Л. Соболева, считающего, что вера в царя в широкой массе крестьян не была утрачена в февральские дни ¹¹.

Сложный характер эволюции крестьянского сознания по отношению к царю тонко выразил глубокий знаток психологии русского крестьянства В. Г. Короленко. По его мнению, царизм «низвергало отсутствие привычной поддержки преданного прежде крестьянства» ¹². Царистская идеология крестьянства переживала переходное состояние. Расставание с монархической идеей у большинства «низов» русского общества происходило в связи с обострением гражданской войны, развязавшей террор и определившей тотальное разрушение личности.

Была ли Февральская революция неизбежной? Ответ на этот вопрос связан с проблемой исторического выбора России в начале XX столетия. Движение истории есть не только выражение объективной закономерности, но и результат сложной игры стихийных и сознательных сил, производной которой выступает конкретное историческое действие. Под углом зрения исторического выбора должна быть оценена и Февральская революция.

В нашей литературе на такую постановку вопроса ранее налагалось табу или, в лучшем случае, если говорить о России начала XX в., она была крайне сужена. Акцент на революционном пути был следствием острейших социальных противоречий и являлся, по существу, абсолютным. Характерно, что один из основательнейших исследователей третьеиюньской системы А. Я. Аврех исключал альтернативу мирного обновления России ¹³. Между тем столыпинское аграрное законодательство представляло собой пусть не завершённую, но попытку решить социальные задачи страны с помощью «революции сверху». Расклад социальных сил после первой российской революции содержал тенденции, питавшие эволюционные взгляды.

Вариантность развития России после 1905 г. была, таким образом, объективно присутствовавшей. Это признавал даже В. И. Ленин. «В истории бывали примеры подобной политики,— писал он по поводу столыпинских начинаний.— Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен!» ¹⁴. Политическая ситуация изменилась после начала первой мировой войны, когда в стране возникла революционная ситуация, наступил распад третьеиюньской системы. Вывод Авреха о безальтернативности исторического развития России в известной степени правомерен лишь в отношении новой исторической фазы кануна второй российской революции.

Разумеется, с высоты самосознания конца XX в., отрицающего правомерность войн и революций, неизбежность Февральской революции в России может показаться провалом, ошибкой истории. Но было бы элементарной исторической абберацией — многие, увы, в нее впадают,— размышлять о второй российской революции только под углом зрения настоящего, сегодняшнего. В России в начале XX в. действовали императивы объективного хода истории. В свете концепции, оставляющей возможность исторического выбора, предпосылки для революции были в России тогда более значительны, чем для реформ.

Исторический путь России, накрепко связанный с революционной борьбой против самодержавия, был основательнейше запрограммирован в нашей истории. Авторитаризм, произвол царизма многократно воспроизводил ответную волну ненависти и насилия. В России на протяжении веков сформировался образ действия и мышления, считавший насилие естественным способом движения к свободе, атрибутом общественного сознания. Российская интеллигенция в мыслях и деяниях отчетливо выразила эту характернейшую особенность отечественной истории. Это не было достоянием всего общества, будучи, однако, свойственно меньшинству (хотя и значительному) — декабристам, народникам, социалистам. Бердяев категорически заявлял: «Русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, и в ее психическом складе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции¹⁵».

Что касается реформистской возможности социальной трансформации России, то она была хрупка, уязвима. Конечно, реформы, последовавшие в 60-е годы XIX в., имели важное значение. Представляется, однако, что в нашей литературе несколько переоценивается роль Александра II в реформировании страны «сверху», будто бы прерванном народолюбивым террором, первомартовским покушением на царя. Социальная напряженность в стране, убеждение, что решать назревающие проблемы можно только силой, делали путь коренных общественных изменений с помощью революции в недрах романовской монархии более реальным. Идеи «Вех» в начале XX столетия стали неудавшейся попыткой нарушить историческую традицию в общественном сознании, повернуть его в сторону европейской модели развития. Но авторы «Вех» и их последователи остались в меньшинстве. В России было слишком много взрывных сил. Поэтому, несмотря на существовавшую до начала первой мировой войны возможность исторического выбора, Россия и встала снова на путь буржуазно-демократической революции в стране.

В порыве критики революционного прошлого России, чем полна современная публицистика¹⁶, утрачиваются его ценности, имеющие мировое значение. Прежде всего, оно создало замечательнейшую российскую интеллигенцию, подвергшуюся в «Вехах» (и сегодня!) энергичному осуждению. Не является националистическим или мессианским утверждение, что в тот период в России сформировался особый тип интеллигенции. Российскому интеллигенту, как никому другому, была свойственна идея бескорыстного служения народу, отечеству, чувство самоотверженности и самоотречения во имя лучшего будущего.

Громадное, еще не измеренное в полной мере влияние оказала российская интеллигенция, взращенная революционно-демократической эпохой, на развитие отечественной и мировой культуры. С нею связан Золотой и Серебряный века русской литературы, расцвет музыки и живописи, рождение русского авангарда, возникновение и взлет русской философской мысли. В этом своеобразии исторических судеб страны: быть ареной острейших социальных схваток и в то же время принести миру непреходящие ценности в области культуры. А может быть, острейшие общественные противоречия в России и были первостепенной предпосылкой ее культурного взлета?

Определяя историческое место Февральской революции следует отказаться от некоторых сложившихся в нашей историографии стереотипов. Это прежде всего относится к тезису «Февраль — пролог Октября». Да, объективно так случилось: вторая революция в России проложила дорогу третьей, укрепив и вооружив пролетариат, усилив большевистскую партию. Однако указанный выше тезис объединяет разные по своим целям революции: Февральская открывала путь к демократии, Октябрьская дала старт тоталитарному режиму. Кроме того, тезис «Февраль — пролог Октября» подрывает возможность поиска исторической альтернативы, выстраивает некую непреложную закономерность, отрицает иные перспективы развития страны.

Затрудняет поиск исторической истины и тезис, что вторая российская революция была началом превращения империалистической войны

в гражданскую. Во-первых, Февральская революция оказалась гражданской войной в весьма ограниченных масштабах. Такой характер события приняли, собственно, в течение двух дней, и лишь в Петрограде. На огромной периферии России революция развивалась бескровно. Мирный характер имели события в стране в первые недели после Февральской революции. Примечательно, что прибывший в апреле 1917 г. из эмиграции Ленин исключал возможность применения оружия против Временного правительства. Провозглашенный им в 1914 г. лозунг гражданской войны был снят с повестки дня внутри России. Во-вторых, утверждение, что Февральская революция стала началом гражданской войны, предполагает идеологизированный подход к историческому процессу. В ленинизме периода первой мировой войны идея превращения империалистической войны в гражданскую занимала центральное место, смыкаясь с теорией мировой революции. Оценка второй революции в России в контексте гражданской войны сообщает событию определенную заданность, закономерность, что противоречит вариантности естественно-исторического развития, прежде всего проявлению в нем стихийности.

Стихийность занимала весьма важное место в историческом процессе. Историческое творчество масс было главным образом выражением действия стихийных сил массового движения. С развитием капитализма, с ростом политической организации общества возросла роль субъективного фактора, увеличилась роль сознательности в процессе общественного обновления. Однако проявления стихийности по-прежнему составляли серьезную величину. Дихотомия стихийности и сознательности — неперемное содержание любого переходного периода от авторитарности или тоталитарности к демократии, в том числе в России в исторической полосе трех революций. Более того, в России в начале XX в. роль стихийности неизмеримо возросла. Она во многом определила исторический выбор страны: стихийность и сознательность масс стали одним из выражений объективных и субъективных предпосылок общественного развития. Нельзя не принять во внимание, что стихийность составляет одну из особенностей русского духовного строя, что, в частности, было отмечено Бердяевым¹⁷.

Вторая российская революция отразила сложное взаимодействие стихийных и сознательных сил революционного процесса. С одной стороны, ведущая роль рабочих сообщила ей более организованный характер по сравнению с предшествовавшими революциями в мировой истории. С другой — налицо мощные стихийные силы революции. Неслучайно Ленин считал легкость победы Февральской революции результатом простого взрыва «народного возмущения»¹⁸. Со стихийным массовым взрывом в феврале 1917 г. связана быстрота «восьмидневной» революции.

В нашей литературе при изучении Февральской революции фактор стихийности долгое время вообще отвергался, революция в угоду концепции «руководящей роли партии большевиков» всячески заорганизовывалась. Такой подход преграждал путь к исследованию динамики роли пролетариата в революции, глубоких истоков революционного оборончества.

Впервые вопрос о роли стихийности в Февральской революции был поставлен в середине 60-х годов Э. Н. Бурджаловым и П. В. Волобуевым. Однако вскоре изучение этой стержневой проблемы было свернуто. Это было следствием ряда проработочных решений начала 70-х годов. Сделанные после этого в некоторых работах заключения означали шаг назад в изучении проблемы. Переход солдат на сторону революции 27 февраля рассматривался не как стихийный взрыв, а как итог революционной агитации в казармах¹⁹. Вторая российская революция характеризовалась как содержащая лишь «элементы» стихийности²⁰. В качестве ведущей черты освободительного движения в России на буржуазно-демократическом этапе выступало «неуклонное нарастание сознательного и преодоление стихийности в массовом революционном движении»²¹. Таким образом, исследовательская мысль приближалась к признанию необходимости исключения стихийности из революционного процесса.

В действительности начало Февральской революции было мощным

стихийным взрывом. Побудительной причиной массового возмущения послужила нехватка продовольствия в Петрограде. В зарубежной литературе на этой основе возникла версия о Февральской революции как голодном бунте. Но это несостоятельный вывод. Глубинные предпосылки революционного взрыва в начале 1917 г. были налицо: острый политический и экономический кризис в стране. «Продовольственный вопрос» в столице явился лишь детонатором к мощному заряду, пороховой бочке недовольства, накопленного в недрах империи.

Особенностью Февральской революции, вопреки распространенному ранее в нашей литературе представлению, было именно нарастание стихийности. Верно, что одновременно усиливалась роль сознательных начал, благодаря возраставшему участию в революции различных политических партий и групп. Но это не перечеркивает главной тенденции к стихийности. Она многократно возросла с переходом 27 февраля на сторону революции многотысячных солдатских масс. Нарастание стихийности снизило значение революционной инициативы пролетариата, и в начале марта ведущая роль петроградских рабочих оказалась в значительной мере утраченной. Стихийность стала благоприятной почвой для возникновения и расцвета революционного оборончества в первые недели после революции.

При объяснении причин образовавшегося в результате Февральской революции двоевластия в нашей литературе фигурировало канонизированное указание на недостаточную сознательность и организованность пролетариата. В развитие этого тезиса говорилось об изменениях в структуре рабочего класса, происшедших за годы первой мировой войны, об эмиграции и репрессивном подавлении левых социалистических партий, прежде всего большевиков. Подобное объяснение страдало односторонностью, не учитывало другие силы революции и, таким образом, не проникало в глубь явления.

С конца 70-х годов причины двоевластия стали выводиться из тезиса Ленина о поднявшейся в дни Февральской революции гигантской мелкобуржуазной волне, которая «захлестнула все»²². Но, во-первых, уязвимо само понятие «мелкобуржуазная волна»: оно абсолютизирует классовый подход к изучаемому явлению. Во-вторых, вызывают сомнение социальные границы этого понятия. Две трети российского крестьянства, составившего костяк перешедшего на сторону революции петроградского гарнизона, было беднейшим, что не дает оснований причислить его к мелкой буржуазии. Среди солдат находилось и немало рабочих. Было бы догматическим анахронизмом зачислять в мелкую буржуазию широкие слои интеллигенции, солидаризовавшейся с революцией, а также различные городские слои. Представляется, что следует применительно к Февральской революции говорить о стихийной народной волне, поднявшейся в те дни.

Первостепенной предпосылкой появления двоевластия была русская буржуазия. К подобному выводу, собственно, ведет тезис о недостаточной сознательности и организованности пролетариата в февральско-мартовские дни 1917 года. Другая сила революции — буржуазия — оказалась несравненно более подготовленной к взятию власти. Речь идет, таким образом, о переносе акцентов при анализе проблемы. Если раньше при объяснении двоевластия упор делался на неподготовленность пролетариата, то теперь акцент следует ставить на готовность его антипода, буржуазии, которая была «почти» совсем у власти еще до февраля.

Такой подход отнюдь не меняет сложившегося в литературе представления, что русская буржуазия не хотела революции. Об этом было заявлено в «Вехах», об этом многократно говорили популярные лидеры буржуазии накануне революции. Политическая платформа русской буржуазии была диаметрально противоположна радикальным взглядам левых социалистических партий на революцию в России. Однако, когда Февральская революция стала побеждать, буржуазия поспешила воспользоваться ее результатами. Этот процесс имел противоречивый, небезоговорочный характер, с пристальной оглядкой на массы. Тем не менее 27 февраля буржуазия создала «правительство» — Временный комитет Государственной думы —

почти одновременно с образованием Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. На периферии буржуазные общественные комитеты, как правило, возникли раньше Советов.

Таким образом, буржуазия сыграла роль хотя и «невольной», но движущей силы в ходе второй российской революции. Это и привело ее к власти. Характерно, что Ленин, идя по следам событий, с определенностью констатировал неизбежность прихода к власти буржуазии, а не пролетариата. «Предполагать,— отмечал он,— чтобы через несколько дней борьбы массы взяли власть в свои руки было бы утопией. Этого нельзя было сделать при наличии буржуазии, которая превосходно была подготовлена к принятию власти»²³.

Вторая российская революция заявила о себе новым соотношением между центром страны, столицей и периферией. Исторический опыт буржуазно-демократических революций в Западной Европе и прежде всего революции 1848 г. во Франции убеждал, что баланс сил между политическим центром революции и реакционными силами в провинции складывался в пользу последней и вел к контрреволюционному подавлению массового движения. Такая расстановка сил нашла выражение в поговорке: «В провинции большие роялисты, чем сам король». Будучи реакционной Вандеей, французская провинция вновь дала о себе знать в период Парижской коммуны, послужив одной из решающих причин ее поражения.

Историческая практика второй российской революции оказалась иной. Периферия быстро и довольно решительно поддержала революцию в Петрограде. Более того, революция на местах кое-где зашла дальше, чем в столице, о чем свидетельствует большая роль Советов. Сопротивление революции на местах в целом было слабым. Можно выделить два периода в этом процессе: первый — от получения известий о революционных событиях в Петрограде до отречения Николая II, когда имело место в общем незначительное противодействие революции, и второй — после отречения царя от престола, когда такое сопротивление почти исчезло.

В этой связи заслуживает внимания подвергавшийся ранее критике тезис о Февральской революции в провинции как «революции по телеграфу». Этот тезис хорошо выражает механизм революции на местах. Во-первых, известная телеграмма комиссара Временного комитета Государственной думы А. Бубликова о том, что Дума взяла в свои руки создание власти, а также газетные сообщения о событиях в Петрограде стали сигналом для начала революции на местах. Во-вторых, термин «революция по телеграфу» указывает на слабость сопротивления реакции на огромных просторах страны. Такая роль периферии в Февральской революции высветила зрелость, основательность происшедшего социального взрыва. Резкая грань между центром и периферией, свойственная XVIII—XIX вв., начинает здесь уступать большей целостности исторического развития в масштабе страны.

Образование двоевластия в провинции состоялось в течение одной — двух недель после 27 февраля — кульминации февральско-мартовских дней 1917 года. Некоторый разрыв во времени между событиями в центре и на периферии обусловил существенную особенность революции. Если в столице России она развивалась главным образом под лозунгом «Долой войну!», то в провинции революция происходила в условиях нараставшего революционно-оборонческого угара. «Революция — для победы в войне», — таков был подтекст и нередко прямой лозунг многих мартовских событий на местах. С этим связан парадный во многих случаях характер победы революции на периферии.

Сегодня достаточно наивно звучат догматические утверждения прежней литературы, что партия большевиков была во главе второй российской революции. Мощный стихийный взрыв 23 февраля 1917 г. застал врасплох большевиков (как и другие политические силы), хотя они и готовили революцию задолго до ее свершения. Кроме того, необходимо учитывать новую точку зрения на историю РСДРП, рассматривающую деятельность ее фракций в контексте единой социал-демократической партии,

действовавшей в таком качестве по меньшей мере до Апрельской конференции²⁴. Такой подход ставит вопрос о функционировании в РСДРП объединенных партийных организаций накануне и в период революции, особенно на периферии. Это было закономерным явлением в истории РСДРП, в которой на определенных началах действовали различные фракции.

В связи с этим на первый план выдвигается необходимость исследования и других, кроме большевиков, фракций РСДРП (меньшевиков, межрайонцев), пристального изучения деятельности эсеровской партии. Это позволит выявить определенное звено демократического фронта левых сил накануне и в ходе революции и преодолеть догматическое представление, что только одни большевики двигали революцию вперед. Так, еще сравнительно недавно прямо утверждалось: «Только большевистская партия с первых дней после выхода из подполья призывала рабочий класс и его союзников к продолжению революционной борьбы»²⁵.

История возникновения и развития демократического фронта накануне и в период Февральской революции требует изучения практики левого блока, формировавшегося на основе соглашения между левыми политическими партиями в России. Это наименее исследованная страница второй российской революции, особенно в февральско-мартовские дни, когда такой блок сложился стихийно.

Оценивая место РСДРП в Февральской революции, нельзя пройти мимо замечания Л. Д. Троцкого, что из-за трудных условий нелегальной работы в годы первой мировой войны фракция большевиков испытала серьезные потери в своем влиянии на массы в первые недели после революции²⁶, и, естественно, в ходе самой революции. Тем не менее большевики по численности в февральско-мартовские дни в Петрограде преобладали по сравнению с другими партиями и фракциями. По прикидкам В. И. Миллера, большевиков в эти дни в столице насчитывалось 2,5 тыс., эсеров — около 500, межрайонцев — 150—400, меньшевиков-интернационалистов — 120—150²⁷.

Новому подходу к истории Февральской революции призвано послужить изучение сохранившихся мемуаров. Воспоминания ее участников и современников до сих пор использовались односторонне: в научном обороте явно преобладали свидетельства большевиков. Между тем воспоминания членов других левых партий представляют интерес: они помогут воссоздать многокрасочную картину революции, воспроизвести различные стороны социальной психологии ее участников. Далеко неполно использованы в нашей литературе воспоминания представителей буржуазного лагеря. В этой связи совершенно оправданна наметившаяся в последнее время тенденция издавать «февральскую» мемуаристику. Причем это — в основном литературные раритеты, сосредоточенные в очень немногих книгохранилищах страны. Характерно и стремление расширить круг источников за счет мемуаров деятелей различных политических партий²⁸.

Примечания

1. БУРДЖАЛОВ Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М. 1967; его же. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М. 1971.
2. ИОФФЕ Г. З. Февральская революция. Крушение царизма. — Вопросы истории КПСС, 1990, № 10—11.
3. Подробнее об этом см.: ТЮТЮКИН С. В. Война, мир, революция. М. 1972, с. 131—134.
4. ИЛЬИН И. А. О сопротивлении злу. — Новый мир, 1991, № 10, с. 217.
5. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 8, с. 119.
6. ИЛЬИН И. А. Ук. соч., с. 217.
7. Голос Юга, Елисаветград, 8.III.1917.
8. См. 1917 год в Харькове. Сб. статей и воспоминаний. Харьков. 1927, с. 99.
9. См. СОРОКИН И. Февральская революция в Херсоне. — Пролетарская революция, 1926, № 2, с. 102—103.
10. См., напр., ПОКРОВСКИЙ Г. Мирская и монархическая традиция в истории российского крестьянства. — Новый мир, 1989, № 9, с. 22.

11. СОБОЛЕВ Г. Письма из 1917 года.— Коммунист, 1989, № 15, с. 6.
12. КОРОЛЕНКО В. Г. Земли, земли! Мысли, воспоминания, картины.— Новый мир, 1990, № 1, с. 191.
13. АВРЕХ А. Я. Крушение царизма и миф о реформистской альтернативе.— Коммунист, 1987, с. 55; е г о же. Царизм накануне свержения. М. 1989, с. 244; и др.
14. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 17, с. 31.
15. Вехи. М. 1990, с. 22.
16. См., напр., у Ю. Ф. Карякина: «Я понял ложь всех революций в истории» (Неделя, 1991, № 23); А. Василевский пишет, что русские революционеры должны были «предвидеть последствия своей разрушительной работы..., о которой не менее ста лет предупреждали лучшие умы страны» (Новый мир, 1991, № 2, с. 255); и др.
17. БЕРДЯЕВ Н. А. Русская идея. В кн.: О России и русской философской культуре. М. 1990, с. 218.
18. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 456.
19. Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М. 1979, с. 110—111.
20. Там же, с. 296; ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. О некоторых проблемах историографии второй русской революции.— Вопросы истории КПСС, 1977, № 2, с. 53.
21. Проблемы гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. М. 1975, с. 303.
22. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 156.
23. Там же, с. 377.
24. См. ШЕЛОХАЕВ В. В., ФИЛИППОВ Р. В., БЛИНОВ Н. В., АЛУФ И. А. К разработке концепции дооктябрьского периода истории КПСС.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 12.
25. Непролетарские партии в России. М. 1984, с. 233.
26. ТРОЦКИЙ Л. Д. К истории русской революции. М. 1990, с. 346—347.
27. Вопросы истории КПСС, 1980, № 8, с. 138.
28. Крушение царизма. Воспоминания активных участников революционного движения в Петрограде. 1907 г. февраль 1917 г. Л. 1986; Год 1917. Россия. Петроград. М. - Л. 1987; и др.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Николай I

Т. А. Капустина

Вряд ли найдется в российской истории более одиозная фигура, чем Николай I. Historики единодушно считают его царствование периодом самой мрачной реакции. «Время Николая I — эпоха крайнего самоутверждения русской самодержавной власти... в самых крайних проявлениях его фактического властвования и принципиальной идеологии», — так характеризует николаевское царствование видный либеральный историк А. Е. Пресняков¹. Образ «жандарма Европы», «удава, 30 лет душившего Россию», «Николая Палкина» встает перед нами со страниц произведений А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Л. Н. Толстого. При имени Николая I в памяти всплывают хрестоматийные строки из «Былого и дум»: «Он был красив, но красота его обдавала холодом; нет лица, которое бы так беспощадно обличало характер человека, как его лицо. Лоб, быстро бегущий назад, нижняя челюсть, развитая за счет черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное — глаза, без всякого милосердия, зимние глаза»². Казалось бы, все ясно в этом цельном прямом характере, раз и навсегда дана оценка исторической роли Николая I. Но не все так просто.

Со второй половины XIX в. и особенно после октябрьского переворота 1917 г. начали раздаваться голоса русских историков и философов: И. Ильина, К. Леонтьева, И. Солоневича, по-иному оценивших личность Николая I и значение его царствования для России. Они видели в нем «рыцаря монархической идеи», «первого самодержца после Петра», сумевшего удержать империю на путях ее самобытного исторического развития, несмотря на разгоравшееся в Европе пламя революций. Наиболее последовательно этот взгляд выражен в сочинениях философа К. Н. Леонтьева, назвавшего Николая I «истинным и великим легитимистом», который «был призван задержать на время... всеобщее разложение»³, имя которому — революция. Так кем же был самодержец, чье имя неразрывно связано с целой эпохой в политической, общественной и культурной жизни России — «душителю свободы» и деспот или же его личность заключала в себе нечто большее? Ответ на этот вопрос тесно связан с тем спором о судьбах России, о путях ее развития, о ее прошлом и будущем, который не затихает уже второе столетие.

Жизнь Екатерины II клонилась к закату, когда 25 июня (6 июля) 1796 г.

Капустина Татьяна Александровна — историк-архивист.

она была извещена о рождении третьего внука. У великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны родился сын Николай. С первых дней он удивлял окружающих своим физическим развитием: «Голос у него бас; и кричит он удивительно; длиною он — аршин без двух вершков, а руки немного поменьше моих. В жизнь мою — в первый раз вижу такого рыцаря», — сообщала Екатерина своему постоянному корреспонденту барону Гримму о новорожденном. В тех же письмах она, точно предугадывая будущее Николая, говорит: «Я стала бабушкой третьего внука, который, по необыкновенной силе своей, предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него и есть два старших брата»⁴.

В отличие от своих старших братьев — Александра и Константина, воспитание которых целиком взяла на себя бабушка, Николай и его брат Михаил росли в атмосфере чинного двора своей матери — императрицы Марии Федоровны. По свидетельству современников, женщина добрая и неглупая, она, однако, была чрезвычайно строга, по-немецки педантична и требовала от своих детей соблюдения всех тонкостей придворного этикета. В раннем детстве встречи с матерью вызывали у Николая чувство страха и стеснения, и только позже, в годы юности, между ними установились теплые, сердечные отношения. Напротив, император Павел, лишенный в детстве родительской ласки, находясь в детской комнате, сбрасывал с себя обычную строгость и превращался в отца, страстно привязанного к своим младшим детям. Он баловал сыновей, называл их «мои барашки, мои овечки». Но 11 марта 1801 г. заговорщики убили Павла. В это время Николаю шел уже пятый год и в его душе остались смутные воспоминания о страшном конце отца.

Первые 7 лет жизни Николая его няней была англичанка Е. В. Лайон, которую он называл «няня-львица». Женщина смелого и решительного характера, вместе с тем нежная и добрая, она оказала большое влияние на формирующийся характер великого князя. Под ее неусыпным наблюдением Николай вырос настоящим богатырем, поражая окружающих здоровьем и решительным характером.

С 1802 г. началась пора учения великого князя, и он переходит из рук женских в ведение гувернеров или, как их тогда называли, «кавалеров». Главным его воспитателем становится М. И. Ламсдорф, не имевший ни педагогического опыта, ни каких-либо общеобразовательных взглядов. Это был суровый служака, имевший жесткий характер и черствое сердце, типичный представитель бытовавшей тогда системы воспитания, широко применявшей телесные наказания. Впоследствии в своих записках Николай откровенно рассказывал о себе и брате Михаиле: «Граф Ламсдорф умел вселить в нас одно чувство — страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий. Сей порядок лишал нас совершенно счастья сыновнего доверия к родительнице, к которой допускаемы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспременная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было и, должно признаться, что не без успеха. Граф Ламсдорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а частью — и незаслуженное. Одним словом, страх и искание, как избегнуть от наказания, более всего занимали мой ум. В учении я видел одно принуждение, и учился без охоты. Меня часто и, я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко граф Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков»⁵. Иногда Ламсдорф, не ограничиваясь тростником, пускал в ход линейку и даже оружейный шомпол. Великий князь находился постоянно как бы в железных тисках; не смея свободно ни встать, ни сесть, ни ходить, ни говорить. Он не смел, как обыкновенный ребенок, резвиться и шалить в присутствии взрослых. Обладая вспыльчивым, живым характером, Николай с трудом переносил такое обхождение. Он становился

грубым, заносчивым. Журналы его воспитателей пестрят сведениями о том, что «в своих играх он почти постоянно кончает тем, что причиняет боль себе и другим», что ему свойственна «страсть кривляться и гримасничать»⁶. Подстрекая остроумного Михаила к насмешкам в отношении окружающих, он, когда доходило дело до него лично, не сносил никакой шутки, казавшейся ему обидною. Поэтому его игры с товарищами часто переходили в драку. Раз Николай, испуганный пушечной пальбой, спрятался за альков, и когда товарищ его игр Владимир Адлерберг, отыскав его там, стал насмеяться над ним, как над трусом, он с такой силой ударил своего друга ружейным прикладом, что у того остался шрам на всю жизнь.

Однако в детской душе Николая стремление повелевать, настойчивость и упрямство сочетались с сердечной добротой, прямоотой и честностью характера. Ему был свойствен дух товарищества, выразившийся впоследствии в верности своим союзникам. Крепкая дружба соединяла его с младшим братом Михаилом и сестрой Анной. Любимым занятием младших Павловичей были военные игры: солдатики, постройка крепостей. Из всех музыкальных инструментов Николай отдавал предпочтение барабану. Среди ночи великие князья вскакивали с постели и часами стояли с игрушечными ружьями на карауле.

Борьба с воинственными наклонностями младших сыновей составляла одну из главных забот Марии Федоровны. Она настаивала, чтобы дети носили штатское платье и как можно больше занимались науками. Но из всех учебных занятий Николай предпочитал уроки полковника Джанотти — военного инженера, а также уроки физики и рисования, к которому у великого князя была особенная склонность. Позднее он настолько усовершенствовался в этом искусстве, что научился гравировать свои рисунки.

К гуманитарным наукам великий князь не испытывал никакого влечения. Написать сочинение было для него совершенно непосильным трудом. Неприязнь к греческому и латыни настолько внедрилась в его сознание, что, став отцом семейства, он исключил эти предметы из программы воспитания своих детей.

С 1809 г. императрица-мать удаляет от своих сыновей их товарищей и решает отправить их в Лейпцигский университет. Но этому воспротивился Александр I, учредивший в Царском Селе Лицей, в котором могли бы завершить свое образование и его младшие братья. Однако эта идея не осуществилась, и Николай с братом были заперты в Гатчинском дворце, где им преподавали науки в рамках университетского курса. Мария Федоровна старалась загрузить день сыновей до предела, чтобы отвлечь их от военных занятий. Но этим достигался обратный эффект. Натура Николая противилась такому насилию, а науки вызывали у него отвращение. Став императором, он сохранил печальные воспоминания о том времени:

«Нас мучали отвлеченными предметами два человека, очень добрые, может статься, и очень ученые, но оба — несноснейшие педанты: Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких, и Бог знает, еще каких, законах, другой — что-то о мнимом «естественном праве». В прибавку к ним являлся еще Шторх, с своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке. На уроке этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда — собственные их карикатурные портреты, а потом, к экзаменам выучивали кое-что вдолбляшку, без плода и пользы для будущего»⁷.

Отечественная война 1812 г. оказала огромное влияние на мировоззрение будущего императора. В патриотическом воодушевлении он не подвергал ни малейшему сомнению близость победы, даже когда французы находились в Москве. Николаю исполнилось 16 лет и он рвался в армию, мать решительно воспротивилась этому. Наконец в 1814 г. мечта великого князя осуществилась — Александр I разрешил своим братьям прибыть в действующую армию. Но принять участие в боях им не довелось.

Встреча с Александром I состоялась уже в занятом союзниками Париже, где внимание великого князя привлекли прежде всего военные учрежде-

ния: казармы, госпитали, Дом инвалидов. На обратном пути в Россию в жизни великого князя произошло знаменательное событие — в Берлине он познакомился с принцессой Шарлоттой, дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III, друга и союзника Александра I. Юная принцесса понравилась Николаю, но Мария Федоровна считала, что он еще слишком молод для брака.

Вернувшись в Петербург, Николай посвящает себя занятиям военными науками: стратегию изучает на примере военных кампаний 1814 и 1815 годов. Впоследствии, вступив на престол, Николай I лично руководил составлением планов военных действий. Строительство и инженерное искусство также привлекало его, зато уроки юриспруденции и политэкономии вселяли в него скуку и на всю жизнь утвердили в нем отвращение к «отвлеченностям». «Лучшая теория права, — говорил Николай I, — добрая нравственность, и она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию»⁸. Образование Николая Павловича завершалось, как это было принято в то время, путешествием по России и Европе. Он побывал в Лондоне, где менее всего интересовался прениями в парламенте, а все время проводил в общении с офицерами британской армии.

В 1817 г. свершилось давно ожидаемое Николаем событие — в июле состоялось его бракосочетание с принцессой Шарлоттой, нареченной в православном крещении Александрой Федоровной. «Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконец соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая и он никогда не обманул этой надежды»⁹, — вспоминала на закате жизни императрица Александра Федоровна, женщина незаурядная, стала для Николая поистине ангелом-хранителем: примерная супруга и нежная мать. За 38 лет супружества у них родилось семеро детей: Александр (в 1818 г.), Мария (в 1819 г.), Ольга (в 1822 г.), Александра (в 1825 г.), Константин (в 1827 г.), Николай (в 1831 г.), Михаил (в 1832 г.). Императрица осталась в воспоминаниях современников несколько легкомысленной, но чуждой всякого стремления к личному господству, доброй и мягкой женщиной. Она не имела никакого политического влияния и не добивалась его, целиком посвящая себя семье и благотворительности. «После смерти государыни по бумагам ее оказалось, что ею тратилось ежегодно $\frac{2}{3}$ ее личных сумм на пенсии, раздаваемые неимущим и больным, на содержание богадельни, учрежденной ею на Васильевском острове, на случайные пособия, оказанные ею по случаю пожаров или иных бедствий»¹⁰.

А. Ф. Тютчева — дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина двора, в своих «Воспоминаниях» пишет: «Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией... но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золоченых решеток своей клетки. Но в волшебной темнице птичка не вспоминала даже о своих крылышках»¹¹.

С бракосочетанием окончились юношеские занятия Николая. Брат-император назначает его генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии саперного батальона. Николай с рвением приступил к исполнению своих обязанностей. Всю свою энергию, всю властность он сосредоточил на мушгровке вверенных ему частей. Ветераны наполеоновских войн оказались во власти молодого офицера, не имевшего никакого боевого опыта. Гатчинская система, превращавшая солдата в механизм, не встречала сочувствия у боевых генералов, которым по роду службы подчинялся Николай. «Я начал взыскивать, — вспоминал он, — но взыскивал один, ибо, что я по долгу совести порочил, позволялось везде, даже моими начальниками. Положение было самое трудное»¹².

Александр I подарил молодым супругам Аничков дворец, который

великий князь называл раем. В 1818 г. в Москве у него родился первенец — будущий царь-освободитель Александр II. К этому времени относится выразительный портрет Николая Павловича, оставленный его современником: «Природа наделила его одним из лучших даров, какие она может дать тем, которых судьба поставила высоко: у него самая благородная наружность. Обыкновенное выражение его лица имеет в себе нечто строгое и даже неприветливое. Его улыбка есть улыбка снисходительности, а не результат веселого настроения или увлечения. Привычка господствовать над этими чувствами сроднилась с его существом до того, что вы не заметите в нем никакой принужденности, ничего неуместного, ничего заученного, а между тем, все его слова, как и все его движения, размеренны, словно перед ним лежат музыкальные ноты. В великом князе есть что-то необычное: он говорит живо, просто, кстати; все, что он говорит, умно; ни одной пошлой шутки, ни одного забавного или непристойного слова. Ни в тоне его голоса, ни в составе его речи нет ничего, что обличало бы гордость или скрытность; но вы чувствуете, что сердце его закрыто, что преграда недоступна и что безумно было бы надеяться проникнуть в глубь его мысли или обладать полным доверием»¹³.

К 1819 г. Николай командовал 2-й гвардейской бригадой и, по-видимому, был доволен своим положением. Но вскоре его семейная идиллия была нарушена. Александр I, с молодых лет тяготившийся престолом и мечтавший об отречении, после победы над Наполеоном под влиянием возраставших в нем религиозных настроений все чаще возвращался к этой мечте. Необходимо было подумать о наследнике. Дочери императора умерли в младенчестве. У Константина Павловича, женатого вторым браком на полячке, детей также не было. Наиболее реальным претендентом на престол становился в этой ситуации Николай.

Летом 1819 г. в Красном Селе после смотра войск 2-й бригады Александр I обедал у своего брата. Тогда и состоялась их знаменательная беседа, запечатленная в записках великой княгини Александры Федоровны: «Император Александр... беседуя дружески, переменил вдруг тон и, сделавшись весьма серьезным, стал в следующих... выражениях говорить нам, что он «остался доволен поутру командованием над войсками Николая и вдвойне радуется, что Николай хорошо исполняет свои обязанности, ибо на него со временем ляжет большое бремя, так как император смотрит на него, как на своего наследника, и это произойдет гораздо скорее, нежели можно ожидать...» Мы сидели словно окаменелые, широко раскрыв глаза, и не были в состоянии произнести ни слова. «Что же касается меня,— продолжал император,— то я решил отказаться от лежащих на мне обязанностей и удалиться от мира...» Видя, что мы готовы разрыдаться, он постарался утешить нас, и в успокоение сказал нам, что это случится не тотчас, и пожалуй пройдет еще несколько лет прежде, нежели будет приведен в исполнение этот план; затем он оставил нас двоих. Можно себе представить, в каком мы были состоянии. Никогда ничего подобного не приходило мне в голову даже во сне. Нас точно громом поразило; будущее показалось нам мрачным и недоступным для счастья. Это была минута памятная в нашей жизни!»¹⁴

Сам Николай в своих записках сравнивает свое состояние с положением путешественника, у которого «вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться»¹⁵. Несмотря на то, что некоторые биографы Николая, например, Г. И. Чулков, считали, что едва ли разговор с императором был неожиданностью для великого князя, тайно мечтавшего о престоле, можно утверждать, что Николай осознавал свою неготовность к роли самодержца. Александр I ничего не предпринял для того, чтобы ввести брата в курс государственных дел, и тот продолжал служить, как заурядный генерал, все знакомство которого со светом, по словам самого Николая, «ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где... собирались ежедневно... знатные лица, имевшие доступ к государю... В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры, ждали в коридорах,

теряя время или употребляли оное для развлечения... и не щадили ни начальников, ни правительство. Время сие было... драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался»¹⁶. Постепенное знакомство с порядками, царившими в гвардии, где «подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте», привело Николая к мысли, что за вольностью тогдашнего военного быта таилось нечто более важное — заговор против правительства.

Между тем летом 1823 г. Александр I пожелал облечь силой закона свое решение о передаче престола Николаю и поручил митрополиту Филарету составить соответствующий манифест. Этот важнейший государственный акт не был, однако, обнародован, и в церквях продолжали молиться за Константина Павловича как наследника престола. Один экземпляр манифеста от 16 августа 1823 г. был помещен в Успенском соборе Московского Кремля, другой — в Сенате, Синоде и в Государственном совете в Петербурге. До сих пор остается спорным вопрос, почему Александр I решил держать в тайне акт о престолонаследии, но вероятнее всего, его оглашение было бы напрямую связано с готовящимся отречением императора. Однако тайна не была до конца соблюдена прежде всего самим Александром I, сообщившим о своих распоряжениях брату Александры Федоровны — принцу Вильгельму, который, конечно, говорил об этом со своей сестрой. Более того, в придворном берлинском календаре за 1824 г. Николай назван уже наследником русского престола¹⁷.

В первых числах сентября 1825 г. Александр I и императрица Елизавета Алексеевна выехали из Петербурга в Таганрог, а с 18 ноября в столицу стали поступать сведения о болезни императора, принявшие с 25 ноября тревожный характер. Узнав в этот день, что на выздоровление государя нет почти никакой надежды, Николай Павлович, посоветовавшись с генерал-губернатором Петербурга М. А. Милорадовичем, предложил при получении известия о смерти Александра I немедленно провозгласить императором Константина, заверяя, что первым принесет ему присягу. 27-го утром во время торжественного молебна в Зимнем дворце прибыл курьер из Таганрога, сообщивший о смерти Александра I. Пораженный, но сохраняющий самообладание, Николай тут же присягнул Константину Павловичу и привел к присяге роту лейб-гвардии Преображенского полка. Вслед за этим начали присягать лица свиты и придворные сановники. Императрица Мария Федоровна, крайне встревоженная этим, поспешила сообщить Николаю, что существует акт, по которому он — наследник престола. На заседании Государственного совета пакет с завещанием Александра I был распечатан, вызвав сомнения вельмож, присягать ли Константину. Но Николай проявил упорство, заявляя свою непреклонную волю, что законный государь для него — старший брат. К вечеру того же дня вся гвардия присягнула Константину.

Однако вскоре пришло письмо из Варшавы от Константина Павловича, в котором он заявил, что уступает свои права Николаю, ссылаясь при этом на рескрипт Александра I. Но Николай не сдавался. На совещании членов царской фамилии было решено, что, так как письмо Константина было написано до получения им известия о присяге, оно не может иметь решающей силы. Вопрос о престолонаследии все более запутывался. Из Петербурга в Варшаву и обратно скакали курьеры. Константин, испытывавший всю жизнь, по его словам, «природное отвращение к трону», заявлял, что его решение непоколебимо, отказывался приехать в столицу и грозил, что «удалится еще далее, если все не устроится согласно воле покойного нашего императора»¹⁸.

12 декабря положение дел еще более осложнилось. Николай получил от генерала Дибича из Таганрога пакет с подробным донесением о заговоре тайных обществ с целью свержения императорской власти в России. В тот же день поручик егерского полка Я. И. Ростовцев, знавший лично многих декабристов, явился в Зимний дворец и предупредил великого князя о заговоре, не называя, однако, имен участников. Позднее прибыло из Варшавы письмо с решительным отказом Константина. Все это заставило Николая

отступить и решиться на небывалый в истории России шаг — изменение присяги. 13 декабря был составлен манифест о ходе последних событий, об отказе Константина Павловича от престола и о принятом Николаем решении наследовать трон. Манифест был составлен М. М. Сперанским, основные положения диктовал сам Николай. Вечером состоялось экстренное заседание Государственного совета: не дожидаясь опаздывавшего великого князя Михаила Павловича, Николай в первый раз занял председательское место и прочитал манифест о своем воцарении. Первым, кто поклонился в ноги новому государю, был адмирал Н. С. Мордвинов — тот самый, которого декабристы видели главой временного правительства.

Междоусобицей воспользовались члены Северного и Южного тайных обществ. План действия в обществах до самого последнего момента выработан не был. Арест некоторых видных членов (в том числе П. И. Пестеля) заставлял их торопиться. Слухи о готовящейся вторичной присяге создавали, как казалось, благоприятный момент для восстания. Заговорщики решили, что офицеры будут отговаривать в своих частях солдат от присяги Николаю и, выведя их на Сенатскую площадь, заставят Сенат провозгласить конституцию. В гвардии Николай не был любим за свой гордый и вспыльчивый нрав, грубость и жестокость по отношению к солдатам и офицерам. Гораздо больше симпатий вызывал Константин — взбалмошный, но отходчивый, прошедший военную закалку в Альпийском походе Суворова и кампаниях 1805—1814 годов. Декабристы пошли на обман, доказывая солдатам, что они защищают права законного престолонаследника от посягательств Николая.

14 декабря стало самым черным днем в жизни Николая I. С утра собрались для присяги Сенат и Синод, одновременно стали приводиться к ней и войска. Во время церемонии в лейб-гвардии Московском полку офицеры Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. и А. А. Бестужевы уговорили часть солдат не присягать. Пытавшиеся вмешаться полковой командир П. А. Фредерикс, генерал-майор В. Н. Шеншин и полковник Хвоцинский были тяжело ранены. Полк был выведен из казарм на Сенатскую площадь. Одновременно с этим поднялся ропот в лейб-гвардии Гренадерском полку, и часть солдат примкнула к восставшим. Наконец, на Сенатскую площадь вышел Гвардейский экипаж. Собравшиеся войска построились в каре. Но объявленный диктатором восстания князь С. П. Трубецкой на площадь не явился, что в значительной степени лишило восставших инициативы. Узнав, что часть столичного гарнизона вышла из повиновения, Николай I довольно быстро выработал план действий. Настроен он был решительно. За день до этого, получив известие о готовящемся заговоре, он писал П. М. Волконскому: «Четырнадцатого числа я буду государь или мертв»¹⁹. Не будучи по натуре трусом, Николай в дни юности тщетно искал случая участвовать в сражении, но не мог предположить, что судьба предназначает ему рискнуть своей жизнью в собственной столице.

Среди всеобщей растерянности Николаю I пришлось с первых же часов царствования взять дело подавления восстания в свои руки. Обозревая мысленно расположение противоборствующих сил, он учел то обстоятельство, что наибольший резерв верных правительству войск был в его распоряжении в районе Миллионной улицы, Литейного проспекта и Таврического сада. Поручив преображенцам и саперам охрану Зимнего дворца, в покоях которого бились в истерике его жена и мать, Николай спустился в дворцовую гауптвахту к дежурившей там роте лейб-гвардии Финляндского полка и обратился к солдатам: «Ребята! Московские шалят; не перенимать у них и делать свое дело молодцами!», велел заряжать ружья и сам командовал: «Вперед, скорым шагом марш!»

Выйдя за дворцовые ворота, он обнаружил, что вся площадь усеяна волнующимся народом. «Надо было мне выиграть время,— сообщает он в своих записках,— дабы дать войскам собраться. Нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным — все эти мысли пришли ко мне как бы по вдохновению, и я начал говорить, спрашивая, читали ли мой манифест. Все говорили, что нет. Пришло мне по мысли самому его

читать... Я начал тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддержал»²⁰. В течение всего дня Николай I, занимая место во главе 1-го батальона Преображенского полка, на виду у мятежного каре, подвергал свою жизнь ежеминутной опасности. «Самое удивительное,— говорил он впоследствии,— что меня не убили в тот день».

Часть дня прошла в нерешительных действиях обеих сторон; правительство не сразу применило силу. Для увещевания восставших были направлены митрополит Серафим, великий князь Михаил Павлович, но безрезультатно. После того, как Милорадович был смертельно ранен П. Г. Каховским, Николай I понял, что предстоит борьба не на жизнь, а на смерть, и приказал заряжать пушки. Первый залп был дан холостыми, но восставшие не дрогнули. Тогда второй залп ударил картечью в середину каре. Начались паника и бегство. Восстание было подавлено. На следующий день Николай I в письме брату в Варшаву, подводя итог первого дня своего царствования, с горечью писал: «Дорогой, дорогой Константин! Ваша воля исполнена: я — император, но какую ценою, Боже мой! Ценой крови моих подданных»²¹.

14 декабря навсегда врезалось в память Николая I, оставив неизгладимый отпечаток на его характере и мировоззрении. Наблюдательный путешественник де Кюстрин, автор знаменитого памфлета «Россия в 1839 г.», замечает: «Из молчаливого, меланхолического и мелочного, каким он был в дни юности, он превратился в героя, как только стал монархом»²². Николай поверил в себя, в то, что провидение предназначило ему быть государем. Кроме того, с первых минут своего царствования у него сложилось убеждение, что ему не на кого рассчитывать. Он сам стал вести следствие по делу декабристов, допрашивая арестованных, то угрозами, то лицемерным сожалением об их участи добиваясь откровенных показаний. Вникая в столь чуждый ему строй мысли, вчитываясь в показания декабристов, Николай открывал для себя картину российской действительности со всеми ее противоречиями. Он приказал составить для себя сводку суждений декабристов о различных сторонах положения дел в государстве. Но политические взгляды императора не стали от этого менее консервативными.

Для проведения следствия по делу декабристов 17 декабря был учрежден Особый комитет, который завершил свою работу к 30 мая 1826 года. 1 июня был назначен Верховный уголовный суд из членов Государственного совета, Сената и Синода, под председательством князя П. В. Лопухина: его членами Николай I назначил государственных деятелей, имевших либеральную репутацию: Сперанского и Мордвинова. Суду был предан 121 человек. Он проходил так быстро и формально, не подвергая подсудимых ни допросам, ни очным ставкам, что многие из декабристов не поняли даже, что их судят.

Все виновные были разделены на 11 разрядов, причем отнесенные к первому разряду (31 человек) были приговорены к смертной казни отсечением головы. Пять человек (П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин) были поставлены вне разрядов и приговорены к мучительной казни четвертованием. Таким образом, судьи оказались более жестокими, чем император. Доклад о приговоре был подан Николаю I, который указом от 10 июля 1826 г. даровал жизнь декабристам первого разряда, смягчил всем остальным степень наказания, а поставленных вне разрядов предал «решению Верховного уголовного суда», который приговорил их к повешению. Говорят, когда Николай I узнал об этом, он заметил, что офицеров не вешают, а расстреливают, но на этом позорном виде наказания настоял А. Х. Бенкендорф.

В ночь на 17 июля казнь декабристов свершилась. Она произвела очень тяжелое впечатление на общество, так как после подавления восстания Е. И. Пугачева в 1775 г., в России не было публичных смертных казней.

В современной исторической науке всерьез обсуждается вопрос: почему Николай I не захотел «опереться на привилегированную социальную

группу», которую составляли дворянские революционеры, чтобы осуществить предлагаемую ими программу реформ. Некоторые исследователи считают, что «если бы была принята программа Тургенева или ей подобная, то уже к 1840-м годам ее могли бы осуществить, и Россия оказалась бы конституционным государством со свободным крестьянством»²³. Но, во-первых, в лице декабристов Николай I столкнулся не с либеральной оппозицией существующему правительству, не с мирными реформаторами, какими их иногда хотят представить, а с военным заговором, имевшим целью истребление императорской фамилии и расчленение России. Кроме того, он всегда чувствовал нестерпимую фальшь в положении конституционного монарха, передающего свою власть в руки правительственной олигархии. Николай I говорил, что признает только две формы правления: или неограниченную монархию, или республику.

События 14 декабря научили его крайне недоверчиво относиться к любой форме дворянской оппозиции. Ведь не дворянство спасло в 1825 г. на Сенатской площади династию Романовых, а, по выражению М. Н. Покровского, «мужики в гвардейских мундирах». Выводы, к которым пришел Николай I под влиянием трагических обстоятельств своего восшествия на престол, нашли отражение в манифесте, обнародованном по завершении суда над декабристами, который «очистил отечество от следствий заразы, столько лет среди его таившейся». Николай I призывает все сословия соединиться в доверии к правительству, но особо напоминает дворянину о его значении «ограды престола». Он обещает, что потребность в преобразованиях получит удовлетворение «не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных», а путем постепенных правительственных реформ. Общество может этому способствовать, выражая перед властью «всякое скромное желание к лучшему, всякую мысль к утверждению силы законов...», что будет «принимается с благоволением»²⁴.

Первым шагом на пути осуществления «консервативной реакции» Николая I на события, сопровождавшие начало его царствования, стала деятельность Комитета 6 декабря 1826 г., в котором должны были быть рассмотрены проекты реформ, намечавшихся при Александре I; разработаны неотложные преобразования в устройстве государственных учреждений, а также в положении и правах отдельных сословий. При рассмотрении всех этих вопросов встала роковая для России проблема крепостного права. Ко времени вступления на престол Николая I уже выявились как несовместимость крепостничества с понятием гражданского равноправия, так и меньшая продуктивность крепостного труда в сравнении с вольнонаемным. Крестьянский вопрос во внутренней политике Николая I занимал ведущее место, но результаты, достигнутые на путях его решения, не соответствовали затраченным усилиям. Причину этого следует искать как в личных взглядах императора, так и в условиях, в которых ему приходилось проводить свою политику в жизнь.

Лично сам император относился к крепостному праву отрицательно, вынося такое мнение из непосредственных впечатлений молодости, когда он путешествовал по России, сталкиваясь с неприглядными сторонами крепостного быта. Знакомство с делом декабристов только укрепило его убеждения. Однако Николай I вовсе не был сторонником полного освобождения крестьян, то есть перехода к бессословному строю. Его взгляды в крестьянском вопросе вытекали из его общих воззрений на сословные отношения. Если за дворянством не признается политическая независимость, поскольку она противоречит принципу абсолютизма, то за ним не может быть признано и право владеть другим сословием — крестьянством как видом собственности. Эта мысль, как и мнение, что такое владение нарушает экономические интересы государства, отчетливо осознавались Николаем I. Отсюда его стремление вернуть крестьянам их гражданские права, придав им особое государственное состояние.

Однако, по-видимому, Николай I вообще не представлял себе такой государственной строй, где народ был бы свободен от государственной опеки. Он смотрел на дворянство как на агента правительственной власти

над крестьянством. В этих взглядах следует искать объяснение нерешительности мер по крестьянскому вопросу, принятых в царствование Николая I, которые сводились лишь к частным поправкам и изменениям. Но и на этом пути император не находил себе достаточной поддержки даже среди наиболее близких к нему лиц. Теоретик николаевской правительственной системы, один из образованнейших людей той эпохи, граф С. С. Уваров утверждал, что «вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии». Это две параллельные силы, которые развивались вместе, у того и у другого одно историческое начало, и законность их одинакова, «поэтому отмена крепостного права неминуемо приведет к краху самодержавия»²⁵.

Практические мероприятия по крестьянскому вопросу в 30-летнее царствование Николая I свелись к следующему. В 1833 г. вышел указ о запрещении продажи крестьян с торгов и продажи отдельных членов семьи, запрещалось выплачивать частные долги крепостными без земли. В марте 1835 г. был учрежден «Секретный комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий», видную роль в котором играли М. М. Сперанский и Е. Ф. Канкрин. Но, так как деятельность комитета не привела к значительным результатам, Николай I поручает это дело генералу П. Д. Киселеву — умеренному реформатору александровского царствования, лично знавшему многих декабристов. Киселев в 1834 г. провел реформу управления в Дунайских княжествах и этим хорошо зарекомендовал себя в глазах императора. Было учреждено специальное Пятое отделение Е. И. В. канцелярии, которому были переданы все дела, относящиеся к управлению государственными крестьянами.

Все дальнейшие мероприятия правительства Николая I шли по двум направлениям: устройство быта государственных крестьян и упорядочение положения помещичьих. Облагаемые податью казенные крестьяне считались лично свободным сельским сословием. На практике правительство рассматривало их как своих крепостных: Министерство финансов, которому было поручено их устройство, считало государственных крестьян лишь источником доходов бюджета. По настоянию Киселева в 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ для «попечительства над свободными сельскими обывателями» и заведования сельским хозяйством. Правительство занялось также скупкой в казну помещичьих имений с освобождением крестьян от крепостной зависимости (всего было куплено 178 имений), учреждены «вспомогательные ссуды», выдававшие ежегодно до 1,6 млн. руб., было обращено внимание на медицинскую часть, устройство училищ²⁶. Эти меры дали свои положительные результаты: платежеспособность государственных крестьян к концу царствования Николая I возросла, сократились недоимки.

Хуже обстояло дело с решением вопроса о частновладельческих крестьянах, для обсуждения которого был создан Секретный комитет 1839 года. Киселев высказался против безземельного освобождения крестьян, видя в нем источник постоянных смут. Он подал Николаю I записку, где отстаивал право крестьян получить у помещика личный надел, за который они обязаны выполнять повинности, но могут договориться и о полном выкупе. Обсуждение «Проекта об обязанных крестьянах» заняло два года. Поскольку он встретил мощную оппозицию в кругах высшей дворянской бюрократии, Николай I вынужден был отступить. На обсуждении проекта в Государственном совете 20 марта 1842 г. он выступил с речью, в которой отразились его взгляды по крестьянскому вопросу. Император признал, что «крепостное право, в нынешнем положении, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более губительным». Его компромиссная программа выразилась в словах, что «не должно давать вольности, но должно открыть путь к другому, переходному состоянию, связав с ним ненарушимое охранение вотчинной собственности на землю»²⁷.

Возражая князю Д. В. Голицыну, предложившему ограничить власть

помещиков над крестьянами составлением так называемых инвентарей, Николай I признался: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь, как не решусь и на то, чтобы помещикам заключать договоры; это должно быть делом их доброй воли, и только опыт укажет, в какой степени можно будет перейти от добровольного к обязанному»²⁸. В проект, поданный в Государственный совет, были внесены существенные изменения, и он потерял свой смысл в оговорке, что его проведение в жизнь предоставлено на волю тех помещиков, которые сами того пожелают. Первоначальный проект Киселева, таким образом, превратился из меры государственного характера в новый вид отпуска крестьян на волю по желанию помещика.

Попытки решить крестьянский вопрос в царствование Николая I показывают, что даже царь, пытавшийся быть самодержцем в полном смысле этого слова, не мог проявить неуступчивости по отношению к дворянству, вопреки своим собственным взглядам. В рамках устаревшего строя жизнь шла своим путем в полном противоречии с охранительными началами николаевской политики. Экономика империи выходила на новые пути развития. Возникали новые отрасли промышленности: свеклосахарная на юге, машиностроение и ткацкая промышленность в центральной части страны. Выделяется Средне-русский промышленный район, который все больше кормится закупкой хлеба в земледельческих губерниях. Наперекор правительственным мерам усиливается разночинный состав учащихся в университетах, крепнут средние общественные слои. Властям приходилось считаться с новыми потребностями страны. Эти новые окрепнувшие тенденции отразились в личных интересах Николая: он серьезно увлекался вопросами техники, предпринимательства и финансовой политики. На его правление приходится строительство половины всей сети шоссейных дорог, проложенных в России до 1917 года. Первая железная дорога от Петербурга до Царского Села была построена в 1837 г.; дорога Петербург — Москва — в 1851 году.

Успешно развивалась отечественная научная мысль. Славу русской химической науки составили труды Г. И. Гесса, Н. Н. Зинина, А. А. Воскресенского; в 1828 г. впервые была получена очищенная платина. В 1842 г. К. К. Клаус открыл ранее не известный металл, получивший, в честь России, название «рутений». В 30-е годы XIX в. была открыта Пулковская обсерватория. Выдающимся русским математиком Н. И. Лобачевским была создана теория неевклидовой геометрии. В области физики и электротехники замечательные результаты были достигнуты Б. С. Якоби. Расширялась сеть медицинских учреждений, отечественная хирургия в лице Н. И. Пирогова достигла мировой известности.

И все это происходило на фоне углублявшегося кризиса крепостного хозяйства. В царствование Николая I окончательно разлагаются экономические и общественные основы, на которых возросло самодержавие. В остром недоверии общественным силам: к консервативным — за их вырождение, к прогрессивным — за их революционность, царская власть пыталась жить самодовлеющей жизнью, доведя самодержавие до личной диктатуры императора. Он считал управление государством по своей личной воле и личным воззрениям прямым делом самодержца. Этот принцип выражался в строе центральной власти благодаря первенствующему значению Собственной Е. И. В. канцелярии — органа личной власти императора.

В первый же год царствования Николай I взял в ведение своей канцелярии все законодательные дела, учредив для этого особое Второе ее отделение. В его недрах под руководством Сперанского к 1832 г. был исполнен колоссальный труд по кодификации российского законодательства. Впервые после Соборного уложения 1649 г. законы, рассеянные во многих тысячах актов, были собраны вместе и приведены в строгую систему, результатом чего явились два издания: Полное собрание законов Российской Империи в 47 томах, включающее в себя законы с 1649 по 1825 г., и Свод законов Российской Империи — действующее законодательство в 15 томах.

Выбор Николая I не случайно пал на Сперанского. Император понимал, что труд по составлению свода законов требует большого опыта и громадных знаний, чем обладал опальный министр либерального периода царствования Александра I, державшийся в своих планах государственного преобразования взглядов, противоположных мнению Николая I. Он, без сомнения, знал о планах декабристов включить Сперанского во временное правительство и поэтому вначале относился к нему недоверчиво. Впоследствии, после смерти Сперанского, со свойственной ему прямоотой Николай говорил барону М. А. Корфу: «Михаила Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить: сперва я сам в этом более всех, может статья, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах... но потом время и опыт уничтожили во мне действие всех этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромной опытностью, с неустававшею никогда деятельностью»²⁹. Однако в 1826 г. Николай I думал иначе, отзываясь о Сперанском чрезвычайно резко. Но в интересах успеха дела он не усомнился поручить его Сперанскому, так как в то время это был единственный человек, способный довести кодификацию законов до конца.

Успехи внутренней политики в первую половину царствования Николая I были связаны с именами государственных деятелей александровских времен: М. М. Сперанского, П. Д. Киселева, М. С. Воронцова, С. С. Уварова, Е. Ф. Канкрин. В кампаниях 1828—1829 и 1831 гг. русскими войсками предводительствовали генералы времен Отечественной войны 1812 г. И. И. Дибич, И. Ф. Паскевич. По словам Б. М. Чичерина, Николай I «получил от своего предшественника целую фалангу людей, если не с высокими характерами, то умных и образованных. Он ценил их, старался сделать их покорными орудиями своей воли, в чем не трудно было успеть; они составили славу его царствования. Но чем более он привыкал к власти и исполнялся чувством собственного величия, тем более он окружал себя раболепными ничтожествами»³⁰.

Наибольшую известность из всех государственных учреждений николаевского времени получило Третье отделение и корпус жандармов при нем, созданные в 1826 г. под началом графа Бенкендорфа как орган тайной полиции и личного осведомления императора о событиях, происходящих в стране. Николай I вникал в донесения не только о крупных происшествиях, но и о проделках и похождениях отдельных лиц, попавших в сферу жандармского наблюдения. Третье отделение призвано было осуществлять непосредственную связь между самодержавной властью и обывателями. На этом скользком пути, порождавшем практику доноительства, искал Николай I популярности и доверия. Под его личным руководством велась борьба с общественным недовольством. Делалось это двумя способами: суровым подавлением всех его проявлений и некоторым смягчением его причин. Подавляя крестьянские волнения, Николай I требовал рассмотрения жалоб крестьян на жестокости помещиков, в крайних случаях приказывал ссылать злодеев-помещиков в Сибирь, а имения их брать в опеку. Эти случаи производили сильное впечатление, но вместе с тем вызывали большое недовольство в дворянской среде.

Николай I стремился сохранить маску бесстрастного судьи, отца своих подданных. В своей роли самодержца он шел до конца, подчас рискуя собственной жизнью. В 1830 г. из Средней Азии в Москву и Петербург проникла холера. Эпидемия распространилась среди всех слоев населения. От холеры умерли великий князь Константин Павлович с супругой, фельдмаршал Дибич. Меры, принимаемые против эпидемии, оказались малоэффективными и сводились к изоляции очагов заразы, а также к насильственному водворению людей в больницы, иногда без достаточных на то оснований. Все это вызывало озлобление населения и ряд бунтов. Николай I лично находился в местах, охваченных эпидемией. В 1830 г. при получении известий о холере в Москве, он тотчас же поспешил туда. В Москве он едва не заразился. В Петербурге 22 июня 1831 г. холерный бунт достиг угрожающих размеров. На Сенную площадь, где собралась 5-тысячная толпа, были

вызваны войска, но действовали они вяло. Тогда Николай, находившийся в то время в Петергофе, немедленно приехал в столицу, появился среди бушевавшей толпы и своею решительной речью в значительной степени содействовал успокоению. Этот эпизод запечатлен на барельефе памятника Николаю I скульптора Клодта.

С воцарением Николая I большие изменения произошли и в области народного просвещения и образования. Одним из первых его шагов было закрытие в 1825 г. Библейского общества. Космополитический мистицизм, свойственный последним годам александровского царствования, не вызывал симпатий Николая I, защищавшего и опекавшего традиционное православие. Сам он был горячо верующим человеком. В его царствование в 1832 г. был канонизирован епископ Митрофан Воронежский. Прислав на раку святителя золотой покров, Николай I приехал в Воронеж для поклонения святому. Царь был озабочен положением сельского духовенства, видя в нем опору народной нравственности. При Николае I правительство вело борьбу с сектантством: с 1827 г. уход в раскол признается уголовным преступлением.

В царствование Николая I была окончательно сформулирована идейная доктрина монархического государства. В 1832 г. товарищ министра народного просвещения С. С. Уваров в докладе императору о Московском университете формулирует знаменитую триаду: «Православие, Самодержавие, Народность», называя ее «последним якорем нашего спасения и вер-

нейшим залогом силы и величия нашего Отечества»³¹. Эта формула сразу пленила Николая I, поскольку провозглашала новый принцип: опору монархической власти непосредственно на патриархальное крестьянство, минуя дворянство, скомпрометировавшее себя на Сенатской площади.

Новые идеи проводились в жизнь прежде всего в области народного образования. Оно было проникнуто принципом сословности. Еще в 1827 г. царским рескриптом к учебным заведениям было предъявлено основное требование, «чтобы повсюду предметы учения и самые способы преподавания были, по-возможности, соображаемы с будущим предопределением обучающихся, чтобы каждый вместе со здоровыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности, приобретал познания, наиболее для него нужные... и не быв ниже своего состояния, также не стремился через меру возвыситься над тем, в коем по обыкновенному течению было ему суждено оставаться»³². Выполнение этих требований легло в основу нового устава средних и низших учебных заведений 1828 г., который предназначал приходские училища для лиц «самых низших состояний», уездные — для горожан, гимназии — для детей дворян и чиновников.

К охранительным мерам первых лет царствования Николая I относится издание в 1826 г. нового цензурного устава, состоявшего из более чем 200 параграфов, значительно превосходившего по строгости цензурные правила александровского времени. В обществе этот устав получил название «чугунного». Однако уже в 1828 г. он был заменен более умеренным, в котором цензорам рекомендовалось рассматривать прямой смысл речи, не позволяя себе произвольно толковать его. Одновременно по жандармскому ведомству было сделано негласное распоряжение, по которому лица, подвергшиеся цензурной каре, попадали под негласный надзор полиции. Все эти меры служили для борьбы с тем «духом вольномыслия», который распространился в царствование Александра I.

После разгрома восстания декабристов центром свободомыслия стала Москва, точнее Московский университет. В 30-е годы XIX в. правительство арестовывает членов революционных студенческих кружков: Н. П. Сунгурова и братьев Критских. Всячески урезается университетская автономия, в студенческую жизнь вводятся военные порядки. Но было бы упрощением судить о 30-летнем царствовании Николая I только как о времени мрачной реакции. Николаевская эпоха была периодом подлинного расцвета русской литературы и искусства. Именно в то время творили А. С. Пушкин и В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов, создавали свои шедевры К. Брюллов и А. Иванов.

Николай I, стремившийся поставить под личный контроль все стороны жизни страны, уделял большое внимание отечественной культуре и искусству. По словам Н. П. Врангеля, император мнил себя знатоком в искусстве и действительно неплохо разбирался в стилях и школах живописи, скульптуре. «Но прежде всего, во всем он был военный: военный в манерах и вкусах, во всех помыслах и делах»³³. Поэтому все, что шло вразрез с его убеждениями, не имело права на существование. Рассказывали, что однажды, проходя по Эрмитажу, император остановил свой взгляд на статуе Вольтера работы Ж.-А. Гудона. «Истребить эту обезьяну», — последовал царский приказ, и шедевру суждено было погибнуть, если бы не вмешательство графа А. П. Шувалова, который тайком приказал перенести статую в подвал Таврического дворца, откуда его извлекли уже в царствование Александра II. Однако, если отбросить заблуждения и ошибки Николая I, как, например, аукцион эрмитажных картин в 1851 г., то следует признать его немалый вклад в русскую культуру устройством Эрмитажа и превращением его в общедоступный музей. В 1840 г. архитектор Л. Кленце строит по приказу царя Новый Эрмитаж; проводится систематизация и пополнение эрмитажных коллекций.

Любимым детищем Николая I был Александринский театр, переживавший в 30—40-е годы XIX в. период расцвета. Русская сцена обогатилась в то время произведениями Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, М. И. Глинки. Особенной высоты достигло сценическое искусство. В то

время на сцене императорских театров блистали П. А. Каратыгин, И. И. Сосницкий, А. Е. Мартынов, М. С. Щепкин, В. Н. Асенкова. Для первоклассных европейских артистов — балерин М. Тальони, Ф. Эльслер, оперной певицы П. Виардо Россия стала второй родиной. В дворцовом театре давали спектакли два раза в неделю, на них присутствовали все члены императорской фамилии. Любимыми пьесами Николая I были легкие салонные комедии, любил он и балет. В Александринском театре он знал по фамилии каждого, даже самого незначительного актера, в антрактах всегда проходил за кулисы, где его тотчас окружали актеры. Особенным его уважением пользовался Каратыгин. Однажды, разговаривая с артистом, отличавшимся большим ростом, Николай спросил: «А ну-ка, Каратыгин, кто из нас выше?» Великий князь Михаил Павлович поставил их спинами друг к другу и стал мерить. Артист оказался чуть выше императора. «Однако, ты выше меня, Каратыгин!» — воскликнул Николай I. «Длиннее, Ваше Величество», — отозвался знаменитый трагик. Такая поправка императору чрезвычайно понравилась³⁴.

Советское пушкиноведение немало поработало над тем, чтобы представить Николая I гонителем А. С. Пушкина, притеснителем его творчества, чуть ли не виновником его гибели. Но факты рисуют иную картину. В мае 1826 г., когда еще шло следствие над декабристами, поэт подает прошение царю с целью оправдаться перед правительством. После коронации царь вызывает поэта в Москву, где дает ему двухчасовую аудиенцию. Пушкин вспоминал впоследствии: «Всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мной, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?» — «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога». — «Довольно ты подурчился, — возразил император, — надеюсь, теперь будешь рассудителен и мы ссориться более не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором»³⁵.

В 1830-х годах Пушкин решительно меняет свою жизнь: он женится и снова поступает на службу. Из Царского Села он пишет П. А. Плетневу: «Скажу тебе новость... царь взял меня на службу, но не в канцелярию, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли?» Как отмечает Е. В. Федорова, «никакого конфликта с самодержавием у Пушкина-историка не было»³⁶. Напротив, царь выдает ему из казны займы 20 тыс. руб. на издание «Истории пугачевского бунта» — сочинения, затрагивающего весьма щекотливую для самодержавия тему. В дуэльной истории Пушкина Николай I проявил себя справедливым судьей: после кончины поэта он приказал позаботиться о материальном обеспечении его семьи, Дантеса разжаловал в солдаты, отдал под суд и вместе с бароном Геккерном выслал из России.

Существенные изменения произошли в архитектурном облике империи: умирание классицизма и смена его национальным, хотя и не очень оригинальным, стилем, символично для николаевского времени. К архитектуре Николай I питал особое пристрастие. Ни один проект общественного здания не проходил без его личного одобрения. Любимым архитектором его был К. Тон — автор Большого Кремлевского дворца и храма Христа Спасителя в Москве. Казавшиеся современникам весьма посредственными по своему художественному значению, в наши дни они воспринимаются как значительные памятники архитектуры. В царствование Николая I на Дворцовой площади в Петербурге была воздвигнута Александровская колонна, велось строительство Исаакиевского собора, был заново отстроен Зимний дворец, пострадавший от пожара в 1837 году. При его восстановлении царь требовал роскошной отделки парадных апартаментов, но в своих личных комнатах ценил прежде всего уют и простоту. Памятником личных вкусов Николая I стал Петергоф — его любимая летняя резиденция; здесь, недале-

ко от Финского залива, расположились загородные дома императорской семьи: Александрия, Коттедж, Николаевский домик.

В быту Николай I был неприхотлив. В пище он был очень умерен, равнодушен к вину. Рабочий день его начинался рано. Современник вспоминает, что в зимние дни, часов в 7 утра «горожане, проходившие по набережной Невы мимо дворца, могли видеть в окне государя, сидящего у себя в кабинете за письменным столом, при свете свечей читавшего и подписывавшего целые вороха лежавших перед ним бумаг». Но это было только начало, настоящая же работа закипала в 9 часов с прибытием министров. У каждого из них были известные дни в неделе, когда они являлись со своими докладами, но иногда император принимал нескольких министров. «В первом часу дня, не взирая ни на какую погоду, государь отправлялся, если не было назначено военного учения, смотра или парада, на... инспектирование учебных заведений, казарм, присутственных мест и других казенных заведений. При этих посещениях Николай I входил во все подробности управления и часто давал замечания, что следует изменить или уничтожить. Обладая необычайной памятью, он никогда не забывал того, что приказывал, и горе тому начальству, если при вторичном посещении заведения он находил свои замечания неисполненными»³⁷.

Отдыхать Николай I предпочитал в тесном семейном кругу. На вечерах в покоях царской семьи «на первом плане стояла музыка, исполнителями которой были солисты императорского театра, а иногда и знаменитые виртуозы иностранцы... Часто в таких домашних концертах принимал участие сам государь, отлично игравший на флейте. Когда не было музыки, занимались чтением новейших русских и иностранных произведений, а желающие играли в карты, и в этом занятии Николай Павлович не отставал от других»³⁸. При нем придворное общество впервые заговорило на русском языке; император подавал в этом пример. До этого великосветским языком был французский.

В николаевскую эпоху придворная жизнь достигла необычайной пышности, торжества в Зимнем дворце поражали своим блеском и размахом. Особенно славился новогодний маскарад, на который допускались и простые горожане. На маскараде Николай I любил пококетничать с хорошенькой маской. По воспоминаниям современников, «больших и особенно знаменательных увлечений за императором Николаем I не водилось». Единственной серьезной была его связь с В. А. Нелидовой, одной из любимых фрейлин императрицы. Связь эта «оправдывалась вконец пошатнувшимся здоровьем императрицы, которую государь обожал». Когда Николай I скончался, императрица, призвав к себе Нелидову, обняла ее, поцеловала и, «сняв с руки браслет с портретом государя, сама надела его на руку Варваре Аркадьевне»³⁹. Но за императором водились и другие увлечения, которые сам он называл «дурачествами». В этом он был истинным сыном своего времени, не отличавшегося строгостью нравов.

Вступив на престол, Николай I получил в наследство от своего предшественника не только огромный международный престиж России, но и две нерешенные политические проблемы: Восточный вопрос (т. е. необходимость получения свободного выхода из Черного моря и судьба христианских подданных Турции) и наличие в империи чуждого ей конституционного государства — Царства Польского. Присоединение к России герцогства Варшавского создало для царского правительства множество трудностей. По мнению Николая I, западная граница империи не усилилась, а ослабилась с присоединением столь ненадежного соседа. Существование в Царстве Польском конституционного строя было несовместимо с воззрением Николая I, считавшего его создание ошибкой, «достойной сожаления». Но, унаследовав от Александра I польскую конституцию, он считал своим долгом ее соблюдать и не отступал от обязанностей конституционного монарха до разрыва с Польшей в 1831 году.

Весной 1829 г. Николай I короновался польской короной, но при этом отказался от совершения этой церемонии в католическом соборе и только по настоянию Константина Павловича присутствовал в нем на молебне

после того, как она прошла в королевском замке. На 1830 г. был назначен созыв сейма, не собиравшегося с 1825 года. Внешне заседания его прошли благополучно, но показали, что оппозиция с ее идеалом национальной независимости жива и имеет сильное влияние среди шляхты и офицерства. Полученные в Варшаве известия о революции во Франции действовали на них возбуждающе. 17 ноября 1830 г. толпы студентов и воспитанников военной школы ворвались в Бельведер — резиденцию великого князя Константина, разгромили арсенал. Варшава, а за нею и все Царство Польское были охвачены восстанием. Повстанцы избрали временное правительство, которое направило в Петербург делегацию для переговоров с Николаем I. Основным требованием ее было присоединение к Польше отошедших к России восточных земель Речи Посполитой и сохранение конституции. Польское крестьянство, угнетенное шляхтой, не поддержало восстания. По замечанию Н. Данилевского, «восстание ничем другим не объяснялось, как досадою поляков на неосуществление их планов к восстановлению древнего величия Польши»⁴⁰, созревавших в польском обществе со времени наполеоновских войн и демагогически поддерживавшихся Александром I.

Известие о восстании Николай I получил 25 ноября. Главнокомандующим армии, направляемой в Польшу, он назначил И. И. Дибича. 12 декабря правительством был выпущен манифест к польскому народу, в котором восставшим было обещано прощение при условии, что они немедленно вернуться к исполнению своего долга и отпустят пленных. Однако сейм в своем обращении к народу заявил, что не сложит оружия, пока не завоеует независимости. 13 января 1831 г. сейм объявил династию Романовых лишенной польского престола. В ответном манифесте Николая I от 25 января говорилось: «Сие наглое забвение всех прав и клятв, сие упорство в зломыслии исполнило меру преступлений; настало время употребить силу против незнающих раскаяния»⁴¹. В одном из писем Николая I Константину Павловичу говорилось: «Кто из двух должен погибнуть — так как погибнуть, видимо, необходимо, — Россия или Польша? Решайте сами»⁴². Те же настроения выразил Пушкин в своем стихотворении «Клеветникам России».

Начались военные действия. Под Гроховым Дибич разбил повстанцев, но не использовал результатов своей победы и вместо того, чтобы штурмовать Варшаву, приказал войскам отойти. Вскоре вместо умершего от свирепствовавшей тогда холеры Дибича был назначен И. Ф. Паскевич. Его войска перешли Вислу и к июлю стояли у Варшавы. Прежде, чем начать штурм, Паскевич обещал амнистию и сохранение конституции полякам при условии сдачи города, но его предложение было отклонено. 26 августа 1831 Варшава пала.

После подавления польского восстания мысль об исправлении исторической несправедливости разделов Речи Посполитой в XVIII в., которую отчасти разделяли Павел I и Александр I, была надолго похоронена. В политике России возобладало противоположное мнение о глубокой пропасти, разделявшей интересы Польши и России. Царское правительство стало рассматривать Царство Польское исключительно как западную часть империи. Николай I отнял у Польши конституцию. Нескрываемая радость звучала в его словах, обращенных к Паскевичу: «Я получил ковчег с покойницей конституцией, за которую благодарю весьма, она изволит покоиться в Оружейной палате»⁴³. В 1832 г. Николай I издал «Органический статут», определивший государственный строй Польши: название «Царство Польское» сохранялось, коронование царя польской короной, особое польское войско и сейм упразднились.

Посетив Варшаву в 1835 г., Николай I обратился к представителям польской знати с предупреждением: «Если вы будете лелеять мечту о... независимой Польше и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По велению моему воздвигается здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город; я разрушу Варшаву и уж, конечно, я не отстрою ее снова»⁴⁴.

В политике русификации Царства Польского правительство Николая I старалось опереться прежде всего на крестьянство. Были приняты меры для

ограничения там крепостного права. Наиболее крупной из них было введение в Западном крае в 1846 г. инвентарей, которые законодательным путем определяли норму крестьянских повинностей. Борьба царизма с польским национально-освободительным движением вылилась и в меры ограничительного и реакционного характера в области народного просвещения и вероисповедания. Была введена цензура, затруднен выезд за границу, в 1839 г. учрежден Варшавский учебный округ и введено преподавание в средних учебных заведениях на русском языке. Варшавский университет был закрыт. Притеснялось католичество, закрывались монастыри. Эта реакционная политика еще более осложнила непростые, полные противоречий русско-польские отношения и не смогла предотвратить нового революционного взрыва в Царстве Польском в 1863 году.

Характер Николая I, его взгляды и убеждения оказали большое влияние на внешнеполитический курс Российской империи. В первые годы своего правления он проявлял в своих дипломатических заявлениях большую осторожность. Не имея опыта, он чувствовал себя скованно среди послов и во время докладов министра иностранных дел К. В. Нессельроде. Но император быстро разглядел в нем простого канцеляриста, который сможет написать по-французски то, что ему прикажут, но который совершенно не способен подать самостоятельный совет. Оставив Нессельроде у руля внешней политики, Николай I полностью подчинил себе эту отрасль государственного управления, и вскоре она сделалась одним из любимейших его занятий.

В отличие от Александра I, никогда не забывавшего, что он — монарх европейской державы, и болезненно относившегося к мнению Запада о российских делах, Николай I буквально с первого дня царствования проявил себя иначе: 14 декабря на Сенатской площади, когда к нему подошел представитель дипломатического корпуса, выражая готовность поддержать авторитет молодого царя своим присутствием в его свите, Николай I ответил, что «эта сцена — дело семейное, и в ней Европе делать нечего»⁴⁵.

Господствующей мыслью в дипломатической деятельности Николая I было убеждение в необходимости неустанной борьбы с революцией, где бы и в чем бы она ни проявлялась. В этом он был последователен, заступаясь даже за турецкого султана от восставших христиан, не допуская агитации в пользу славян ни в Османской империи, ни в Австрии. «Он не желал позволить, чтобы вассалы и подданные (хотя бы и православные) восставали против законной власти»⁴⁶. На первый взгляд такая постановка вопроса кажется противоречащей интересам России. Но К. Н. Леонтьев считал заслугой Николая I то, что он «постигал в то время, что эмансипационная политика и за пределами своего государства есть дело, хотя бы и выгодное вначале, но по существу крайне опасное и могущее при малейшей неосторожности обратиться на собственную главу эмансипатора»⁴⁷.

Первым шагом Николая I во внешней политике стало соглашение с Англией по греческому вопросу. 4 апреля 1826 г. был подписан Петербургский протокол, требовавший образования Греческого государства, имеющего свое правительство, зависимое от Турции только в финансовом отношении. Россия и Англия обязались поддерживать друг друга при реализации этого соглашения. Оно вызвало беспокойство австрийского канцлера К.-В. Меттерниха, узревшего в нем несоблюдение принципов Священного Союза. Напуганные ультиматумом, турки подписали в октябре 1826 г. Аккерманскую конвенцию. Тем временем к соглашению присоединилась Франция. К ужасу Австрии образовался союз трех великих держав против Турции. В 1827 г. в Лондоне была подписана конвенция об их сотрудничестве в деле защиты греческого восстания. Она предусматривала посылку эскадры трех держав в турецкие воды.

20 октября 1827 г. турецко-египетский флот был уничтожен в бухте Наварин эскадрой трех держав. Однако и после этого султан Махмуд II не признал независимости Греции. Довершить дело ее освобождения российское правительство решило путем войны, которая обеспечила бы России свободу торговли через проливы и упрочила бы ее влияние на Балканах

и в Закавказье. В мае 1828 г. начались военные действия. Русская армия, обучавшаяся на плац-парадах, не могла вначале одолеть сопротивления турок, и казалось, что кампания закончится ничем, к ликованию австрийской дипломатии. Но вскоре на Закавказском театре военных действий Паскевич взял Карс, а на Балканах войска, предводительствуемые Дибичем, заняли Силистрию и Адрианополь. Разумеется, что с определившимся успехом русских войск вся Европа заволновалась, и Николай I убедился, что не только Австрия, но и его союзники — Англия и Франция — ревниво следят за движением русских войск к Константинополю.

Опасаясь международных осложнений, Николай I поспешил закончить войну и выдвинул свои требования. 14 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мир. Турция потеряла черноморский берег от устья Кубани до пристани св. Николая. На Дунае к России отходили острова в дельте, южный рукав устья реки становился границей. Русские торговые суда получили подтверждение своих прав на свободный проход через Босфор и Дарданеллы. Что касается Греции, то она объявлялась самостоятельным государством, связанным с султаном лишь обязательством ежегодных платежей; населению Греции предоставлялось право избрать монарха из царствующих в Европе династий (но не Англии и не России)⁴⁸. Таким образом, победа России в войне обеспечила Греции государственную независимость и упрочила автономию Сербии, Молдавии и Валахии. Адрианопольский мир явился важнейшей вехой в освобождении балканских народов от османского ига и одной из блестящих побед дипломатии Николая I.

Поставив целью своей внутренней политики охранение существовавшего общественно-политического строя, Николай I и во внешней политике придерживался начал легитимизма и Священного Союза. В его глазах борьба с революционным движением в Европе была и борьбой за реальные интересы России как европейской державы. Основной задачей его внешней политики было окончательное упрочение положения России на Востоке, обеспечение ее позиций на берегах Черного моря и свободного выхода русского флота через проливы. К этой основной задаче присоединялась другая — поддержание в Европе престижа России путем защиты *status quo* с теми уступками, которые были сделаны новому порядку к 1815 г., но с твердой решимостью не идти на дальнейшие.

Обе эти задачи — возвращение к традиционной российской политике XVIII в. в Восточном вопросе и продолжение политики Священного Союза — окрашивались у Николая I в одну и ту же легитимистскую окраску. Поэтому, выступая в 1826—1827 гг. в поддержку Греции, он вовсе не имел целью поддержать греческое освободительное движение, а только проводил ту линию в решении Восточного вопроса, которая была выгодна в тот момент интересам России.

Наиважнейшее значение придавал Николай I союзу с Австрией и Пруссией. Эти государства рассматривались им как необходимая часть его политической охранительной системы. Связанный семейными узами с берлинским двором и искренне расположенный к прусскому королевскому семейству, Николай I, однако, с неудовольствием относился к попыткам Пруссии возглавить национальное движение в Германии, особенно после 1840 г., когда на престол вступил Фридрих-Вильгельм IV. В политике Пруссии, стремившейся к объединению Германии и гегемонии в Европе, Николай I видел измену Священному Союзу. Поэтому, несмотря на свои прусские симпатии, он поддерживал тесные связи с Австрией и всегда выступал в роли защитника Габсбургов, как только в тех или других частях их многонациональной лоскутной империи появлялись симптомы, грозившие ее ослаблением или распадом.

С особенной тревогой следил Николай I за источником всех революционных потрясений — Францией. Предвидя неминуемый взрыв в этой стране, он осуждал слишком резкие, ультрареакционные меры Карла X, но его падение и переход власти к Луи-Филиппу в 1830 г. воспринял как вызов «старому порядку». Однако, убедившись в консервативном, компро-

миссном характере монархии Луи-Филиппа, Николай I согласился признать новый порядок во Франции. Но чувство неприязни к французскому королю, заигрывавшему с революционерами, было у Николая I настолько сильно, что он со злорадством отнесся к падению монархии Луи-Филиппа в 1848 году.

Под впечатлением польского восстания 1830—1831 гг. и революции во Франции Николай I возвращается к принципам Священного Союза, от которых он отошел в начале своего царствования. В 1833 г. он заключает конвенцию с Австрией и Пруссией, направленную против революционных сил в Европе. Державы «по зрелому обсуждению тех опасностей, которые продолжают угрожать порядку, установленному в Европе публичным правом и договорами 1815 года, единодушно решили укрепить охранительную систему, составляющую незыблемое основание их политики»⁴⁹.

1840 год является той хронологической границей, которая разделяет царствование Николая I на два периода. К концу 30-х годов XIX в. ему удалось достичь немалых результатов во внутренней и внешней политике (составление Свода законов в 1833 г., устройство положения государственных крестьян в 1837 г., финансовая реформа 1839 г., Адрианопольский мир 1829 г.). С начала 40-х годов XIX в. картина меняется. Редет количественно и падает качественно состав сотрудников Николая I; после 1842 г. Киселев считает крестьянский вопрос проигранным, финансовые меры принимают более рискованный характер. Лондонская конференция 1840 г., созванная для «обеспечения независимости и целостности Турции», явилась прямым ударом по престижу России, претендовавшей на преобладание в вопросах восточной политики. С этого же времени, после перехода европейских армий на более скорострельное вооружение, а главных мировых флотов — на паровые двигатели, — Россия начинает отставать в военном отношении.

В феврале 1848 г. вспыхнула революция во Франции, была провозглашена республика. Дипломатические отношения России с Францией тотчас были прерваны. Между тем революция в Европе продолжала разгораться, захватив Пруссию и Австрию. Меттерних вынужден был бежать из Вены. Эти события потрясли Николая I. Он лично составил манифест от 14 марта 1848 г., в котором говорится: «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся наконец и союзных нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей, Богом нам вверенной России»⁵⁰.

Наметилось резкое противостояние революционной Европы и царской России. Всеми силами стремясь задушить революцию, Николай I ввел русские войска в придунайские княжества, что вызвало протест Англии. Для подавления восстания в Италии новому австрийскому правительству были выделены крупные денежные суммы. Когда в начале 1849 г. революция охватила Венгрию, австрийское правительство обратилось к Николаю I за помощью. Манифест от 26 апреля известил о вступлении 100-тысячной русской армии в Галицию. Повстанцы были разбиты, пленные венгерские генералы выданы Австрии. Однако когда Николай I узнал, что 13 из них были казнены, он поручил Нессельроде выразить австрийскому кабинету «неодобрение подобной бесцельной жестокости». Подавление венгерского восстания было триумфом охранительной внешней политики Николая I, которого называли «жандармом Европы».

Эта политика вызвала недовольство тех европейских правительств, которые самым своим существованием были обязаны России, — Австрии и Пруссии. Они с тревогой и завистью следили за ростом гегемонии Российской империи на востоке. Нового врага заполучил Николай I в лице Наполеона III, провозгласившего себя французским императором в 1852 году. Николай отказался признать его легитимным монархом, называя в переписке не «братом», а только «другом». Это оскорбляло и раздражало самолюбивого Наполеона III. Его политика, враждебная России, ставила

целью разрушение европейского монархического союза 1833 года. Удачно выбрав момент, когда произошло охлаждение отношений России с Пруссией, а отчасти и с Австрией, он направил удар на первую из этих держав, как на наиболее последовательно проводившую принцип легитимизма, столь враждебного Наполеону III. Упоенный своим успехом 1848 г. и особенно тем, что революция не проникла в Россию, Николай I видел в сложившейся ситуации благоприятный момент для того, чтобы вернуть все, утраченное им в Восточном вопросе с конца 1830-х годов. Он явно переоценил свои силы, считая, что европейские державы, ослабленные революцией, пойдут на уступки России.

Поводом к конфликту послужило нарушение турецким правительством прав православной церкви в Палестине. По наущению Франции ключи от Вифлеемского храма были переданы католикам. Как отмечает Н. Я. Данилевский, «само требование Франции было не что иное, как вызов, сделанный России, не принять которого не позволяли честь и достоинство. Этот спор о ключе, который многие представляют себе чем-то ничтожным... имел для России, даже с исключительно политической точки зрения, гораздо более важности, чем какой-нибудь вопрос о границах»⁵¹. Речь шла о престиже России в глазах славянского мира, о ее государственных интересах. По требованию России в июле 1853 г. на конференции представителей пяти европейских держав была составлена примирительная Венская нота, которая удовлетворила Николая I, но была отвергнута турецким султаном.

Наполеон III и английский посланник лорд Редклиф толкали Турцию к войне с Россией. Тогда Николай I занял 80-тысячной армией Дунайские княжества, требуя от Турции исполнения договоров. Однако вскоре ему пришлось убедиться, что в Европе у него нет ни одного союзника. Против России выступили Англия, Франция, Турция и Сардиния. Оказавшись лицом к лицу с враждебной коалицией, Николай I предпринял отчаянный шаг: у него возникла мысль придать готовящейся войне освободительный характер и провозгласить независимость народов, поработанных Портой. Этот план излагался им в записке канцлеру Нессельроде в ноябре 1853 года. Но тот воспротивился этому плану, находя его противоречащим той политике, которой десятилетиями придерживалась Россия. Мнение канцлера восторжествовало, и Россия вступила в войну, находясь в политической изоляции.

Общественное мнение Германии было настроено крайне враждебно к России. Каждый успех, одержанный не только западными державами, но и турками, праздновали везде как успех общего дела всей Европы. Но больше всего поразила Николая I позиция Австрии, еще недавно спасенной им от расчленения. Сосредоточив у границ России огромную армию и угрожая вторжением, она заставила Николая I вывести войска из Молдавии и Валахии, после чего оба княжества были оккупированы австрийцами.

В начале 1854 г. Николаем I был намечен план военных действий. Он предусматривал встречу с неприятелем в Крыму, на Кавказе и в Бессарабии. В течение лета 1854 г. английским флотом были осуществлены нападения на русские берега на Балтийском и Белом морях и на Тихом океане, но успеха они не имели. Военные действия в Закавказье и на Черноморском побережье, вначале успешные для русских войск, потеряли вскоре свое значение, так как в Крыму высадился десант англо-французских войск в 62 тыс. человек. Русских войск на полуострове было не более 52 тысяч. Первая встреча с противником 7 сентября, при Альме, окончилась неудачей, и русские войска отступили. Вход в Севастопольскую бухту был закрыт затопленными судами. С 11 сентября началась осада Севастополя, продолжавшаяся 350 дней.

Неудачи русских войск в Крыму и колоссальное перенапряжение физических и нравственных сил подорвали здоровье Николая I. Посвящая по 17 часов в сутки делам, он, несмотря на недомогание, продолжал работать даже по ночам. 9 февраля 1855 г. он присутствовал в манеже Инженерного замка на смотре батальонов лейб-гвардии Измайловского и Егерского полков, отправлявшихся в действующую армию. На просьбы докторов не

выходить на воздух, Николай I ответил отказом⁵². Он выехал из дворца в легком плаще, несмотря на 20-градусный мороз. Простуда усилилась, и к вечеру император вернулся во дворец совершенно больным. На следующий день он опять отправился на смотр гвардейских войск. Этот выезд был последним.

Воспаление легких развивалось с ужасающей быстротой. 17 февраля состояние Николая I стало критическим. Он находился в полном сознании, исповедался и причастился. Благославляя своего сына, наследника престола Александра, он сказал ему: «Служи России! Мне хотелось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе...»⁵³. Простившись с членами семьи, Николай I приказал поблагодарить от его имени за верную службу гвардию, армию, флот и особенно защитников Севастополя. Он сам назначил место в Петропавловском соборе для своей могилы, погребение просил совершить скромно, и срок траура назначить самый короткий.

После смерти Николая I в столице распространились слухи о том, что император, не пережив позора поражения, отравился, приняв яд, который приготовил для него лейб-медик Мандт. Эти слухи отразились и в литературе. И хотя до настоящего времени нет достаточных данных, чтобы судить об их достоверности, маловероятно, что такой верующий человек, каким был Николай I, обладавший, к тому же, сильной волей и мужеством, совершил бы грех самоубийства.

Но смерть его была символична. Все существо Николая I срослось с той правительственной системой, выражением которой было его царствование, и он не мог пережить крушения своих идеалов, унижения России, неверности союзников. Со смертью этого «гения-охранителя»⁵⁴, как называл Николая I К. Н. Леонтьев, в истории России началась новая эпоха.

Примечания

1. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Апогей самодержавия: Николай I. Л. 1925, с. 3.
2. ГЕРЦЕН А. И. Собр. соч. Т. 4. М. 1975, с. 58.
3. ЛЕОНТЬЕВ К. Н. Цветущая сложность. М. 1992, с. 237, 243.
4. ГЛИНСКИЙ Б. Б. Царские дети и их наставники. СПб. 1912, с. 226.
5. Цит. по: ЧУЛКОВ Г. И. Императоры. М. 1991, с. 171.
6. ШИЛЬДЕР Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб. 1903, с. 22.
7. Цит. по: ГЛИНСКИЙ Б. Б. Ук. соч., с. 256.
8. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 13.
9. Жизнь императоров и их фаворитов. М. 1992, с. 554.
10. Русская старина, 1896, № 10, с. 11.
11. ТЮТЧЕВА А. Ф. При дворе двух императоров. М. 1990, с. 103.
12. ЧУЛКОВ Г. И. Ук. соч., с. 176.
13. КОЗЛОВСКИЙ П. Б. Дневник.— Русский архив, 1892, т. 2, с. 12.
14. Жизнь императоров и их фаворитов, с. 575.
15. ЧУЛКОВ Г. И. Ук. соч., с. 176.
16. Там же.
17. ПОЛИЕВКТОВ М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. М. 1918, с. 44.
18. Там же, с. 48.
19. ЧУЛКОВ Г. И. Ук. соч., с. 182.
20. Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.-Л. 1926, с. 23.
21. Там же, с. 31.
22. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л. 1991, с. 453.
23. АНАНЬИЧ Б., ЧЕРНУХА В. Первый шаг к революции.— Родина, 1991, № 9, с. 28.
24. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 25.
25. Там же, с. 33.
26. ПОЛИЕВКТОВ М. А. Ук. соч., с. 309.
27. Там же, с. 312—313.
28. Там же, с. 315.

29. ФИЛИППОВ А. Император Николай I и Сперанский. Юрьев, 1897, с. 5.
30. Русские мемуары 1826—1856. М. 1990, с. 304.
31. ГОРДИН Я. А. Право на поединок. Л. 1989, с. 157.
32. ПОЛИЕВКТОВ М. А. Ук. соч., с. 83.
33. ВРАНГЕЛЬ Н. П. Искусство и государь Николай Павлович. Пг. 1915, с. 3.
34. Столица и усадьба, 1915, № 46, с. 11.
35. ВЕРЕСАЕВ В. В. Пушкин в жизни. Сочинения. Т. 2. М. 1990, с. 288.
36. ФЕДОРОВА Е. В. Гибель Пушкина.— Вестник МГУ, 1991, № 3, с. 44.
37. ШИМАН П. М. Император Николай I.— Русский архив, 1902, № 3, с. 163.
38. Русский архив, 1902, т. 1, с. 462.
39. Исторический вестник, 1910, январь, с. 109—110.
40. ДАНИЛЕВСКИЙ Н. Я. Россия и Европа. М. 1991, с. 37.
41. ПОЛИЕВКТОВ М. А. Ук. соч., с. 131.
42. Там же, с. 132.
43. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 65.
44. ПОЛИЕВКТОВ М. А. Ук. соч., с. 141.
45. ЧУЛКОВ Г. И. Ук. соч., с. 186.
46. ЛЕОНТЬЕВ К. Н. Ук. соч., с. 242.
47. Там же.
48. История дипломатии. Т. 1. М. 1959, с. 542—544.
49. ЧУЛКОВ Г. И. Ук. соч., с. 214.
50. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 73.
51. ДАНИЛЕВСКИЙ Н. Я. Ук. соч., с. 14.
52. Жизнь императоров и их фаворитов с. 582.
53. Там же, с. 589.
54. ЛЕОНТЬЕВ К. Н. Ук. соч., с. 243.

Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р. В. Малиновского (май — ноябрь 1914 г.)

9. *Протоколы заседаний следственной комиссии 17(4), 18(5), 23(10), 24(11) июля 1914 г.*¹

Заседание комиссии 17/VII.1914.

Комиссия постановляет сообщить свидетелю тов. Е. Ф.² следующее: комиссия назначена Центральным Комитетом РСДРП в составе трех лиц; комиссия не считает возможным даже выслушивать от отдельных свидетелей какие-либо заявления по поводу ее состава; комиссия находится в полномочном составе и предлагает свидетелю тов. Е. Ф. немедленно приступить к даче показаний. В случае отказа комиссия сочтет своим долгом довести об этом до сведения назначившей ее коллегии, т. е. до сведения ЦК РСДРП.

Заседание комиссии 17.VII.1914, пятница, 6 1/2 ч. вечера³.

Тов. Е. Ф. показала (после прочтения заявления от комиссии на стр. 1 и после сообщения об обязанностях молчания и несношения с другими свидетелями на время допросов до их конца); (6 ч. 50): В Краков я приехала на Рождество 1913—1914 г. (Уверенность в том, что Малиновский провокатор, оставалась во мне осенью 1913 г., потом исчезла.) Деятельность во фракции меня так охватила, что не было времени останавливаться на этом вопросе.

Лишь один факт снова заставил мелькнуть мысли о провокаторстве. Вот этот факт: в конце ноября или начале декабря 1913 г., на заседании русской коллегии ЦК с доверенными лицами (Медведев и Правдин), Бадаев⁴, Григорий Иванович⁵, Малиновский и я (делал доклад об организации в Петербурге Бадаев), на этом собрании было решено устроить собрание ПК с представительством от ЦК. Я обратилась по этому поводу к секретарю ПК с просьбой устроить собрание. День был назначен Петербургским комитетом и мне сообщен адрес, место, день и т. д. Возник вопрос, кто пойдет от коллегии ЦК. Григорий Иванович отказался, не помню почему. Малиновский сначала согласился и спросил где? Я дала ему адрес словесно. Подумав, Малиновский отказался по конспиративным соображениям. Хотела идти я, но все (Правдин, Калинин⁶ и все остальные) решили, что это неудобно. Решили поручить доклад Уралке⁷, которая в то время была секретарем ПК. Как организовывалось это собрание (должно было быть 9 человек), я не знаю. Устраивали Уралка и Бруно⁸ (кличка), оба — члены ПК (Исполнительной комиссии тогда не было.) Медведев не был членом ПК.

Назначено было в 3 часа дня на Охте (№ 75, там три номера, 75а и 75б, кв.?, улицы — не помню). На улице с паролем должен был ожидать человек. Поэтому квартиры не сообщили. К трем часам явилась в назначенный день полиция в один из этих трех домов, но попала не в тот дом, где было назначено собрание. Было

Окончание. См. Вопросы истории, 1993, №№ 9, 10.

сообщено о приходе в соседний дом полиции и собрание разошлось. Арестов не было. Полиция искала всюду женщину, девицу, описывая наружность (наверное ли описывали наружность, не помню). Из двух мест мне говорили об этом: Бруно и Медведев, наверное об этом говорила мне и Уралка. Бруно был там, Медведев не должен был быть и не был. Потом мне многие лица говорили об этом.

Я заподозрила Малиновского, но мельком. Адрес был известен всем членам ПК (8 человек), мне, Малиновскому, Бадаеву (?), в «Правде» не был известен. Правдину не был известен, Калинин был, Медведеву — не знаю, я во всяком случае ему не сообщала. Я помню, что сказала Малиновскому весь адрес. От момента разговора с Малиновским до заседания ПК был один день, т. е. накануне вечером, насколько я помню. Я тогда еще не жила у Малиновского. Разговор с Малиновским был во фракции часов в 5—6 накануне собрания ПК.

Когда я была здесь, в Кракове (Рождество 1913—1914 г.), у меня было к нему почти полное доверие. И я ни с кем абсолютно ни тогда, ни после об этом подозрении не говорила. Мне хотелось даже указать заграничным членам ЦК, что отстранение Малиновского от дел «Правды» вызывает у него сугубую нервность, и следовало бы вернуть ему эту должность.

Когда я вернулась в Петербург в январе 1914 г. (10/1.1914), начинается ряд фактов, вызывавших подозрения. Вернувшись, я узнала об аресте Правдина, Медведева и некоторых других. Арест Правдина мне показался в высшей степени подозрительным. Первым, кто мне сказал про странность ареста Правдина, был Григорий Иванович, который не объяснил мне, в чем странность. После ареста Правдина мне поручено было обратиться к Калинин с предложением кооптации. (Предложили Григорий Иванович и Малиновский, вернувшийся из Брюсселя ?) Точно утверждать, что я обратилась к Калинин после приезда Малиновского, не могу. Может быть, дело было до приезда Малиновского.

Калинин назначил мне свидание очень конспиративно, в одном из культурных просветительных обществ. Калинин сказал: «Ни за что не согласен: в верхах явная провокация, именно наверху». — «На каком основании?» — «А вот что сказали Правдину в охранке: что он член ЦК и выбран на осеннем совещании. Об этом знали только два человека. — Григорий Иванович и Роман. Значит провокация за границей. Я, — говорит Калинин, — допускаю, что один из заграничных членов ЦК, может быть, Ленин, — провокатор. Напишите, — говорит, — обязательно за границу, что я отказался». Я, кажется, не написала об этом. Вспоминаю, написала. Письмо за границу об отказе Калинина писано не моей рукой, а Петром, товарищем секретаря (фактически он был личным секретарем Малиновского). Он часто переписывал мои письма. Он теперь в Лондоне.

Рассказ Калинина вызвал во мне сильные подозрения против Малиновского. В Питере тогда ходили усиленные слухи о провокации в связи с арестами Правдина, Ветрова и других. От кого я слышала эти слухи, сейчас не припомню, но от очень многих: Калинина, Григория Ивановича, жены Правдина и др. Вероятно, Калинин говорил со слов жены Правдина, которая виделась с мужем на свидании в предварилке. Там говорят свободно. С Калининым был лишь один этот разговор. К Малиновскому у него было полное доверие. С женой Правдина я не говорила по этому вопросу. (Абсолютно никому не говорила об этих подозрениях против Малиновского.)

Дело Ветрова

Говорили, что он должен быть освобожден. Приехал от латышей ¹⁰ Малиновский. Я в первый же день сказала ему, что дело Ветрова кончено и что он не сегодня-завтра будет освобожден. Малиновский удивился очень и выразил сомнение, будет ли это так. Мне показалось, что ему это неприятно. (О том, почему это могло бы быть, скажу дальше.) Через неделю Ветров сидит. Спрашиваю жену Ветрова. Говорит: «Странно, дело вдруг круто изменилось. Какое-то осложнение или перемена взгляда у жандармов. Слухи ходят, будто его принимали за кого-то другого. Устраивали очную ставку со мной (т. е. с женой), предъявляли его самого, спрашивая, Ваш ли это муж?» О том, что в деле Ветрова есть провокация, мне кто-то говорил. Кто, не помню. Чуть ли не Мирон. Говорили очень уверенно, со слов лиц, близких к Ветрову.

У меня усилилось подозрение против Малиновского. Я стала тогда шаг за

шагом наблюдать Малиновского, говоря ему, что везде и повсюду провокация. У него, Малиновского, наблюдалось, безусловно, беспокойство по поводу разговоров о провокации, он ёжился, отводил глаза, проявлял известную нервность, смущался. Я сознательно ставила ему вопрос о провокации и однажды сказала: «Уйду из фракции». Он ответил: «Не понимаю. Я не вижу провокации. Тут стремление дезорганизовать наши ряды». Сказал с большим раздражением. Однажды, после его приезда из-за границы, он (Малиновский) говорил о том, что в верхах есть видный провокатор, видный литератор, пожилой, стоящий близко (предположить, что Ольминский ¹¹, невозможно). Я говорю: «Нельзя же считать Мирона видным литератором». Он ответил: «Да, конечно». У меня было впечатление, что он хотел назвать Мирона, но не решился. Мне показалось странным, что он не видит оснований искать провокации и в то же время верит Бурцеву. (Никому обо всех этих подозрениях не говорила, даже Григорию Ивановичу, который вообще знал о моих подозрениях, не говорила в силу обещания, данного заграничным членам ЦК.)

Малиновский был против того, чтобы я поселилась у него на квартире. Это было очень странно. Я поселилась у него до его приезда с согласия его жены. Приехав, он довольно резко высказался против моего поселения у него. А когда я ответила, что готова уйти завтра, он старался смягчить свою резкость. В мотивах он приводил: 1) нежелание, чтобы я видела семейные сцены и 2) один мотив, о котором я упомяну после.

Однажды приходит ко мне Ольминский и сообщает о странном поведении Мирона (конфискации, неосторожность и пр.) и высказывает свои подозрения против Мирона, не называя, однако, его прямо провокатором. Тогда Роман, бывший тут же (я его позвала нарочно, как члена ЦК), тут же была Конкордия ¹², очень живо, быстро ухватился за это и, даже не выслушав до конца Ольминского, заявил: я давно, де, подозреваю Мирона, я ни с кем об этом не говорил, кроме Елены Федоровны. (Мне было это странно, ибо он со мной об этом не говорил.) В разговоре мы все признавали странность поведения Мирона. Одна Конкордия протестовала, защищая Мирона от подозрений в провокации. На другой день поставлен во фракции вопрос о Мироне и решен так, что его нужно удалить из «Правды» («за неумелое ведение газеты»).

В тот же день к вечеру явилась Феодосия Ильинична: «Неужели, де, это правда, что вы подозреваете Мирона в провокации?», «Откуда у Вас эти сведения?» — спросила я ¹³. Она отказалась сообщить. Я стала самым решительным образом опровергать эти слухи, но Роман, опровергая слухи о провокации, отдельными фразами давал понять, что это возможно. Меня это удивило и возмутило, ибо распространение таких слухов было недопустимо. Ольминский болтал о Мироне (чуть ли не у Бончей ¹⁴), и Константин Степанович ¹⁵ однажды стал говорить о недопустимости удаления Мирона в такой форме. Малиновский заявил тогда так: «Ну, понимаешь, бывают такие положения, когда всего сказать нельзя». Это значило сказать все, ибо Константин Степанович не мог понять это иначе, как в виде намека на провокацию. Михаил Степанович ¹⁶ на один вопрос ответил: «Я не ставлю вопроса о провокации Мирона». Тогда Роман заявил: «Я ставлю». (Не помню, кто еще, кроме меня, присутствовал при этом. Могли быть Скрышник ¹⁷ и Константин Степанович.)

Вопрос о Мироне был поставлен коллегией ЦК (торопила я). Было решено допросить ряд лиц: Медведев, жена Правдина, Закс ¹⁸ (не сомневавшийся в провокации и указывавший на Веру берлинскую). Не помню, почему Медведева (указывалось, что и у него есть подозрения), еще Калинина. Распределено было, с кем должны были говорить Григорий Иванович, я и Малиновский. (Формально комиссии следственной не было назначено.) Не помню, было ли решено сообщить об этом в заграничную коллегию ЦК.

Мне было поручено поговорить с Коноваловым ¹⁹ о финансах. Я поехала одна. Кроме денег, я говорила о Ветрове, нельзя ли ему помочь. Относительно денег он отказал категорически. Малиновскому, де, я тогда дал — осенью 1913 г. (он дал 2000 руб. ему). Он указал при этом, что на днях дал некоторую сумму на один легальный журнал, какой и кому, не сказал. О Ветрове обещал похлопотать.

Я все время наблюдала за Малиновским шаг за шагом. Подозрительным казалось мне его стремление обвинить Мирона. У меня это время с Романом (свидетель Григорий Иванович) начали ухудшаться отношения. На какой почве?

Я не могла подходить к Роману с открытой душой и успокаивать его. Это его нервировало страшно. Он, может быть, чувствовал, что у меня есть подозрения против него. Ухудшение отношений надо отнести к началу февраля 1914 г., вплоть до моего ареста 18.II.1914 г. Однажды Малиновский нервничал, скандалил, грубил Шагову²⁰ и Григорию Ивановичу. Я не успокаивала его. Он налетел на меня: «Где моя «Наша Рабочая Газета»?» Я ответила: «Обратитесь к сторожу». Он обрушился на меня, тоже скандалил колоссально. Но у меня в это время была уже полная уверенность, что он провокатор.

В связи с организацией Женского дня меня просили принять участие (в докладе и пр. на собраниях и т. д.). Фракция мне не разрешила этого. Запретили без Романа. А Роман сказал однажды: «Конечно, идите». Я все-таки не пошла. У меня была уверенность, что если у меня испортились отношения с Малиновским, то я буду очень скоро арестована. Особенно подозрительным показалось мне, что в день конфликта из-за номера «Нашей Рабочей Газеты» и скандала, придя домой в 11 часов вечера, Роман спросил у швейцара, дома ли я, и узнав, что нет, ушел, не заходя домой. Я пришла домой и прямо готовилась к аресту. Роман вернулся приблизительно в два с половиной часа ночи. Жена его была очень удивлена. Проходя мимо, когда я его окликнула, он сказал: «Коновалов велел сказать, что Ветров будет завтра освобожден». Тут я решила бесповоротно, что я буду арестована. Мне казалось, что Роман был против моих встреч с Ветровым (а он предполагал, что я к нему больше, чем хорошо отношусь). Так как Роман должен был желать, чтобы мы не встречались с Ветровым, то естественно было, с моей точки зрения, что теперь я буду арестована.

На другой день я все-таки решила, что надо объясниться с Романом. Я его позвала в свою комнату и предложила ему ликвидировать нашу ссору, предлагала возможно мягче. Он был сначала обрадован, но мне показалось, что он как-то смущен, что нет «чистой радости». Вскоре он уехал в Москву. Через два дня я пошла на собрание редакции «Работницы»²¹, вернее совещание, там все сели. Когда полиция явилась, она была очень изумлена, ибо они (видно было) ожидали накрыть собрание работниц. Прежде всего охранник спросил мое имя и фамилию и пошел телефонировать по нашей просьбе. Нас арестовали. Арест мой состоялся во вторник 18.II, а в четверг 20.II или 21.II. был освобожден Ветров. Обдумывая это в тюрьме, я пришла к убеждению, что Малиновский — провокатор, игравший нами как мячиками. (Ветров просидел после постановления совещания недели три, тогда как обыкновенно обязаны освободить на другой день.)

Продолжение. Суббота 18/VII.

По поводу конца предыдущего показания скажу точнее, что мне не надо было обдумывать в тюрьме, ибо целый месяц я была вполне убеждена в провокаторстве Малиновского.

Относительно Правдина добавлю еще, что мне сразу (до того, как я узнала о том, что ему говорили на допросе) показался подозрителен его арест, ибо Правдин был назначен русским ЦК для поездки за границу, что явно было неприятно Малиновскому. Когда я сидела в тюрьме, Малиновский очень обо мне заботился, присылал книжки и т. д. Уверенность моя в его провокаторстве стала несколько рассеиваться, я думаю потому, что стиралось несколько воспоминание о прежних фактах. Вообще все мое существо протестовало всегда против допущения, что он провокатор в силу его положения в партии и т. д.

Среди арестованных по делу «Работницы» в тюрьме велись толки, что здесь есть безусловно провокация. Говорили это Конкордия, Драбкина, еще из работниц Николаева²², Алексеенко, вероятно, и другие. Указывалось на то, что охранник сказал кому-то (не то Куделли²³, не то Конкордии, может быть, и Драбкиной): «У нас были указания, что вы принадлежали к комитету по организации Женского дня. Именно Розмирович, Самойлова и Куделли»: Я лично этим указаниям не придавала значения, считая важным лишь обстоятельства, сопровождавшие мой арест. Когда меня освободили, я встретила Ольгу Григорьевну («Доню»)²⁴, и она сказала мне, что на воле было убеждение, что в нашем деле есть провокация. Подозревали приказчицу Ольгу, которая не была арестована, хотя готовила доклад к этому дню. Когда я по освобождении встретила с Малиновским, его предыдущая деятельность настолько стушеввалась в моих глазах, что у меня не было определенного отношения к нему как провокатору.

В первый же день после моего освобождения (23.IV.1914. меня освободили) у меня был с Малиновским на его квартире большой разговор. Меня поразила его крайняя нервность, превышавшая все, что мне приходилось наблюдать. Он мне рассказывал положение дел вполне откровенно. Между прочим, он задал мне вопрос: «Е. Ф., не бывало ли так, чтобы Вы получали пакет на мое имя?» Я ответила: «Конечно, бывало. Не раз из Государственной думы и др., но я всегда их передавала». Он же ответил: «Я не о тех говорю, какие Вы передавали. А не было ли так, что Вы не передали, а получили его, назвавшись моей женой?». Я была очень удивлена и отрицала решительно. Стала его выспрашивать. Тогда он сказал, что в этом конверте были объяснения Мирона по делу о провокации Заемы²⁵.

Мирон якобы послал эти заявления через швейцара своего дома, каковой швейцар передал, де, этот пакет высокой даме, блондинке, симпатичной. Походила на меня будто бы по приметам. Он тут же прибавил, что он спрашивал жену (она отрицала), прислугу (высокую блондинку Нину), которая тогда уже ушла, — она тоже отрицала. Роман устроил очную ставку их с швейцаром дома, где жил Мирон. Швейцар не опознал их. Так мне рассказал Роман. Когда я стала отрицать по-прежнему, он обещал устроить и мне очную ставку, явно не веря мне.

Я указывала, что до моего ареста этого и не могло быть, ибо Мирон не мог давать объяснений, так как коллегия от него их тогда не требовала. Малиновский сделал недоверчивый жест. «Припомните, — сказала я, — было это до Вашего возвращения из Москвы или после». «После», — ответил он, сначала замывшись. Между тем, я была арестована в тот момент, когда он был в Москве. Весь этот разговор, или во всяком случае его начало, 23 апреля 1914 г. был в присутствии, мне кажется, Шагова. Если бы я получила это заявление до своего ареста, забыв об этом, то оно либо осталось бы в моей комнате, и тогда его взяли бы при обыске, либо оно могло быть в столе у Малиновского, а тогда он его нашел бы.

Тогда я не придавала большого значения этому разговору. Неприятным показалось мне обещание устроить очную ставку. Неприятным только как выражение недоверия. Прошло несколько дней. Однажды мы встретились втроем: я, Роман и Каменев. Я стала рассказывать про потерю пакета от Мирона. При Каменеве я спросила Малиновского, почему же он не устраивает очной ставки.

Добавление к предыдущему

(Роман говорил, что Мирон подозрительно долго не посылал показаний. Наконец он (Роман) спросил Мирона. Мирон ответил: «Полтора-два месяца уже как я их послал».)

Тот ответил: «Швейцар отказался, а кроме того, это неважно теперь, ибо Мирон дал второй раз эти показания». Тут же Малиновский вынул из кармана заявление Мирона, и мы с Каменевым его прочли. Я лично сказала: «Трудно определенно решить, реабилитируют ли эти показания Мирона или нет». Каменев определенно сказал — эти показания Мирона губят. Малиновский был очень доволен этим заключением Каменева. Потом я видела это заявление Мирона на столе во фракции, очевидно, переданное Малиновским.

Я уехала 27/IV.1914 г. в Киев. Тогда у меня отношения к Роману были вполне хорошие, без всякого дурного осадка против него. В день моего отъезда Роман сказал мне, желая поговорить «по душе»: «Мои дни сочтены, я складываю полномочия, говорил Каменеву и другим, никто меня не хочет слушать и верить». Я ответила: «Какой вздор! Вы этого никогда не сделаете». «Почему, де, Вы этого не допускаете?». «Вред для партии и т. д.», — говорила я. «Мое решение созрело, и я не откажусь от него», — ответил он. Я повторила, что не верю.

Говоря о мотивах своих, Роман ссылаясь на атмосферу во фракции. Действительно — это был ад. Учинял этот ад сам Малиновский, скандала колоссально из-за всякого пустячка. Я сама видела это на второй день по освобождению, причем Роман чуть не стулья ломал. Я всегда видела раньше такие или подобные сцены из-за мелочных денежных счетов, вроде потери будто бы рубля и т. п. Объясняла это я тем, что он хотел восстановить себя в роли хозяина в «Правде» — об этом я должна говорить особо. Жалуясь на атмосферу, Роман обвинял всех депутатов, говоря, что с ними нельзя работать. И за границей, де, мне не доверяют (об этом недоверии за границей он говорил мне неоднократно с осени 1913 г.). Недоверие видел в том, что его ограничили в «Правде» и т. п., вообще, де, нетоварищеское отношение, личный режим, деспотизм и т. п.

(Мне показалось, что иногда он допускал недоверие к нему и в полицейском смысле.) В первый мой разговор по освобождению он сказал: «Например, от меня скрыли за границей, что там получено 2000 руб. от определенного лица, нарушая даже постановление... (пропуск в тексте.— *Подгот.*). Значит не доверяли». Я, де, наверное, знаю, что они, за граница, получили эти деньги. При этом Роман имел в виду те 2000 руб., которые я будто бы получила от Коновалова. На деле я их не получала (Григорий Иванович со слов лица, коего он не хотел назвать, говорил, будто Коновалов этому лицу сказал, что он дал, т. е. мне дал, 3000 руб.— всего 5000 руб., из них 2000 руб. Малиновскому, а 3000 руб. мне). Я заявила, что не брала и не могла брать на условии несообщения в ЦК. Недоверие видел в том, например, что Ветров скрывает от него свой адрес. А на деле Малиновский знал, что Ветров служит в Воронеже в Воронежском кредитном банке.

Возвращаюсь к мотивам Малиновского желания уйти. Он, Малиновский, говорил, что вообще дела в руководящем учреждении велись неколлегиально. Применялись приемы, коих он отнюдь оправдать не может. Как на пример он указывал на тактику, которая была применена по отношению к резолюции по национальному вопросу на «летнем» совещании 1913 г. Подробностей не помню и предлагаю обратиться прямо к Малиновскому. Об этом он говорил, кажется, и при Ветрове. Мне же говорил неоднократно. Я всегда защищала руководящее учреждение. Он говорил, что считает себя вообще лишним и в ЦК и во фракции, ввиду недостатков обоих учреждений. И что он, де, вообще устал. Нет сил и т. п. Я в конце разговора повторила, что Вы, де, не уйдете. (Я считала, что не этими мотивами он руководился, не веря в серьезность его слов.) У меня мелькнула очень коварная мысль — о ней скажу потом.

Когда я приехала в Киев, я стала серьезно думать об угрозе Малиновского сложить полномочия. Я ему написала письмо²⁶, что, де, «обдумав на досуге его письмо, я начинаю бояться, что Вы можете уйти. Прошу Вас не решать этого вопроса без меня. Может быть, Вам покажется странным это, но для меня это не безразлично, ибо вред для партии будет велик. (Поскольку Вы мне открыли свою душу как другу, это дает мне право просить Вас.)» Письмо это должно было прийти либо в день сложения полномочий, либо накануне.

Когда Макс в Киеве сказал мне (из газет), что Малиновский ушел из Думы, у меня сразу явилась полная уверенность, что Малиновский провокатор. На меня этот уход произвел колоссальное впечатление, доведя чуть не до истерики. Я тогда же сказала Ветрову, что уверена в провокаторстве Малиновского, о чем раньше никогда не говорила Ветрову. (Это было в Киеве, Макс приехал 9 мая 1914 г., а уехал 12-го, приблизительно, почти точно.) Накануне, приблизительно, у меня был с Максом разговор о Романах, о его странностях в отношении ко мне, разные мелочи. Макс просил его передать мне книги, а он передал свои, и т. п. мелкие странные факты. Макс сказал, что Роман приписал мне взгляд, будто я провал Макса приписываю Мирону, чего я никогда не делала и не могла делать. Роман в деле Мирона все время укрывался за мою спину.

В Киеве, переезжая с квартиры на квартиру, я стала перебирать бумаги, взятые мной из Петербурга. И тут среди бумаг нашла желтый пакет с надписью: «Р. В. Малиновскому», внизу в скобках: «Лично». Пакет распечатанный. Я вынула оттуда бумагу. Это было заявление Мирона, которое я переписала потом химией в книгу, присланную сюда («Н[аша] З[аря]» № 5). Я была чрезвычайно поражена, опустила руки и ахнула. Мать, бывшая здесь, спросила, в чем дело. Сначала я растерялась, а потом подумала: так как для меня не было сомнения, что мне его подсунул Роман, то явилась мысль, не хотел ли он меня обвинить в провокации?

Другое объяснение, на котором я настаиваю сейчас, следующее: ему, Р. В., важно было усилить подозрения против Мирона. С одной стороны, утаив заявление, он хотел затянуть следствие, а с другой стороны, бросал новую тень на Мирона. Этот факт для меня был лишним доказательством провокаторства Малиновского, в чем я не сомневалась и не колебалась после его ухода из Думы. Это же обстоятельство заставило меня написать за границу, выразив уверенность, что он провокатор, и прося допросить меня как свидетельницу. Я нашла пакет в письменном столе в ящике, куда я переложила вещи из корзины, привезенной мной из Питера. Книжки и бумаги укладывала в корзину жена Малиновского, которую я просила уложить их, дав ей книжки и бумаги.

Мои книги и бумаги были только в моей комнате. Рукописей и бумаг было много, много писем и т. п. Полкорзины было занято бумагами и книгами, корзина была большая. Меня ужаснула мысль, какую массу людей я провалила бы, если бы нашли у меня это заявление (провалила бы Ольгу Григорьевну — Доню, Алексея Егоровича Бадаева, себя самую, «Правду», фракцию и т. д.). Макса тогда не было в Киеве, и ему я рассказала уже в Харькове и еще Николаю Васильевичу²⁷. Раньше же ничего Н. В. не говорила о провокации. Больше никому не говорила о провокации.

Об очных ставках Малиновского со швейцаром знала только со слов Малиновского.

Было ли поручено Малиновскому допросить Мирона или запросить его объяснения, делалось без меня, я не знаю. Я была в тюрьме.

Бумаги в Питере у меня были в полном беспорядке, и дети и другие входили в комнату. Я допускаю возможность, что без меня могли принести этот пакет в мою комнату, но странно, кто его распечатал? Конечно, не прислуга. Во время бытности моей в квартире Малиновского я получала много бумаг. Прислуга и жена Малиновского часто складывали у меня на столе письма, адресованные во фракцию. Насчет писем, адресованных лично Р. В., он всегда был очень строг, особенно по отношению к Стефании Андреевне²⁸, требуя передачи только ему.

Мне всегда бросалось в глаза то, что Малиновский, несмотря на революционность своих выступлений в заседаниях фракции и т. п., в думских речах своих революционные места всегда выкидывал. Я считала это странным, думая, что это ему неудобно перед охранкой. Окончательно это объяснение, которого я раньше не формулировала себе, сложилось у меня после его ухода из Думы. Такую же странность видела я в том, что Малиновский был против известных запросов, например, запроса об арестах меня, Абрама и т. п. Ссылался на юридическую необоснованность.

Когда я вернулась в Петербург после «летнего» совещания 1913 г., я сразу увидела, что он, Роман, против привлечения рабочих к хозяйственным делам «Правды», что решено ЦК за границей. Явно недовольный передачей хозяйственных дел «Правды» (по решению ЦК в Поронине осенью 1913 г.) Шагову и Бадаеву²⁹, Малиновский устраивал им много скандалов, а однажды в присутствии Григория Ивановича и многих служащих скандалил колоссально, упрекал их в неумелости, объяснял их неумелостью плохое финансовое положение «Правды» и явно стремился всячески к тому, чтобы эти функции передали ему или, по крайней мере, включили его в хозяйственную комиссию.

Сначала я думала, что это только оскорбленное самолюбие, но потом увидела, что дело не в этом. Ему нужно было именно хозяйство, именно деньги в руках. Предполагаю личные корыстные цели, т. е. захват денег одновременно с уходом из Думы. Вот еще почему мне кажется так: когда меня освободили, в «Правде» было уже около 16 000 руб., и тут Р. В. нервничал уже выше всякой меры, он терял абсолютно голову. После моего освобождения я была при сцене, когда чуть не из-за нескольких рублей Малиновский ругал Шагова и Бадаева чуть не самыми худыми словами, вспоминая все прошлое, — довел до того, что Шагов кричал, выйдя из себя: «Возьми кассу, делай, что хочешь, я больше не могу». Я объясняла это безусловно, надо было быть слепым, чтобы этого не видеть, раздражением Романа по поводу того, что ему не удалось завладеть кассой. При мне бывало, что он заходил в кассу и брал по 1000 руб., но Шагов шел на квартиру к нему и отбирал деньги. Зачем он брал по 1000 руб., я не знаю.

Мне казалось, что все аресты, которые бывали при условиях допущения подозрений против Малиновского, происходили всегда в его отсутствие: в Питере, когда он уезжал из Питера, в Москве, когда он уезжал из Москвы, и т. п. Я объясняю это тем, что он не хотел хлопотать за арестованных, а это было неизбежно, если бы он оставался. Он уклонялся всегда хлопотать за арестованных, делая это всегда через других.

Нас обвиняли в организации Женского дня. Нас обвиняли в принадлежности (официально) к комитету по организации Женского дня. А я на самом деле знаю со слов Менжинской³⁰ (у нее влиятельные связи), что дело это называлось «Дело Е. Ф. Розмирович и других». Я видела тут определенную декорацию, чтобы изъять меня, но парализовать возможность запросов обо мне. Это порождало во мне подозрения против Малиновского.

Насчет «коварной мысли» — у меня возникал вопрос: если он провокатор, что лучше? Молчать ли и обезвредить его, удалив от нелегальной работы, или объявлять его провокатором? (И тем наносить такой удар партии.) Я все колебалась. Эти два, так сказать, «начала» во мне все время боролись. «Коварная мысль» была в том, что, если он из упрямства уйдет из Думы, то, может быть, это будет лучше, ежели он провокатор. Перед уходом из Думы Р. В. выступал во фракции с очень странной тактикой: против трусости мыслей о сохранении депутатских полномочий и т. п., требуя призыва к вооруженному восстанию и т. д. Ему возражал Шагов очень хорошо, а он отвечал: «Мы можем создать вооруженное восстание, мы должны создать его». Это мне показалось крайне подозрительным или, вернее, непонятным, а потом у меня явилось убеждение, что это было прямой провокацией по отношению к фракции.

Елена Розмирович.

Автограф Ленина, подпись — автограф Розмирович

*Заседание, четверг 9 часов вечера 23 (10) июля. **

Адрес ПК

Е. Ф. Сообщала адрес для собрания ПК Петровскому, Малиновскому, Калинину. Точный адрес сообщила Малиновскому. Когда я говорила Малиновскому, нашего разговора никто не слышал. Дело было во фракции. Был ли кто в комнате — не помню. Кажется, кто-то был у стола. Я говорила вполголоса. Адреса Малиновский не записывал. Не помню, переспрашивал ли.

М а л и н о в с к и й. 1) Категорически отрицаю, чтобы мне был сообщен адрес, 2) о перепутанных адресах узнал от Симы ³¹, 3) категорически восставал против того, чтобы Е. Ф. пошла (чтобы она вообще не ходила никуда, кроме фракции). Дело (разговор с Е. Ф.) было в субботу или в воскресенье утром во фракции, около печки, у дверей. Не помню, был ли кто в комнате. Я никогда не ходил на заседания ПК, МК и т. п. Была ли для меня разница идти на Охту или в другое место, на этот вопрос отвечу одной комиссии. Я объяснял провал тем, что выследили через Уралку, которая не подходила к питерской работе.

Е. Ф. Не в день собрания, а накануне был разговор. Собрание было важное — ПК с членами русской коллегии. На собрание работников перед Женским днем Малиновский советовал мне идти. Полиция искала женщину, — так мне сообщил Бруно, член ПК. Каким путем это установлено, неизвестно. Предполагая тут провокацию, товарищи не делали шагов к расследованию и не предлагали конкретных мер, не высказывали подозрений относительно известных лиц.

М а л и н о в с к и й. Дома маленькие, деревянные, по две квартиры. Бабы болтали о посещении полиции.

Ч и т а е т с я показание Г. И. Петровского о разговоре Е. Ф. с Малиновским.

Свидетель Петровский Г. И. показал: Я присутствовал при разговоре Е. Ф. с Малиновским насчет того, чтобы он пошел на собрание ПК. Малиновский спросил: «Где? Если на Охте, то не пойду». Е. Ф. ответила, что на Охте, а чтобы она передавала точный адрес, того я не слышал. Дело было во фракции. Я наблюдал нередко недоверие и боязнь майоризации по отношению к загранице со стороны Малиновского. Два раза Малиновский давал мне знать, где будут собираться путиловские рабочие для моего доклада, и оба раза эти места были провалены: приходила полиция. Кроме участников собрания, едва ли кто знал об этом. Было высказываемо подозрение на Тимофея Кисова.

Я бывал неоднократно в квартире Малиновского, когда там жила Е. Ф. Бумаг была масса, порядок вроде того, что у Вас (В. И. ³²) на столе. Я допускаю возможность, что Е. Ф. забыла о получении пакета.

Ольминский высказывал сильные подозрения против Мирона. Каменев толковал письмо Мирона ³³ в худом, но не в провокационном смысле (недоговоренность, неясность). Малиновский говорил мне, что считает Мирона провокатором.

Отношения Е. Ф. к Малиновскому были сначала «ровные», а потом они стали неприязненные. Возникали конфликты в силу скандалов Малиновского. Особой дружбы или личной близости не видал. На почве отношений Е. Ф. к Ветрову особой озлобленности не наблюдал. Я не думаю, чтобы задержка в освобождении Ветрова

вызывала какие бы то ни было подозрения, так как Ветров слишком часто бывал в «Правде» и во фракции и т. д.

Петровский.

Запись показаний Петровского — автограф Ленина, подпись — автограф Петровского

Е. Ф. Этого не могло быть, я сказала адрес. При разговоре никого не было. Малиновский спросил, где? и, подумав, ответил, что не пойдет. Может быть, Малиновский об адресе и не спрашивал, я не знаю Петербурга.

М а л и н о в с к и й. Допускаю, что могло это быть. Припомнить точно невозможно.

Кооптация Правдина.

М а л и н о в с к и й. Правдин сидел еще в тюрьме. Или Петровский, или Е. Ф. сообщили, что Правдину сказали, что он кооптирован в ЦК и именно на «летнем» совещании. Вдруг я на Садовой встречаю Правдина, спросил его, правда ли это. Он сказал: «Правда». Потом Правдин рассказывал об этом Петровскому. Петровский серьезнее к этому относился, чем я. Было собрание: Правдин, Калинин, Медведев, я, Петровский, Е. Ф., была еще Уралка. Правдин заявил вдруг, что отказывается от всяких чинов или полномочий (Петровский понял, что это отказ, а я понял, что Правдин только отводил подозрения). Допускаю, что об этом говорили Медведеву. Е. Ф. Собрание это было, но я пришла после заявления Правдина. Это было заседание коллегии с доверенными лицами. Правдин выпущен без всяких последствий. Сидел около двух месяцев.

М а л и н о в с к и й. Через меня и Петровского должны были обратиться в ЦК.

И Е. Ф. и М а л и н о в с к и й. Никто никогда не подозревал Медведева.

П а к е т.

М а л и н о в с к и й. Швейцар говорил, что пакет получила блондинка, волосы сложены впереди. Блондинка высокая, красивая, полная. Я говорил об этом Петровскому, может, и некоторым другим: дело это, де, не шуточное, своровали один документ, своруют другой (думал на прислугу). Я должен был сделать очную ставку швейцара с Е. Ф. Жалею, что слишком доверял Е. Ф.

В том же доме (где я жил) помещается редакция газеты на каком-то «кавказском» языке. Дворник давал 5 руб. прислуге, чтобы она ему показывала все, что пишут на машинке.

Или Е. Ф. получила, или Мирон не послал. Так я объяснял. Е. Ф. я не только доверял абсолютно, но и отношения были исключительно товарищеские.

Е. Ф. Я была освобождена 23/IV.1914 г.

М а л и н о в с к и й. Я обратился, по совету с Петровским и с Вами, Е. Ф., за один-полтора месяца до Вашего освобождения. Мое обращение к Мирону было после того, как Петровский приехал из-за границы. Я перепутал. Это не к Мирону, а к Данскому. Второе заявление Мирон прислал мне 23/IV.1914 г. Мы с Петровским и с Мироном рассчитывали, что Мирон должен был первую записку послать тогда, когда Е. Ф. была на свободе. И мы беспокоились, что не села ли она вместе с этой запиской.

Е. Ф. Малиновский сказал, что Мирон один-полтора месяца назад послал свое заявление³⁴. Малиновский говорит, что обращение к Мирону с требованием объяснения было после того, как Л. Б.³⁵ появился в «Правде».

М а л и н о в с к и й. Первое обращение к Мирону было 7—8 февраля 1914 г., до поездки в Москву.

Е. Ф. Когда я была арестована, Л. Б. еще не был в «Правде». Он приехал за 2—3—5 дней до моего ареста (18 февраля 1914 г.). Первый раз разговор о деле Мирона был в день приезда Каменева, но тогда не было решено обращаться к Мирону. Этот разговор был за несколько дней до моего ареста (18.II.1914), т. е. 12—15 февраля 1914 г.

М а л и н о в с к и й. Мое обращение к Мирону было решено на заседании, когда распределялись роли по разным делам в связи с постановлениями, привезенными мною из-за границы (я приехал 27.I.1914 г.).

Е. Ф. Этого быть не могло, ибо тогда не было даже вопроса о провокации Мирона. Г а н е ц к и й. Кто был на заседании по делу Мирона? (точные вопросы). Что было решено?³⁶

Е. Ф. Первый раз Ольминский делал заявление о Мироне за несколько дней до приезда Каменева. Мирон уволен из «Правды». В ресторане Петровский, я и Малиновский как коллегия говорили о провокации Мирона. Решено было допросить целый ряд лиц (Медведев, Калинин, Закс). Распределили тут же роли, кто к кому и т. д. обратится по делу Мирона. Не помню, кто к кому должен был обратиться за сведениями по делу провокации вообще. По отношению к самому Мирону не было ничего решено, я это утверждаю категорически. Это заседание в ресторане было в день первого свидания нашего с Каменевым, до его прихода.

Е. Ф. просит исправить, что не первый разговор был о Мироне в ресторане, а первое официальное обсуждение в коллегии вопроса о провокации Мирона, единственное и первое. Разговоров же частных было много.

*Заседание в пятницу утром 24(11) июля. **

Русская коллегия по делу провокации Мирона.

(а) Когда было официальное собрание?

Е. Ф. Приблизительно между 12 и 16.II.1914, в день приезда Каменева.

Малиновский. Помню точно, что в день приезда Каменева. Даты не помню. В день свадьбы кого-то из царской фамилии.

Е. Ф. Этого обстоятельства совершенно не помню.

(б) Где было?

Е. Ф. В ресторане «Слон», не помню улицы.

Малиновский. Собрание было в этом ресторане.

(в) Кто присутствовал?

Е. Ф. Я, Малиновский, Петровский, его (Петровского) жена. Потом пришли Каменев с женой ³⁷.

Малиновский. Состав такой же.

(г) Что было?

Е. Ф. Обсуждался ряд вопросов коллегии (в том числе эстонцы — их обращение во фракцию, расследование эстонских кор[респондентов] <...> ³⁸ Кастро и пр.; о заявлении большинства Малиновскому о провале одного <...> и о расследовании; вопрос о Мироне, т. е. провокации. Вопрос о Мироне рассмотрен <...> был вторым в порядке вопросов. Было решено начать расследование о провокации Мирона. Распределены роли по допросу ряда лиц. Собрание было сначала официально-строгое, потом характера товарищеской пирушки. Поручение Малиновскому затребовать объяснения от Мирона дано не было. Повторяю, что помню это хорошо.

(д) Время собрания?

Малиновский и Е. Ф. Позже 9 часов вечера.

Малиновский. Когда сошлись в ресторане «Слон» (угол Разъезжей), Каменева не было. Я звонил по телефону к Каменеву, зовя его (он жил на Бронницкой).

Была встреча Каменева. Официального собрания не могло быть. Потом перепились пьяны. Каменев приехал через 30—40 минут после начала.

Е. Ф. Значительно позже, через час, приблизительно около часа. Съезжались так, что сначала прибыли Е. Ф. и Малиновский, потом Петровский с женой, потом Каменев, потом его жена. Официального разговора с Каменевым по делу Мирона не было. Я говорила с ним часто подробно о Мироне, соглашалась с Ольминским насчет странности поведения Мирона по отношению к газете (как будто он сознательно губил ее). Малиновский очень скоро после собрания в ресторане уехал в Москву. За все время до моего ареста я ничего не знала о требованиях Малиновского Мирону дать показания по делу Заемы. Узнала лишь по освобождении от Малиновского.

Малиновский. Собрание по вопросу о провокации Мирона было, по-моему, в моем кабинете.

Е. Ф. Подтверждает свое показание о собрании в «Слоне».

О собрании в кабинете.

Малиновский. Вечером было частное совещание: я, Петровский и Е. Ф. Распределили роли следствия по делу Мирона, т. е. его провокации. Мне дано было поручение затребовать от Мирона объяснение по делу Заемы. Е. Ф. должна была узнать от Закса. Категорически не утверждаю, что решение о затребовании объяснения от Мирона принято в присутствии Е. Ф. Возможно, что оно было принято только мной и Петровским.

Е. Ф. Такого собрания с распределением ролей и т. д. не было в кабинете Малиновского. Такое собрание было в «Слоне». Беседы у меня с Малиновским и Петровским в кабинете Малиновского бывали очень часто, возможно, что они касались дела Мирона, но не в такой плоскости.

М а л и н о в с к и й. Собрание в кабинете было в первых числах февраля, в первой половине.

Малиновский на вопрос Ганецкого утверждает, что сношения с Е. Ф. в тюрьме (нелегальные) были невозможны. Е. Ф. подтверждает.

Обстоятельства обыска и ареста Е. Ф.

Е. Ф. Я арестована на квартире у Куделли на совещании по делам «Работницы». У меня был с собой портфель с рукописями, статьями для «Работницы» и т. п., текст запроса и пр. Обыск на квартире был в моем отсутствии. После освобождения никто не узнавал о деталях обыска. С Петровским о пакете я не говорила в Петербурге после моего освобождения. Малиновский сказал мне, что обращение его к Мирону было после возвращения его из Москвы. Я тогда успокоилась, ибо значит я не могла получить пакета, я была арестована во время пребывания Малиновского в Москве.

М а л и н о в с к и й. Не припоминаю, чтобы я это сказал.

Е. Ф. Стефания Андреевна в разговоре сказала мне в присутствии Малиновского, что я не могла получить пакета, ибо дело было позже, т. е. после моего ареста. Это я хорошо помню.

М а л и н о в с к и й. Не подтверждаю этого, ибо разговор у меня был с Е. Ф. наедине.

Е. Ф. Стефания Андреевна имела в виду, очевидно, момент предъявления ее швейцару.

М а л и н о в с к и й. В опровержение слов Е. Ф., что ей не рассказывали об обыске, заявляю, что рассказывал я ей об этом в присутствии Стефании Андреевны и, кажется, Дабкиной. Обыск был в 5—6 вечера, когда Уралка и «Х», незнакомая (Е. Ф. — Менжинская Людмила), были у меня в кабинете. Уралка была в комнате Е. Ф. и там оставила лондонские протоколы ³⁹ (Е. Ф. — Их у меня взяли, узнала от Малиновского и Петровского, а не от жандармов).

Ветров, вопреки показанию Е. Ф., что он вскоре (через несколько дней) зашел в ее комнату и обратил внимание на отсутствие бумаг, тогда сидел и заходил в комнату, когда в ней жил уже я. Дверь из комнаты Е. Ф. есть только в переднюю. Тоже относится к кабинету.

Е. Ф. Я собиралась в отъезд из Петербурга в квартире Малиновского в своей комнате. Корзину дала мне Стефания Андреевна. Она без меня приводила в порядок мои книги, держала их в ящике гардероба. Я их вынула, положила на пол, Стефания Андреевна их мне уложила в корзину. Свои же вещи: белье, платья и т. д. я укладывала сама. Кроме Стефании Андреевны, никто мне не помогал, хотя в комнату приходило много лиц. Я сидела с 18.II. по 23.IV. Комнату свою застала в том же виде, только порядку больше, чем при мне. В бумагах Малиновского всегда был образцовый порядок. Он сам его создавал, был аккуратен, затем и Стефания Андреевна, и я держали все в порядке. Из-за малейшей неаккуратности он скандалил. Случаев потери материалов или документа не было никогда. Личный секретарь Малиновского Петр иногда вскрывал пакеты. Я ему доверяла вполне. Малиновский сказал мне: «Швейцар отказался от очной ставки». Второе заявление, прочитанное мной в Петербурге, было, насколько я помню, то же, что первое.

[М а л и н о в с к и й.] Когда Мирон приехал из-за границы ⁴⁰, я ему верил абсолютно и советовался буквально по всем делам. Так было до июля 1913 г. Первая мысль отнюдь не о провокации Мирона, но об его добросовестности возникла у меня, когда я приехал из Москвы летом 1913 г. и увидел, что Мирон зря обращается с деньгами, как мне показалось после выдачи им записки кому-то (не помню) на получение из конторы 60 руб. без проверки (т. е. я не знал, зачем давались эти деньги, и считал, что Мирон не вправе распоряжаться деньгами). После этого поехал в Москву обратно и там получил от него то письмо, которое предъявил вам ⁴¹.

Отношения у меня стали с ним холодными, хотя конфликта не было ни малейшего. Потом я поехал на совещание в Поронин. Вышла история с Заемой. Не помню, до ли моей поездки на совещание или после, Мирон был арестован и освобожден очень скоро (он был два раза арестовываем). Когда его освободили,

он сказал, что жандармы в разговоре с ним проявили необыкновенную осведомленность, например, знали, что Е. Ф. — «Галина», что был план школы⁴². Мирону предлагали поступить в охрану, уверяя, что они все равно почти все знают. (Про школу знали депутаты теперешней семерки, т. е. Чхеидзе и другие⁴³.)

Ольминский ко мне пришел зимой 1914 г. (после возвращения из Парижа) и в присутствии Е. Ф. заявил официально, что требует расследования о политической благонадежности Мирона. Ольминский обвинял Мирона: 1) что он создает шайку в лице Бернгейма, Николая Ивановича (заведующего хозяйством) и Анатолия (большевик Анатолий⁴⁴). Ольминский обвинял их и называл шайкой за то, что они крадут, дескать, деньги «Правды»; 2) что Мирон сознательно губит газету; 3) что, благодаря Мирону, привлекли и Бадаева и Петровского (за продление издания⁴⁵), хотя Мирона специально предостерегали.

На Пасхе зашла речь о Заеме и было предъявлено мной требование Мирону дать объяснения по делу Заемы. Мирон был тогда болен, и обещал дать через день — через два. Одновременно с этим он стал читать лекции и ходить по клубам. 22.IV.1914 я встретил Мирона на празднике «Правды»⁴⁶ в ночной типографии. Мирон спросил меня, удовлетворили ли меня его объяснения. Я ответил: расследование производит специальная комиссия, которая не получала его объяснений (я скрывал из-за конспирации, что расследование произвожу я). Мирон говорит: «Я на второй день после нашего разговора выслал Вам пространные объяснения через одного человека». «Через кого?» — спросил я. Мирон не назвал этого человека, но обещал прислать его ко мне.

В 4—5 часов дня 23/IV приходит ко мне на мою квартиру швейцар дома, в котором жил Мирон, и говорит, что в мою квартиру он приблизительно месяца полтора тому назад принес письмо от Мирона Ефимовича, которое передал моей жене (Мирон жил на Свечном, № 3, а я на 10-ой Рождественской, № 17). Я этому швейцару предъявил жену. Он говорит, что не она. Предъявил ему прислугу. Швейцар ответил: не она. Жена свела швейцара к старой нашей прислуге, он сказал, что не она. Стал вопрос, не была ли то Е. Ф., которая тогда жила в моей квартире, и я допускал, что могла назваться моей женой при получении какой-либо бумаги. Во время расспросов швейцара Е. Ф. сидела в тюрьме и только потому нельзя было предъявить ее этому швейцару. Когда Е. Ф. освободили (в самом конце апреля 1914 г., насколько я помню), я ее видел и спрашивал, не получала ли она бумаг от швейцара мироновского дома. Она ответила: нет. Я предложил Мирону свести на очную ставку его швейцара и Е. Ф. Он сказал: не стоит, напишу второе. Через несколько дней он прислал мне или передал лично второе свое объяснение⁴⁷. Я получил это объяснение и сейчас же передал его Петровскому; читали его Каменев, Анна Ильинична⁴⁸ и фракция и Елена Федоровна. Больше никто не мог читать.

Объяснение на 6 страницах с массой театральные слов, писанное на четвертушках побольше этой, спокойным красивым почерком Мирона, сводилось к тому, что он просил ту даму, которая ему говорила о Заеме, дать комиссии подробные показания, но дама отказалась. «Отношения мои, Мирона, к этой даме были ближе, чем товарищеские, которые к чему-нибудь, да обязывают» (эту фразу помню дословно). «Несмотря на то, что мой отказ назвать вам эту даму лишает меня вашего доверия, я не назову ее». — Эту фразу я тоже помню хорошо. Кончает Мирон словами: «Жизнь со мной сыграла смертельную шутку. Вы являетесь невольными палачами. Я для вас обыкновенный мещанин, жизнь которого вас не интересует. Прощайте»: Я раз десять читал этот конец. Мы (т. е. я, Каменев, Петровский сомневался) толковали этот конец, как косвенное признание Мирона в связи с охранкой. После этого письма Мирон скрылся. Мы ничего о нем не знали. В Питере его не встречали. Теперь это письмо Мирона, я уверен, должно находиться в руках Петровского.

Когда я допрашивал швейцара мироновского дома, какой даме передал он письмо, швейцар заявил, что узнал бы ее безусловно, что это была высокая красивая блондинка. Мы с Еленой Федоровной неоднократно и подробнейшим образом говорили о наших подозрениях против Мирона, она разделяла мои подозрения. После ее освобождения в конце апреля 1914 г. тоже не раз говорили с ней об этом.

Когда мы беседовали с Е. Ф., она говорила мне, что Г. Ветрову повторяли на допросе дословно разговор с В. И.; 2. что ему говорили, что его назначили

представителем ЦК в «Прибой»; 3. что ему говорили, что он ездил в Поронин; 4. что его отцу показывали плохую фотографию, на которой Ветров был снят с поронинской публикой. Обо всем этом она, Е. Ф., рассказывала и Петровскому. Когда Ветров вышел на волю, я его спросил, и он сказал, что ничего подобного жандармы ему не говорили, а отцу его показывали самую обыкновенную его карточку. «На опросном листе есть место: бывали ли за границей, и я ответил: был в Лейпциге. Меня спросили: а больше не бывали? Я ответил: и в Вене в 1913 г.» — вот что ответил мне Ветров.

Пятница, 24/VII—1914.

Малиновский. Я глубоко убежден, что письмо Мирона получила Елена Федоровна. Я приму все меры для очной ставки швейцара с Е. Ф. Я готов ее привлечь к суду за кражу документа.

Автограф Ленина

Продолжение, пятница, 5 часов.

Е. Ф. Я считала, что он, Малиновский, человек такой, что может все сделать и из личных соображений против меня и из-за политических, но я не думаю, что он сделал бы это только из личной неприязни против меня. Непосредственными мотивами его отношения ко мне я считала все-таки момент личный. Я считала, что буду держаться лишь до того момента, пока у Малиновского будет хорошее отношение ко мне. Это относится к февралю 1914 г. Это складывалось у меня постепенно.

Малиновский. Книги Е. Ф. я доставлял те, о которых просили Н. В.⁴⁹ и Ветров. Посылал книги, принадлежащие самой Е. Ф., Николая Васильевича и Ветрова. Своей книги не посылал ей в тюрьму ни одной. Посылал по национальному вопросу, Гильфердинга⁵⁰, футуристов — всех штук 10. Носил сторож, вероятно, от моего имени.

Я никогда ничего не имел против свиданий Е. Ф. и Ветрова. Я сам содействовал ее свиданиям с Ветровым (отъезд в Финляндию), помогал тому, чтобы они были вместе. Я самым подробным образом говорил с Е. Ф. о ее отношении к Ветрову. Говорили по ее инициативе. Вместе разбирали вопрос о том, каковы ее чувства к Ветрову. В Варшаве (в декабре 1913 г.) мы с ней всю ночь до 6 утра беседовали на эти темы. 31 января в Петербурге мы с Е. Ф. вроде как бы бились об заклад, чем кончатся ее отношения к Ветрову. Е. Ф. сказала: «Кончено все». Я же утверждал, что это только начало, а не конец. Я отметил в календаре. Вот ссылка на ее письмо (читает пару строк из письма Е. Ф.⁵¹ «начало или конец»). В итоге я утверждаю: я ничего не имел против свиданий Е. Ф. с Ветровым. Ветров мне сам рассказывал подробности свиданий. Ревности не было и в помине. Была настолько тесная дружба, что мы говорили об упомянутых делах вполне свободно.

Е. Ф. В связи с моим проживанием на квартире у Малиновского не говорил ли Малиновский, что он против моих свиданий с Ветровым?

Малиновский. Было два мотива: 1) я говорил, что дружба бывает лучше, если встречаться не слишком тесно, 2) я сказал: «А Вас не будут стеснять Ваши отношения к Ветрову?»

Е. Ф. Как сам Малиновский советовал мне относиться к Ветрову?

Малиновский. Я считал всегда ненормальным то отношение, которое практиковала Е. Ф. Она как-то жаловалась сама, чуть не плача, указывая на отношения к ней Петра, Н. В. (который был, по ее словам, во фракции только ради нее), ссыльно-поселенца и т. д. Я сказал ей, что она сама виновата. Она заметила: «Что поделаешь, если я такая?» Я действительно говорил ей, что, если уж выбирать между А. А.⁵² и Ветровым, то надо предпочесть второго.

Вопрос Елене Федоровне. Вы подтверждаете, что Вы сами заговаривали с Малиновским об отношении к Ветрову?

Е. Ф. Да. Были и разговоры в Варшаве, затем 31-го и т. д. Подробности я расскажу.

Малиновский. Мне Коновалов дал записку об освобождении Ветрова (Коновалов уезжал). Я эту записку и передал Е. Ф. Поручали мне это Коновалов и Некрасов⁵³. Мне странно, как могла себя вести так, как она себя вела по отношению ко мне, если были подозрения. Были только прекрасные личные товарищеские сим-

патии. Е. Ф. отлично знала о моей связи с одной дамой в Петербурге и присутствовала при интимном разговоре по телефону. Кроме того, она знает о моей глубокой привязанности к Ц[елине]. В кабинете «Правды», когда как-то раз Е. Ф. заплакала, произошла одна сцена, которая для меня означала, что теперь между мной и ею возможны только товарищеские отношения, но не интимности. Кроме других лиц, Е. Ф. рассказывала мне еще об ее отношении с Л. Б. ⁵⁴.

Я не могу понять, как могла она мне говорить о таких вещах, если в душе у нее было такое недоверие ко мне? Мы не раз в Петербурге вместе проводили время. Личного ухаживания с моей стороны за Е. Ф. не было. Об опасности предстоящего ареста Е. Ф. сама со мной говорила. Обменивалась со мной, как сохранить нужные вещи и т. д. Как это могло быть, если бы она мне не доверяла? В Кракове Е. Ф. просила меня: «Роман, устройте мне, пожалуйста, свидание с Л. Б.». Удалось на несколько минут. Е. Ф. меня за это особо благодарила. В Петербурге я раз нарочно ушел, чтобы оставить ее вдвоем с Л. Б. Условились, в каком ресторане («Москва»). После я ушел. Через час вернулся. Пошли в другой ресторан. Я нарочно смотрел только на сцену, чтобы они имели возможность говорить tête à tête. Момент прощания (конец апреля) был самым дружеским. Поцелуй и т. д. (Читает выдержки из письма: «почему не приехал в Мустомяки».)⁵⁵ Не понимаю, какое же могло быть недоверие? (Письмо от 2 мая читает все: «2 мая 1914 *». Дорогой, хороший Роман!

Хотя Вам сейчас и не до меня, но все же я решаюсь написать Вам несколько слов. Прежде всего не могу еще и еще раз не позвать Вам руку с чувством огромной благодарности за все, что Вы сделали для меня. Спасибо, Роман, большое спасибо. Наш последний разговор у Вас в кабинете не выходит у меня из головы. Вы меня, правду сказать, страшно напугали тогда. Роман, я умоляю Вас, если все то, что Вы говорили, имеет серьезные причины, и Вы действительно приходите к каким-нибудь печальным выводам, не решайте вопроса о будущем без меня. Я знаю, что прошу от Вас слишком много. Что, может быть, не имею на это никакого права, но, как друг, которому Вы открыли свою душу, я все же прошу Вас об этом. Обещайте мне это.

Роман! Знайте, что, если случится то, о чем Вы говорили... Нет, не буду об этом писать... Меня страшно волнует Ваше состояние... Пишите мне, Роман... Пишите откровенно, ничего не скрывая, Вы можете быть уверены, что все, что касается Вас (особенно в этом вопросе), мне далеко не безразлично. Главным образом, конечно, потому, что я смотрю на Вас, как на человека, не принадлежащего самому себе, а составляющего часть целого, к которому я отношу и себя. Словом, Роман, соберитесь, урвите минутку и ответьте мне на это письмо. Тоскую в Киеве... Чувствую страшную оторванность от жизни, одиночество. Ну, да это скоро пройдет... Привет горячий Стефании Андреевне и суфражистке. Пишите по адресу: улица Статс-секретаря Столыпина, д. 28, кв. 55. Мне. Крепко жму руку. Ваша Е. Ф.

Р. S. Привет Льву Борисовичу ⁵⁶. Пишите обязательно. Найдете небось, для меня минутку. Всего, всего хорошего. Письма мои прошу уничтожить».)⁵⁷ Е. Ф. Подтверждает, что это письмо относилось к уходу, т. е., что она увещевала Малиновского в письме не уходить из Думы (прилагаются три письма) ⁵⁸.

«17 декабря. Дорогой Роман!

Получила вчера Ваше письмо и ужасно захотелось Вам сейчас же ответить, но, подумав, решила, что это неосторожность. Пишу сегодня, чтобы завтра передать его Вам через Макса. Прежде всего, чтобы не забыть, хочу попросить Вас выполнить следующие мои поручения. Если каким-нибудь путем Вам в руки попадут мои письма, т. е. письма ко мне, то Вы их обязательно шлите мне по адресу: An Herrn Trojanovsky, Rakowiecka 3, II p. Kraków. Этим адресом Вы вообще можете пользоваться для переписки со мной, если я...

Затем поручения мои к Вам касаются наших фракционных дел. Когда будете ехать к тете ⁵⁹, захватите с собой папку с анкетным материалом по преследованию профессиональных организаций, обязательно возьмите последний справочный листок, где имеются все думские выступления после каникул ⁶⁰. Обязательно захватите материал, который я Вам передала, о положении организаций в латышском крае. Советую взять все документы, относящиеся к периоду нашей борьбы с семеркой ⁶¹.

Когда я думаю двинуться отсюда, Вы, вероятно, знаете уже от Макса. Он мне передавал, что у Вас есть еще какая-то связь для переправы, но мне ее он не передал. Боюсь, что ее у него и завтра не будет. Знаете, Роман, что: мне бы очень хотелось,

чтобы Вы выступили с докладом на съезде народных учителей⁶². Говорят, там Чхеидзе будет всякую ересь защищать. Хорошо бы Вам противопоставить нашу точку зрения на этот вопрос. Боюсь только, что теперь уже поздно, что Вам не удастся проникнуть на съезд: сегодня в «Дне»⁶³ было сообщение о том, что прием прекращен. Это ужасно неприятно. Вы все же попытайтесь. Ведь дела складываются так, что у нас там, пожалуй, и группы своей не будет. Подумайте над этим. Как дела во фракции? Как работает мой «назначенец»? Справляется ли он? Как идут Ваши казначейские дела? Прислал ли адрес Мур[анов]⁶⁴ и выслали ли Вы ему конспекты? Есть ли вести от всякой «нашей» публики? Неужели от тети до сих пор никто не приехал? Это очень странно. Пора бы уже.

Вот что еще, Роман: надо дать Максy список газет, которые фракция постановила выписать, а я попрошу его это дело устроить. Дайте ему также справку из Государственной экспедиции, которая должна быть на крючке у меня под столом во фракции. Я хочу попросить его выписать для «наших» «Справочный Листок» и стенографические отчеты.

Что-то еще мне надо было Вам сказать, да сейчас вспомнить не могу. Да, относительно Н. В.⁶⁵ Не знаете ли Вы, за кем он сейчас числится: за охранкой или за жандармским управлением? Я послала ему уже два письма, но боюсь, что он не скоро получит, так как Макс писал адрес прямо в Дом предварительного заключения, а лучше всегда посылать по адресу той инстанции, за которой подследственный числится. Роман, сообщайте мне, пожалуйста, все, что Вы знаете о нем. Затруднилась бы Вам сказать, почему, но положение Н. В. меня ужасно волнует. Может быть, это потому, что, с одной стороны, общая работа страшно сближает людей, а с другой, потому что я знаю его душевное состояние. Жаль, что Вы не приехали ко мне в Мустомяки⁶⁶... Я была бы рада видеть Вас, тем более, что хотелось кое о чем с Вами потолковать.

Итак, Роман, до свидания. Надеюсь, мы встретимся с Вами скоро.

Допускаю, что обстоятельства могут сложиться иначе, а потому решила сказать Вам еще пару слов. Роман, я чувствую большую потребность поблагодарить Вас за чуткость, которую Вы по отношению ко мне в разных случаях проявили. Не знаю, из каких побуждений Вы исходили, но не могу не сказать, Роман, что Вы стали совсем другим. Я думаю, что Ваше поведение объясняется той огромной ответственностью, которая лежит на Вас и которую теперь Вы в полной мере осознали.

Желаю Вам от души идти стойко своей дорогой. Крепко, крепко жму Вашу руку. Привет горячий Стефании Андреевне. Как здоровье Вити? Всего, всего хорошего. *Ваша Е. Ф.*⁶⁷

«20 марта 1914 г.»⁶⁸

7/III. Дорогой Р. В.! Что-то от Вас ни ответа, ни привета? Что же это собственно значит? Получили ли Вы мое письмо? Думаю, что еще не получили, так как то, о чем я Вас просила, еще не выполнено. А я хочу уж с новой просьбой к Вам обратиться. Не будете очень бранить меня? А? Понимаете, вот какая штука: мне нужны деньги. Я бы Вас просила, если Вы можете, прислать мне сюда рублей 25 [...]»⁶⁹. Думаю, что меня так долго не продержат, но все же на всякий случай пришлите. Постараюсь Вам их возвратить, когда буду свободна.

Я ждала и жду свидания с Вами, но, очевидно, напрасно. А жаль! Помимо всего прочего, мне просто видеть Вас хочется. Как же Вы живете? Что у Вас нового? Как Стефания Андреевна и детишки? Как остальные депутаты? Хотя бы кто-нибудь черкнул пару строчек! Безобразие! [...] вы не подумайте, что это я серьезно ворчу, нет... Настроение у меня хорошее, только жаль время зря терять... Книг, книг!.. С какой жадностью я наброшусь на первую же книжку, которая мне попадет в руки... Теперь бы только и читать... Ведь на воле не было времени этим заниматься. С каким бы наслаждением я сейчас зарылась в книжки... Ужасно хочется серьезной теоретической работы. Ну, буду надеяться, что мой «книжный голод» скоро кончится. А все-таки должна признаться, такой одинокой, как сейчас, я себя никогда не чувствовала. К счастью, меня это не очень угнетает. Настроение, хотя и неровное, но все же прекрасное. А затем я усвоила раз и навсегда такую житейскую философию: чем хуже, тем лучше, этим я себя и утешаю.

Ну-с, позвольте пожелать Вам всего хорошего! Жму Вашу руку. Всем большой привет! *Ваша Е. Ф.*

Р. С. Вспоминаете ли Вы обо мне иногда? Пишите. Ну, как Вы теперь думаете, что было 31: н а ч а л о или к о н е ц? Чем хуже, тем лучше! Правда?

Дорогая Стефания Андреевна! Если Вам не трудно, будьте добры, передайте мне, пожалуйста, еще одну наволочку на подушку, простыню, лифчик и несколько летних блузок. Целую крепко. *Ваша Е. Ф.*

Дело мое перешло в жандармское управление» ⁷⁰.

Е. Ф. Почему Малиновский хранил эти мои письма?

Р. М а л и н о в с к и й. Я хранил все письма, которые получал, без исключения (указывает на дырочки из регистратора). Ганецкому вернул его письма. Я хотел письмо послать Е. Ф. через В. И., хотел отослать все Ваши письма.

В. И. подтверждает этот факт.

Г а н е ц к и й заявляет, что и ряд других личных писем Р. Малиновский представил в комиссию ⁷¹.

Е. Ф. Не помнит ли Р. Малиновский моей встречи с ним после освобождения и что он был недоволен, ожидая другой встречи?

Р. М а л и н о в с к и й. Первое, что сделал — купил цветы. Никакого неудовольствия не помню.

Е. Ф. Стефания Андреевна отмечала, что вот с Ф. И. ⁷² встретился Роман с распростертыми объятиями, а с Е. Ф. нет. Роман, де, ожидал другого. Я пришла посмотреть, как вы будете целоваться, а вы вот как.

Р. М а л и н о в с к и й. Этого факта не знаю. Возможно, что Стефания Андреевна сказала в шутку.

Е. Ф. Не помнит ли Р. Малиновский нашего прощания перед его отъездом в Москву в феврале 1914 г.?

Р. М а л и н о в с к и й. Помню — поцеловал руку Е. Ф. и уехал. Е. Ф. перед этим несколько раз говорила об опасности ареста. Е. Ф. сказала: «Когда возвратитесь, может быть, буду уже в предварилке».

Е. Ф. подтверждает, что в январе 1914 г. во время свидания за границей говорилось об опасности ее миссии в Петербурге, писали ей об этом. В декабре звали Шагова, чтобы ее проводить из «Правды». Вообще положение было напряженное. Все время под опасностью ареста.

Е. Ф. Не помнит ли Малиновский, что он мне сказал относительно личных отношений, когда ехали на вокзал при отъезде в конце апреля?

Р. М а л и н о в с к и й. Припомню, может быть, если Вы скажете. На извозчике действительно ехали вместе. Была часовая беседа.

Е. Ф. Была сказана Романом такая фраза, речь шла о Ветрове. У меня с собой была его фотография. Я показала ее Роману. Я говорила о своем отношении к Ветрову и т. п. Роман сказал: «О себе я должен сказать Вам, что я не был в числе равнодушных к Вам, но в силу некоторых условий, это не нашло себе выражения».

Р. М а л и н о в с к и й. Фотографии Ветрова, утверждаю, никогда не видел. Подобная фраза м о г л а быть брошена, так как она соответствует действительности. Если бы не целый ряд соображений, я действительно мог быть равнодушен к Е. Ф., но именно в силу этих соображений чувствовал себя равнодушным.

Е. Ф. Перед отъездом в Москву Малиновский был недоволен сухим прощанием. Когда он поцеловал руку мою, он прибавил: «И только это?». Категорически утверждаю, что у него было неудовольствие.

Р. М а л и н о в с к и й. Целовал руку у Е. Ф. сотни раз. Она со мной тоже обращалась ласково. Слова: «Только это?» — мог сказать, но не вкладывал в них никакого особого смысла.

Е. Ф. А не было ли у Вас в этот момент особого раздражения против меня?

Р. М а л и н о в с к и й. Не помню.

Е. Ф. Еще относительно книг. Не получила ни по национальному вопросу, ни Гильфердинга. Помню две книги о фабричной инспекции, принадлежавшие мне, с надписью: «От Малиновского». О футуристах получила с надписью рукой Ветрова.

По поводу личных отношений вообще. Как согласовать интимные разговоры с недоверием? Разговоры интимного характера действительно были. Были разговоры в Варшаве. Тогда у меня недоверия к нему не было. Был большой разговор 31 января исключительно о Ветрове. Разговор был продиктован особыми соображе-

ниями. Тон разговора был вовсе не таков, как рисовал Малиновский. Я нарочно говорила, что ликвидирую отношения с Ветровым, чтобы обезопасить себя и Ветрова от выдачи со стороны Малиновского. От января до ареста никаких интимных разговоров не было, кроме разговора 31 января.

Я категорически утверждаю, что в В а р ш а в е речь шла только о Ветрове. Не говорила ни о Н. В., ни о поселенце. С Н. В. в тот период времени не было абсолютно никаких отношений, выходящих за определенные товарищеские границы. Фразы: «Что поделаешь, такова я» не было. Роман говорил, почему я не ликвидирую резко с Ветровым. Я отвечала: «На резкости я не пойду — таков мой характер». Петр любит девушку, на которой хочет жениться. Меня уважал, но и только. Поселенец (каторжанин) — ненормальный человек. Приходил, сидел, если я там сидела, без конца. Я потребовала, чтобы не ходил, сказав, что депутаты требуют этого. Он стал писать письма об его отношении ко мне. Он ненормальный. Сам Роман говорил мне: «Ну, знаете, Е. Ф., уж тут я Вас действительно ни в чем не могу упрекать» (Р. Малиновский подтверждает).

С Н. В. только товарищеские отношения. От Н. В. никогда никаких признаний не было. В письме писал: «С большевиками кое в чем расхожусь, но буду работать ради Е. Ф.». Просил показать письмо Владимиру Ильичу, если найду нужным. Об отношении к Л. Б. не стану рассказывать. Не могла просить в то время (Краков) свидания с Л. Б., я его не хотела. Зинаида Ионовна ⁷³ должна это знать. В Петербурге действительно было свидание с Л. Б. Лев Борисович считал его нужным. Я просила Малиновского поехать со мной, не хотела одна входить в ресторан (тогда у меня стерлось впечатление от Малиновского как о провокаторе). Об А. А. в тоне, который цитировал Малиновский, не говорила. Я всегда протестовала, когда Малиновский говорил: «Если выбирать между А. А. и т. п.»

Я отрицаю, что знала о связи с дамой в Петербурге (М а л и н о в с к и й: спросили ли Вы: «Уйти мне от телефона?») (Е. Ф. Это было. Может быть, об отношении к даме в Петербурге и говорили, да я забыла.) Об отношении к Целине знала. Письмо из Мустомьяк писано, когда вполне поверила. Второе письмо из Киева ⁷⁴ вызвано исключительно политическими соображениями.

Заграничных чекистов не известила об его желании уйти из Думы — это моя ошибка, в этом я каюсь. Я надеялась, что он не уйдет. Думала: если напишет, что хочет уйти, тогда постараюсь предотвратить или придать другой характер и т. п. Заграницу не предлагала ему писать, потому что не надеялась, что он это сделает при его отношении к загранице. Еще раз протестую против оценки моего отношения к нескольким лицам. Объясняю только создавшимися теперь обстоятельствами.

Р. М а л и н о в с к и й просит приложить еще одно письмо из тюрьмы Е. Ф. (письмо прилагается ⁷⁵).

Е. Ф. Все время (от января до ареста) Малиновский говорил мне: «Для всех Вы находите время и доброе слово, только для меня нет. Все время не просил разговора. Один раз я просил, и то отказали».

В о п р о с Е л е н е Ф е д о р о в н е (Г а н е ц к о г о): Что Вы знаете о денежных обстоятельствах Р. Малиновского (бюджет и пр.)?

Е. Ф. Малиновские жили очень хорошо (стол и пр.). Он казался мне ненуждающимся и менее экономившим, чем другие депутаты. Хозяйкой была Стефания Андреевна. Сколько она получала от мужа на хозяйство, не знаю. Стефания Андреевна давала займы (например Конкордии — 75 руб. Их вернули). Сколько расходовал, не знаю. Другие депутаты жили скромнее и меньше тратили на рестораны и пр. Малиновский часто упрекал депутатов в скупости. Примера точно привести сейчас не могу. Пожалуй, известная скупость была. Никогда не слыхала ничего о его деятельности как кассира. Столкновения между Шаговым и Бадаевым и Малиновским были из-за правдовских денег часто и из-за хозяйственных дел очень часто. Малиновский упрекал их в неумелости, очень резко, в лицо им, особенно с Шаговым. Корыстность у Малиновского я допускала из-за непонятого желания забрать в свои руки хозяйственную часть. Конкретных данных для таких подозрений я никогда не видела и не слыхала о них.

Р. М а л и н о в с к и й. Я был держателем правдовских денег в банке. Выбрал банк нарочно такой, где возможна проверка (где служит Аксельрод). После Рождества Христова кассу сдал Бадаеву. Ко дню печати ⁷⁶ брал я, брал Муранов. Муранов передавал мне. Перед уходом сдал Шагову 9 864 рубля, которые я взял частями из

«Правды». Через мои руки прошли тридцать с лишним тысяч рублей. Бадаев был болен (кассир), оттого приходилось ездить за деньгами и мне, и жене. Брал на хранение и потом сдавал кассиру.

Е. Ф. Было раз упомянуто (на расширенном заседании «Правды»), что Малиновский не сдал отчета московской газеты.

М а л и н о в с к и й. Заявляю, что это ложь. Все приходы и расходы велись в особой книге. Все оправдательные документы клеивались в книгу. В день сложения полномочия секретарь фракции проверил по моей просьбе счета и книга была сдана.

Е. Ф. Я не знала, шла речь о финансовом отчете или вообще о газете, не знаю и теперь.

В о п р о с Г а н е ц к о г о ⁷⁷.

М а л и н о в с к и й. Я не говорил речей, точно заученных или написанных, а пользовался всегда свободой изложения. Единственный раз Петровский удалил из своей речи написанные ранее <...> (22. IV. 14).

Е. Ф. Не помнит ли Р. Малиновский случая, когда Петровский предложил предварительно оглашать все речи во фракции?

Р. М а л и н о в с к и й. Не отвечаю.

Е. Ф. Это было в связи с речью о железнодорожном вопросе, говорили тогда, что Р. Малиновский попал этой речью в объятия министра ⁷⁸. Я утверждаю, что у Малиновского речи всегда были бедные, было мало революционности. Вывод мой: я считала, что Малиновскому, находившемуся в зависимости от правительства, было неудобно говорить революционные речи.

Р. М а л и н о в с к и й. Не хочется отвечать на то (т. е. произнесенное экспромтом), что раньше ставилось в заслугу. О железнодорожных катастрофах была речь экспромтом. В вводной речи я сказал, что солидарен с министром, когда он говорил о тяжелом положении рабочих. Прошу комиссию прочесть эту речь.

В о п р о с Г р и г о р и я. Был вопрос о внесении запроса по поводу Н. В.?

Р. М а л и н о в с к и й. Его мать просила не вносить, поэтому и не внесли. Об Е. Ф. был бы вынесен, если бы она не была арестована на нелегальном собрании.

В о п р о с Г р и г о р и я. Что предлагали думской фракции перед уходом? Была ли речь о вооруженном восстании?

О т в е т Р. М а л и н о в с к о г о. О вооруженном восстании не было и речи. Предлагал ехать на места и призывать к стачкам. Не больше того.

Е. Ф. На заседании фракции, на котором я присутствовала, Малиновский предлагал действовать не в рамках сохранения депутатских полномочий, находил, что почва благоприятная для революционных выступлений: надо идти на митинги, звать на революционные выступления, натиск на власть. Не могу вспомнить точно, были ли слова о вооруженном восстании. Шагов хорошо говорил против. Меня это очень удивило. Я подумала: провокация.

Л е н и н. А как точно он выражался?

Е. Ф. Думаю: «революционное выступление», о вооруженном восстании, может быть, говорил не Р. Малиновский, а Шагов, возражая.

Р. М а л и н о в с к и й. Отказываюсь отвечать на такие глупости.

Г а н е ц к и й. Приходилось ли Вам хлопотать за арестованных?

Р. М а л и н о в с к и й. Как же, много раз. Подробнее: за «Наш Путь», трамвайщик, кавказец, невыдача кормежки ссыльным, крестьянские дела, дело обуховцев, военное министерство (стачка яблонцев ⁷⁹) и многие другие. Фракция часто сама посылала хлопотать по делу арестованных.

Е. Ф. Вы непосредственно хлопотали или через других лиц?

Р. М а л и н о в с к и й. По указанным делам непосредственно.

Е. Ф. А за Н. В. сами хлопотали или через других?

Р. М а л и н о в с к и й. Это ложь и клевета. За Н. В. я с а м хлопотал. К Джунковскому ⁸⁰ не пошел только потому, что мать хотела с а м а пойти.

Е. Ф. Мать Н. В. действительно колебалась, идти ли к социал-демократическому депутату, боясь, что это повредит ему в глазах полиции. Потом все же решила обратиться к депутату и просила меня посодействовать. Во фракции было решено, что должен Малиновский. Малиновский сказал: хорошо, но я сам не пойду, а попрошу других депутатов. Были и другие подобные факты, но я сейчас не могу их вспомнить, случаи таких отказов бывали и с другими депутатами.

Р. М а л и н о в с к и й. В другие министерства всегда охотно ехал, но в МВД нет.

Более глупого и тяжелого положения нигде не было. Муранов тоже соглашался, что нет смысла ехать. По делу Крыленко ходили Шагов или Бадаев. Одним из доводов за отказ от запроса по поводу Крыленко было: сказали в охранке — написал книгу против социал-демократов и т. п. Боялись, что используют либералы, если нам преподнесут этот факт с трибуны.

Г а н е ц к и й. О предполагаемом аресте Ветрова. Что говорили жандармы?

М а л и н о в с к и й. Ветров был только один раз арестован. После Е. Ф. стала говорить, будто Ветрову говорили на допросе о том, о чем он говорил с Лениным в Поронине, что Ветрову показывали его фотографию, снятую в Поронине, что ему говорили, что он делегат ЦК в «Прибое». Ветров же сказал, что отцу показывали лишь его снятую в охранке фотографию, что ни о чем ему не говорили. А насчет заграницы его спрашивали, был ли он там. «Да, в Лейпциге», а еще? «Да, в Вене».

Е. Ф. говорила это и Петровскому.

Е. Ф. Категорически отрицает, чтобы говорила про фотографию. Мне говорила жена Ветрова, что в его деле было однажды резкое ухудшение, что его принимали за кого-то другого, что его предъявляли его жене для опознания. Жена Ветрова предполагала, что в деле Ветрова была провокация. О том, что Ветрову сказали, что он был от ЦК в «Прибое», я говорила со слов жены Ветрова, говорила Малиновскому и другим, не помню, кому. Что мне потом рассказал Ветров, не помню.

Г а н е ц к и й. Вопрос об освобождении Ветрова.

М а л и н о в с к и й. Сказали (Коновалов и другие), что его освободят, но не сразу освободили. Этому не придавал никакой важности.

Е. Ф. Ветров просидел еще несколько дней (2—3).

(Закончена очная ставка).

Е. Ф. исправляет одну неточность: о том, что Ветров был представителем ЦК в «Прибое», я не говорила, а о том, что ему говорили, что он был членом ЦК (со слов жены).

Автографы Зиновьева и Ленина

10. Показания Н. К. Крупской. Июль. *

В Следственную комиссию, назначенную ЦК РСДРП по делу Малиновского

1) Сношения с тов. Татьяной⁸¹ чрезвычайно хромали благодаря неналаженности адресов в России. Из 6—7 писем, посланных в течение двух месяцев ей в Россию, ею получено, кажется, одно. Основная беда была в том, что адреса эти служили не только для переписки с нами, но и для переписки личной с другими лицами. Два адреса, данные для писем, служили раньше *Déc Kadress'*ами⁸² для другого лица, и наши письма, весьма возможно, попадали в другие руки.

2) Сношения страдали неконспиративностью. В открытых письмах поминались и настоящие имена (Авеля⁸³, Конкордии Николаевны, Анны Ильиничны, Михаила Степановича⁸⁴) и конспиративные клички (Костя, Марк⁸⁵), подписывались письма, писанные своим почерком, то «ваша Т.», то «ваша Е. Ф.». Легальные письма вполне давали материал для обвинения их автора (личность легко можно было установить по почерку и подписи). Например, «все то, что мы с Вами намечали, сделать сейчас нет возможности. Прежде всего тормозит работу отсутствие Кости. Затем целый ряд провалов среди наших друзей из рабочих. Я занята сейчас мобилизацией нужной публики, чтобы с приездом Кости начать решительно действовать...» или «я двинула эту кампанию в рабочих низах при помощи питерской организации социал-демократических рабочих».

Не всегда письма были конспиративны и по отношению к другим лицам, например, назывался точно состав хозяйственной комиссии, редакций. Предлагался такой вопрос: «А где же наш приятель? Почему он до сих пор не с нами?» и т. д.⁸⁶ Если принять во внимание, что эти письма для скорости писались на личный адрес тов. Зиновьева, то нет ничего легче допустить, что автор писем весьма сильно скомпрометировал себя в глазах полиции, тем более, что по письмам выходило, что автору их поручен какой-то сверхконтроль над рядом предприятий и что автор является архидоверенным лицом.

3) Что касается специально конспиративных писем (химических), то были они

писаны обыкновенно другой рукой, т. е. содержание их было известно какому-то третьему лицу. Между тем содержание писем часто было архиконспиративно. Шифра не употреблялось. Например, в письме говорилось о кооптации, причем ставились начальные буквы настоящих фамилий или столь прозрачные указания, как «москвичка». Причем сообщались об этих лицах такие вещи, что если письмо прочтено полицией, то полиция вполне могла определить некоторых лиц. Клички, употребляемые в легальных письмах, употреблены в письме в таком контексте, что видна принадлежность этих лиц к высшей коллегии. Себя автор целиком усаживает этим письмом, ибо подпись его «Татьяна» может быть сопоставлена с подписью легального письма — Т., а содержание письма говорит о близком участии в делах высшей коллегии и об оформлении положения. Тут же сообщается адрес для писем без химии. Если бы третье лицо, переписывавшее письмо, оказалось ненадежным или недостаточно конспиративным или с письма снята была копия, автор пришел бы окончательно и себя, и ряд других лиц, а над перепиской был бы учрежден тщательный надзор.

Секретарь ЦК РСДРП за границей по сношениям с Россией
Н. К.

Автограф

11. Показания А. И. Елизаровой. Июль.*

В. Г. Чиркин (ликвидатор) рассказывал в Вологде приблизительно с год тому назад нескольким лицам: «Относительно Малиновского высказывались подозрения многими, основывались они на том, что Малиновский оставался на воле или скоро освобождался, тогда как товарищи, работавшие с ним вместе, арестовывались и долго сидели в тюрьме или ссылались».

Двое из вологжан (один из них правдист, готовый подтвердить все это какому угодно компетентному учреждению) припомнили из его рассказов такой факт: Чиркин в связи с дополнительными выборами в Москве должен был поехать в Петербург из Москвы. О дне и часе знал будто только один Малиновский и все-таки его, Чиркина, выследили.

Виноградов А. И. рассказывал больше со слов других лиц — москвичей (Бронников, Плетнев и Козлов рассказывали ему), что они работали с Малиновским в одной организации и по обстоятельствам своего ареста убеждены, что Малиновский сыграл тут какую-то роль. Чиркин будто бы был в думской социал-демократической фракции, но передать свои соображения не осмелился. Официально об их подозрениях названные лица никому не заявляли, но частным образом говорили многим, наиболее полно и подробно среди своего круга ликвидаторов. А. И. Виноградов — ликвидатор. Стал таковым уже в ссылке под влиянием своей супруги. В Москве был беком.

Автограф

12. Показания А. С. Романова. Июль.*

К материалам следственной комиссии.

Аля. Георгий (отчество?) Шидловский в редакции «Звезды» (Разъезжая, 17) в 1910 или 1911 г., когда начало выходить «Живое Дело»⁸⁷, этот Шидловский был колеблющимся между ликвидаторами и нами. Звал себя партийным меньшевиком. Однажды, придя из «Живого Дела», он сказал, что Малиновский не то провокатор, не то душевнобольной. Человек он (Шидловский) эксцентричный и способный соврать.

⟨...⟩⁸⁸ я слышал от одного печатника (кажется (?) экспедитор журнала «Страхование Рабочих»⁸⁹), что Малиновский провокатор (Романов — печатник). Это было в 1913 г. в ноябре или декабре. Он сказал, что были слухи. Он, кажется, говорил, что слышал это от секретаря или заправилы «Страхования Рабочих».

Автограф Ленина

13. Автобиография Р. В. Малиновского. *

Сознательную жизнь я начал только в 1903—1904 гг. На вопрос, был ли я членом ППС, категорически заявляю, что нет. Мое сочувствие и симпатии к ППС были и раньше. Ненавидя русский царизм скорее как поляк, предкам которого досталось порядочно от русского правительства, я инстинктивно сочувствовал им. Попов ненавидел, но в Бога как что-то священное, далекое, непонятное верил. 1901 года осенью был взят на военную службу, определили в лейб-гвардии Измайловский полк, 8 роту в Петербурге.

С первых дней моей службы отношения между мной и фельдфебелем Гордеевым были очень плохи. Он меня не любил как поляка и как бойкого и способного молодого солдата. На второй или третий день службы получаю вывих руки во время самовольных гимнастических упражнений. Лежал два месяца в Семеновском госпитале, отстал в занятиях. Фельдфебель Гордеев хотел поиздеваться надо мной, но я был прилежен, а главное хорошо обращался с ружьем и словесность знал хорошо. В строю прослужил недолго, от 22-24 февраля по 10-12 мая 1902 г. 2 мая переехал полк в лагерь в Красное Село.

Пройдя быстро курс стрельбы, перевели меня в красносельские мастерские главного штаба. Условия службы были там сносные, военной дисциплины нет, частные заработки (ремонт замка, оковать окна, двери у крестьянина или дачника) давали кое-какой приработок. Осенью 1902 г., не помню за какую работу, команда получила 25 руб. наградных, выпили изрядно и пошли играть в хлебопекарню в карты. Там перепились и, возвращаясь через красносельский парк, я попал в пруд, стал тонуть, тогда меня спас дневальный солдат Преображенского полка, стоящий у будки. За это попал на ночь в каталажку и подали рапорт о переводе в полк. 22—23—24 декабря 1902 г. вернули обратно в полк четыре года служить рядовым.

Так как в учебную команду было уже поздно, то я по просьбе перевелся в ружейную мастерскую. Там впервые встретился с русским социал-демократом. Это был солдат, бывший машинист одного из петербургских заводов, фамилия, кажется, Семенов. Он в 1903 г. или 1904 г. осенью выдал революционерам из полкового запасного склада винтовки, револьверы и патроны и на Рождество 1903 г., теперь припоминаю точно, сбежал за границу после того, когда на Кавказе были обнаружены у революционеров казенные винтовки и была назначена ревизия. Что он выдавал винтовки, я не знал, но о револьверах и патронах знал, а патроны сам накладывал на воз под видом порожних гильз. Этот человек произвел на меня сильное впечатление, с того времени я стал революционером.

Из склада и мастерской нас всех выгнали, и я опять попал под руку Гордеева. В апреле 1904 г. меня взял в конюхи полковник Ботерянов. Здесь знакомлюсь со Стефой (женой), через ее родственников — с рабочими Путиловского завода и завода Речкина. 1905 г., т. е. 9 января, я еще был у Ботерянова, это помню хорошо, так как вечерами переодевался в штатское и ходил с толпой манифестантов. Тут скоро я был переведен в полк.

Весной 1905 г. по Измайловскому проспекту везли, наверно, труп какого-то рабочего, было много казаков и просто одетых рабочих. Кто-то из солдат в казарме сказал: «Везут забастовщика». Меня это очень возмутило, стал я говорить речь, но, понятно, не как на митинге, а так, в семейной беседе, что, если нам прибавили теперь жалования и одежду, то, чтобы нас подкупить, что все это добыто кровью этих забастовщиков. Донесли Гордееву. Ротный командир Разгильдеев, у которого служила Стефа (жена), предложил мне подать рапорт на добровольца на войну, иначе делу будет дан ход, и я попаду в тюрьму.

Летом, кажется, май 1905 г., еду на войну сперва в Могилев-губернский. Там встречаюсь с бундистами, но не с организацией Бунда, а отдельными лицами. В полку происходит военный бунт, но я в нем не играю никакой выдающейся роли, так как [из] 4000 солдат, рижские рабочие составляли 65—70% всех солдат в полку. Летом 20-м маршевым батальоном отправляют на Дальний Восток, но мир, заключенный 26 августа 1905 г., возвращает нас обратно, и в феврале или апреле 1906 г. возвращаюсь в Петербург.

Поступаю на работу в Петербурге сперва на Первой роте на фабрику труб, а через несколько дней на завод Лангензипена на Каменноостровском проспекте. Володя, старший сын, имел уже год. 14 мая 1906 г. венчаюсь со Стефой, у нее было

40 руб., у меня ничего. Когда был на войне, Стефа при содействии некой Ольги Ивановны Горбовой получила пособие 20 руб. в месяц.

С этого времени начинается моя общественно-политическая работа. Работу я знал плохо, но поляк мастер Бернацкий относился ко мне очень снисходительно. Несмотря на то, что поляков, работавших в нашей мастерской, ненавидели, ибо они были с ним заодно, я при всем его хорошем ко мне отношении ненавидел его, а больше всего за фрезеровщика Бойса, которого он очень жал. Работали со мной «Озеров», он же Антонов, Кладовиков и маляр, ныне работающий на Путиловском. Это люди, с которыми я вошел в рабочую среду социал-демократов.

Весной 1906 г. принимаю участие в организации Союза металлистов и вхожу в состав районного правления. Во время Свеаборгского восстания я уже в заводском комитете большевистской фракции. Выступал уже на митинге, охранял на митинге «Абрама»⁹⁰, участвовал в с.-д. ячейках. К осени 1906 г. был в Петербургском подрайонном комитете, принимал активное участие во всей местной с.-д. работе. Из лиц, работавших, помню Озерова, Шевченко, Мясникова (входил в комитет), Петрова от Гейслера, Малышева (железопрокатный завод), Виноградова ([ф-ка] Леонтьева). Во время выборов во II Думу держал партийную квартиру (Б. Белозерская, 27) два месяца, где происходили районные собрания. Так было до осени. Одновременно я работал делегатом и в Союзе металлистов, и когда 2 июня 1906 г. закрыли все союзы в Петербурге, Петербургское отделение, несмотря на постановление Невского, Василеостровского и Выборгского районов приостановить деятельность, свою деятельность продолжало.

В июле 1906 г. я был избран в районное правление полулегального союза. Работали в правлении Петров от Гейслера, Малышев (железопрокатный), Макарычев (Гейслера), Виноградов (Леонтьева), Озеров и я (Лангензипена). Осенью 1906 г. Петербургское отделение оживило и другие районы, и к ноябрю 1906 г. открыли нелегально свою деятельность и другие районы. В Лесном институте состоялось собрание всех районов, и я при борьбе против воли Томского, но не Михаила, был избран общегородским секретарем союза. В тогдaшнее время в правление с переменами входили: Нарвский [район] — Касаткин, эсер, и Волков, ликвидатор; Василеостровский — Булкин, Калинин, Шотман и еще один эсер, провалившийся с бомбами на Большом проспекте Васильевского острова, № 82 (я ему помогал бежать в Америку, ныне в Америке); Невского — Богданов, Шевченко и Ефимов; Выборгского — Волков, он же «Чеченец», Ершов, Карлович и Яцыневич; Городского — Романов и Луговой; Московского — Пискарев; Петербургского — Озеров, Макарычев, Петров, хромой Плеханов (член Совета рабочих депутатов, ныне живущий в Париже) и я.

В то же время, т. е. в ноябре 1906 — апреле 1907 г., работали интеллигенты Томский, Шер, Кибрик, Камермахер, Дмитриев, «Г. Наумов» — Наум Гинцбург, Гриневич, Святловский⁹¹, Шарый, он же «Рыжов», Рязанов и другие над организацией Центрального бюро петербургских союзов. Сперва в состав ЦБ, а после, т. е. февраль — апрель 1907 г., в секретариат ЦБ входил и я. К этому времени, 14 мая 1907 г. легализовали новый Союз [металлистов], и я на общем собрании был избран в правление, а правлением в секретари Союза, которым состоял до октября 1909 г. За это время не рвал с ПК и неоднократно заходили и агенты ЦК. По Союзу были новые люди: Дементьев, Канатчиков⁹², Чиркин. В это же время познакомился с Мешковским⁹³, Каменевым, Макаром, Григорием⁹⁴.

Помогал ПК: квартира под собрание, явка и т. д. Два или три раза был приглашен на петербургскую конференцию, где делал доклады о положении в петербургских союзах. В ПК при мне работали «Борис»⁹⁵, «Кацап», «Петров». С меньшевиками ни в каких организационных связях не состоял. Для ПК при содействии слесаря Гусева с фабрики братьев Леонтьевых (эсер) делал несколько раз печати для паспортов.

За это же время был избираем на первый кооперативный съезд, первый [съезд] фабричных врачей участвовал в съезде народных университетов⁹⁶ и в 1907—1908 гг. избран в организационную комиссию по созыву съезда Союза металлистов, которая сама распалась. До 1909 г., ноября месяца, у нас в союзах не было ни одного серьезного ареста, несмотря на то, что секретарь ЦБ Магидов, выпуская прокламации, на заседании ЦБ в присутствии 20—25 человек назначал день, час, куда нужно было за ними приходиться.

В сентябре 1909 г. участвовал в собраниях (нобелевских) ⁹⁷ для восстановления, вернее, укрепления, с.-д. организации, но в ноябре 1909 г. был арестован на предварительном собрании делегатов на антиалкогольный съезд вместе с Куприяновой, Дементьевым («Квадратом»), Предкальном, Магидовым и Томским — всего 8 или 9 человек. Сидел в предварилке до середины января 1910 г., освободили, но воспретили жить в Петербурге. Тогда же выслали 45—50 человек из всех союзов, т. е. всю первую и вторую делегации на съезд (первая и другие сидели, а вторая — Яцыневич, Чиркин и т. д. — участвовали в съезде). По освобождении член правления союза Николай Морскило устроил меня отдохнуть в Финляндии. Правление союза оказало мне помощь что-то рублей 100. Рабочие открыли сборы, которые дали тоже что-то 200 руб.

Узнав, что Шевченко, высланный так же как и я, устроился в Москве, поехал и я туда 15—20 февраля 1910 г. Пока не подыскал работы жил у Шевченко в Дорогомилове. К Пасхе 1910 г. работал на заводе «Штоле» в Бутырках и настолько считал устроенным дело, что решил выписать жену, которая жила в Петербурге при Союзе. 4—5 апреля приехала жена, поселились в Бутырках. В конце апреля 20—22 числа зашел ко мне Макар, сделал доклад о пленарном заседании ЦК мне одному, а не на собрании, и предложил войти в русскую коллегия. Я тогда Шеру очень верил, да, впрочем, не могу про него ничего худого сказать и теперь, с ним одним и только одним я советовался — дать согласие Макару или нет. Шер, насколько я помню, не отговаривал меня, а когда узнал, что ведутся переговоры с Милютиним — меньшевиком-партийцем, то удовлетворился вполне.

По соглашению с Макаром я обратился к Шевченко и наборщику Богомазову (ныне оба в Петербурге) помочь организовать типографию ЦК. Типографию организовал Шевченко в городе Ярославле, я помогал покупать части машин и бумагу. Адрес типографии знали я, Макар, Шевченко и, на случай провала, моя жена. Бюджет типографии был около 1000 руб. в месяц. К тому времени список коллегии уже был намечен: Инок, Макар, Шевченко, Милютин, я. Помню, шли переговоры еще о двойке, но детали забыл. Макар был у меня на квартире 2—3 раза, кажется.

На 18 или 25 апреля 1910 г. было назначено заседание ЦК, и Макар сообщил, что утром, помню — в воскресенье, мне скажут, куда прийти мне и Шевченко, что и было сделано. В воскресенье часов в 8—9 утра пришла какая-то девица и сообщила адрес: Большая Якиманка., дальше не помню. На этом собрании до часа должны нас кооптировать, а в час — общее собрание для определения и распределения работы. Перед этим было одно или два частных собрания, на которых было решено, что я поеду на Урал. Работу я уже тогда бросил. Макар денег на личные нужды дал что-то рублей 100. Деньги на организацию типографии получил Шевченко.

В воскресенье 18 или 25 апреля 1910 г., помню хорошо потому, что я в этот день был дома, а не на заводе, около 12 часов забежала та, которая была утром, или другая девица и сообщила, что на собрание идти нельзя, так как там вчера был провал латыша, который собрал свою публику для частной предварительной беседы и провалился. ЦК не состоялось. Бундовец ⁹⁸ уехал, а от Макара я узнал, что латышей освободили.

В первых числах мая на Воробьевых горах было назначено собрание, на котором должны [были] быть я, Макар, Инок, Шевченко и Милютин. Я за несколько дней перед этим (2—3 дня) заметил слежку, перестал с кем-нибудь встречаться, а утром в день собрания пошел в Союз печатников, по дороге бежал от шпииков. Было часов 10—10 1/2, позвонил по телефону Шевченко, он тогда тоже уже бросил работу, вызвал его в Союз и рассказал о слежке. Чувствовалось, что за нами слежка. На Воробьевы горы я ехал отдельно впереди перед Шевченко, а он, который отрицал слежку, следил за мной. На Воробьевке были все. Я утверждал, что слежка, предлагал уехать. Шевченко слежку категорически отрицал. Макар говорил о каком-то субъекте, но верил, что слежки нет, Инок только что приехал, а Милютин жил на даче и никого не видел, на собрание приехал первый раз. Собрание прошло спокойно, на днях предполагалось второе заседание ЦК. Я слежку установил категорически.

13—15 мая днем, в час дня, в Петровском парке я был двумя шпииками [арестован] и отправлен в охранное отделение. Там я уже застал Шевченко, а вечером привели и Макара. На допросе о типографии не говорили ни слова, а показали штук 30—35 карточек, чтобы я указал, не знаю ли я кого. С Шевченко знакомства не

отрицал, с Макаром отрицал. Но когда мне задали вопрос: «А не ел ли я с Макаром простокваши в Петровском парке?», что было на самом деле, я отказался давать объяснение и сказал, что ко мне [как] к бывшему секретарю Союза металлистов могли ходить разные люди, но я не ходил никуда. Где бывал Макар, с кем был знаком, я не знаю. И из 30—35 человек, арестованных тогда, кроме Макара и Шевченко, я никого не знал. Сидели мы, кажется, дней 20—25, и в первых числах июня нас всех, кроме Макара, освободили. Когда мы сидели, сел и Милютин [арестованный] на докладе в «Возрождении», на докладе какого-то агента ЦК, приехавшего из-за границы (меньшевик). Село их человек 9—10.

После освобождения, с арестом Макара, а после и Инока, которого мы не могли после освобождения найти, я и Шевченко остались на мели, без работы и денег. Тогда я обратился к Шеру, который предоставил мне на все лето свою квартиру, а Николай Семенович Орлов (Крутов, Козельский) помогал деньгами. В это же время, июнь 1910 г., выяснилось, что ни я, ни Шевченко на работу в завод поступить не можем (черные списки по Петербургу). Тогда с особого разрешения Союза печатников мы поступили в школу машинных наборщиков, где и обучались до 25—30 июля или начала августа.

Я школы не кончил, так как при помощи Глеба Максимилиановича Кржижановского поступил на трамвай, а Савва — к Сытину⁹⁹ наборщиком. Нанял квартиру в Сокольниках и стал работать, не встречаясь ни с кем. Зимой, т. е. октябрь или ноябрь 1910 г., поступил в университет Шанявского, решил пополнить свои скудные знания. Ходил 4 раза в неделю. Осенью, в ноябре 1910 г. из Таганки вышел Кацап, через него узнал, что Макар уже в России и хочет меня повидать. 1 января 1911 г. я с Кацапом поехал к Макару, но Макар спрашивал о положении дел, но никаких предложений уже не делал. В это свидание Макар впервые выступал против Ленина. Свидание было за Тулой, должен был видаться с Линдовым, но не виделся.

В январе 1911 г. стал посещать Общество разумных развлечений, где был членом правления Кацап, там познакомился с Биной¹⁰⁰. Весной 1911 г. записался в члены потребительского общества — «Московское потребительское общество». На первом собрании, апрель 1911 г., был избран в члены ревизионной комиссии, а затем и ее председателем. Кооператив поглощал все время. Общество существовало полтора года, а ревизий еще не было, в июне 1911 г. отчет был утвержден, и я перестал уже отдавать все время лавке. В это же время созывался второй съезд фабричных врачей. Делегатом я быть не мог, но был на двух-трех заседаниях организационного комитета, где боролся с реакционными шагами части членов, но съезд сразу обещал немного хорошего, так как все члены организационного комитета стояли на точке зрения «сохранить съезд во что бы то ни стало». В подготовительной работе участвовали я, Скабыш, Козлов, Бронников и Плетнев, с которыми я познакомился в Дорогомиловском обществе трезвости, где читал лекции по страхованию, и в Союзе текстильщиков, в котором Савва Шевченко работал активно раньше как делегат от фабрики Гюбнера, а теперь как старый знакомый. В это же время ликвидаторы прислали в Москву своего агента Лукомскую для своей петиционной кампании. Мы, т. е. я и Скабыш, резко выступили против, и ликвидаторам не удалось получить ни одной подписи.

В июне или начале июля ко мне зашел Кибрик с предложением пойти на собрание старых знакомых товарищей. Собрание состоялось. Были Шер, Кибрик, Ежов, Чиркин, какой-то еще интеллигент, но не Роман¹⁰¹, и я. На этом собрании обменялись мнениями о желательности созыва совещания разосланных по России старых знакомых товарищей (подробная корреспонденция в «Социал-Демократе»¹⁰²). На первом собрании технических вопросов не обсуждали, на втором были распределены роли. Шер — организационную сторону, какие районы охватить, Ежов — финансовую, Дмитриев — порядок дня.

На втором собрании на вопросе, кого пригласить, стало ясно, что это фракционная ликвидаторская затея, и на речи Чиркина, которую очень одобрил неизвестный мне интеллигент, сказав: «Молодец, Василий Гаврилович, взял быка за рога», мы разругались. В это же время у меня было личное недоразумение с Чиркиным, после которого я не мог уже видаться ни с ним, ни с другими. Но, однако ж, через несколько дней зашел ко мне Кибрик. По этому поводу о политике ни слова, а личные отношения, кажется, установились хорошие. Кажется, по этому поводу видался и с Шером.

Что было с собраниями, не знаю, знаю, что Чиркин был выслан, но уже в Петербурге поздно осенью, Ежов — через два года в Питере, Шер — точно не помню, когда. Припоминаю, что Шер был приглашен в Московское охранное отделение или арестован весной 1911 г., где ему ставили в вину знакомство с рабочими: мною, Чиркиным, Плетневым и т. д. и угрожали, что такое знакомство может для него, человека науки, обойтись дорого, так как охранным отделением не может быть толковано иначе, как политическими мотивами. Он сказал, что он пишет книгу по рабочему вопросу для диссертации (он был при университете для подготовки к профессорской деятельности) и для этого мы ему были нужны.

Осенью 1911 г. поступил опять к Шанявскому, познакомился с Алей (Георгием), который пришел за связями, несколько раз до Рождества встречался с ним. Был на нескольких партийных собраниях. В ноябре приехал Лазарь. Бина и Лазарь предложили мне поехать на январскую конференцию от имени МК. Я отказался, так как мало знал московское подполье. Получил мандат от нескольких союзов, а затем прислал и МК, от которого я уже не оказался. Отпуск с работы устроил Г. М. Кржижановский, паспорт дал Павел Иванович Сицинский, ныне живущий во Львове. Ехал Москва — Варшава — Берлин — Лейпциг — Прага. По дороге встретил «Алю», с которым до места доехали вместе.

25—27 января 1912 г. по возвращении сделал два доклада: один — у студента, где были Бина, Кацап и еще несколько человек, другой — на квартире рабочего-наборщика. Знакомые в клубе стали говорить, что я был за границей. Тогда 2 февраля я уехал на 4—5 дней (был какой-то праздник, кажется, Богоматери) на родину записать жену и детей в книги, т. е. был на границе. Таким образом хотел в случае ареста легализовать свою отлучку и слухи о моей поездке за границу. 7—10 февраля уже так громко говорили, что я побоялся уже жить в Москве, а ведь стоял вопрос о цензе. Обратился с просьбой к инженерам Окуличу, Галецкому, а затем при помощи химика Дрвожанчика 14 февраля 1912 г. устроился на работу в селе Ростокино на фабрику Фермана.

Где я был тогда, никто не знал, жена жила в Москве, и такие товарищи, как Серго, Коба и Аля, могли меня найти только через нее. В Москве за 7 месяцев был один раз. С Кобой, хотя он был, не видались, перепутали время встречи, а домой я пойти не мог. С Алей виделся раз в селе Царицыно, станция Казанской железной дороги. С Серго виделся в трактире в Москве: я, он и жена, и когда Серго негде было ночевать, а шел сильный дождь, то я его взял ко мне. Другим человеком, знающим, где я, был Павел Балахнин, рабочий фабрики «Сиу», не социал-демократ, а наш кум, на которого приходили письма от Надежды Константиновны. Так продолжалось до 14—16 августа 1912 г., тут уже наступили выборы в Государственную думу.

Автограф

14. План заключения следственной комиссии по делу Малиновского. *Июль — сентябрь* ¹⁰³.

Заключение следственной комиссии ¹⁰⁴.

Две части: I — дело Малиновского, II — дело Мартова, Шера и др. (может быть, сюда же ликвидаторский слух о деньгах). Заключение: только гласность. Приложение ¹⁰⁵: письма Шера и др. Письмо Бурцева, перечень старых резолюций, перепечатка главных (10 союзов, Баку ¹⁰⁶). Напеч[атание] новых резолюций.

- I. а) Малиновский сам обратился. Руководящее учреждение назначило.
- в) Рамки комиссии: не политическая оценка бегства, которая дана особо руководящим учреждением ¹⁰⁷, а исключительно слухи, порочащие честь.
- с) Комиссия прежде всего на основании показаний свидетелей, самого Малиновского и т. д. постаралась восстановить политическую биографию Малиновского.
- д) Эта биография рисуется в следующих чертах: 1) в ППС не состоял, а лишь сочувствовал, будучи еще юношей, 2) в русское рабочее движение вступил после солдатчины в 1906 г., 3) в 1905 г. не участвовал, 4) сразу вступил в легальное движение, 5) вся деятельность проходила открыто. Итог ее хотя бы в статье «Луча» ¹⁰⁸, 6) подробные данные о политической биографии с датами, лицами, происшествиями.

е) Слухи о провокации. Комиссия убеждена, что по характеру слухов, по всей обстановке дела (газетный шум о провокации и пр.) все «дело» может и должно вестись только гласно.

ф) Бурцев и обмен с ним телеграммами ¹⁰⁹.

g) Все важные подозрения, как их собрала комиссия. Проверка их комиссией. Разбор каждого и итог комиссии.

и) Первое рассмотрение слухов в руководящем учреждении, их итог.

к) Вывод комиссии: слухи безусловно вздорны. Малиновский несомненно политически честный человек.

II. Вид[елся] с Шером во время совместной легальной деятельности. Широкое распространение слухов во время выборов. Отрицание Малиновским знакомства с Бухариным (к разговору с Трояновским).

Разговоры с Рязановым.

Разговоры с Суницей.

Инцидент Хемниц[кий съезд] — Кам[енев] (парт[ийный] карьер[ист]).

Разрыв Малиновского с ликвидаторами.

Глава: после ухода.

Автограф Зиновьева

15. Заключение следственной комиссии по делу Малиновского. Сентябрь — октябрь ¹¹⁰.

Заключение следственной комиссии по поводу слухов о политической нечестности Р. В. Малиновского ¹¹¹.

В первый же день по приезде своем за границу Р. В. Малиновский, узнав о тех слухах, которые появились в газетах в связи с его уходом из Государственной думы, немедленно обратился к сторонникам руководящего учреждения марксистов с просьбой о расследовании его биографии и всей его деятельности. Руководящее учреждение через короткое время назначило следственную комиссию, которая работала под председательством польского марксиста Ганецкого (представителя польских с.-д. на II съезде [РСДРП] в 1903 г.).

Комиссией при помощи устных и письменных сношений заслушаны важнейшие свидетели. От самого Малиновского она получила самые подробные показания по всем вопросам, которые были ему поставлены. В одном случае комиссия устроила очную ставку. Уже очень скоро для комиссии стало совершенно ясно, что все слухи о провокации Малиновского абсолютно вздорны. Это единогласное убеждение комиссии было сообщено руководящему учреждению марксистов, которое, как известно, и заявило в печати, что оно безусловно убеждено в политической честности Малиновского ¹¹².

Комиссия продолжала свою работу. Ей вскоре удалось установить и некоторых распространителей темных слухов относительно Малиновского. В настоящей брошюре комиссия считает своим долгом довести до сведения всех рабочих главнейшие итоги своих работ. Из собранного комиссией большого материала она вынуждена здесь ограничиться главным и существенным. Все подробности и детали организованные рабочие России узнают путем иных сношений — к этому приняты все надлежащие меры.

Настоящая брошюра по ее содержанию распадается на три части. В первой сообщены главные данные относительно политической биографии Малиновского. Во второй части приведены и разработаны все существенные слухи и подозрения против Малиновского. И, наконец, в третьей части комиссия сочла своей обязанностью огласить те данные, которые ей удалось установить относительно групп и лиц, распространявших темные слухи про Малиновского.

1. Уход Малиновского из Государственной думы.

Комиссия в своих работах интересовалась уходом Малиновского из Государственной думы постольку, поскольку из факта ухода пытались вывести заключения, свидетельствующие о провокации Малиновского. В политическую оценку мотивов ухода комиссия не входила. Разумеется, что в качестве членов марксистского целого участники комиссии вместе со всеми рабочими-марксистами считают уход в той

форме, в которой его осуществил Малиновский, шагом преступно-дезорганиза-торским, шагом, не терпимым в рабочем движении. Но для следственной комиссии важно было другое: установить точно мотивы ухода, чтобы уяснить себе, насколько имеют почву под ногами умозаключения от факта ухода к предположению о провокации.

Комиссия установила, что причины ухода Малиновского из Думы были именно те, которые указаны в известных заявлениях РСДР фракции¹¹³ и руководящего учреждения. Эти причины: крайняя нервозность, душевная усталость, болезненное затмение. Кроме того, комиссия установила, что на безрассудный шаг Малиновского оказало также влияние одно чисто личное обстоятельство, никакого отношения ни к политике вообще, ни к рабочему движению, в частности, не имеющее. Подробно оглашать это обстоятельство комиссия не считает ни возможным, ни нужным. Оно касается не одного Малиновского. А главное, повторяем, оно не имеет ни малейшего касательства к политической жизни и рабочему движению.

Самый факт оставления ответственного поста Малиновским, разумеется, заслуживает самого сурового осуждения. Но тот, кто желает узнать подлинную истину о политической честности или нечестности Малиновского, не имеет права руководиться чувствами естественного раздражения, вызванного дезорганиза-торским шагом. Кто хочет узнать правду, тот должен разобраться в фактах и событиях, тщательно проверить и взвесить всю деятельность Малиновского и судить только на основании этих единственно серьезных данных. Так и поступила комиссия.

2. Политическая биография Малиновского.

Первой своей обязанностью комиссия сочла установить во всех подробностях политическую биографию Малиновского. На основании всех тех данных, которыми располагала комиссия, биография эта рисуется следующим образом¹¹⁴:

Р. В. Малиновский.

Сознательное отношение к политической деятельности у Р. В. Малиновского началось только со времени поступления на военную службу. До этого времени никаких политических убеждений у него не было. Было лишь простое сочувствие поляка к ППС как партии, которая борется против национального гнета, но членом этой партии он ни до, ни после военной службы никогда не был. На военную службу он был взят в 1901 г. в лейб-гвардии Измайловский полк. Здесь по просьбе он переводится в ружейную мастерскую, где впервые и встречается с русским социал-демократом. Это был солдат, бывший машинист одного из петербургских заводов.

Этот человек произвел на Малиновского сильное впечатление, и он с этого времени сам становится революционером. Но в ружейной мастерской Малиновский пробыл недолго, его снова вернули в полк, а в апреле 1904 г. он уже попадает в конюхи к полковнику Ботерянову. Здесь Малиновский знакомится со своей будущей женой С. А., служившей в то время у ротного командира Разгильдеева, через нее и ее родственников знакомится также и с сознательными рабочими Путиловского завода и завода Речкина. 9 января 1905 г. принимает участие в манифестации. Вскоре после этого его снова переводят в полк. Здесь однажды, когда один из солдат ругал забастовщиков, Малиновский выступил в их защиту.

Об этом случае донесли ротному командиру Разгильдееву, у которого, как уже сказано, служила будущая жена Малиновского — С. А. Ротный командир предложил Малиновскому, чтобы не давать делу дальнейшего хода, подать рапорт о добровольном желании пойти на войну (с Японией). Малиновский так и поступил. И летом 1905 г. очутился уже добровольцем в Могилеве губернском, где встречался с отдельными бундистами. Этим же летом 20-м маршевым батальоном он был отправлен на Дальний Восток, но заключение мира возвращает его вскоре обратно в Петербург.

Здесь Малиновский сначала поступает на фабрику труб (на Первой роте), а через несколько дней переходит на работу в завод Лангензипена (Каменноостровский проспект). С этого момента начинается его общественно-политическая работа. На этом заводе с Малиновским работали рабочие: «Озеров», он же Антонов, Кладовиков и один маляр, который впоследствии работал на Путиловском заводе. Через этих рабочих Малиновский входит в рабочую среду с.-д.

Весной 1906 г. принимает участие в организации Союза металлистов и входит

в состав районного правления. Во время Свеаборгского восстания он уже входит в заводской комитет большевистской фракции, выступает на митингах (на одном из них принимает участие в охране Абрама, участвует в с.-д. ячейках. К осени 1906 г. он был уже в Петербургском подрайонном комитете и принимал активное участие во всей местной с.-д. работе. Во время же выборов во II Государственную думу он держал партийную квартиру (Б. Белозерская, 27), на которой происходили районные собрания. Одновременно с Малиновским в это время работали, между прочим, Озеров, Шевченко, Мясников (входил в комитет), Петров (от Гейслера), Малышев (железопрокатный завод), Виноградов (завод Леонтьева).

Одновременно с партийной работой Малиновский работал в качестве делегата и в Союзе металлистов. А когда 2 июня 1906 г. в Петербурге были закрыты все союзы, Петербургское отделение этого союза, несмотря на постановление Невского, Василеостровского и Выборгского районов о прекращении деятельности, продолжало работу, и в июле 1906 г. Малиновский был выбран в районное правление полулегального союза. В этом правлении работали Петров (завод Гейслера), Малышев (железопрокатный завод), Макарычев (завод Гейслера), Виноградов (завод Леонтьева) и Озеров.

Деятельность этого отделения оживила к осени и другие районы, и к ноябрю 1906 г. они были восстановлены. В Лесном институте состоялось собрание всех районов, и Малиновский был выбран общегородским секретарем союза в борьбе против Томского (но не Михаила). В тогдашнее правление с переменами входили следующие лица: от Нарвского района — Касаткин (эсер) и Волков (ликвидатор), Василеостровского — Булкин, Калинин, Шотман и еще один эсер, провалившийся с бомбами на Большом проспекте Васильевского Острова № 82 (ему Малиновский помог бежать в Америку), Невского — Богданов, Шевченко и Ефимов, Выборгского — Волков (он же «Чеченец»), Ершов, Карлович и Яцыневич, Городского — Романов и Луговой, Московского — Пискарев, Петербургского — Озеров, Макарычев, Петров, хромой Плеханов (член Совета рабочих депутатов) и Малиновский.

В это же время над организацией Центрального бюро петербургских профессиональных союзов работали интеллигенты, в том числе Томский, Шер, Кибрик, Камермахер, Дмитриев, Г. Наумов (Наум Гинцбург), Гриневич, Святловский, Шарый (он же Рыжов) и Рязанов. В состав ЦБ, а с февраля по апрель 1907 г. и в секретариат ЦБ, входил и Малиновский. 14 мая 1907 г. союз [металлистов] был легализован, и на общем собрании Малиновский был выбран в члены правления, а последним и в секретари союза, которым он и состоял до октября 1909 г. К этому времени в союзе уже работали новые люди: Дементьев, Канатчиков, Чиркин. Тогда же Малиновский познакомился с Мешковским, Каменевым, Макаром, Григорием. К этому же времени относится избрание его на первый кооперативный съезд, на первый съезд фабрично-заводских врачей. Участвовал он также в съезде народных университетов, а в 1907—1908 гг. был избран в организационную комиссию по созыву съезда металлистов. В сентябре 1909 г. Малиновский участвовал в собраниях, созываемых по вопросу об укреплении с.-д. организации.

В ноябре 1909 г. он был арестован вместе с Куприяновой, Дементьевым (Квадратом), Предкальном, Магидовым и [Томским], всего 8 или 9 человек, на предварительном собрании делегатов на антиалкогольный съезд. Под арестом пробыл до середины января 1910 г., когда его выпустили с лишением права жительства в Петербурге. По освобождении член правления союза Николай [Морскило] устраивает Малиновского на отдых в Финляндию. Союз оказывает ему денежную помощь (около 100 руб.). Рабочие по заводам собирают еще около 200 руб.

Узнав, что его товарищ Шевченко, высланный так же, как и он, устроился в Москве, Малиновский в середине февраля 1910 г. едет туда и к Пасхе этого года устраивается с работой на заводе «Штоле» в Бутырках. 4—5 апреля к нему приезжает жена, которая все это время жила в Петербурге при союзе, и они поселяются за Бутырской заставой. Зимой, в октябре или ноябре, 1910 г. Малиновский поступил в университет Шанявского. Был в нем всего раза четыре. Весной 1911 г. он записывается в члены «Московского потребительского общества», на первом собрании которого в апреле он был избран в члены ревизионной комиссии, а последней — в свои председатели. Работа в кооперативе поглощала у Малиновского все время, общество существовало полтора года, а ревизии не было ни разу. В июне отчет был утвержден, и Малиновский перестает уже отдавать все свое время кооперативной лавке.

В это время как раз к нему заходит Кибрик с предложением пойти на собрание старых знакомых товарищей. Собрание это состоялось, на нем были Шер, Кибрик, Ежов, Чиркин, Малиновский и еще один интеллигент (не Роман). На этом собрании выяснялся вопрос желательности созыва совещания разосланных по России старых знакомых товарищей (об этом имеется подробная корреспонденция в «Социал-Демократе»¹¹⁶). На первом этом собрании технических вопросов не обсуждали и лишь на втором были распределены роли. На этом же втором собрании при решении вопроса, кого приглашать, для Малиновского стало ясно, что это чисто фракционная ликвидаторская затея, и он покинул собрание (в тексте «мы разругались»¹¹⁷), и так это дело ничем не кончилось.

Осенью 1911 г. Малиновский снова поступает в университет Шанявского, а в феврале 1912 г. уезжает из Москвы и поступает на работу в с. Ростокино на фабрику Фермана, где он прожил, изолировавшись от всех товарищей, до 14—16-го.

3. Главное подозрение против Малиновского.

Главное и, по-видимому, первое подозрение против Малиновского возникло в Москве в первую половину 1911 г. Комиссии удалось подробно допросить главного свидетеля по этому пункту — то лицо, которому подозревавшие поручили довести до сведения организованных марксистов о возникших подозрениях. Подозревавшие — это четверо молодых рабочих: Плетнев, Козлов, Бронников и Быков. Лицо, с которым эти четверо поделились подозрениями и просили передать их товарищам, — Н. И. Бухарин. Последний и был выслушан подробно комиссией.

Подозрения четверки сводились к следующему: 1) в связи со вторым съездом фабрично-заводских врачей был арестован харьковский делегат, который послал письмо одному товарищу в Москве. Письмо было относительно съезда фабрично-заводских врачей с упоминанием о социал-демократической подготовке съезда. В письме, по сведениям четверки или кого-нибудь одного из четверки, упоминалось имя Малиновского. Адресат и харьковский делегат, автор письма, были арестованы, Малиновский же не был арестован.

2) Во время одного ареста (вечером) в одном из московских союзов (недалеко от Сухаревой башни) был арестован и Малиновский. На следующее утро Малиновский в участок получил вещи от жены. Четверке казалось подозрительным, как могла жена так рано узнать об аресте.

3) Зимой 1910—1911 г. в Москве было арестовано несколько лиц, участвовавших в совещаниях и прогулках, устраивавшихся московскими ликвидаторами, с которыми встречался и Малиновский. На допросах жандармы обнаруживали большую осведомленность обо всем, что происходило на упомянутых совещаниях и прогулках. Эта осведомленность могла, по мнению четверки, объясняться провокацией Малиновского. Таковы главные «обвинения» четверых упомянутых рабочих. Присмотримся внимательнее к этому первоисточнику подозрений. (Далее текст написан Лениным. — *Подгот.*)

Расследуя происхождение и распространение слухов насчет провокации Малиновского, следственная комиссия установила следующий факт: в конце зимы или начале весны 1911 г. четверо московских рабочих: Плетнев, Бронников, Быков и Козлов, сидя в тюрьме, сообщили своему товарищу по заключению Николаю Ивановичу Бухарину для передачи в местное (т. е. московское) руководящее учреждение организованных марксистов¹¹⁸ о своих подозрениях против Малиновского. Подозрения эти по существу были разобраны в первой части заключения следственной комиссии, которая не могла не признать их не выдерживающими самой слабой критики, абсолютно несерьезными.

Только крайняя неопытность и молодость названных четырех рабочих могла вызвать то, что они, хотя бы на минуту, придавали значение подобным подозрениям. Впрочем Н. И. Бухарин положительно заявил в своих показаниях следственной комиссии, что сами эти четверо рабочих колебались, высказывая свои подозрения лишь в предположительной, отнюдь не категорической форме. Надо еще принять во внимание, что в Москве в то время царил прямо-таки эпидемия слухов и подозрений о провокации. Эпидемия эта характеризуется, например, таким фактом, что москвичи-марксисты Одиссей и Аркадий, встречаясь, сообщали друг другу о взаимных подозрениях в провокации! Другой марксист, Химик, ставил тогда условием работы прекращение разговоров о провокации — настолько эти разговоры были несерьезны.

Во всяком случае Н. И. Бухарин выполнил поручение, данное ему товарищами в тюрьме, и передал по выходе из нее о подозрениях бывшему председателю следственной комиссии по провокаторским делам при московском руководящем учреждении Шулятикову. Таким образом члены организации выполнили свой партийный долг, доведя о подозрениях до сведения ответственного должностного лица при данном коллективе. Если бы эти четверо рабочих исполнили свой партийный долг и в другом отношении, т. е. не вели «частных» разговоров (попросту не сплетничали бы), то «темные слухи» против Малиновского не могли бы возникнуть и распространиться. Шулятиков, узнав о подозрениях, сразу указал, по свидетельству Бухарина, на эпидемию провокаторских слухов.

Следственной комиссии известно, что Шулятиков был в качестве члена расширенной редакции «Пролетария» участником заграничной конференции большевиков 1909 г.¹¹⁹ и состоял в сношениях с руководящим учреждением большевиков за границей. Не может подлежать сомнению, что он сообщил бы руководящему учреждению о подозрениях, если бы не оказалось, что они совершенно вздорны. Только так и мог поступить всякий взрослый человек.

В вологодской ссылке, куда отправились вышеперечисленные четверо рабочих, начинается уже распространение слухов, сплетен и клеветы против Малиновского, причем выдающуюся роль в этом распространении играют интеллигенты-ликвидаторы Александр Иванович Виноградов и Василий Шер, оба москвичи, причем последний наверное знал четверых рабочих и пользовался в их глазах «идейным» авторитетом (четверо вышеперечисленных рабочих, бывшие колеблющимися в Москве, но, находясь под влиянием В. Шера, в ссылке окончательно стали ликвидаторами).

Относительно А. И. Виноградова следственная комиссия располагает показаниями двух свидетелей относительно его участия в распространении сплетни против Малиновского. В. Шер в своем разговоре с Н. И. Бухариным в Вене в начале декабря 1913 г. (об этом разговоре в материалах следственной комиссии имеется, во-первых, оригинал письма Бухарина, посланного им тотчас после разговора в руководящее учреждение, а, во-вторых, подробное дополнительное и проверочное личное показание Бухарина¹²⁰) заявил вполне определенно, что «в вологодской ссылке открыто говорили о ненадежности Малиновского» и что он, Шер, сам колеблясь между доверием этим слухам и убеждением в их полной вздорности, лично отговорил А. И. Виноградова от возбуждения официального дела против Малиновского.

Этот последний поступок Василия Шера был с его стороны прямым нарушением партийного долга. Отговаривать человека, считающего себя марксистом, от официального возбуждения дела о провокации (включая сюда и официальное сообщение руководящему учреждению, местному или всероссийскому, того течения или той фракции, к коим данное лицо питает доверие) — отговаривать допустимо лишь при двух условиях.

Во-первых, если сам отговаривающий несколько не колеблется по вопросу о серьезности подозрений. Малейшие колебания по этому вопросу, как знает всякий взрослый и не страдающий психической болезнью или ослаблением умственных способностей человек, неизбежно приведут к тому, что тот или иной из приятелей, близких людей, окружающих и т. п. узнает о колебаниях, т. е. получится распространение сплетни и клеветы.

Во-вторых, если отговаривающий абсолютно убежден в том, что его влияние и авторитет так сильны, что лицо, которое он отговорил, действительно признает себя вполне и окончательно убежденным и действительно сумеет выполнить свой долг нераспространения «частным образом» таких подозрений, которых он не имел мужества прямо и от своего имени сообщить тому или иному руководящему учреждению.

Ни того, ни другого условия в рассматриваемом случае заведомо не было. Шер «колебался» сам и «колебался» до того, что после выборов Малиновского в Государственную думу писал ему восторженно приветственное письмо, с р а в н и в а л е г о с Бебелем¹²¹, ждал от него исторических дел (все при условии отказа от решительной борьбы против ликвидаторов: письмо В. Шера к Малиновскому имеется в оригинале в материалах следственной комиссии¹²²). С другой стороны, после образования российской социал-демократической рабочей фракции, когда озлобление ликвидаторов против Малиновского достигло апогея, тот же Шер высказывал

Н. И. Бухарину как «подозрение» против Малиновского такое убеждение, что разгром (вероятно, громилами) московской квартиры Малиновского в конце ноября 1913 г. был «товарищеским обыском» (т. е. обыском квартиры Малиновского товарищами, подозревавшими Малиновского в провокации и искавшими тому доказательств). По существу дела эта «улика» против Малиновского разобрана в первой части доклада следственной комиссии. Совершенно очевидно, что «улику» мог видеть тут лишь человек с болезненным воображением или ослепленный политической враждой против Малиновского.

А. И. Виноградов, отказавшись, по заявлению, сделанному В. Шером Н. И. Бухарину, возбуждать дело о Малиновском, т. е. как будто бы вполне серьезно и добросовестно убедившись в полнейшей вздорности слухов и подозрений, именно после вологодской ссылки продолжал распространять сплетни и клевету о Малиновском!

Прямой партийный долг В. Шера как наиболее влиятельного и развитого человека из вологодских ссыльных-ликвидаторов, притом человека, способного писать Малиновскому восторженно «дружеские» письма, состоял в том, чтобы собрать (в точной письменной форме) все ходившие среди знакомых В. Шера «слухи» о Малиновском, систематизировать и, предварительно проверив их, составить по поводу них точное и определенное постановление либо от лица той или иной коллегии вологодских ссыльных, либо от лица того или иного руководящего учреждения, пользовавшегося доверием В. Шера. Если этот прямой партийный долг не был выполнен ни Шером, ни А. И. Виноградовым, ни кем[-либо] иным из вологодских ликвидаторов (причем В. Шер имел особенно удобные условия для выполнения этого долга после своего выезда за границу), то объяснить это чудовищное забвение партийного долга, это превращение организованного марксиста в распространителя сплетен и клеветы можно только, приняв во внимание атмосферу ожесточеннейшей вражды против Малиновского, сложившуюся как раз весной 1911 г.

Своеобразие политической карьеры Малиновского состоит в том, что он, только на военной службе в лейб-гвардии Измайловском полку сделавшийся социал-демократом, лишь в 1906 г. (т. е. после главного подъема революции) вернулся по окончании службы с войны и сразу начал работать в профессиональном союзе, вообще почти исключительно в легальных рабочих союзах. С одной стороны, это возбуждало подозрения у лиц, не знавших его биографии и удивлявшихся, что Малиновского меньше преследуют суды и администрация (меньше по сравнению с людьми, прошедшими через партийную работу до 1905 г. и в 1905 г.). С другой стороны, «легалист» Малиновский превосходно знавший в силу своей работы на легальной арене всех почти главарей ликвидаторства (помимо Шера), возбуждал к себе смутные подозрения некоторых московских большевиков, говоривших о «ненадежности» Малиновского в смысле, так сказать, «фракционном», т. е. в том смысле, что Малиновский ненадежный большевик, что он полуликвидатор. Такие отзывы делались. Этот факт установлен следственной комиссией. Этот факт объяснялся в значительной степени молодостью и неопытностью ряда московских большевиков, не умевших понять своеобразия, новизны положения противника ликвидаторства, работавшего почти исключительно в легальном движении. Нетрудно понять, какое впечатление могли производить в Москве в эпоху эпидемии провокационных слухов доходившие, вероятно, до молодых рабочих и интеллигентов из большевистской среды предположения о «ненадежности» Малиновского.

Весной 1911 г. произошло в России важнейшее событие в ликвидаторском лагере, описанное, между прочим, в зарубежной печати (приложение к № 27¹²³). Именно: ряд главарей ликвидаторства возымел высокопохвальную (в точки зрения правительства) мысль признать отсутствующим руководящее учреждение партии (т. е. фактически ликвидировать партию) и помимо него провести выборы в IV Государственную думу, с а м и м подобрав для сего ликвидаторских кандидатов! Не участвовавшие в совещаниях по этому вопросу Шер, Чиркин и Малиновский знали о них. Малиновский до того резко, беспощадно, бешено осудил при этом ликвидаторов, что имел на этой почве сильнейший конфликт с ликвидатором Чиркиным. Шер, стоявший на стороне Чиркина (несмотря на свою номинальную «внефракционность»), знал об этом конфликте.

Благодаря влиянию Малиновского среди рабочих отзыв Малиновского ф а к т и ч е с к и оказался с о р в а в ш и м попытку «ликвидировать» подполье. Ненависть

ликвидаторов к Малиновскому после этого не знала предела. Только на почве этой ненависти могла создаться в вологодской ссылке атмосфера, при которой ряд ликвидаторов (Шер и Виноградов в их числе), прямо нарушая безусловный партийный долг, не дали честного направления подозрениям и предположениям, а раздули их в распространяемую «частным образом» сплетню и клевету.

Дальнейшее распространение сплетни и клеветы следственная комиссия установила в Петербурге кружком ликвидаторских литераторов с Л. Мартовым во главе и в Вене «августовцами»¹²⁴ с Троцким и Шером во главе. Осенью 1913 г. двум членам руководящего учреждения (правдистов) в первые стало известно, благодаря сообщениям не от руководящего учреждения иных «течений или фракций», о возникающих явно на базе вологодских слухов и сплетен подозрениях против Малиновского. Два члена руководящего учреждения, к которым тотчас же, при первой к тому физической возможности присоединился третий, установили следствием и разбором подозрений сразу их полнейшую несерьезность и вздорность, их несомненную зависимость от идущих откуда-то слухов. Поэтому все члены руководящего учреждения, имевшие возможность тогда же осведомиться об этом деле, приняли постановление: признать все подозрения и слухи явным вздором и следить усиленно за источником распространения слухов.

Подозрения, явившиеся у двух членов руководящего учреждения, что эти слухи, наверное, распускаются ликвидаторами и что Л. Мартов едва ли может стоять в стороне от дела распространения из-за угла клеветы и темных слухов, побудили их формально обязать трех — четырех знавших о слухах товарищей немедленно и точно оповещать руководящее учреждение о всяком разговоре, касающемся слухов.

14 декабря 1913 г. членом руководящего учреждения было получено писанное 13 декабря 1913 г. (нового стиля) письмо Н. И. Бухарина¹²⁵ с изложением его только что состоявшегося 12.XII.1913 г. в Вене разговора с В. Шером. В письме этом устанавливались следующие факты: 1) В. Шер заявил, что, по его убеждению, разгром квартиры Малиновского в Москве есть «товарищеский обыск» (см. выше); 2) В. Шер заявил далее, что «здешним верхам эта история известна». Под историей разумелись слухи, а под верхами Шер мог разуметь только Троцкого и влиятельных бундовцев и «августовцев» (видных руководящих членов Августовского блока); 3) В. Шер передал Н. И. Бухарину разговор с Троцким (там присутствовал еще какой-то народ) по поводу статьи Гаммы (Мартова) «Со ступеньки на ступеньку», где, между прочим, сказано что-то о возможности более предосудительного «двуручия», чем в случае с Данским. «“Это намек на Малиновского“, — сказал Троцкий, возмущаясь Гаммой. Шер тоже протестовал и сказал им, что он знает о слухах, но что они лишены основания, по его словам, он заявил это весьма резко»; 4) «В Вологодской губ. (ссылка) о ненадежности Малиновского говорили совершенно открыто... В Москве все знают, это секрет полишинеля» (заявление Шера Бухарину, цитата оттуда же).

Из всего этого вытекает: I. В венских «августовских» верхих безусловно распространялись слухи о провокаторстве Малиновского не только между Шером и Троцким, но и другими близкими к ним лицами. В. Шер хорошо знал о широком (разумеется, только среди интеллигентских ликвидаторских кругов, об участии в распространении рабочих мы не имеем указаний) распространении слухов в вологодской ссылке и Москве. В. Шер сам (в силу ли своих «колебаний» или в силу иных причин) занимал до невозможности двуличную позицию, с одной стороны, заявляя перед Троцким и другими лицами, что «слухи лишены основания», с другой стороны, на другой же день, передавая Бухарину новый слух, особенно чудовищный и особенно нелепый, именно — будто разгром квартиры Малиновского в Москве есть «товарищеский обыск». В. Шер как москвич, имеющий в Москве массу связей и в интеллигентском и в буржуазном мире, имел тысячи возможностей, если он действительно был убежден, что «слухи лишены основания» и если он серьезно и искренне хотел положить конец их распространению, проверить свое предположение о «товарищеском обыске». Малейшая попытка проверки, выписка [из] сообщавших об этом буржуазных газет, справка у буржуазных корреспондентов и т. п., моментально показала бы, что, находясь в здравом уме, нельзя высказывать вздорных предположений о «товарищеском обыске». Передача же подобного Шером же сфабрикованного слуха Н. И. Бухарину; который имел все

основания считать Шера человеком очень осведомленным и который наивно верил Шеру, носила всецело характер возбуждения прямой паники на почве нелепых и злостно клеветнических слухов.

II. Когда Троцкий заявил Шеру и еще кому-то, что Гамма (т. е. скрывшийся под новым псевдонимом Л. Мартов) намекает именно на провокацию Малиновского (ибо в статье Гаммы шла речь, об этом ниже, позитивно о связи с охранкой), то Троцкий, во-первых, обнаруживал этим свою чрезвычайную и полную осведомленность не только об известности слухов Л. Мартову вообще, но и о том, на что может намекать и, вероятно, намекает Л. Мартов. Объяснить такую осведомленность иначе, как многократными беседами между «августовцами» и ликвидаторской группой литераторов с Л. Мартовым во главе, не представляется возможным.

Во-вторых, расшифровывая в тесной компании своих близких товарищей темный и сугубо анонимный намек Мартова (ибо Мартов, спрятавшись под псевдонимом Гаммы, не назвал, разумеется, на какие и чьи связи с охранкой он намекает), Троцкий играл не менее, если не более двуличную роль, чем В. Шер. Ибо, если сам В. Шер на собрании с Троцким и еще кем-то объявил слухи «лишенными основания», а через пару дней передал эти слухи Бухарину, добавляя при этом вновь сфабрикованный слух о «товарищеском обыске» у Малиновского, то этот факт достаточно характеризует условия и обстановку распространения слухов. Партийный долг был здесь явно нарушен Троцким, Шером и присутствовавшими у них лицами, ибо не сообщать немедленно и за своею подписью в руководящее учреждение правдистов о широко растущих слухах можно было бы при добросовестном отношении к делу только при условии, что такое сообщение будет сделано другому ответственному демократическому руководящему учреждению, которое либо официально заявит после проверки о полной вздорности слухов, либо официально же после проверки признает их серьезными и передаст кому следует.

На этот счет между демократами, искренне стремящимися к борьбе с ужасным злом провокации и с практикой распространения злостноклеветнических слухов о ней, никогда не бывало двух мнений. Нелишне отметить один из примеров: весной 1911 г. члены руководящего учреждения (лондонского ¹²⁶), большевики, получили письмо о возникших в тюрьме у определенных лиц подозрениях против одного виднейшего цекиста другой социал-демократической организации. Письмо это в соответствующей выдержке было тотчас передано члену руководящего учреждения данной организации (а также членам двух других руководящих организаций). Само собой разумеется, что при таком отношении к делу никаких «слухов» о провокации виднейшего работника не могло ни возникнуть, ни распространиться, а руководящее учреждение той организации, к которой этот работник принадлежал, совместно с доверяющими ему группами расследовало подозрения и официально заявило о полной их лишенности оснований.

Следственная комиссия констатирует на основании сообщений от руководящего учреждения правдистов, что это учреждение ни разу не получало никаких сообщений о слухах насчет Малиновского ни от руководящих учреждений «августовцев», ни от ликвидаторской думской фракции, ни от руководящего учреждения бундовцев, хотя после того, как Троцкий в Вене перед интимными друзьями расшифровал темные и вдвойне анонимные намеки Мартова, ни Троцкий, ни друзья его не могли уже ни в каком случае ни думать, ни надеяться, что в их силах остановить распространение слухов, начавших проникать в печать в самой грязной (темной и вдвойне анонимной) форме. Предположить, что из всех знакомых и политических друзей Мартова только Троцкий и только в Вене расшифровывал перед «особенно близкими» лицами то, что хотел сказать Мартов, является совершенно невозможным.

III. Поступок Л. Мартова, который под новым, никому еще не известным псевдонимом Гаммы писал в «Северной Рабочей Газете» ¹²⁷ в ноябре 1913 г. против «правдистов» о возможном вступлении кого-то или неизвестно кого в сношения с охранкой (смотри «Северная Рабочая Газета» № ... от ... ноября 1913 г.), этот поступок не может вызвать двух мнений насчет своего характера. Правдистская газета заметила по поводу фельетона Гаммы, что это «истерический бред», и призвала рабочих сторониться подобных грязных литераторов ликвидаторского лагеря (см. «Правда» № ... от ... 1913 г.) ¹²⁸. На деле, однако, как видно из всех вышеприведенных данных, тут был вовсе не истерический бред, а рассчитанное на

расшифровку Троцким и др. в их «частных беседах» распространение грязной клеветы.

Поступок Л. Мартова, который, спрятавшись за новый псевдоним, под которым он не писал ни в ликвидаторской, ни в либерально-буржуазной печати, распространял через газету темный и анонимный намек на Малиновского, этот поступок не нуждается в дальнейшей оценке. Остается лишь принять во внимание, что статья Мартова (Гаммы) напечатана в ноябре 1913 г. Только что перед этим в октябре 1913 года образовалась самостоятельная фракция в Государственной думе, именно Российская социал-демократическая рабочая фракция, под председательством Р. В. Малиновского. Образование этой фракции и ее деятельность, а следовательно и деятельность Малиновского, вызывала крайнее раздражение и ненависть к нему со стороны либералов и ликвидаторов. Но только Л. Мартов мог, ослепленный либеральной злобой против представителя ⁴/₅ организованных рабочих-марксистов, дойти до такого низкого поступка, подобного поступкам, не раз совершавшимся Л. Мартовым за границей.

На основании всего вышеизложенного, следственная комиссия, приняв во внимание установленные ею факты относительно распространения слухов о провокации Малиновского, пришла к следующим заключениям: распространением сплетни и клеветнических слухов о Малиновском занимались, во-первых, вологодские ссыльные ликвидаторы, в том числе А. И. Виноградов; во-вторых, венские литераторы-«августовцы» во главе с В. Шером и Н. Троцким ¹²⁹; в-третьих, петербургские литераторы-ликвидаторы во главе с Л. Мартовым.

Несомненный и вполне установленный характер злостной клеветы носит выступление Л. Мартова, который, раздраженный успешной политической борьбой Малиновского против ликвидаторов, спрятался под необычный новый псевдоним и в газете анонимно намекал на чьи-то связи с охранкой, предоставляя своим друзьям в частных беседах расшифровывать темный намек и распространять таким образом злостную клевету.

Относительно Троцкого, В. Шера и А. И. Виноградова следственная комиссия констатирует несомненный факт нарушения ими партийного долга и распространения слухов (интеллигентские сплетни) вместо доклада тому или иному ответственному и официальному руководящему учреждению. Выступление же В. Шера с его версией «товарищеского обыска» комиссия считает преступным.

Следственная комиссия, считая своим долгом и долгом всякого демократа решительную и беспощадную борьбу как с злостным, так и с неосознанным или неосторожным распространением сплетни и клеветы, обращается, во-первых, ко всем сознательным и объединенным рабочим-марксистам, прося их собрать, если можно, дополнительные данные, обсудить все дело и выразить свое отношение к нему; во-вторых, ко всем демократам России с напоминанием их безусловного долга, ввиду неслыханных покушений клеветников на политическую честь Малиновского, выступить в печати с разоблачением всей правды о каждом случае распространения слухов о Малиновском. Только в самых исключительных и редких случаях, когда невозможно опубликование имен, мест, дат, содержания «бесед», такие случаи крайне редки в деле Малиновского, следует обратиться к тому или иному руководящему учреждению или к Бурцеву.

Только такая самодеятельность всех честных демократов и самая широкая гласность поможет положить конец приемам борьбы и поведению литераторов типа Л. Мартова.

Июль 1914 года.

*Следственная комиссия по делу о распространении
злостных слухов про Р. В. Малиновского*

Автографы Ленина, Зиновьева, Тихомирнова

16. Письмо Н. И. Бухарина — ЦК РСДРП.
Позднее 14(1) ноября — ранее 18(5) декабря 1914 г. *

В ЦК РСДРП

Ввиду сообщения в № 33 «Социал-Демократа» по поводу возобновления дела «о клевете на Малиновского» ¹³⁰ считаю необходимым заявить протест по следующим пунктам. 1. Следственная комиссия в своем «заявлении» отнеслась крайне небрежно к моим показаниям. Те показания, которые были даны только под

условием их неопубликования (относительно Аркадия и Одиссея, например), о чем имеется специальная оговорка в протоколах моих показаний¹³¹, вошли, несмотря на это, в «заключение», предназначенное для печати.

2. Одно из главных обвинений против В. В. Шера, состоящее в том, что он сфабриковал слух об обыске на квартире Малиновского и пустил его для дезорганизации правдистов через «наивно верившего» ему Бухарина (т. е. меня), покоится на извращенном толковании моих показаний. Фраза В. В. Шера относительно товарищеского обыска была непосредственной реакцией на мое ему заявление о факте разгрома квартиры, и об этой фразе я считал нужным показать исключительно для того, чтобы объяснить, с чего начался у нас разговор. Ни мне, ни тем более следственной комиссии не было известно ни одного случая, когда бы В. В. Шер сообщал об этом, якобы сфабрикованном им слухе, кому бы то ни было. С другой стороны, Шер знал, что я сообщу обо всем в ЦК.

[3.] Еще более странно «заклучение» следственной комиссии относительно Виноградова. Главное обвинение основано на моем показании, что он «звонил» о провокации Малиновского в Москве. Это показание было дано мною на основании письма моей жены, где лицо, распространявшее «слухи», было названо условно. Я считал, будучи введен в заблуждение условным именем, что это был Виноградов. После приезда моей жены выяснилось, что это был не Виноградов, о чем своевременно было заявлено следственной комиссии (письмо моей жены + мое собственное¹³², сомнений в получении этих писем следственной комиссией у меня не было и нет, так как в противном случае я получил бы своевременно запрос по поводу показаний моей жены). Тем не менее следственная комиссия, обходя эти письма, «заклучает» о клевете Виноградова в Москве!! Сейчас имею добавить, что лицо, «звонившее» в Москве, был тов. Г. Петровский, член Государственной думы и ближайший сотрудник Малиновского.

4. Это обстоятельство существенным образом изменяет дело и с В. Шером, который в «заклучении» обвиняется в том, что он отговаривал Виноградова от формального обвинения Малиновского и способствовал тем самым тому, что Виноградов «звонил» о провокации Малиновского в Москве.

5. Обвинение редакции «Борьбы» в том, что она распускала слухи, точно так же отнюдь не вытекает из моих показаний, как это может легко показать справка с протоколами. Я говорил лишь что уже *post factum*, т. е. после статей Гаммы etc., в редакции был разговор на эту тему. Ни одного факта, когда бы он выходил из этих рамок (кроме моего разговора с Шером) я не приводил и аналогичных показаний следственная комиссия не имела.

6. С другой стороны, поразительно и совершенно необъяснимо то обстоятельство, что в «заклучении» отсутствует какой-нибудь материал относительно других свидетелей, в первую голову т. Е. Ф. Трояновской.

7. Кроме всего вышеизложенного, считаю нужным прибавить, что опубликование настоящих имен, кроме моего собственного, на что я дал следственной комиссии специальное разрешение, является абсолютно недопустимым с конспиративной точки зрения, о чем я своевременно заявил следственной комиссии.

8. Ввиду намерения следственной комиссии пригвоздить в печати в качестве сознательных клеветников не только некоторых сотрудников «Нашей Рабочей Газеты», которые действительно прибегали к политически нечестным приемам борьбы, но и других лиц (Виноградова, Шера, Троцкого), причем обвинения покоятся на более или менее явном извращении моих показаний, считаю своей обязанностью заявить, что опубликование «заклучения» в его теперешнем виде не может быть оставлено без протеста в печати с моей стороны.

С товарищеским приветом *Н. Бухарин*

Автограф

Примечания

1. Название документа и дата здесь и в тех случаях, когда после них стоит звездочка, даны подготовителями.
2. Трояновская-Розмирович Е. Ф.

3. На документе имеется пометка: Бумаги по делу Малиновского. Показания Розмирович, записанные Лениным.
4. *Медведев С. П.* (1884—1937) — рабочий, член РСДРП с 1900 г., большевик. В 1913—1914 гг.— агент ЦК РСДРП, член рабочей комиссии при РСДРФ IV Государственной думы. *Правдин И. Г.* (1879—1938) — рабочий, член РСДРП с 1899 г., большевик. В 1911—1914 гг.— член ПК РСДРП, в 1912—1914 гг.— сотрудник «Правды». В октябре 1913 г. кооптирован в ЦК РСДРП, помогал в работе РСДРФ IV Государственной думы. *Бадаев А. Е.* (1883—1951) — рабочий, член РСДРП с 1904 г., большевик. В 1906 г.— секретарь Петербургского союза металлистов. В 1912—1914 гг.— член ПК РСДРП, правления Петербургского союза металлистов. В 1913—1914 гг.— член Русского бюро ЦК РСДРП, депутат IV Государственной думы от рабочей курии Петербурга и губернии, входил в РСДРФ. Официальный издатель «Правды». В ноябре 1914 г. арестован и выслан в Туруханский край. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
5. *Петровский Г. И.*
6. *Калинин М. И.* (1875—1946) — рабочий, член РСДРП с 1898 г., большевик. С 1912 г.— член Русского бюро ЦК РСДРП.
7. *Уралка — Дерябина С. И.* (1888—1920) — член РСДРП с 1904 г., большевик. С 1907 г.— секретарь Екатеринбургского комитета РСДРП. В 1913 г. участвовала в совещании ЦК РСДРП в Поронине от Урала, затем член ПК РСДРП.
8. *Бруно Г. И.* (1889—1937) — член РСДРП, большевик. В 1913—1914 гг.— член ПК РСДРП, в начале 1914 г. арестован, выслан в Сибирь. В 1918 г.— заместитель председателя Верховного революционного трибунала при ВЦИК по делу Малиновского.
9. В январе — феврале 1914 г. Малиновский находился в Брюсселе на IV съезде Социал-демократии Латышского края.
10. См. прим. 9.
11. *Ольминский М. С.* (1863—1933) — член РСДРП с 1898 г., большевик. В 1911—1914 гг. входил в редакции большевистских газет и журналов.
12. *Конкордия — Самойлова К. Н.* (1876—1921) — член РСДРП с 1902 г., большевик. С конца 1912 г. по февраль 1914 г.— ответственный секретарь «Правды», в 1914 г.— член редакции «Работницы». Письмо ее в ЦК РСДРП от 22(9) февраля 1914 г. с упоминанием этого разбора см.: Исторический архив, 1959, № 4, с. 51—52.
13. *Драбкина Ф. И. (Наташа)* (1883—1957) — член РСДРП с 1902 г., большевик. В 1912—1914 гг. работала в издательстве «Прибой», сотрудничала в «Правде». В феврале 1914 г. арестована и выслана на Урал. По конспиративным соображениям мотивировка принятого в феврале 1914 г. постановления ЦК РСДРП об отстранении Черномазова (Мирона) в связи с подозрениями его в провокаторстве никому не сообщалась, кроме членов ЦК.
14. *Бончи — Бонч-Бруевич В. Д.* (см. Материалы следственной комиссии...— Вопросы истории, 1993, № 10, прим. 49) и его жена *Величкина В. М.* (1868—1918) — врач, член РСДРП с 1903 г., большевик. Сотрудничала в «Правде» и «Работнице».
15. *Еремеев К. С.* (1874—1931) — член РСДРП с 1896 г., большевик. В 1912—1914 гг. заведовал отделом «Рабочая жизнь» «Правды».
16. *Михаил Степанович — Ольминский М. С.*
17. *Скрышник Н. А.* (1872—1933) — член РСДРП с 1897 г., большевик. В 1913—1914 гг.— член редакции журнала «Вопросы страхования» в Петербурге, с января 1914 г.— член редакции «Правды», в июле 1914 г. арестован.
18. *Закс (С. М. Гладнев)* (1884—1937) — литератор, член РСДРП с 1906 г., большевик. В 1912—1914 гг. сотрудничал в «Правде» и издательстве «Прибой» в Петербурге.
19. *Коновалов А. И.* — (1875—?) — фабрикант, один из лидеров «Прогрессивной партии», депутат IV Государственной думы от Костромской губернии.
20. *Шагов Н. Р.* (1882—1918) — рабочий, член РСДРП с 1905 г., большевик. Депутат IV Государственной думы от рабочей курии Костромской губ., входил в РСДРФ. Участвовал в Поронинском и Краковском совещаниях ЦК РСДРП. В ноябре 1914 г. арестован и выслан в Туруханский край.
21. «Работница» — легальный журнал ЦК РСДРП. Издавался в феврале — июне 1914 г. в Петербурге.
22. *Николаева К. И.* (1893—1944) — рабочая, член РСДРП с 1909 г., большевик. В 1914 г.— член редакции «Работницы».
23. *Куделли П. Ф.* (1859—1944) — член РСДРП с 1903 г., большевик. В 1914 г.— секретарь редакции «Работницы».

24. *Ольга Григорьевна («Доня») — Лифшиц О. Г. (1881—?) — член РСДРП с 1900 г., большевик. В 1914 г. — член редакции «Работницы».*
25. Речь идет о следующем документе, написанном М. Е. Черномазовым 6 мая (23 апреля) 1914 г.: «Четверг. Заявление. Раньше всего я хочу восстановить, что на предложение тов. Романа, сделанное мне приблизительно в середине марта, я отозвался немедленно. В день посещения меня тов. Романом я еще был настолько слаб, что не в состоянии был выходить из дома. На другой же день я отправился в 5 часов к заинтересованному человеку и по возвращении сейчас же набросал подробные показания. В 10 часов вечера того же дня я отправил нарочным пакет на квартиру т. Романа. Вчера я узнал, что пакет попал на квартиру, но не в руки т. Романа.

Предложение т. Романа я понял, как предложение комиссии дать необходимые свидетельские показания, не больше. У меня и в мыслях не возникало подозрения, что я допрашиваюсь как подследственный. Этим и объясняется мое политическое поведение за этот промежуток времени. Считаю нелишним добавить, что я считал эту кошмарную историю своими показаниями ликвидированной в отношении меня как свидетеля, ибо большего я сказать не мог бы. Но то обстоятельство, что меня ни на какую работу (после ухода из редакции) не приглашают, меня волновало, и я обратился тогда же с личным письмом к т. Роману (см. прим. 41.— *Подгот.*), в котором просил свидания с ним. Его, как оказалось, невольное молчание меня слишком больно задело, чтобы я повторил эту просьбу.

Однако я, по выходе из участка, узнал в беседе с Ю. К. (Л. Б. Каменев.— *Подгот.*) и секретарем, что обо мне что-то «выясняют». Я тогда же заявил и тому и другому, что т. Роману хорошо известно, что все выяснено, так как я уже ликвидировал недоразумение. Это создало для меня состояние мучительного раздвоения. Я не выступал с тех пор публично, но в то же время не видел никаких оснований отказаться от литературной работы в «Правде» и профессиональных органах. Я чувствовал, что вокруг меня что-то творится, но ни разу не предположил, что речь идет о политическом недоверии. К тому же я совершенно не думал, что мной занята комиссия и что от меня еще чего-то ожидают, так как был уверен, что мои показания были вовремя получены и приняты во внимание.

Теперь перейдем к делу. Хочу надеяться, что это будет последним моим обращением к товарищам, среди которых я жил в течение 16 лет. Я просил бы больше меня не тревожить запросами. Как политический работник, не навлекший на себя в течение полутора десятков лет ни одного случая положения подследственного или даже притянутого к какому-нибудь суду (товарищескому, третейскому и пр.), я ликвидирован одним тем фактом, что обо мне возможно стало такое следствие. Уходя от всякой работы, я становлюсь безразличным для вас обывателем, «судьбой» которого будет располагать он сам.

Но — без сентиментальности! Вы творите политическое дело, и не место тут чувству. Кроме того, ничего более страшного вы для меня не придумаете: я уже мертв как товарищ. Об остальном позабочусь сам.

Положение дел в августе или сентябре (уже не помню точно) было таково: чувствовалась провокация. Растерянно и безнадежно говорил об этом Ал. Ег. (А. Е. Бадаев.— *Подгот.*), еще печальнее смотрела на положение вещей единственная его сотрудница в этом деле О. Гр. (Лифшиц.— *Подгот.*). Человек она подозрительный, мнительный и поспешный в выводах. Не имея прямого отношения к работе, я не расспрашивал о подозрениях. Тогда О. Гр. помогала мне ежедневно. Невольно я был втянут в это дело. Втроем мы обсуждали положение вещей не раз и в конце концов остановились на одном человеке (бывший выборщик). О. Гр. и я склонились к его виновности. Ал. Ег. допускал такую возможность, и потому поддержал те предохранительные меры, которые были против него приняты (он, вероятно, не забыл всей обстановки того времени и первоначального героя подозрений нашей общины). С тех пор меня стали изредка кое в какие детали посвящать. Занятый работой, я, конечно, мог лишь комбинировать те сведения, которые мне передавали они. Повторяю, речь шла об одном и ныне здравствующем пролетарии, хорошо вам известном, и чем дальше, тем увереннее стало звучать подозрение в устах моих редких собеседников.

Провал первого избранного (З-ва) и обстоятельства обыска и ареста брата подозреваемого укрепили Ал. Ег. и особенно О. Гр. в своих подозрениях.

Второй провал техники, произошедший при обстановке, обычной в тех случаях, когда в дело внесена провокация (текст газетного извещения и пр.), еще убедительнее доказал нам наличие «близкой» измены, а единственным субъектом внимания был все тот же

выборщик. Прошло всего три-четыре дня (не помню уже точно), и ко мне явилась дама со сведениями. Это, кстати, третий случай, когда ко мне являлись с подобного рода сведениями. Один из них мог указать, так как ничем не связан. Сотрудница «А. Т.» однажды «по секрету» сообщила кое-какие сведения из полицейской среды, заявляя, что сообщает поздно потому, что боялась подозрения против себя. Доверие же мое к ней ее расположило к откровенности. При моем положении в редакции неудивительно, что мне сообщали о допросах, обысках и досужих слухах. Явившаяся дама, что называется, открыла мне глаза на все дело. Уверенность в провокации была ничем не поколебленной. Нужны были лишь такие яркие доказательства, которые перенесли бы центр внимания с одного на более виновного второго.

Сведения этой дамы были разительные. Они совпадали с действительностью и касались самых конспиративных сторон положения и работы другого героя того безвременья — Заемы. Сам этот факт был достаточным поводом при той атмосфере для того, чтобы этого самого Заему взять в штыки. Я уже не помню тех подробностей, которые я приводил в прошлом заявлении, написанном под непосредственным впечатлением разговора с первоисточником. Но бросилось в глаза следующее — Заема был очень известен охранке. На моем допросе в июне месяце меня о нем спрашивали и почему-то наряду с вопросом о том, не приехал ли кто-нибудь из краковской тройки в Россию? Например, Ленин. (Тогда же вошедший в комнату допроса начальник заметил, что, «появись Ленин или Каменев, далеко запрятали бы их»). Это был ответ на мое шутовское замечание, что Ленин — член Международного бюро и с ним ничего не сделали бы.)

Затем, Заема во всем обнаруживал самое пренебрежительное отношение к конспирации, везде бывал и вел себя так, что его не могли не знать. Вместе с тем он был случайно перед отъездом взят вместе с Александрой Ивановной (Ефимовой.— *Подгот.*) и через две недели освобожден без последствий. (Заема находился в тюрьме с 4 по 20 августа ст. ст. 1913 г.— *Подгот.*) Потом, когда уже Заема знал о подозрениях против него, из-под земли вырос слух о том, что Ал. Ив.— провокаторша. Это обстоятельство получило свою оценку в тот момент, когда подозрение так остро пало на него.

Провал первой квартиры с техникой (типографии ПК РСДРП на Охте в июле 1913 г.— *Подгот.*) — тоже поучителен. За несколько дней перед обыском хозяину квартиры сообщил кто-то из полиции, что за квартирой следят, и советовал убрать, что есть. И, несмотря на это, удалось благополучно вывести технику в Колпино. Обыск носил такой характер (по рассказам выборщика), точно люди пришли в знакомую квартиру. Обнаружили лишь в мешке с крупой пачку со шрифтом.

Второй провал, по газетным сообщениям, происходил при следующих обстоятельствах: на вокзале был замечен человек с набитыми карманами. Оказались листки (3000). Его задержали и пошли с ним на квартиру. Так пишут тогда, когда берут по указанию. Кроме того, цифра 3000 действительно верная, так как к моменту провала было напечатано столько, но никто их не вывозил и никаких листков в карманах «замеченного» не могло быть, так как он в этот день был у Ал. Ег. и из города ехал в Колпино. Не вез же он туда листков! (Речь идет о В. М. Щербакове, который, по данным Петербургского охранного отделения, был арестован на ст. Колпино 29 августа ст. ст., с 3000 экз. прокламации ПК РСДРП «Ко всем товарищам петербургским рабочим» с призывом организовать для борьбы с самодержавием. При обыске помещения типографии было обнаружено еще 3000 экз. прокламации.— *Подгот.*)

Заема принимал в обоих случаях активное участие. Сведения о том, как он уехал (переданные мне Ал. Ег.) совпадали с сообщениями дамы. (Заема уехал в Москву, к Малиновскому, затем должен был ехать в Поронин.— *Подгот.*). Все детали тогда выплыли наружу и, как это всегда бывает, приняли определенную окраску. А ведь наша мысль работала лишь вокруг ареста (3-ва) первого кандидата и провалов техники. Я изложил Ал. Ег. свои соображения. Он оказывал упорное сопротивление, и лишь тогда, когда факты и в его глазах приобрели определенную ценность, он стал торопить меня с извещением в Краков и Москву, где находился т. Роман. Поддаваясь гипнозу моего сообщения, и т. Роман заявил, что небрежность Заемы и его поразила.

Что мои соображения не были лишь продуктом гипноза, подтвердил мне личный вопрос Заемы. Не касаясь деталей и его сбивчивых ответов, клятв, вместо доказательств, неумения объяснить, почему его освободили вместе с Шурой и многое другое, я узнал от него, что 1) он бывал в технике, приходил и уходил в один день по несколько раз, 2) бывал на квартире, куда уносились листки, приходящего наборщика (М. Н. Рябчиков.— *Подгот.*), 3) знал, что этот приходящий — человек болтливый и пьянствующий,

подозрительный, 4) оставил перед отъездом на квартире типографии свои документы (паспорт и проч.), 5) слышал, как его временный хозяин (ночевки) рассказывал о нем, о его поездке за границу и целях ее, о возвращении и т. д. (тот его в лицо не знал), 6) на вопрос, не считает ли опасным ходить в редакцию или на квартиры депутатов, он ответил, что опасность есть, так как его «все шпики знают», но он сумеет выбраться благополучно.

Весь «допрос», происходивший в одной из комнат редакции (по требованию Ал. Ег.) и носивший характер совместных поисков кратчайших путей ликвидации «печального недоразумения», причем резко выделялась его попытка свалить все на приходящего наборщика,— убедил и меня в том, что мои подозрения, легшие в основу его временного устранения, были основательны.

Должен сказать, что у меня возникла мысль: не воспользовались ли личные враги Заемы моей знакомой для того, чтобы ему отомстить. При его болтливости и небрежности, некоторые из его товарищей могли знать кое-какие подробности из его деятельности. Возникло и другое подозрение: не играет ли охранка через мою знакомую мною, желая устранить Заему, которого им поймать не удалось, серьезно? Не ширма ли это для действительного предателя, на следы которого при общем подозрении могут натолкнуться?

Тем не менее, я взял на себя ответственность за предварительное устранение Заемы. Как вы видели, основания для этого были. Может быть, все это родилось в атмосфере поисков, может быть, все эти основания лишь неудачная комбинация фактов, плод возбужденной тревоги, неумелой «следовательщины». Суд может заявить, что ему против Заемы нужны более веские основания. Это его дело. Я лично и при оправдании его останусь при глубоком убеждении, что я имею право поступить так, как поступил. А при иных условиях привел бы и другие доводы в пользу своего подозрения.

Прошу обратить внимание на то, что я все же действовал не безответственно, и если Ал. Ег. не забыл, то восстановит все, как было. Если это и промах, то менее всего порочащий меня. Будучи лишь в этом отношении причастен к делу Заемы, я считал, что я главный свидетель по этому делу и только. Так я понял двукратное обращение ко мне Ал. Ег. давать подробные объяснения. Так я понял и предложение т. Романа в середине марта. Вопрос о личности этой дамы я считал в первых двух случаях частным, ибо рассчитывал, что мне лично верят. Даже предложение т. Романа я истолковал, как естественное желание следственной комиссии подвергнуть личному допросу первоисточник, но не как недоверие мне, моим словам. Я тоже поступил бы так, ибо непосредственное впечатление этих показаний имело бы для суда (как и для меня) решающее значение.

С этой целью я обратился к этой даме (на второй день после посещения т. Романа) с настоятельной просьбой разрешить мне назвать ее, хотя бы одному депутату, к которому, как мне известно, она питает особое доверие. Я не стану описывать картины борьбы с нею на этой почве. Она в конце концов заявила, что ничего мне никогда не сообщала и что если к ней явятся, то она будет отрицать встречу со мной. Ни угрозы, ни мольбы не помогли.

Знаю я ее пять лет. Прибавлю, что некоторые из близких товарищей относятся к ней с доверием. Никакого участия в работе она никогда, кажется, не принимала. В глухие годы, 1907—1908, попала в тюрьму и ссылку. Здесь в Питере имеет много (сравнительно) знакомых, совершенно мне неизвестных. Личные мои отношения к ней и тем более ее отношение ко мне не уместаются в рамки дружбы. Такое положение кое-чему обязывает. Я не могу назвать ее, даже сейчас, когда, кажется, от этого зависит ваше мнение обо мне. В последний раз моего посещения я узнал какие-то существенные детали, но перезабыл, ибо совершенно отвлекся от этой истории, которая казалась мне моим заявлением ликвидированной.

Жизнь сыграла со мной смертельную шутку. Но повинны вы в том, что оказались невольными палачами. Прощайте. М. Еф.» (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 1433, автограф).

26. От 2 мая (ст. ст.) 1914 — см. с. 63.

27. *Николай Васильевич* — *Крыленко Н. В. (Абрам)* (1885—1938) — член РСДРП с 1904 г., большевик. С 1913 г. сотрудничал в «Правде», представитель ЦК РСДРП в РСДРФ IV Государственной думы. В декабре 1913 г. арестован, летом 1914 г. уехал за границу. В 1918 г. — государственный обвинитель Верховного трибунала при ВЦИК по делу Малиновского.

28. *Стефания Андреевна* — жена Малиновского.

29. На совещаниях ЦК РСДРП в Кракове и Поронине обсуждался вопрос о «Правде»

и отмечалось, что хозяйственная работа редакции запущена. Была создана тройка для заведования хозяйственной частью «Правды», которая отчитывалась перед ЦК РСДРП. К этой работе были привлечены депутаты IV Государственной думы — рабочие Н. Р. Шагов, А. Е. Бадаев и М. К. Муранов.

30. *Менжинская Л. Р.* (1878—1933) — член РСДРП с 1904 г., большевик. В 1914 г. — член редакции «Работницы».
31. *Сима* — Дерябина С. И. (Уралка).
32. *В. И.* — Ленин В. И.
33. См. прим. 25.
34. Послал в середине марта 1914 г. — см. прим. 25.
35. *Л. Б.* — Каменев Л. Б.
36. На совещании редакции «Правды», состоявшемся ранее 22(9) февраля 1914 г., было объявлено об устранении из редакции Черномазова (см. Исторический архив, 1959, № 4, с. 51).
37. Жена Петровского — *Петровская Д. Ф.*; жена Каменева — *Каменева О. Д.* (1883—1941) — член РСДРП с 1902 г., большевик.
38. <...> — здесь и далее слово не разобрано.
39. Речь идет о протоколах V (Лондонского) съезда РСДРП 1907 г., первое издание которых было в 1909 году.
40. Апрель 1913 года.
41. Речь идет о следующем письме Черномазова, написанном летом 1913 г. Малиновскому в Москву: «Здравствуйте, дорогой товарищ! Хотя мы скоро и увидимся, а все же не могу не написать Вам несколько слов в ответ.

1) Ваша передача совета наших друзей меня глубоко обрадовала: она сообщила мне уверенность, что мы с Вами уже отделались от тех, порой неискренних, формальностей, которыми сопровождают свои беседы люди, мало между собой связанные. Повторяю: я был рад тому, что Вы так со мной говорили, а не так, как этого хотели наши друзья. Если тяжело было, то только от сознания, что они прибегают к этому средству (дипломатии) по отношению ко мне. Я считал подобный способ невозможным по той простой причине, что имею право на иное ко мне отношение. Выругайте меня за ошибку, но не обхаживайте. Со мной можно говорить прямо. Вы сделали так, как мне в душе хотелось.

2) Рядом с Вашим сообщением я получил также письмо Григория (Зиновьева.— *Подгот.*), которое было недопустимо сформулировано. Под оборотным дружеским наставлением красовались все три подписи. Это приняло характер официального внушения. Я признаю право внушения, но в тех случаях, когда внушающий заранее сделал все возможное для того, чтобы предупредить ошибки, промахи. Внушение было настолько жестко, что я почувствовал полное банкротство всей своей работы. Поймите, друг мой, что я очутился в положении человека, отдавшего всего себя дорогому делу и узнавшего через полгода о том, что вся его работа не стоила даже товарищеского внушения. И это в то время, когда принципиальных разногласий нет! Естественно было мое заявление, стоившее мне крови и страшной муки, о том, что я ухожу. Я не могу больше об этом писать. Вы поймете меня, я верю.

3) И[льич] не прав, когда говорит, что немислимо работать вместе, если нельзя критиковать друг друга. И потому только, что об этом и речи не было и не могло быть. Я просил критики, я неустанно умолял, выпрашивал указаний, советов, поддержки. Я просил учить меня и частыми указаниями помочь мне справиться с тяжелой и ответственной работой. В том-то и все дело, что меня оставили на произвол, а когда я нечаянно и под влиянием исключительных обстоятельств споткнулся, меня сразу облили холодным потоком оскорблений и ругательств. Не от Вас мне скрывать, что я никогда на такой ответственной работе не был и я нуждался в постоянном подкреплении. Об условиях работы Вы знаете подробно. И когда после нашего разговора я получил «внушение», я подумал (признаюсь откровенно), что и Вы не защитили в достаточной мере меня от упреков и что и Вы не сказали того, что я услышал от них. Было больно, невыразимо больно, потому что Вы-то знали, что в сумме получилось от всей работы и при каких условиях пришлось ее выполнять.

4) О моем уходе. Этот вопрос сейчас снят с очереди. Я уже получил от друзей несколько писем, внесших некоторое успокоение в мою работу. Инцидент считается исчерпанным. По крайней мере при настоящем положении вещей уходить было бы преступлением. Сделаю это, как только это будет возможно. Видите, товарищ, у меня имеются сведения, что И[льич] вообще чем-то недоволен. Я считаю его точку зрения не

выдерживающей ни малейшей критики и надеюсь, что при предстоящем свидании Вы с ним окончательно сговоритесь на этот счет. Пишу Вам сейчас потому, что искренне хочу, чтобы Вы меня поняли. Крепко жму руку. Ваш Мирон». (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 1433, л. 5, автограф.)

42. На заседании ЦК РСДРП в марте 1913 г. было решено организовать летом 1913 г. партийную школу для большевиков — депутатов IV Государственной думы. Программа была составлена Лениным.
43. Социал-демократическая фракция IV Государственной думы состояла из 6 большевиков и 7 меньшевиков. В ноябре 1913 г. она разделилась на две самостоятельные фракции. Большевистскую Российскую социал-демократическую рабочую фракцию (РСДРФ) до 21(8) мая 1914 г. возглавлял Малиновский, затем Г. И. Петровский. Председателем меньшевистской части, сохранившей название С.-д. фракции, был Н. С. Чхеидзе.
44. *Анатолій — Аксельрод А. Е.* (1879—1954) — член РСДРП с 1901 г., большевик. С 1912 г. работал в банке в Петербурге. В 1912—1914 гг. сотрудничал в «Правде».
45. 3 февраля (21 января) 1914 г. была закрыта «Пролетарская Правда» (одно из названий «Правды»), вместо нее стали издавать «Путь Правды». Петровский был привлечен к ответственности за статью Черномазова «Для чего она существует», опубликованную 5 февраля (23 января) в «Пути Правды», в которой было заявлено, что «Правда» — один, единый орган. Это послужило поводом к установлению преемственности между старой и новой газетами. «Путь Правды» был закрыт в мае 1914 г., ее сменила газета «Рабочий».
46. 5 мая (22 апреля) — день выхода первого номера «Правды» в 1912 г. — с 1914 г. стал праздником рабочей печати.
47. См. прим. 25.
48. *Анна Ильинична — Елизарова А. И.* (1864—1935) — член РСДРП с 1898 г., большевик, старшая сестра Ленина. С 1913 г. работала в «Правде». С февраля 1914 г. — член редакции «Работницы».
49. *Н. В.* — Крыленко Н. В.
50. *Гильфердинг Р.* (1877—1941) — экономист, один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала. Вероятно, речь идет о главном труде Гильфердинга — «Финансовый капитал».
51. См. письмо от 20(7) марта 1914 года.
52. *А. А.* — муж Трояновской-Розмирович Е. Ф. Трояновский А. А.
53. *Некрасов Н. В.* (1879—1940) — профессор, кадет, депутат от Томской губ. III и IV Государственных дум.
54. *Л. Б.* — Каменев Л. Б.
55. См. письмо от 17(4) декабря 1913 года.
56. *Лев Борисович* — Каменев Л. Б.
57. Текст письма — автограф.
58. От 17(4) декабря 1913 г., от 20(7) марта и 15(2) мая 1914 года.
59. Конспиративное название Заграничного бюро ЦК РСДРП.
60. При участии Малиновского РСДРФ IV Государственной думы разработала в ноябре 1913 г. анкету для профессиональных и других общественных организаций, содержащую 11 вопросов, в том числе, сколько раз они закрывались, обыскивались и арестовывались члены их правлений и т. п. Анкета была опубликована 25(12) ноября 1913 г. в газете «За Правду» № 33. Имеются также в виду ежегодные справочники и стенографические отчеты Государственных дум.
61. См. прим. 43.
62. *Съезд народных учителей* — Всероссийский съезд по народному образованию, состоявшийся в конце декабря 1913 г. в Петербурге.
63. «*День*» — ежедневная газета меньшевистского направления. Издавалась в 1912—1918 гг. в Петербурге.
64. *Муранов М. К.* (1873—1959) — рабочий, член РСДРП с 1904 г., большевик. Депутат IV Государственной думы от рабочей курии Харьковской губ., входил в РСДРФ. Официальный издатель «Правды». В мае — июне 1914 г. был на Урале. В ноябре 1914 г. арестован и выслан в Туруханский край.
65. *Н. В.* — Крыленко Н. В.
66. В Мустомьяках Малиновский жил на даче.
67. Текст письма — автограф.
68. Письмо было написано в тюрьме. Дата проставлена тюремной администрацией.
69. [...] — здесь и ниже текст замазан при перлюстрации письма.

70. Текст письма — автограф.
71. Одно из них — прим. 41.
72. *Ф. И.* — Дробкина *Ф. И.*
73. *Зинаида Ионовна* — Лилина *З. И.* (1882—1929) — член РСДРП с 1902 г., большевик, жена *Г. Е. Зиновьева*. В 1908 г. эмигрировала, сотрудничала в ряде большевистских газет.
74. Не обнаружено.
75. Не обнаружено.
76. 5 мая (22 апреля) 1914 года.
77. Вопрос не записан.
78. Вопрос о железнодорожных катастрофах рассматривался в IV Государственной думе в октябре 1913 г., запрос по нему был внесен кадетами. Выступление Малиновского опубликовано 30 октября ст. ст. в газете «За Правду» № 23. В речи упоминался министр путей сообщения России Рухлов.
79. Речь идет о некоторых запросах, сделанных РСДРФ весной 1914 г. в IV Государственную думу: о правовом положении ссыльных, об арестованных рабочих Обуховского завода в Петербурге, по поводу неправильных действий властей в связи с экономической забастовкой рабочих типографии Яблонского в Петербурге.
80. *Джунковский В. Ф.* (1865—1938) — в 1913—1915 гг. — товарищ министра внутренних дел и командующий отдельным корпусом жандармов. В 1918 г. давал показания по делу Малиновского в Верховном революционном трибунале при ВЦИК.
81. *Татьяна* — *Е. Ф. Розмирович*.
82. Условный адрес (*нем.*).
83. *Авель* — *Енукидзе А. С.* (1877—1937) — член РСДРП с 1898 г., большевик. В 1912—1914 гг. работал в Петербургской организации РСДРП.
84. *Конкордия Николаевна* — *К. Н. Самойлова*; *Анна Ильинична* — *А. И. Елизарова*; *Михаил Степанович* — *М. С. Ольминский*.
85. *Костя* — *Р. В. Малиновский*; *Марк* — *Г. И. Петровский*.
86. Речь идет о письмах *Е. Ф. Розмирович* Заграничному бюро ЦК РСДРП за февраль 1914 г. (Исторический архив, 1959, № 4, с. 46—48, 50).
87. *Шидловский Г. Л.* (1892—1951) — студент, член РСДРП с 1906 г., в 1910 г. — член ПК РСДРП. «Звезда» — легальная газета, издавалась в Петербурге в 1910—1912 гг. первоначально большевиками в сотрудничестве с меньшевиками-партийцами. «Живое Дело» — еженедельная легальная газета меньшевиков, издавалась в январе — апреле 1912 г. в Петербурге.
88. Слово не разобрано.
89. «*Страхование Рабочих*» — ежемесячный журнал меньшевиков, издавался с декабря 1912 по 1918 г. в Петербурге.
90. «*Абрам*» — *Н. В. Крыленко*.
91. *Гриневич* — *Коган-Гриневич М. Г.* (1874—?) — член РСДРП, меньшевик, деятель профсоюзного движения. *Святловский В. В.* (1867—1927) — экономист, приват-доцент Петербургского университета, секретарь отделения Императорского вольного экономического общества. В 1906—1907 гг. входил в Центральное бюро Петербургского союза металлистов.
92. *Канатчиков С. И.* (1879—1940) — Рабочий, член РСДРП с 1898 г., большевик. В 1908—1910 гг. — на профсоюзной работе в Петербурге, затем арестован.
93. *Мешковский* — *Гольденберг И. П.* (1873—1922) — член РСДРП с 1892 г., большевик. В 1906—1910 гг. — член ПК РСДРП. В 1907 г. избран в ЦК РСДРП, в 1910 г. входил в Русское бюро ЦК. Член Комиссии по рабочим вопросам при с.-д. фракции III Думы. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
94. *Макар* — *В. П. Ногин*; *Григорий* — *Г. Е. Зиновьев*.
95. *Борис* — *Радзишевский А. Т.* (1886—1934) — студент, член РСДРП с 1905 г., с 1907 г. — пропагандист Василеостровского и Петербургского районов Петербурга. В 1910 г. — член ПК РСДРП, в этом же году эмигрировал в Германию.
96. Первый всероссийский съезд деятелей обществ народных университетов состоялся в Петербурге в январе 1908 года.
97. Вероятно, имеются в виду собрания, проходившие в Народном доме Нобеля в Петербурге.
98. *Бундовец* — *Айзенштадт И. Л.* — с 1902 г. член ЦК Бунда.
99. *Савва* — *К. М. Шевченко*. *Сытин И. Д.* (1851—1934) — издатель-просветитель.
100. *Бина* — *В. Н. Лобова*.

101. Роман — К. М. Ермолаев.
102. «Социал-Демократ» — нелегальная газета, центральный орган РСДРП (1906, 1908—1917). В № 23 от 14(1) сентября 1911 г. была помещена корреспонденция «Совещание деятелей легального рабочего движения».
103. Датируется по показаниям А. А. Трояновского в 1917 году (История СССР, 1991, № 2, с. 155).
104. Заключение комиссии ЦК РСДРП по делу Малиновского, подготовленное в июле 1914 г., предполагалось опубликовать в «Правде», но разгром газеты помешал этому. Краткие сведения о заключении были опубликованы лишь 31 января 1917 г. в № 58 «Социал-Демократа»: «Заявление. Некоторые либеральные газеты в России сделали вид, будто они поверили провокаторским словам Маркова II, сказавшего с думской трибуны (конец 1916 или начало 1917 г.— *Подгот.*), что бывший депутат Р. В. Малиновский 1) присвоил рабочие деньги, 2) состоял на службе у русского правительства.
- Наш товарищ М. К. Муранов письмом в «Речь» разъяснил уже первый вопрос, указав на то, что он сам получил от Малиновского всю кассу. По поводу второго вопроса мы считаем нужным заявить следующее. Немедленно после сложения думских полномочий Малиновский приехал в Галицию, где жили тогда некоторые «правдисты». После первых же газетных слухов о «провокации» Малиновский потребовал рассмотрения обвинений против него товарищами. ЦК нашей партии назначил комиссию из трех лиц: 1) Я. Ганецкого (польский с.-д.), 2) Г. Зиновьева, 3) Н. Ленина. Комиссия эта допросила ряд свидетелей (в том числе одно лицо, которому переданы были обвинения первыми обвинителями) и самого Малиновского.
- Комиссия выяснила всю биографию Малиновского, собрала письменные показания целого ряда товарищей, составившие много сот страниц, установила неприглядную роль определенных лиц в распространении неверных слухов и приготовила к печати обстоятельное заключение. Опубликованию его помешало только закрытие «Правды». Комиссия пришла к единогласному убеждению, что обвинения в провокации абсолютно вздорны. Малиновский находится в настоящий момент в германском плену и потому не может сам защищаться ни против Маркова II, ни против тех «либеральных» газет, которые представляют дело так, будто Марков II внезапно стал раскрывать тайны Департамента полиции».
105. Перечисленные далее документы не обнаружены.
106. По делу Малиновского были опубликованы: резолюция 10 профессиональных союзов Москвы — «Путь Правды» от 3 июня (21 мая) 1914 г., № 92, резолюция бакинских рабочих — «Трудовая Правда» от 12 июня (30 мая) 1914 г., № 2.
107. См. Вопросы истории, 1993, № 10, с. 105, прим. 29.
108. Вероятно, в статье «Р. В. Малиновский» («Луч» № 37 от 10 ноября (28 октября) 1912 г.) с изложением его биографии. Статья была написана в связи с избранием Малиновского в IV Государственную думу, перепечатана в «Рабочем» 4 июня (22 мая) 1914 г. № 2.
109. Речь идет об обмене телеграммами между В. И. Лениным, А. И. Лобовым, А. Е. Бадаевым и В. Л. Бурцевым в мае 1914 г. в связи с телеграммами, посланными Бурцеву русскими легальными газетами о причинах сложения думских полномочий Малиновским и с обвинением его в провокаторстве. Бурцев в это время сведений о провокаторстве Малиновского не имел.
110. Возможно, что воспроизводимый выше текст Заключения не был окончательным. Датируется по показаниям А. А. Трояновского в 1917 году (История СССР, 1991, № 2, с. 155).
111. См. Вопросы истории, 1993, № 10, с. 105, прим. 29.
112. См. там же.
113. Заявления РСДРФ IV Государственной думы были опубликованы на страницах «Правды»: о том, что Малиновский не поставил в известность фракцию о своем уходе из Думы,— в «Пути Правды» от 23(10), 25(12) мая 1914 г., №№ 82, 84; о том, что у него не было денег фракции,— от 28(15) мая, № 87; о том, что у фракции не было политических разногласий с Малиновским,— от 31(18) мая, № 90; с осуждением выхода Малиновского из Думы — от 2 июня (20 мая), № 91.
114. Дальнейший текст раздела 2, написанный В. А. Тихомирновым ¹¹⁵, составлен на основе автобиографии, написанной Малиновским (см. док. 13), подробности нелегальной работы в нем опущены.
115. Тихомирнов В. А. (1889—1919) — член РСДРП с 1905 г., большевик. С 1912 г.— сотрудник «Правды». С 1913 г.— в эмиграции.
116. См. прим. 102.

117. См. с. 86.
118. Московский Комитет РСДРП.
119. *Расширенная редакция «Пролетария»* — Большевистский центр, с 1907 г. официальный руководящий орган большевиков. Распушен по постановлению январского 1910 г. пленума ЦК РСДРП. В июне 1909 г. по инициативе Ленина в Париже было созвано совещание расширенной редакции «Пролетария» по вопросу об отзовистах и ультиматистах, об отношении к думской деятельности и др. вопросам.
120. См. док. 3.
121. *Бebelь А.* (1840—1913) — рабочий, один из основателей (1869 г.) и руководителей Германской с.-д. партии и II Интернационала. Неоднократно избирался в рейхстаг.
122. Не обнаружено.
123. В приложении к № 27 газеты «Социал-Демократ» от 17(4) июня 1912 г. в статье «Москва (Из доклада московского делегата на конференции)» имелась информация о совещании в мае 1911 г. московских и петербургских меньшевиков, работавших в легальном рабочем движении.
124. *«Августовцы»* — сторонники «Августовского блока», который оформился на конференции с.-д. меньшевистских организаций (организатор Троцкий) в Вене в августе 1912 года. На ней был создан Организационный комитет меньшевиков.
125. Письмо в оригинале и в копии с пояснениями Бухарина имеется в материалах следственной комиссии.
126. ЦК РСДРП, избранный в 1907 г. на V (Лондонском) съезде.
127. Речь идет о «Новой Рабочей Газете» (Вопросы истории, 1993, № 9, с. 125, прим. 84).
128. Имеется в виду статья «Внимание организованных рабочих» в газете «За правду» от 3 декабря (20 ноября) 1913 г. № 40.
129. *Н. Троцкий* — один из псевдонимов Л. Д. Бронштейна.
130. Речь идет о написанном Лениным и Зиновьевым некрологе «Роман Вацлавович Малиновский» и опубликованном в связи со слухами о его гибели на фронте (Социал-Демократ, № 33 от 14(1) ноября 1914 г., без подписи).
131. См. Вопросы истории, 1993, № 9, с. 116.
132. См. там же, № 10, док. 7, с. 100—101.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том четвертый. Вооруженные силы Юга России

Глава XIII. Северо-Кавказская операция Добровольческой армии

После поражения, понесенного 7 ноября под Ставрополем ¹, XI советская армия отступала в двух главных направлениях: Таманская группа — на северо-восток, к с. Петровскому, и группа Гудкова — на восток, к Бешпагиру. 11 ноября 1-й конный корпус ген. Врангеля, форсировав реку Калаус и преодолев сопротивление Таманской группы, соединившейся уже с частями красных, действовавших севернее, взял село Петровское, узел дорог, ближайшую базу противника. В течение четырех дней в этом районе происходили тяжелые бои, и село дважды переходило из рук в руки.

Корпус понес большие потери, особенно в офицерском составе, причем едва не попал в руки противника штаб корпуса, расположившийся в с. Константиновке. Только 15-го ген. Врангель овладел окончательно Петровским. Измотанные до последней степени многомесячными непрерывными боями кони отказывались уже работать, и Кубанцы преследовали противника шагом, атаковали рысью... Большевики несколько раз переходили в контрнаступление против с. Петровского, но были отражаемы с большим уроном.

1-й армейский корпус ген. Казановича, преследовавший Гудкова, встретил также серьезное сопротивление на линии р. Бешпагирки и в течение девяти дней дрался с переменным успехом в районе Бешпагира. Только 20 ноября обозначился успех и на этом направлении: ген. Врангель, оставив небольшой заслон у Петровского, бросил 1-ю конную дивизию к юго-западу на Спицевку, в тыл войскам Гудкова. Застигнутая врасплох этим неожиданным ударом, атакованная одновременно с фронта 1-й дивизией и обойденная Кубанцами полк. Науменко долиной реки Горькой с юга группа Гудкова была смята и, теряя пленных (более 3-х тысяч) и орудия, бросилась на восток.

Ген. Казанович преследовал большевиков за Калаус на расстоянии двух переходов и только к 24-му был остановлен ими на параллели с. Медведского. В то же время ген. Врангель, искусно действуя по внутренним операционным линиям, к вечеру 21-го спешно сосредоточил свои силы вновь к Петровскому, и на другой день таманские и ставропольские полки, успевшие обложить село с севера и юга и даже ворваться в южную его окраину, были разбиты и спешно отошли к востоку.

К концу ноября общее стратегическое положение на Северо-Кавказском фронте было таково: 1. На крайнем правом крыле в направлении Минеральных вод действовал третий армейский корпус ген. Ляхова ², силою в 10 тыс. при 30 оруд.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—10.

и четырех бронепоездах. Он занимал фронт по обе стороны Владикавказской жел. дор. против ст. Курсавки, а правым флангом своим подходил на переход к жел.-дор. линии Кисловодск — Минеральные воды. Корпус был недавно сформирован, и главную массу его составляли войска ополченского типа.

2. В центре, в районе Ставрополя расположено было два корпуса: а) 1-й армейский ген. Казановича³, силою в 6800 шт. и саб., 21 оруд., стоял у Сергиевки, выдвинув передовые части против Медведского и Александровского; б) 1-й кон. корпус ген. барона Врангеля⁴, силою до 6200 саб. и шт., 20 оруд.— в районе Петровского.

3. В Приманычских степях действовал отряд ген. Станкевича⁵, две — три тыс., 4 оруд., держа связь с Донской армией и прикрывая левый фланг нашего расположения.

Всего в Кавказской группе Добровольческой армии было около 25 000 при 75 орудиях.

Против наших войск располагалась XI армия красных, под командой немца Краузе. Состав, командование и организация ее непрестанно менялись, как менялась и человеческая волна, переливавшаяся через ее кадры. В состав ее входило 12 пех. дивизий трех- пятиполкового состава и 7½ кав. дивизий. В рядах их числилось огромное количество людей, не менее 150 тыс., из которых около половины действительно сражавшихся. В течение декабря предполагалось произвести полную реорганизацию армии путем очистки ее от небоевого элемента и сведения многочисленных колонн, отрядов в 5 стрелковых и 5 конных дивизий. В ноябре армия усилилась частями, освободившимися после падения Терского фронта, в том числе Терской дивизией и Кабардинской бригадой.

К концу ноября войска XI армии располагались следующим образом: 1. Манычская группа («ставропольские» дивизии), 15 тыс., против ген. Станкевича и к востоку от Петровска, между Манычем и с. Овоци. 2. Благодарненская группа («таманские» дивизии), 10 тыс., против прав. фланга ген. Врангеля и против лев. крыла ген. Казановича, впереди Благодарного. 3. Александровская группа (бывш. Гудкова), 10 тыс., против прав. крыла ген. Казановича, впереди с. Александровского. 4. Терская группа, до 25 тыс., против ген. Ляхова, от Курсавки до Кисловодска. Ближайшим резервом этим силам могла служить XII армия, под командой Дьякова, силою до 12 тыс. человек, образовавшаяся после падения Терского фронта в районе Кизляр — Моздок — Грозный из трех красных полков сильного состава, пришедших из Астрахани, и местных формирований.

Всего против нашей Северо-Кавказской группы стояло 72 тыс., при 80—100 орудиях. Войска эти базировались на Астрахань, а передовой базой для XI армии служил обильно снабженный всякими запасами Св. Крест.

24 ноября части Добровольческой армии получили ближайшую задачу: ген. Врангель, с подчинением ему отряда Станкевича,— разбить группу противника, сосредоточившегося к северу от Петровского⁶, теснившую Донцов (по Манычу) и Станкевича и угрожавшую выдвинутому вперед положению 1-го кон. корпуса. Ген. Казановичу — наступлением на Благодарное обеспечить операцию Врангеля. Ген. Ляхову — перейти в наступление на фронт Кисловодск — Минеральные воды, для овладения Минераловодской группой. Во исполнение этой директивы с 25 ноября по 20 декабря шли тяжелые бои, с переменным успехом, изнурительные для обеих сторон.

Ген. Врангель, наступая главными силами по обоим берегам Калауса на север и отрядом Станкевича на восток, на Стар. Бурукшун, в течение 26 ноября — 1 декабря рядом удачных боев очистил северный район; большевики, неся большие потери, бежали на Рагули. Мелкие бои, однако, в этом районе не прекращались: 5 декабря большевики атаковали вновь на фронте Кистенское — Дербетовское, но были отброшены. Атаки противника повторились 11-го от Овоци на Камбулат бригадой пехоты и кавалерии и 13-го более крупными силами — всей Манычской группой, до 15 тыс.— на фронт Кистенское — Предтеча, в охват Петровского с севера... Направленный ген. Врангелем во фланг наступающих ген. Улагай к вечеру того же дня разбил южный отряд большевиков в районе Барханчака и затем, действуя быстро и искусно, в течение трех дней нанес ряд сильных ударов и средней колонне у Винодельного, Дербетовского, отбросив большевиков далеко за Дивное.

Но упорство большевиков сломлено не было. Новые мобилизации и подкреп-

ления, прибывшие из Астрахани и с Терека, усилили XI армию, которая не только стойко оборонялась, но временами переходила в общее наступление по всему фронту (10—11 декабря). Был сильный мороз. Бушевала страшная вьюга. И люди и кони работали из последних сил.

Наступление ген. Казановича, имевшего против себя в центре наиболее сильную Таманскую группу, подвигалось медленно. Только на правом фланге его 1-я дивизия ген. Колосовского имела успех, разбив 6-го у Александровского две бригады большевиков. Все усилия свои Казанович направлял для фронтального прорыва в направлении на Медведское, которое, после перегруппировки, атаковал и взял 15-го; но уже через два дня Таманцы перешли большими силами в контрнаступление со стороны Благодарного, и ген. Казанович, неся большие потери, стал отходить к р. Калаусу.

Когда было взято Медведское, я полагал использовать успех Казановича движением с севера во фланг и тыл противнику частей 1-го кон. корпуса. Людской и конный состав его, однако, был измотан до крайности, и ген. Врангель считал необходимым для восстановления боеспособности корпуса, по крайней мере, двухнедельный отдых. Но через несколько дней, ввиду серьезного положения группы Казановича, он сам предложил ударить по тылам противника на фронт Медведское — Шишкино. На крайнем левом фланге группы — отряд ген. Станкевича утвердился в Б. Джалге, одна бригада прикрывала Петровское с востока; прочие силы 1-го кон. корпуса начали сосредоточение в районе к юго-востоку от Петровского.

На Минераловодском направлении — гололедица, большие морозы и снежные бураны, свирепствовавшие с особой силой в предгорьях Кавказа, до крайности затруднили операции. 28 ноября ген. Ляхов занял ст. Барсуки; к 3 декабря дивизия ген. Шкуро, следуя на соединение с корпусом, вышла на фронт его севернее ст. Курсавка, которая и была взята 14-го, после горячего боя соединенными усилиями бронированных поездов, Пластунов и ударом в тыл дивизии Шкуро.

На всем фронте корпуса изо дня в день шли бои, типичные для «малой войны», причем оперативные сводки отмечали перемежающиеся успехи и неудачи — переход из рук в руки станиц Боргустанской, Суворовской, Воровсколеской, станции Курсавки... 16 и 17-го, одновременно с наступлением в центре на Казановича, Терская группа красных повела общее наступление и на корпус Ляхова, развивая небывалой силы артиллерийский огонь. В направлении Владикавказской жел.-дор. линии наступление это было сдержано бронепоездами и атаками кубанцев Шкуро и горцев Бековича Черкасского⁷. На правом фланге нашем противник имел, однако, успех и, сбив Черкесскую дивизию, быстро двигался к Баталпашинску. Ген. Шкуро направился туда, чтобы личным своим влиянием на казаков Баталпашинского отдела поднять там поголовное ополчение.

Наступление в центре Северо-Кавказского Добровольческого фронта назначено было на 21 декабря. В этот день на рассвете я с Романовским и английским представителем ген. Пуль прибыли на сборный пункт конницы генерала Врангеля, верстах в 20 к юго-востоку от Петровского. На наших глазах происходило развертывание и движение в атаку славных полков 1-го кон. корпуса, сыгравших решительную роль в последовавшем генеральном сражении.

Для прикрытия левого фланга от Маныча (Киевское) до Овоци оставлены были отряды ген. Станкевича и ген. Бабиева. Остальные войска корпуса ген. Врангель бросил на фронт Медведское — Шишкино — в тыл Таманской группе противника. Стремительной атакой Кубанцев большевики, занимавшие этот район, были разбиты, и главные силы Таманской группы, потеряв пути отхода на Св. Крест, в беспорядке бросились на юг и юго-восток. В то же время войска Казановича, наступая с фронта, на левом своем фланге взяли 21-го Ореховку и Высоцкое, а на правом в ближайшие дни овладели последовательно Грушевской, Калиновкой и Александровским...

Вслед за тем, 24-го, ген. Врангель овладел Благодарным, ведя преследование на юг и восток, после чего сосредоточил свой корпус в районе этого села. Дважды еще большевики переходили в контрнаступление — 25-го на Благодарное и 26-го против Казановича, но были обращены в бегство. Число пленных, оружия, обозов, попадавших в наши руки, все более увеличивалось. И 27 декабря штаб имел основание сообщить печати, что «Таманская армия противника приведена в полное расстройство и управление ею потеряно».

Ввиду общности фронта и задачи, я объединил командование над войсками генералов Казановича и Врангеля в руках последнего. Эта армейская группа должна была докончить поражение центра XI советской армии, наступая на Святой Крест — Георгиевск, в то время как корпус Ляхова выполнял прежнюю задачу — овладеть линией Кисловодск — Минеральные воды.

24 декабря сборный отряд ген. Шкуро отразил противника, обстреливавшего уже орудийным огнем Баталпашинскую, и погнал его в направлении Эссентуков; к 20-му наши части атаковали Курсавку, Эссентуки и Кисловодск...

Ген. Врангель, между тем, направил дивизию Улагая на Святой Крест, главными же силами продолжал теснить Таманскую и Александровскую группы противника на юг. Шаг за шагом, разбивая еще сопротивлявшиеся отряды, забирая много пленных и орудий, войска его в начале января продвинулись в район Новоселицы — Александровское.

К этому времени расстроенная и деморализованная XI армия красных, насчитывавшая еще в своих рядах до 40 тыс. при 50—80 оруд., сбилась в две группы: в районе ст. Нагутская — Кисловодск — Минеральные воды — около 20—25 тыс. и в районе Св. Креста — до 10 тыс.; оторванная от главных сил Манычск. группа (ставропольский корпус) противника, силою до 10 тыс., делала попытки облегчить положение всей армии наступлением в охват нашего левого крыла, но в боях в долине Маныча и в районе Овоши и Рагули ген. Станкевич и полк. Бабиев нанесли ей ряд поражений и вскоре вытеснили большевиков в Астраханские степи.

К вечеру 4 декабря дивизия ген. Улагая, наступая по Благодарненск. дороге, после жестокого боя овладела Св. Крестом, и одновременно другая колонна ген. Топоркова, направленная Врангелем из главных сил, взяла Преображенское (южнее), прервала там ж.-д. сообщение, не допустив эвакуации Св. Креста.

Овладение нами Св. Крестом, помимо огромной военной добычи, которую представляла эта передовая база всего Северо-Кавказского советского фронта, окончательно лишало остатки XI армии северо-восточных путей отступления. Перед нею лежало две дороги — одна через Владикавказ на Грузию, другая — на Моздок — Кизляр к Астрахани. Первая сулила ей темное будущее в стране, враждебной большевизму, вторая — спасение; но была она страшно длинной и трудной, и огромному большинству принесла гибель...

6 января, продолжая наступление по всему фронту, войска ген. Врангеля заняли Георгиевск и тем предрешили участь Минеральной группы. Корпус Ляхова на другой день овладел Эссентуками, Кисловодском и Минеральными водами, 8-го — Пятигорском. 12 января ген. Шкуро после горячего боя взял Нальчик и, бросившись затем на север, 14-го занял Прохладнинский узел⁸, отрезав тем большевикам путь отступления на Владикавказ. Безостановочно преследуя противника, наши войска к 14 января вышли на линию Нальчик — Прохладная — Эдессия — Правокумское — Арзгир — Дивное.

Это был полный разгром противника — тактический и моральный, требовавший лишь неотступного преследования, невзирая на страшное утомление Добровольческих войск. Эта сводившаяся к освобождению Терской области и к выходу к Каспийскому морю задача возложена была мною на ген. Врангеля, сыгравшего такую блестящую роль в истекшей операции. 10 января он стал фактически во главе Кавказской Добровольческой армии, в состав которой я включил все войска, стоявшие на фронте от Дивного до Нальчика⁹.

В конце января ген. Врангель заболел сыпным тифом и не мог руководить операцией. Это обстоятельство поставило меня в большое затруднение, так как передавать командование старшему (ген. Ляхову) я не хотел — его стратегия не разделялась мною, а начальник штаба армии ген. Юзефович только что поступил в наши ряды и не мог поэтому приобрести авторитета в глазах доблестных, но своенравных начальников Кавказской армии. Решено было официального приказа о замещении не отдавать, а ген. Юзефовичу руководить армией от имени ее командующего.

К середине января Северо-Кавказского советского фронта уже не существовало, оставались только разрозненные отряды: остатки разбитой XI армии (до 20 тыс.) группировались в районе Прохладной и по путям от нее, частью к Владикавказу, преимущественно же к Моздоку; другая группа (около 5 тыс.), оторванная от главных сил и стремившаяся соединиться с X армией, сосредоточилась у Приютно-

го, севернее оз. Маньчского; на всем огромном протяжении между этими пунктами — по воздушной линии свыше 250 верст, только в Кумском районе собирались остатки, до 3 тыс., красных, разбитых у Св. Креста. Восточнее — XII армия, силою около 12 тыс., занимала Грозный, Кизляр и Старотеречную, прикрывая единственный путь отхода — прикаспийский Астраханский тракт. Наконец, в районе Владикавказа сосредоточились крупные местные отряды «Северо-Кавказской республики», и неизвестно было — дружественная или враждебная сила — войска Ингушетии.

Таким образом, Кавказская добровольческая армия имела перед собой еще до 50 тыс., хотя и разрозненных, лишенных управления и деморализованных, советских войск. 14 января командующий армией, оставив для прикрытия Астраханских направлений и Ставропольской губ. отряд ген. Станкевича на Маныче и дивизию ген. Улагая у Св. Креста, двинул для преследования противника два корпуса: ген. Ляхова (3-й арм. к.-с.) — на Владикавказ и Грозный, ген. Покровского (1-й кон. к.-с.) на Моздок — Гудермес — Кизляр к Каспийскому морю.

Человеческая волна катилась бурно и неудержимо на восток, покрывая все дороги на много десятков верст, запрудив их обломками повозок, брошенным скарбом, трупами людей и животных. Кому удавалось спастись от пули и шашечного удара, тот находил смерть от сыпного тифа, косившего нещадно. Многие участники похода, свикшиеся, казалось, с ужасами войны, не могли потом без содрогания вспоминать эти кошмарные картины: мечущиеся толпы, брошенные на произвол судьбы поезда с больными и ранеными, тысячи изнемогающих людей в жару и бреду, ползущих по рельсам и откосам полотна и давимых немилосердно уходящими поездами...

Иногда толпы большевиков останавливались и, побуждаемые страхом и чувством самосохранения, принимали вновь облик воинской силы и вступали в бой с преследовавшими — бой жестокий, упорный, безнадежный...

Ген. Покровский двигался несколькими колоннами с сев.-зап. к Моздоку наперез пути противника, отходившего левым берегом Терека. На рассвете 15-го Покровский обрушился на большевиков на широком 25-верстном фронте, прижал их к реке и в упорном бою, в котором со стороны большевиков принимало участие и 8 бронированных поездов, разбил их наголову, взял до 10 тыс. пленных и занял Моздок. Бегущие пытались переправиться на правый берег, но единственный деревянный мост рухнул, и много людей, спасаясь вплавь, утонуло в Тереке.

Еще раз у станицы Мекенской корпус встретил сопротивление, но после двухдневного боя опрокинул противника и, сбивая его короткими ударами, шел безостановочно вперед, заняв 24 января Кизляр, достигнув разъездами Брянской пристани и войдя в связь у Хасав Юрта с Терским отрядом ген. Колесникова, стоявшего в Петровске. Остатки большевистских войск частью рассеялись по Чечне, частью (3—4 тыс.) были настигнуты и порублены севернее Кизляра. Весьма немногим удалось уйти на Астрахань. Этот беспримерный марш — 350 верст с боями — 1-й конный корпус ген. Покровского совершил в 14 дней!

Ген. Ляхов, оставив часть сил для обеспечения Прохладнинского узла, двинул войска генералов Шкуро и Геймана обоими берегами Терека к Владикавказу, а Черкесскую дивизию ген. Келеч-Гирей — в долину Сунжи на Грозный. Пройдя до Ахлово, черкесы встретили неожиданное сопротивление со стороны ингушей, которые, выставив хорошо вооруженный двухтысячный конный отряд, прикрыли отступление большевиков и отказались пропустить наши войска до решения ингушского национального совета, заседавшего в Назране. Ген. Келеч-Гирей вступил в бой с ингушами, но потерпел неудачу и, не рассчитывая на свои силы, свернул кружным путем на станицу Слепцовскую и взял ее с боя. Но попал в трудное тактическое положение между ингушами и большевиками.

Ген. Ляхов направил крупные части из своего резерва — Прохладной — для ликвидации сопротивления непокорных аулов и одновременно предъявил ингушскому народу ультимативное требование — сдать оружие, очистить Владикавказ и окрестные селения, восстановить снесенные терские станицы. Переговоры намеренно затягивались ингушами, и наступление Черкесской дивизии на Грозный задержалось. Между тем до сведения моего дошло, что какие-то сборные отряды под английским командованием направлены из Петровска к Грозному¹⁰... Во избежание нежелательных последствий иностранной оккупации огромной важности нефтеносного района, я приказал возложить задачу овладения Грозным на

ген. Покровского. С левого берега Терека он свернул от ст. Калиновской на юг части 1-й кон. дивиз. ген. Шатилова, и 23-го, после двухдневного жестокого боя, город был взят.

На Владикавказском направлении шло наступление отрядов Шкуро и Геймана, которые, преодолев сопротивление противника на линии Ардон — Эльхотово, к 19 января подошли к ст. Беслан, в двухдневном бою опрокинули большевиков, беспорядочно отступивших к Владикавказу, и 21-го ген. Шкуро ворвался уже в заречную часть города, заняв кадетский корпус; 24-го в его руках было северное предместье — Курская слобода, а южнее города — гора Лысая, чем отрезан был противнику путь отхода и по Военно-Грузинской дороге. Многие комиссары и соведпы кавказских городов успели, однако, бежать в первые дни осады в гостеприимную Грузию.

Большевики совместно с ингушами оборонялись с большим ожесточением¹¹: Части ген. Геймана, наступавшие с севера, находились под ударом с фланга и тыла, со стороны ингушских аулов, с населением поголовно вооруженным, поднявшимся в защиту большевиков. Потребовалось 6 дней упорной борьбы, ряда последовательных ударов по ингушским аулам, в которых большевики совместно с ингушами отчаянно защищали каждую саклю. И только 27-го ингушский национальный совет выразил от имени народа полную покорность, приняв все наши условия, а 28-го, после десятичасового уличного боя, наши войска овладели Владикавказом.

В последующие дни происходила только ликвидация остатков противника, рассеявшегося в окрестностях Владикавказа и зажатога нашими войсками в тесном районе Сунженской долины между Владикавказом и Грозным. В Грузию бежало свыше 3-х тыс. красноармейцев, которых, по моему настоянию перед английским командованием, грузинское правительство обязалось интернировать в Мцхете¹².

Северо-Кавказская операция закончилась. Вся Ставропольская губ. и Терская область были освобождены от советской власти. В пределах Северного Кавказа не оставалось более ни одной организованной большевистской части. Много крови, много жизней стоила и огромных усилий потребовала эта борьба, давшая чудесные страницы Добровольческого эпоса, богатая яркими примерами высокой доблести и искусства многих вождей и воинов.

Стотысячная армия Северо-Кавказского большевистского фронта перестала существовать. Она оставила в наших руках 50 000 пленных, не считая больных и раненых, 150 орудий, 350 пулеметов и огромное количество всякого военного имущества. Она усеяла своими трупами Ставропольские поля и предгорья Кавказа во имя чуждых ей идей и непонятных целей. В течение 7¹/₂ месяцев она отвлекала на себя почти все Добровольческие силы Юга и, хоть за это, должна бы получить некоторое признание со стороны московских правителей. Но они вбили в могилу ее осиновый кол и написали на нем бранную надпись. И мне — врагу, приходится заступиться за память погибшей армии перед историей.

Бронштейн о причинах неудач на Южном фронте говорил¹³: «...За спиной Краснова, на юге, стояли Деникинские белогвардейские войска. Знали мы о них? Конечно, знали. Но за спиной Деникинских войск стояли северо-кавказские советские армии. Эти две армии насчитывали чуть не 150 000 или даже 200 000 человек. По крайней мере, снабжение они требовали на такое число. Но это не были правильно организованные войска, а партизанские отряды, за которыми тащилось много беженцев и просто дармоедов и мародеров. Никакой правильной организации снабжения, управления и командования не было и в помине. Самодельные командиры не желали никому подчиняться и боролись друг с другом. Как всегда водится у партизанов (так в тексте. — *Ред.*), страшно преувеличивали свои силы, с презрением относились ко всем предостережениям центра, а потом, после первого серьезного удара со стороны Деникинцев, стали рассыпаться на части. При этом сдали врагу множество военного имущества и погубили при отступлении неисчислимое количество человеческих сил. Нигде, может быть, партизанщина не обошлась так дорого рабочим и крестьянам, как на Северном Кавказе.

Таким образом, основною причиной наших южных неудач являются не недостатки организации армий южного фронта, а предательская, в полном смысле слова, роль пережившей себя партизанщины».

Нет сомнения, что много язв разъедало Северо-Кавказскую армию — вероятно, не в меньшей степени, чем прочие красные армии. Но, очевидно, воинский дух ее,

невзирая на отсутствие непосредственного управления центра и плодотворного влияния «московских и петроградских сознательных товарищей», влитых во множестве на другие фронты (или, быть может, благодаря отсутствию этого влияния?), был неизмеримо выше, чем в других красных армиях. Потому что справляться с нею нам было труднее, чем с другими, потому что борьба с нею стоила нам относительно больших потерь. И не раз, разбитая, казалось, до основания, она возрождалась вновь и вновь, давая твердый отпор Добровольцам.

В начале февраля Кавказская добровольческая армия, имея обеспеченный и относительно замиренный тыл, получила, наконец, возможность повернуть на север для выполнения своей основной задачи.

Глава XIV. Терек в 1919 году

Когда войска Добровольческой армии овладели Минеральной группой и определился ясно исход операции, я назначил командира 3-го арм. корпуса ген. Ляхова «главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края». Одновременно письмом на имя начальника края я определял общие основания той политики, которой надлежало придерживаться русской власти: «Милостивый государь Владимир Платонович! Героическими подвигами Кавказской добровольческой армии, в которой слились в одном беззаветном порыве славные кубанские казаки, Добровольцы, Терцы и горские воины, освобождается весь Северный Кавказ от власти большевиков. Кончаются дни беспросветной тьмы, хулиганского разгула и несправедливости. Народная жизнь потрясена до основания, тем более что смута еще более обострила взаимоотношения, существовавшие между народностями Северного Кавказа.

Вам предстоит тяжелая, но благодарная задача умиротворить Терско-Дагестанский край. Ввести начала законности и порядка. С высокой справедливостью и беспристрастием примирить интересы подчас враждующих соседних народностей. Восстановить правильную экономическую жизнь, чему всемерно будут содействовать органы управления, при мне состоящие. Помочь свободному развитию местных установлений. Создать вооруженные силы для защиты родных очагов и для участия в борьбе за освобождение России. Наконец, вновь приобщить край к русской государственности.

От всей души желаю скорейшего прекращения междоусобий, счастья и мира многострадальному краю. Уважающий Вас А. Деникин».

Вместе с тем, «в целях воссоздания Терского казачьего войска», ген. Ляхову приказано было собрать Круг для выбора войскового атамана, поручив эту работу находившемуся в районе Добровольческой армии бывшему председателю Терского округа И. Д. Губареву.

Если во взаимоотношениях с Доном и Кубанью вопрос о необходимости единой государственной власти ставился нами как необходимость подчинения общим интересам частных, то для Терека, при его крайней чересполосности, при страшно запутанных межплеменных отношениях, острой вражде к нему чеченцев и ингушей и далеко не соразмерных силах сторон, установление общероссийской власти являлось вопросом физического существования казачества, вопросом жизни и смерти.

Только такая власть, чуждая областных интересов, могла иметь известный авторитет в глазах горцев, примирить враждующие элементы и остановить или, по крайней мере, не дать разгореться на Северном Кавказе новому пожару, открывающему путь для новой волны большевизма, — пожару, в пламени которого, прежде всего, сгорело бы Терское войско. Наконец, только русская власть могла обеспечить Северный Кавказ как тыл наступающих на север противобольшевистских армий и, ослабив развитие панисламистских и центробежных течений, сохранить край для России.

Это сознавала ясно российская общественность Юга, так думали тогда, в период начальной борьбы, терские деятели — будущие законодатели и правители, в том числе ген. Вдовенко¹⁴ и Губарев. Понимание положения не чуждо было и горской интеллигенции. Представители наиболее культурного племени — осетины — имели смелость высказать его открыто¹⁵: «Не располагая умственными и материальными

силами даже для совместной автономности, не говоря уже о государственной независимости, горцы по пути к своей независимости стали добычей как авантюристов из своей собственной среды, так и большевиков, это было неизбежно. Ведь в прошлом Кавказ представлял из себя арену непрерывной войны его народов, и только сильная русская власть в состоянии была отчасти умиротворить их, отчасти заставить их приступить к мирным видам труда».

Даже яркий проповедник горской независимости, председатель горского правительства Коцев, на одном из заседаний, в порыве интимной откровенности, заявил: «Слабые наши стороны нам не давали жить. Это — грабежи и разбои, кои не дают нам ходу. Вот почему нас хотят умиротворять, вот почему хотят назначить генерал-губернаторов... Это и есть наше слабое место — «если хотите самоопределяться, то обеспечьте свободное проживание гражданам» — вот что нам могут сказать»¹⁶.

Ляхову даны были указания относительно организации местной власти, которые он стал осуществлять практически с середины января. Само же «положение» выработывалось детально в недрах комиссий Особого совещания очень долго, претерпевало частичные видоизменения, и только к концу мая появился официально проект его.

В общем система управления намечалась следующая. Высшая гражданская и военная власть в крае принадлежит главноначальствующему и командующему войсками, который по второй своей должности подчинялся непосредственно главнокомандующему Вооруженными силами Юга России, а по первой — Особому совещанию. При главноначальствующем состояли помощники, из которых один — по горским делам, выбираемый, как и члены совета при нем, на общем горском съезде.

Территорию края составляют области Терского войска и Дагестанская, четыре горских округа — Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня и выделенные в особые административные единицы градоначальства: Владикавказское¹⁷, Грозненское¹⁸ и Минераловодский район¹⁹.

Терек получил широкую автономию, аналогичную той, которая была составлена для Кубани²⁰. «Терское войско, — говорилось в «Основных положениях», — пользуется правами автономии во внутренних своих делах и управляется, в этом отношении, на основании законодательных постановлений, издаваемых Войсковым кругом, при посредстве Круга, выборного Войскового атамана, правительства и других органов, которые будут учреждены Войсковым кругом».

«Дела общегосударственные (перечень тот же, что для Кубани²⁰) разрешаются в порядке законодательства и верховного управления главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, в порядке же управления подчиненного ведаются главноначальствующим Терско-Дагестанского края и иными подлежащими органами». «В порядке военного управления Терское войско и его войсковое начальство подчиняются главнокомандующему Вооруженными силами Юга России. Распоряжения главнокомандующего приводятся в исполнение через командующего войсками в крае»...

Во главе каждой горской народности стоит правитель по выбору народа и при нем совет, также из выборных. Они ведают делами местного управления, хозяйства и вопросами культурно-бытовыми; сохраняются и шариатские суды. Правители подчиняются непосредственно главноначальствующему.

Круг деятельности этих органов точно установлен не был, и фактически горские племена пользовались полнейшей самостоятельностью. Единственной государственной тяготой была для них платная поставка продовольствия расположенным в их районах войскам и обязанность выставить в действующую армию боевые части, сообразно численности своего населения. Требование это диктовалось мотивами не военными, а исключительно политическими: не было иных средств, чтобы выкачать из аулов массу накопленного там оружия и беспокойные элементы и тем хоть до некоторой степени обеспечить общий внутренний мир в крае и, в частности, Терское войско, ослабленное посылкой своих полков на север. Численность всех горских контингентов в рядах Армии до конца мая не превышала 3—4 тыс.

Терский большой войсковой круг открылся 22 февраля. Круг выслушал доклад ген. Ляхова о конструкции власти в Терско-Дагестанском крае, решения по этому вопросу не вынес, но выказал готовность всемерно поддерживать Добровольческую армию. Признал необходимым тесное объединение с Кубанью; избрал Малый круг в качестве «комиссии законодательных предположений» для будущей сессии Вой-

ского круга; утвердил временную конституцию края; и избрал атаманом ген. Вдовенко, вручив ему полную военную и исполнительную власть, обязав лишь атамана и поставленное последним правительство «по вопросам законодательного характера, не терпящим отлагательств (займы, налоги и т. п.), обращаться за утверждением к Малому кругу». Вслед за сим, через 9 дней, Большой круг разошелся на неопределенное время, предоставив инициативу своего созыва Малому кругу и атаману.

При таких условиях началось соправление двух властей — казачьей и Добровольческой, обосновавшихся в Пятигорске. Недоговоренность взаимоотношений, ряд спорных вопросов, восходивших еще к периоду дореволюционному, происки кубанских самостийников, чрезвычайно чуткое, прямо болезненное отношение новых терских властей к своему престижу, чтобы он не был ничем умален «против старших братьев — Дона и Кубани», — все это не могло не породить трений. К тому же ген. Ляхов был человек властный, крутой, с характерным тяжелым и обращением резким, обламывавший, а не сглаживавший острые углы взаимных отношений. В результате, после двухмесячного управления, главноначальствующий в своем отчете ²¹ свидетельствовал:

«Приходится отметить постоянные неофициальные сношения (моего) управления с новой образовавшейся в крае властью в лице Войскового правительства Терского казачьего войска. Непрерывно возникающие трения на почве резких выступлений указанного правительства по предметам, явно не подлежащим его компетенции, как, например, распоряжения в пределах Минераловодского района, в области государственных финансов, передвижения грузов, закрытия границ Терской области, попытки захватить учреждения бывшего правительственного продовольственного аппарата, постоянно заставляют Управление относиться с особой бдительностью к распоряжениям Войскового правительства — причем до последнего времени удавалось полуофициальным путем и переговорами с Войсковым атаманом и его правительством улаживать все недоразумения. При этом Войсковым правительством отменены все изданные им распоряжения, несогласные с общей конституцией власти, установленной Добровольческой армией.

Управление, однако, отмечает, что трения увеличиваются и могут быть весьма серьезными, в особенности в области земельного вопроса, который, по-видимому, предполагается казачеством к разрешению в благоприятном только для казаков смысле».

Ляхов правил этнографической мозаикой Северного Кавказа с большой энергией, в условиях крайне трудных. Восстановил суд, администрацию, правительственные учреждения. Создавал примирительные комиссии, формировал войска и с февраля вел самостоятельно операции против большевиков и горцев ²². Центр наш медлил, отставая от быстротекущей жизни, и главноначальствующий вводил, по собственной инициативе, законодательные новеллы в области земельных отношений, акциза и т. д., иногда расходившиеся с политикой центра. Так, управление его взяло на себя самочинно разрешение в административном порядке ходатайств о восстановлении владельцев земли и движимых имуществ в их правах — мера, создавшая почву для недовольства и обвинения власти.

Правление ген. Ляхова продолжалось только три месяца, так как в марте произошел печальный случай, прервавший его служебную деятельность. Начальником конвоя главноначальствующего (или комендантом его штаб-квартиры), лицом, пользовавшимся его неограниченным доверием, был некто капитан Чайдоянц, состоявший ранее комендантским адъютантом штаба Армии и удаленный с этой должности. Ляхова предупреждали не раз о сомнительной репутации Чайдоянца, но он не обращал на это внимания. Противодействовал даже задержанию Чайдоянца, когда тот был уже обличен. Следствие раскрыло такие картины провокации, арестов и садических убийств с корыстной целью, связанных с деятельностью Чайдоянца, что косвенно репутация самого главноначальствующего была скомпрометирована, и он вынужден был оставить пост.

Ген. Ляхов удалился от всякой деятельности и жил в глухом углу в окрестностях Батума, где было крайне неспокойно. Человек лично мужественный, Ляхов пренебрегал опасностью, не принимал никаких мер и, при вторичном покушении на его жизнь, был убит злоумышленниками.

На должность главноначальствующего 16 апреля был назначен ген. Эрдели.

Хотя новый главноначальствующий отличался большим тактом и известными дипломатическими способностями, но трения с терскими властями продолжались и у него; в особенности после того, как в мае Донское правительство односторонним распоряжением отпустило из ростовской экспедиции 80 милл. Тереку и тем уменьшило зависимость Терского правительства от командования.

Проект организации Терско-Дагестанского края, данный генералом Эрдели на заключение Терскому правительству в середине мая, вызвал решительный протест последнего даже по основному вопросу о самом бытии «Терско-Дагестанской» власти... В «чрезвычайном» заседании по этому поводу Терское правительство вынесло резолюцию²³:

«Область войска Терского должна быть исключена из состава Терско-Дагестанского края с непосредственным подчинением войскового атамана Терского войска главнокомандующему В. с. Юга России генералу Деникину на равных основаниях с атаманами Донским и Кубанским. Поэтому проект закона об управлении Терско-Дагестанским краем к управлению территорией Терского казачьего войска не должен относиться. Это и должно лечь в основу переработки означенного закона во всей его совокупности, о чем и представить главноу-Терско-Дагест. края».

Терские правители и Круг желали, чтобы общерусская власть железным обручем сковала горские народы, и требовали особенно решительных военных мер против ингушей и чеченцев, угрожавших пределам области. Но, вместе с тем, настаивали, чтобы эта власть отнюдь не вмешивалась в суверенное существование Терека. В этом отношении они нашли полную поддержку в кубанских политических кругах, и первое чествование терских правителей в Екатеринодаре (27 мая) было ознаменовано речами, направленными против Добровольческой армии — «врага казачества», против командования и, в особенности, против Особого совещания...

Такое однобокое решение вопроса о построении кавказской власти было и несправедливо и неосуществимо... В записке, приложенной к приведенной выше резолюции и составленной по предложению Эрдели, терцы сообщали и ряд конкретных пожеланий: отдачу им Минераловодской группы, потому что с нею «политически тесно связаны казачьи станицы»; упразднение грозненского градоначальства, существование которого «со включением туда нефтяных казачьих земель создает у широких казачьих масс впечатление, что казачье достояние — промыслы — власть хочет оттянуть у Войска»; передачу «всего горного дела, в частности, нефтяного, на территории войска, как со стороны горнотехнического надзора, так и с хозяйственной... исключительно в ведение Терского правительства»²⁴.

К этим чисто экономическим требованиям присоединялось и военное — чтобы атаман являлся «прямым начальником всех терских войсковых частей, вне зависимости от места их нахождения, и ему принадлежало право инспектирования и всех назначений».

Терское правительство обосновывало свои «претензии на некоторую долю государственной власти... революционной неустойчивостью момента» и выражало даже некоторую угрозу: «Если этого не учитывать и не считаться с этими взглядами широких казачьих демократических и общественных слоев войска, то возможно серьезное коренное расхождение во взглядах и пагубный для обеих сторон разрыв... Дело в том, что процесс революционного строительства еще продолжается».

Если отбросить всю обязательную в то время «революционную» терминологию, камень преткновения лежал, главным образом, в некоторых экономических вопросах, к которым я и Особое совещание, оберегая общерусские интересы, относились, быть может, слишком ригористически. Все остальное было только декорацией. Угроза была неуместна по адресу Армии-освободительницы и бессильна по существу. Ибо частичный даже увод весною частей армии с Кавказа на север, для отражения большевиков, обрушившихся на нас с Царицынского направления, вызвал совместное представление и атамана и главноначальствующего²⁵, рисовавшее такую картину:

«При наличии восстания «керменитов» в Осетии... при взаимной кровной ненависти терцев, с одной стороны, и чеченцев и ингушей — с другой, (при) ясно обнаруженных намерениях (большевиков) наступать на Кизляр и Св. Крест, увод первой конной дивизии неизбежно приведет к отдаче (большевику) Владикавказа... Грозного и Кизляра, что вызовет восстание всех горских народов и полный распад

всего Терского казачьего войска, которое разбредется по станицам защищать свои пепелища».

Трения создавала, в сущности, только небольшая, но влиятельная часть псевдорадикальной и самостийной терской интеллигенции в правительстве и Круге ²⁶, тогда как казачество было совершенно инертно, глубоко чуждо политической борьбе и сердечно расположено к Добровольческой армии; города же всемерно вырывались из подчинения отдельской (уездной) казачьей власти, и городские самоуправления, в конечном результате, настояли на проведении выборного производства, на основании закона Особого совещания. Даже революционная демократия, во образе «Севкагора» ²⁷, в поисках выхода между «стремлением сословно-казачьих кругов растворить город в сельской казачьей массе, враждебной городской культуре», и «недоверием власть имущих кругов в Особом совещании, установивших опеку над целесообразностью действий городских самоуправлений» ²⁸, — склоняясь явно на сторону второй комбинации...

Терский круг, собравшийся на вторую сессию в конце июня, просил меня прибыть на свое совещание, встретил и принимал чрезвычайно тепло. Говорили, что мой приезд уравнивал влияние кубанской делегации, работавшей весьма энергично против объединения Терека с командованием Добр. армии. Но в постановлении Круга о построении власти это отношение не проявилось. Круг стал на точку зрения правительства и отнесся отрицательно к предъявленной ему конституции Терско-Дагестанского края, подчеркнув особенно свое несогласие по вопросу о Грозном, Минеральной группе и о правах на недра.

Территория Терской области управлялась, поэтому, до конца двумя властями: ген. Эрдели правил на основании положения о Терско-Дагестанском крае, атаман Вдовенко — применительно к Терской конституции — со всеми отрицательными последствиями такой сепаратной деятельности.

Было бы долго и затруднительно перечислять все те разногласия, которые возникали между Терским правительством и командованием. Я приведу один лишь эпизод, характеризующий трагикомическое положение Владикавказской жел. дор., имевшей несчастье пересекать одиннадцать раз суверенные государства. В этом эпизоде, как в кривом зеркале, отражается вся лоскутная государственность Юга.

В июне — августе 1919 г. имела место следующая переписка: 1. От начальника управления торговли и промышленности Терского войска — Управлению Владикавказской ж. д., телеграмма 29 июня: «Терское войсковое правительство, являясь высшим органом правления в Терской области, сохраняет за собой всю полноту власти и вместе с нею неотъемлемое законное право, как такового, в издании законов и распоряжений в области. Отмена и запрет на провоз товаров, как по области, так и за пределы ее, по разрешениям на то Терского правительства лицами, не имеющими к нему никакого касательства ²⁹, является незаконной, претендующей ограничить власть Войскового правительства. А потому Терское правительство требует в пределах Терской области исполнять распоряжения только Войскового правительства. Производить отправки грузов за пределы области — по разрешениям на то правительства, а по области — без всяких разрешений. 806. Уторгпром Орлушин.

2. От правителя Кабарды — Управлению Владикавказской дороги, сношение 3 июля, № 3799: «Управлением дороги сделано распоряжение начальникам станций Нальчик, Докшукино, Котляревская, Прохладная, Солдатская и Муртазово..., находящимся на территории Кабарды, не принимать никаких грузов без разрешительных свидетельств Терского правительства.

...Настоящим ставлю Вас в известность, что... Кабарда есть самостоятельное административное управление, в своих правах равное Терскому правительству, и одно лишь может запрещать или разрешать ввоз и вывоз в пределы и за пределы Кабарды. А потому, означенное распоряжение прошу отменить, поставив в известность гг. начальников вышеупомянутых станций и предписать им принимать товары к отправлению лишь по моим разрешениям и окружных Нальчикских управлений. Ген.-майор князь Бекович Черкасский».

3. От помощника правителя Кабарды — Управлению Владикавказской ж. д., сношение 10 июля, № 4999: «Советом при правителе Кабарды установлен самый минимальный налог с вывозимых из Нальчикского округа и ввозимых в таковой разных грузов... Вследствие этого прошу сделать распоряжение, чтобы вывозимые

из Нальчикского округа и ввозимые грузы принимались для отправки и выдавались получателям по разрешениям Нальчикской окружной администрации. За помощника по гражданской части N. N.».

4. От ген. Эрдели — председателю Особого совещания, телеграмма 5 августа, № 4648, с просьбой «сделать распоряжение, и указать управлению Владикавказской ж. д., что оно должно исполнить приказание общегосударственных властей, каковым Терское войсковое правительство не является».

5. Главному начальнику военных сообщений отправлена предыдущая телеграмма, с резолюцией ген. Лукомского: «Что это за безобразие? Срочно прошу расследовать, отменить распоряжение и доложить. 7/VII.».

6. От председателя Особого совещания — главноначальствующему Терско-Дагестанского края, сношение 8 августа, № 1011: «Мною сего числа сделано соответствующее распоряжение главному начальнику военных сообщений. Препровождая в копиях всю относящуюся к делу переписку, прошу распоряжений о беспрепятственном следовании грузов в пределах и из пределов вверенного Вам края. Ген. Лукомский».

Так жили и правили власти Юга. И только благодаря сознанию смертельной опасности, в случае разрыва, отсутствию в массе Терского казачества всяких самостоятельных тенденций, личным отношениям ген. Эрдели с некоторыми терскими деятелями, в том числе с атаманом Вдовенко и председателем Круга Губаревым, наконец, умеренности и общероссийским тенденциям атамана, государственный механизм на Кавказе мог работать в течение года, правда, с перебоями, но без потрясений, которые имели место на Кубани.

Но, стремясь к возможной независимости от власти вооруженных сил Юга, Терек считал себя всегда неразрывной частью Единой России, не вел, по крайней мере, с нею заблаговременно торга о пределах своих вольностей и не обеспечивал их требованием «федерации» или «конфедерации» — понятий, столь ярко выдвинутых русской смутой и столь чуждых в устах коренной русской области, — по отношению к своей стране. Это значительно умеряло остроту терской фронды.

А Терское правительство, пройдя несколько месяцев горьким, тернистым путем власти, пришло к заключению: «При такой обстановке (большевизма и восстания горцев) мысль о создании новых форм государственной и общественной жизни, в соответствии с выдвинутыми идеями местного самоуправления, замирает, так как приходится думать больше не о гражданском устройстве жизни, а о защите свободы и физической безопасности граждан. Правильная сознательная работа возможна только в нормальных условиях спокойной, мирной жизни»³⁰.

Глава XV. Терско-Дагестанский край в 1919 году. Междоусобная борьба. Меджлис и англичане

Умиротворение горских народов шло своим чередом, встречая большие трудности. Еще в мирное время жизнь на Кавказе местами была беспокойной, и кавказские пути требовали усиленной военной охраны. С выводом войск на фронт мировой войны, потом с началом революции и ослаблением центральной и местной властей, положение стало еще хуже. Наконец, гражданская война, бесчисленные фронты, разрушение железных дорог, общее разорение и кровавые счета — все это произвело в крае небывалый хаос.

Грабеж как занятие, пользовавшееся почетом на Кавказе, стал теперь обычным ремеслом, значительно усовершенствованным в приемах и «орудиях производства» — до пулеметов включительно. Грабили все «народы», на всех дорогах и всех путников — без различия происхождения, верований и политических убеждений. Иногда сквозь внешний облик религиозного или национального подъема хищным оскалом проглядывало все то же обнаженное стремление. Дороги в крае стали доступными только для вооруженных отрядов, сообщение замерло, и жизнь замкнулась в порочном круге страха, подозрительности и злобы.

Осетия и Кабарда присоединились к нам сразу и добровольно, созвали вскоре национальные съезды, избрали правителей и советы, установили вполне благоприятные отношения с главноначальствующим и Особым совещанием. Роль последнего первое время ограничивалась почти исключительно денежными ассигнованиями на

многообразные нужды этих округов и поддержку их культурно-просветительных начинаний. Внутренний мир и в них наладился нескоро: пришлось им подавлять оружием, подчас весьма жестоко, вспышки экстремистов³¹, не утративших еще связей и симпатий к большевикам, и бороться с разбоями. В Осетии, по-видимому, самоуправление налаживалось, и устанавливались хорошие отношения к местной выборной власти; а из Кабарды не раз приходили жалобы на произвол старшин, взяточничество аульной администрации и самовольные взыскания с населения узденями убытков, понесенных во время господства большевиков.

Подчинившаяся официально Ингушетия жила фактически почти вне связи с русской властью. Не проявляясь активно, не прекращалось в ней брожение, подогреваемое извне постоянными сношениями с так называемым «горским правительством» и укрытыми в аулах, после падения Владикавказа, коммунистами, комиссарами, среди которых называли и «чрезвычайного комиссара» московского совнаркома Орджоникидзе, формирование ингуцских полков для Добровольческой армии не подвигалось, а вместо этого шло тайное формирование местных отрядов. Ингушетия по-прежнему представляла из себя враждебный вооруженный стан, который считался с одним лишь аргументом — силой.

Иначе обстояло дело в Чечне и Дагестане, где мы встретили неожиданно противодействие со стороны одного из кочующих правительств (характерное порождение русской революции) — «республики горских народов Кавказа» и... англичан. Избранный на 2-м горском съезде «центральный комитет союза горцев» имел вначале узкую задачу — отстаивания общегорских интересов. Но, после падения Российского временного правительства, «горский союз, под влиянием фанатизма одних и честолюбивых замыслов других, перешел сначала к чисто горской автономности, а позже к независимому государственному образованию, требуя от всех признания своего суверенитета над территорией и над народами, населяющими во многих местах чреполосно с русскими и казаками Северный Кавказ. Эти политические стремления дали горским народам только междуплеменную вражду и иго большевиков в Терском крае». Так определяли впоследствии правитель и совет Осетии роль горского правительства, протестуя против домогательств последнего на власть³².

После январских событий во Владикавказе горское правительство бежало в Тифлис и, оторванное от событий на Кавказе, частью рассеялось, частью — в лице кабардинца Пшемаха Коцева³³, чеченца Топы Чермоева³⁴ и др. — продолжало еще выступать в центрах восточной политики. Они побывали в Константинополе, призывая единоверных турок помочь им освободиться от «русского владычества»³⁵, они, явившись на Батумскую мирную конференцию в качестве «полномочных» представителей Сев. Кавказа, всемерно поддерживали германо-турецкую дипломатию в ее захватных стремлениях против закавказской делегации... В Тифлисе они добивались у германского командования помощи ингушам (?), но осторожные немцы, кроме посылки во Владикавказ грузовиков с миллионом патронов и 3 тыс. винтовок, воздержались от прямого вмешательства в горские дела.

Вся дипломатическая, декларативная, публицистическая деятельность этого кружка носит следы специфически восточной хитрости и наивной хлестаковщины, производившей, однако, известное впечатление на несведущих иностранных представителей. Все, например, сложные эпизоды борьбы в Чечне и Дагестане, осложненные соревнованием советской власти, турок и англичан и их вооруженным воздействием, изображались горским правительством в таком виде: «К осени 1918 г. Правительством горским были очищены от большевиков вся Дагестанская область, Хасав-Юртовский и Чеченский районы Терской области, кроме Грозного. Правительство обосновалось тогда в Темир-хан-Шуре»³⁶.

В середине ноября пала Турция, на Каспии появились англичане, и роль горского правительства, крепко связавшего свою судьбу с Турцией, — без средств, без армии и без влияния — казалось, должна была окончиться. Но 26 ноября горская делегация посетила в Баку английского генерала Томсона, обратилась к нему за помощью, и Томсон счел полезным для английских интересов, поддержать существование горского правительства. Вот как об этом повествует Пшемахо Коцев³⁷:

«Когда анархия и развал коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясно, что собственными силами и авторитетом мы не можем водворить у себя порядка. И вот все это время прошло в хлопотах за поисками этой внешней силы.

Эти внешние силы были заняты собственными делами, все же они нам помогли, как могли, и снабдили военным снаряжением. Но одни силы ушли, а другие пришли. В тот самый момент, когда я собирался пробраться в залитую кровью Кабарду, я был приглашен в Баку главным английским командованием для переговоров.

Английское командование, признав, впредь до всемирной конференции, существование Горской республики и правительства, предложило мне организовать новое коалиционное правительство, которое действовало бы в единении с союзниками.

Согласившись в принципе, я отказался сделать это без народного доверия горских племен. С 18 по 22 н. ст. декабря происходил в Темир-хан-Шуре съезд представителей Дагестана, Чечни, Осетии и нескольких кабардинцев. Это совещание вручило мне всю полноту власти, как от горского, так и от казачье-русского населения (!). После этого английское главное командование назначило при моем правительстве военную миссию во главе с полковником Роулинсоном, который уже приехал в Темир-хан-Шуру»...

Этими фактами определяется генезис новой власти «всего Северного Кавказа», восходящей, следовательно, к генералу Томсону и собранию случайных людей, проживающих вблизи Дагестана, так как в начале декабря вся Кабарда, Осетия, Ингушетия и половина Чечни находились во власти советов и фактически были отрезаны от Дагестана. Распространение этой власти на Терек обуславливалось договором, заключенным горским правительством с беженцами с Терека, проживавшими в Петровске и именовавшимися еще «Временным военным правительством казаков и крестьян Терского края». В силу договора, область Терского войска должна была войти в состав союза горских народов, причем «командование вооруженными силами договаривающихся сторон вверялось представителю держав Согласия на все время операции против большевиков»³⁸.

В письме своем к «горскому правительству Северного Кавказа», посланном 27 ноября и подтверждавшем данное горцам обещание признания *de facto*, Томсон говорил: «Вас больше всего интересует стать самостоятельной республикой... Эти вопросы будут разрешены мирной конференцией союзников... До этого времени у Вас есть полная возможность проявить Вашу способность к самоуправлению»... В числе предъявленных Томсоном требований, между прочим, были: удалить турок с территории республики, устранить турецкую и германскую пропаганду и помочь союзникам в установлении связи «с армией ген. Деникина». Со своей стороны, Томсон обещал «помочь всеми средствами народам Кавказа в их стараниях преодолеть те трудности, которые стоят перед ними».

Пока горское правительство, организовав бесчисленные министерства, заключало международные соглашения и собирало силы, на Северном Кавказе наступили известные события, и войска Кавказской добровольческой армии 23 января овладели Грозным и 28-го Владикавказом. После этих событий, 10 февраля ген. Томсона посетила делегация в составе горского министра Малачи-хана и «представителя ингушского народа» Плиева, сообщила официально «о взятии горскими войсками Владикавказа и Грозного» и просила «содействия в прекращении наступательной операции Добровольческих частей»³⁹.

Генерал Томсон выразил живейшую радость по поводу таких успехов горского правительства в борьбе с большевиками, особенно трогательно — по адресу ингушей: «Я был весьма рад,— писал он Плиеву⁴⁰,— встретить сегодня и поздравить Вас как представителя ингушей с теми большими успехами, которые достигнуты последними в очищении своей родины от большевиков. Ингуши были очень лояльными друзьями союзников»...(!) Томсон выражал также уверенность, что у ингушей не будет никаких затруднений с войсками ген. Деникина...

Одновременно Коцев обратился через ген. Эрдели, находившегося в то время, по моему поручению, в командировке в Закавказье (Баку), с ультимативным требованием «отвода частей Добровольческой армии с Владикавказского и других горских районов.., в противном случае, горское правительство снимает с себя ответственность за могущие произойти тяжелые последствия»...

Пока происходила вся эта буффонада, горское правительство приступило и к прямым действиям. В Грозный, занятый войсками ген. Шатилова, 1 февраля явились «губернатор» и «командующий войсками» по назначению от меджлиса и пожелали вступить в управление городом и краем. Им было отвечено, что горское

правительство не признано ни Добровольческой армией ни большинством горских народов и что весь Терский край находится под управлением главноначальствующего ген. Ляхова. После того горское правительство вступило с нами в длительные и безрезультатные переговоры, послав делегацию во главе с «председателем союзного совета» Темирхановым в Екатеринодар ⁴¹ и председателя правительства Коцева — в Пятигорск, к ген. Ляхову.

Вопрос стоял на мертвой точке, так как обе стороны ставили непримиримые условия: междоусобица добивалась очищения Добровольческой армией «территории союза горцев Северного Кавказа» ⁴², причем Коцев предполагал созвать общегорский съезд, который должен был определить дальнейшую судьбу края... Командование во избежание кровопролития через ген. Ляхова требовало прекращения агитации и сложения с себя власти горским правительством, после чего будет созван ген. Ляховым съезд, перед которым членам «правительства» будет предоставлена возможность дать отчет в своей деятельности; съезд изберет помощника главноначальствующему по горским делам и членов совета, и горским племенам будет предоставлено широкое внутреннее самоуправление.

Все послания горского правительства кончались неизменно угрозами, подкрепленными ссылками на единомыслие с ними Англии и на ее помощь, и на содействие Азербайджана. Коцев прислал нам и копию ноты «союзного» правительства Азербайджана, адресованной Томсону ⁴³. «...Народы Кавказа имеют полное основание думать, что целью и задачей Добрармии является борьба с анархией и большевизмом в России, а не дерзкие посягательства на стремление народов к свободе и попрание их прав к самоопределению, признанных за ними всеми великими державами в Европе и Америке. С этой точки зрения вышеуказанные акты вопиющего насилия над волей и суверенными правами дружественных Азербайджану горских народов Кавказа не могут не вызывать самого горячего протеста со стороны Азербайджанского правительства... Правительство, конечно, сочтет себя обязанным всеми доступными ему средствами прийти на помощь горским народам». Нота заканчивалась настоятельной просьбой «принять решительные меры к быстрейшему удалению войск Добрармии из пределов республики».

Одновременно послана была специальная миссия в Грузию, и первым результатом ее была нота Гегечкори английскому командованию, в которой также был выражен «категорический протест» против нарушения Добр. армией «принципа самоопределения народов и покушения на независимость Горской республики, признание или непризнание коей всецело зависит от решения всемирного конгресса».

По примеру других potentатов и Коцевское правительство послало «делегацию на мирную конференцию» ⁴⁴, и вскоре в европейской прессе появились удивительные рассказы из «официальных» источников об истории кавказской борьбы и жизни горских народов.

Тем временем горское правительство продолжало развивать на Северном Кавказе сильнейшую агитацию, нашедшую отклик в сопредельной с Дагестаном Чечне и отчасти в Ингушетии.

Не имея своей вооруженной силы (дагестанские формирования были ничтожны), правительство обратилось к системе подкупа шейхов и главарей Чечни, сообразно их влиятельности, снабжало деньгами, оружием и боевыми припасами чеченские аулы, в которых начали организовываться и красногвардейские отряды (аулы Гойты и Шали) из большевиков, укрывшихся в Чечне после разгрома фронта. В союзном совете (парламенте) в Темир-хан-Шуре раздавались речи, дышавшие ненавистью к России, «под гнетом которой изнывали горские народы», к Добровольческой армии, история, цели и образ действий которой подвергались полному искажению, и в частности — к «генералам, бывшим царским сатрапам, которые будут скоро разбиты и будут валяться в прахе» ⁴⁵. Эти речи распространялись по Чечне и Ингушетии вместе с личными призывами членов совета и правительства, посещавших аулы и чеченские съезды и обещавших вооруженную помощь Дагестана и Азербайджана.

Интересно, что стремления горского правительства всецело поддерживались кубанскими самостийниками. И однажды в органе Кубанского краевого правительства «Вольной Кубани» ⁴⁶ мы прочли обстоятельную статью о том, как большевистская анархия была занесена на Терек «самим терским казачеством еще в 1918 г. с Моздокского народного съезда, устроенного некоторыми безответственными

кругами терского казачества с явной целью борьбы с ингушами и чеченцами»... И как это нехорошо, что Добровольческая армия, «не ограничиваясь своей задачей наказания казачье-осетинских большевистских элементов, внесших разруху в Терскую область, повела борьбу в сторону уничтожения горского союза и горской объединенности»... Такое отношение не мешало, однако, кубанским самостийникам пользоваться влиянием среди терского правительства и Круга.

Дважды назначенный в Грозном съезд чеченских представителей не состоялся ввиду отказа большевистских органов прислать своих поверенных. Чечня волновалась, район Грозного становился непроезжим, повсеместно участились нападения и обстрелы; вместе с тем чеченцы прервали жел.-дор. сообщение с Петровском, произведя крушение двух рабочих поездов. Начиналось серьезное восстание, центром которого стал аул Гойты, верстах в 25 от Грозного.

Наше почти двухмесячное выжидание было понято горцами как слабость. Между тем стратегическая обстановка на Дону и Маныче требовала спешной переброски возможно больших сил на север. Медлить дольше не представлялось возможным. Переговоры были прерваны, и решение вопроса предоставлено силе оружия.

16—23 марта сильный отряд в составе кубанских и терских казаков под начальством ген. Драценко нанес поражение чеченцам, особенно тяжкое у аула Алхан-Юрта, где они потеряли до 1000 человек. Бои сопровождались жестокостями с обеих сторон и разрушением нескольких аулов. Потрясенные этой неудачей чеченцы Грозненского округа начали присылать со всех сторон депутации с изъявлением покорности, и ген. Ляхов в третий раз назначил на 28 марта чеченский съезд, пригласив присутствовать на нем и Коцева.

К назначенному дню я приехал в Грозный совместно с английским представителем ген. Бриггсом. Коцев не приехал. По-видимому, он считался в своей среде слишком умеренным. Горский совет командировал в Грозный трех лиц во главе с ярким русофобом и полубольшевиком председателем своим Каплановым для переговоров с командованием. Но делегация, узнав о событиях в Чечне, задержалась в ауле Шали, не решаясь проехать в Грозный. Из Шали Капланов сообщил мне в Грозный, что «никакие переговоры с отдельными племенами или селениями не имеют в глазах Горского союза никакой определенной силы».

Не признавая вовсе прав горского правительства, командование, в свою очередь, не могло входить с ним в обсуждение участи кавказских племен. Да и дальнейшие разговоры, как оказалось, были бы совершенно бесполезными: инструкция, данная делегации на секретном заседании совета, гласила: «1) Потребовать от Добр. армии очищения всей горской территории; 2) Никакого сотрудничества с армией ген. Деникина; 3) Роспуск всех мобилизованных горцев»⁴⁷.

Среди народных избранников, вероятно, лучших представителей аулов⁴⁸ — царила беспросветная тьма. Никакими политическими, ни религиозными побуждениями нельзя было объяснить народного брожения: оно питалось исключительно самыми нелепыми слухами, извращениями фактов. Чеченцы с одинаковым недоверием относились и к меджлису и к Добровольческой власти и совершенно не шли дальше прикладных интересов своих аулов; пожалуй, большую симпатию они питали к большевикам, которых укрывали в своих саклях и которые не препятствовали, когда были в силе, их расправам с местным русским населением и терскими казаками.

Они боялись мести. И теперь, когда в разосланном по аулам оттиске речи Коцева они прочли, что «в Терскую область назначается генерал-губернатор из казаков»⁴⁹, это известие повлияло на них больше, нежели призывы меджлиса к построению горской республики. Велика вина крайне немногочисленной туземной интеллигенции, которая в большинстве своем во всех стадиях русской смуты не работала в реальных интересах своего народа, а народ этот — темный, совершенно инертный в политическом смысле, не вышедший из рамок средневековья по культуре, обратила в орудие своих политических или лично честолюбивых целей.

Я говорил чеченцам о мире, о том, что никто не посягает на их земли и промыслы. Что, если порвать с Россией и допустить, что все народы Кавказа будут жить своей собственной жизнью, не считаясь со своими соседями, то, кроме резни, ничего не выйдет. Повторил требования, предъявленные ген. Ляховым, невыполнение которых вызвало тяжелые репрессии⁵⁰... Генерал Бриггс говорил

о содействии, оказываемом Англией Добровольческой армии, и советовал «дать возможность исправить железную дорогу, прекратить междоусобицу и помочь ген. Деникину в борьбе против большевиков».

Собрание после краткого совещания вынесло постановление — выполнить предъявленные условия. Но мир долго еще не устанавливался.

Под влиянием темных слухов и не раз благодаря насилиям, чинимым казачьи-ми отрядами во время усмирений, началось усиленное движение чеченцев с семьями и имуществом из плоскостной Чечни на юг, в горы. Там собрался весь беспокойный элемент, образовались крупные шайки абреков, державшие под постоянной угрозой наши малочисленные гарнизоны.

Горское правительство продолжало агитацию и посылало в нагорную Чечню мелкие дагестанские отряды и азербайджанских добровольцев. Правда, окончились эти попытки неудачно: аул Шали, где собрались дагестанцы, был обложен нами, и жителям было предложено разоружить и удалить иноплеменную помощь под угрозой разрушения аула. Требование было выполнено. А возле Гудермеса произошло даже 13 апреля кровавое столкновение между чеченцами и их непрошеными защитниками, когда дагестанский отряд отказался покинуть чеченский аул. Не раз происходили также междоусобные бои между чеченцами — одними, желавшими мира, и другими, насильственно поднимавшими аулы к восстанию.

Восстания сменялись усмирениями, усмирения восстаниями, все эти события сопровождалось неизбежными актами жестокости и произвола, поддерживая психологию мести и раздражения. Борьба с произволом можно было только — поборов сопротивление и достигнув искреннего примирения. А его не было.

На пути нашем к Каспийскому морю лежал Дагестан, край наиболее бедный по природным условиям, наиболее мирный по характеру своего населения (лезгины) и почти не имеющий своей интеллигенции⁵¹. В крае, лишенном совершенно экономических предпосылок отдельного существования, наступили экономический кризис и полное бюджетное банкротство — обстоятельства, осложненные воинствующей и беспочвенной политикой меджлиса.

Положение меджлиса становилось все более и более безнадежным. Горское правительство меняло своих министров, писало отчаянные ноты «своим народам», союзникам и англичанам и постановляло всеобщую мобилизацию (18—30-летних) для борьбы против Добровольческой армии, «посягающей на нашу свободу и завоевания революции». Но создание серьезной вооруженной силы решительно не удавалось⁵².

Англичане принимали участие в командовании «союзными силами республики», но свои силы считали совершенно нейтральными, призванными только «охранять порядок». Терский отряд Колесникова, расположенный в Петровске, при первом же соприкосновении с частями Добровольческой армии был двинут на соединение с нею в направлении Кизляра. «Союзники» дали денег (Азербайджан 12 милл.), боевые припасы (Грузия), но войск прислать не могли.

Мобилизация не прошла совершенно; формирование красноармейских частей из большевиков, осевших в Чечне и Дагестане, и вообще широкое покровительство большевикам восстановило против горского правительства всю буржуазию и туземное офицерство. В конце апреля местная военная партия произвела аресты в Темирхан-Шуре 36 видных большевиков и препроводила их в тюрьмы Петровска при бессильных протестах правительства и совета.

В Петровске находился еще в весьма оригинальном положении отряд из трех родов оружия ген. Пржевальского, числившийся в Добровольческой армии. История его интересна для характеристики англо-русских отношений.

Командующий английским флотом Черного моря — адмирал Сеймур, признавая русские силы в Баку подчиненными командованию Юга, в начале января обратился ко мне с просьбой «отдать ген. Бичерахову приказ снять с судов Каспийского моря русские команды, сплошь зараженные большевизмом и угрожающие связи англичан с Петровском». Я послал телеграмму ген. Эрдели, бывшему тогда в Закавказье, на месте ознакомиться с положением дела и принять надлежащие меры. Связь Баку (через Грузию) была очень затруднительна, и только 6 марта, *post factum*, мы узнали о происшедших там событиях.

Приехав в Баку 22 января, ген. Эрдели застал следующее положение: Томсон, ввиду полного разложения отряда Бичерахова и тех осложнений, которые вызывала

его деятельность, полупринудительно заставил его покинуть Баку под предлогом почетной командировки в Англию и назначил его заместителем ген. Пржевальского. Одновременно Томсон закрыл кредиты на содержание отряда, обходившегося англичанам 1/2 милл. руб. в день, отпустив только три миллиона на его ликвидацию. Эрдели, считая желательным сохранение на Каспии хоть небольшой русской силы, решил использовать этот отряд, приняв его в состав Добровольческой армии, и утвердил ген. Пржевальского в должности начальника войск Прикаспийского района, с подчинением его Ляхову.

Но вместе с тем Томсон заявил, что ни стоянка, ни формирование русских Добровольческих частей в зоне оккупации англичан не допускается... Эрдели протестовал, и вопрос поступил на разрешение ген. Мильна.

Тем временем ген. Пржевальский приступил к реорганизации отряда: большая часть его числилась только на бумаге (10 тыс.) и фактически дезертировала; негодный элемент был уволен; часть была направлена на службу в Закаспий. Из остального состава начаты формирования в Баку и Петровске.

Труднее обстояло дело с флотилией⁵³, которая после ликвидации «Каспийского правительства» и отказа подчиниться Пржевальскому оказалась фактически никому не подчиненной, не имеющей ни средств, ни кредитов. Комитет флотилии «Центрокаспий» после долгих переговоров с ген. Эрдели заявил, что флот согласен подчиниться Добровольческому командованию, но лишь в тактическом отношении, оставляя свой внутренний распорядок — с советами, комитетами и прочими атрибутами «революционной дисциплины»: Ген. Эрдели требовал полного подчинения и полной реорганизации личного состава. Предстояла, поэтому, неизбежно, тем или иным путем, насильственная ликвидация строптивой флотилии.

Бакинский революционный пролетариат, находившийся в полном единении с судовыми командами, волновался. На заседании Бакинской рабочей конференции при обсуждении судеб флотилии поставлен был вопрос: «К Деникину, в Астрахань или к Азербайджану?» Первое невозможно, так как «Деникин борется с демократией всей России и есть зло во всероссийском масштабе»; второе невозможно технически, так как все Каспийские порты в руках англичан, а астраханский рейд замерз... И конференция склонилась к третьему решению, полагая, что «Азербайджан — болезнь местная, в нем может взять власть в свои руки демократия... и добиться признания необходимости воссоединения с Россией и согласия на нейтрализацию флота»⁵⁴.

Англичане, однако, думали иначе. Томсон требовал от Эрдели скорейшего разоружения флотилии русскими руками, чтобы отвести от себя одним этого мероприятия; но вместе с тем предупреждал, что суда после спуска команд, оставаясь русской собственностью, укомплектованы не будут «до более благоприятного времени» ввиду отсутствия гарантии в благонадежности нового состава.

Эрдели, для сохранения за нами судов до присылки укомплектования от Черноморского флота, решился на насильственное разоружение, но встретил неодобрение со стороны всех войсковых начальников, указывавших на небоеспособность своих частей, невыполнимость задачи без участия англичан и бесполезность этого шага ввиду полученных от разведки сведений, что англичане по настоянию азербайджанского правительства решили удалить из Баку безотлагательно русские войска.

После ряда бесплодных переговоров был получен от Томсона ультиматум⁵⁵: «К 12 часам следующего дня разоружить флот; в противном случае всем русским Добровольческим частям к 16 часам того же дня покинуть г. Баку, а к 24 часам и пределы Бакинского генерал-губернаторства».

Генералы Эрдели и Пржевальский сочли себя вынужденными подчиниться последнему требованию, заявив протест против самого факта вывода русских войск и ничем не оправдываемой краткости срока, указывая, что «такие действия принесут неисчислимый моральный и материальный ущерб для дела борьбы вооруженных сил Юга России против большевиков».

Генерал Пржевальский с войсковыми частями перешел в Петровск, не успев захватить всего войскового имущества и обозов, большинство которых попало в руки азербайджанских властей. А 16 марта последовало от ген. Томсона новое требование — петровскому отряду в кратчайший срок покинуть Дагестанскую область. Ген. Пржевальский ответил решительным отказом, заявив, что он исполнит приказ только своего начальства.

Каспийская флотилия, между тем, была разоружена англичанами без кровопролития, одной лишь угрозой потопления судов английскими истребителями. И в то время, когда уходили из Баку русские войска и покорно разоружались уже буйные матросские команды, к ген. Томсону обратились делегаты революционной демократии ⁵⁶ с изъявлением своего запоздалого патриотизма: «Всякое действие, — говорили они, — против российской армии, хотя бы и Добровольческой, и Каспийского флота бакинским пролетариатом рассматривается как действие против России!». Делегаты, предполагая, что флот стоит еще в боевом порядке, по словам отчета, — «говорили с Томсоном твердым революционным языком», а он в ответ им «улыбался»...

Все эти события произвели в Екатеринодаре удручающее впечатление. Дело было уже непоправимо. Я предписал ген. Пржевальскому отнюдь не уводить войск из Петровска, обратился с протестом к английскому правительству, указав, что «отдача распоряжения, касающегося вооруженных сил, находящихся в моем ведении, без моего согласия является актом, враждебным Добровольческой армии». Вместе с тем я стал еще более настойчиво добиваться воссоздания русской каспийской флотилии, что при содействии ген. Бриггса и личного воздействия на адм. Сеймура удалось выполнить только в июне...

Таким образом, в Петровске, на территории враждебного нам горского правительства, при молчаливом непротивлении англичан, находился русский отряд, непосредственно подчиненный полк. Плотникову ⁵⁷, силою до 2½ тыс., имевший задачей — восстановление жел.-дор. сообщения по линии Петровск — Грозный.

В апреле положение горского правительства окончательно пошатнулось. Началась железнодорожная забастовка на экономической почве, с предъявлением требования к правительству об уплате 12 милл. руб. Участились крупные трения, интриги, борьба самолюбий и честолюбий внутри самого правительства и союза, особенно с дагестанской фракцией его, тяготившейся все больше пришедшей и слишком дорого обходившейся народу властью. По существу власть эта не распространялась далее Темир-хан-Шуры. Дагестан жил своей жизнью, объединяясь вокруг своих шейхов и мулл, попадая не раз под влияние натур неуравновешенных, фанатиков и авантюристов. И тем не менее, население Дагестана не теряло тяготения к русской власти.

В поисках выхода горский парламент стал стремиться к политическому объединению с Азербайджаном, «во имя защиты религии и самобытности Дагестана».

К маю сознание невозможности продолжать такое существование стало всеобщим. 26 апреля в с. Ишкары собрались старшины и судьи Верхнего Дагестана для обсуждения вопроса о помощи чеченцам и объявления газавата. На бурном заседании этом была внесена резолюция: «1) Не объявлять войны Добровольческой армии; 2) Войска, города и берег моря передать Добр. армии с тем, чтобы дагестанцам остался их закон; 3) Послать в Шуру представителей от беков и духовенства и предложить правительству присоединиться к (этому) постановлению или сложить власть, передав ее новым выборным лицам».

Под влиянием всех этих обстоятельств горское правительство 2 мая в полном составе вышло в отставку. Формирование нового было поручено ген. Халилову ⁵⁸, который и приступил к составлению «военного кабинета».

Все эти события находили весьма серьезное отражение в дипломатических сношениях наших с Англией. В Екатеринодаре имел пребывание представитель при Добровольческой армии ген. Пуль; в Тифлисе — ген. Форестье-Уоккер, начальник экспедиционного корпуса (27-я и части 13-й и 39-й дивизий), оккупировавшего Закавказье и Закаспий и считавшего в своих рядах 15—20 тыс.; в подчинении Уоккера находились начальники войск — генералы Моллисон ⁵⁹, Томсон и Коллис — в Закаспии, Баку и Батуме. Над Пулем и Уоккером стоял ген. Мильн, главнокомандующий английскими войсками на Востоке, пребывавший в Константинополе. Сменивший Пуля ген. Бриггс, находившийся в известной связи с ген. Мильном, подчинялся непосредственно английскому военному министру Черчиллю.

В этой сложной схеме явственно различались две совершенно несхожие линии английской политики — екатеринодарская и тифлисская, русофильская и русофобская. Несомненно, это расхождение инсценировано было Лондоном для проведения двойственной политики — задачи преграждения большевистского потока,

угрожающего Европе, и закрепления британского экономического влияния в Закавказье. Для меня, однако, также несомненно, что те лица, которые последовательно представляли Англию в Екатеринодаре, генералы Пуль, Бриггс и Хольман, люди большого благородства и солдатской прямоты, не были причастны к кривым путям дипломатии, и деятельность их вытекала из искреннего доброжелательства к России, находясь в то же время в полном соответствии с правильно понимаемыми интересами их отечества.

Расхождение началось с первых же дней. Ген. Томсон издавал обращение «К народам Северного Кавказа», обещая им вооруженную помощь от Англии и устройство судьбы от союзной конференции⁶⁰; возрождал из пепла горское правительство, на знамени которого написано было «самостоятельная республика», назначил полк. Роулинсона командующим горско-терскими формированиями и от имени своего правительства устанавливал зону английского влияния к югу от линии, проходящей через Петровск по северо-западной границе Дагестана и далее по Кавказскому хребту. Наименование, поэтому, Ляхова главноначальствующим Терско-Дагестанского края он считал вмешательством в сферу английского влияния⁶¹... Я протестовал, и Пуль, всецело поддерживая меня, «просил пересмотреть решение о поддержке искусственного образования, предоставив формирования в Дагестане единому командованию Добровольческой армии», и т. д.⁶²

3 февраля приехал в Екатеринодар ген. Бриггс, сменивший Пуля, и привез ответ, что командировка генерала Добровольческой армии на Каспий для формирования противобольшевистских войск не встречает препятствий, так как «это действие на Северном Кавказе не входит в задачи английских войск и должно быть передано ген. Деникину. Но последний не должен вмешиваться в район к югу от линии Кизил-Бурун — Закаталы — Кавказский горный хребет — Туапсе⁶³. Таким образом, устанавливалась английская оккупация всего Закавказья.

Ввиду того что Англия, вопреки первоначальным заявлениям, отказалась двинуть свои войска против большевиков, а территория Закавказья была уже свободна от турок и германцев, такое решение лишено было всяких стратегических обоснований. Оно могло быть продиктовано мотивами только политико-экономическими: грузинский марганец, бакинская нефть и нефтепровод Баку — Тифлис — Батум сами по себе определяли вехи английской политики и английского распространения. Но этим обстоятельством далеко еще не исчерпывалось значение и ценность Закавказья. На очереди стояло объявление английского протектората над Персией, и Закавказье являлось естественной преградой против России и территории, по которой пролегают пути, идущие из северной Персии к открытому морю через главный выход — Батум⁶⁴.

Закавказских английских представителей решение это, очевидно, не вполне удовлетворило. Ген. Томсон, заняв одним батальоном Петровск, продолжал оказывать моральную поддержку горскому правительству и принимал реальные меры к вытеснению русского влияния и русских формирований с Прикаспия. Вместе с тем, он сообщил мне через ген. Эрдели⁶⁵, что согласно полученным инструкциям «все русские заводы, железные дороги и учреждения перешли к Азербайджану» и что «смотреть на Баку и Дагестан как на нашу (русскую) базу мы не можем».

Это обстоятельство вызвало вновь представление ген. Бриггса своему правительству о необходимости соблюдать установленную разграничительную линию⁶⁶ и мой протест: «Такая постановка вопроса, — писал я⁶⁷, — приводит не к объединению России, а к ее расчленению, лишает меня базы для противодействия наступлению со стороны Астрахани и связи с Уральским фронтом и Закаспийской областью. Если бы на такую точку зрения в отношении русского государственного добра и, в частности, железных дорог, стали все мелкие случайные правительства, образовавшиеся на территории Русского государства, борьба Добровольческой армии была бы беспредельна и немислима»...

Вслед за сим, 11 марта пришел телеграфный ответ из Лондона, всецело подтверждавший точку зрения Уоккера — Томсона, и притом в форме угрожающей. В нем говорилось⁶⁸: «генерал Бриггс должен объяснить ген. Деникину, что:

1. В ответ на полное сочувствие, которое питается к нему в его усилиях освободить Россию от большевиков и которое проявляется не только на словах, но и на деле присылкой оружия, снаряжения и обмундирования в большом количестве в Новороссийск, от него ожидается, что он будет лояльно придерживаться общей

политики союзников по отношению к маленьким государствам. Великобритания не намерена оставить свои войска на Кавказе. Ее войска были посланы туда для приведения в исполнение условий перемирия и сохранения мира. Часть этой задачи уже исполнена с изгнанием немцев и турок. Что касается до второй, то ген. Деникин должен понять, что временное присутствие союзных войск в Закавказье обеспечивает его от нападения с тыла и дает в руки союзникам Каспийское море. Эти факты должны бы повлиять на него сосредоточить все возможные силы против большевиков в России. Вопрос об окончательном устройстве Кавказа во всяком случае не может быть решен до восстановления порядка в России, и Деникину следовало бы избегать всякое действие, предрешающее этот вопрос.

2. Поэтому его войска не должны были бы вступать в Дагестан, кроме как в случае действительных военных операций против большевиков, и его надо очень просить серьезно пересмотреть вопрос о назначении ген. Ляхова губернатором этого края; правительство Его Величества смотрит на это назначение с большим неудовольствием. Линия, указанная в телеграмме Военного Министерства за № 74791 от 1 февраля с. г., относилась всецело к действиям против большевиков. Важно, чтобы ген. Деникин избегал всякое действие, военное или другое, могущее увеличить существующее трение между его приверженцами и грузинами и другими кавказцами. С другой стороны, будут приложены все усилия, дабы эти народы сохранили нейтральное положение.

4. Полагаю, что теперь блестящая победа его войск на Тереке отстранила большевистскую опасность в этом направлении. Ген. Деникин имеет возможность, если он будет снабжен необходимым военным материалом, нанести совместно с адмиралом Колчаком решительный удар большевизму, и было бы весьма прискорбно, если бы своим нетерпением и беря направление ни в каком случае не приемлемое для Великобритании, он принудил Правительство Его Величества отказать ему в своей поддержке и остановить отправку ныне посылаемых запасов».

Из этого ультиматума, устраняющего нас от Каспийского моря, мы могли заключить, что веки английского распространения намечены гораздо далее Закавказья: Петровск — Баку — Энзели — это уже ключи к обладанию Средней Азией, Красноводск — путь к закаспийскому хлопку...

Ген. Романовский по этому поводу беседовал с ген. Бриггсом, изложив ему вновь причины, побуждающие нас стремиться к Каспийскому морю и не допускающие мириться с существованием в Дагестане очага брожения всего Северного Кавказа — горского совета и правительства. Указывая на то, что особой нужды в «обеспечении от нападения с тыла» нет, ибо закавказские образования и горское правительство без содействия Англии для нас не представляются опасными.

Из последующих бесед своих с ген. Бриггсом и приехавшим в Екатеринодар 10 апреля главнокомандующим, ген. Мильном, отнесшимся с большим вниманием к нуждам Армии и нашему военно-политическому положению, я вынес впечатление, что оба они разделяют стратегические мотивы нашего стремления к Каспию. Во время совместной с ген. Бриггсом поездки в Чечню я сообщил ему доверительно, что отказаться от занятия Дагестана я не могу, однако же, избегая осложнений с английским командованием в Дагестане, я займу эту область только тогда, когда обстановка будет благоприятствовать мирному разрешению вопроса.

Но 11 апреля старший английский начальник в Петровске обратился к председателю горского правительства с письмом, которое проникло скоро в кавказскую печать и привело нас в полное изумление: «Я получил приказание передать следующее правительству Горской республики. На британское предложение Деникин согласился не продолжать операцию и не будет наступать на Дагестан. Ген. Ляхов будет смещен⁶⁹. Ген. Деникин сам устроил *modus vivendi* (условия существования (лат.) — *Ред.*) с чеченцами, ингушами, балкарцами и осетинами, и мир восстановлен в ожидании мирной конференции, которая решит вопрос о независимости и границах горского государства. В ответ на это горское правительство должно позволить Добровольческой армии пользоваться Петровск-портом как средством для укрепления Гурьева»... В заключение говорилось, что «всякое нападение на ген. Пржевальского (в Петровске) будет объяснено британским командованием как враждебный против него акт».

Это искажение наших целей и намерений, носящее, как будто, следы доброжелательства, укрепляло пошатнувшееся окончательно положение горского пра-

вительства, вызвало с нашей стороны новые протесты и побудило ген. Бриггса послать в газеты опровержение, в котором он удостоверял, что «командующий британскими войсками в Петровске не имел никакого права делать заявления, подобные опубликованным, так как таковые лишены всякого основания»⁷⁰.

Невзирая на все противодействия, стратегическая директива вооруженных сил Юга ставила командующему войска Терско-Дагестанского края задачу ясную и определенную: «Продолжать очищение Северного Кавказа до линий Казил-Бурун — Закаталы — Кавказский хребет, прикрывать пути от Астрахани вдоль побережья Каспийского моря и на Св. Крест и иметь наблюдение за побережьем Каспийского моря, не допуская десанта противника». Необходимо было лишь дождаться подходящего момента.

В начале мая обстановка сложилась окончательно в нашу пользу: Верхний Дагестан высказался за приход в область Добровольческой армии, весь Хасав-Юртовский округ заявил о своем подчинении, и горское правительство Коцева — Капанова пало. Грозненская колонна ген. Драценко продвигалась вперед без единого выстрела со стороны дагестанцев и 8 мая, совершив последний переход по железной дороге, появилась неожиданно в Петровске, приветствуемая восторженно всем русским населением города. 10-го ген. Драценко занял мирно и Дербент.

Появление русских произвело огромное впечатление в области и вызвало ряд важных событий. Прежде всего — политический переворот. 10 мая председатель горского правительства ген. Халилов обратился к ген. Драценко со следующей телеграммой: «Правительство Горской республики во главе ген. Халилова, осведомившись о целях прибытия в Шамиль-Калу (Петровск) Добровольческой армии, взглядами ее командования на независимость означенного Государственного образования и не желая, чтобы на этой почве между населением Дагестана и Добрармией происходили вооруженные столкновения, 23 мая в 10 часов вечера сложило свои полномочия. Дагестанская фракция парламента совместно с исполнявшим должность шейх-ислама и группой дагестанской интеллигенции, обсудив создавшееся положение и учитывая бесцельность взаимного кровопролития, постановила предложить парламенту: 1) Отставку кабинета принять; 2) Союзный Совет республики горцев Кавказа закрыть. Вместе с тем, принимая во внимание, что впредь до созыва дагестанского областного совета страна не может оставаться без власти, дагестанская фракция, представители народа и духовенство единогласно избрали временное дагестанское правительство в лице генерал-майора Халилова, предоставив ему самому создать временный совет из двух или трех лиц. Извещая о вышеизложенном, прошу Ваше Превосходительство не отказать сообщить, когда и где Вам будет угодно переговорить о взаимных отношениях Дагестана и Добрармии».

Переговоры с Халиловым привели к признанию Дагестаном власти Добровольческой армии с предоставлением области автономии на тех же началах, как и прочим горским народам. Прибывший в Темир-хан-Шуру 21 мая главноначальствующий, ген. Эрдели, встреченный с большим почетом, закрепил акт присоединения, и ген. Халилов впредь до созыва народного совета назначен был временным правителем Дагестана.

Не меньшее впечатление произвело занятие Дагестана на англичан. 28 мая английская миссия сообщила мне телеграмму военного министра Черчилля: «Занятие Дербента генералом Деникиным не способствует установлению мира на Кавказе и потому противно его же интересам»⁷¹. Одновременно, минуя екатеринодарскую миссию и меня, министерство отдало распоряжение английскому закавказскому командованию, в результате которого 3 июня наш начальник петровского отряда получил требование от имени «правительства Его Величества» отвести войска севернее «линии, которая начинается в 5 милях к югу от Петровска и идет параллельно Грозненской железной дороге».

Вскоре разъяснилось основание этого требования: ген. Корри, сменивший Уоккера в должности «командующего британскими силами Закавказья», 29 мая сообщал председателям грузинского и азербайджанского правительств: «От имени правительства Его Величества, в Лондоне решено, что демаркационная линия между ген. Деникиным и кавказскими государствами должна быть следующая: от устья реки Бзыби к северу по этой реке до границы Сухумского округа, дальше восточнее по границам Кутаисской и Тифлисской губ. и Дагестанской области до пункта в 5 милях к югу от ж. д. Петровск — Владикавказ, оттуда к югу-востоку

параллельно ж. д. до точки на побережье Каспийского моря в 5 верстах к югу от Петровска.

Генерал Деникин получил указания, чтобы войска его не переходили к югу от указанной линии, закавказские государства не должны переходить к северу от нее. Согласно вышеизложенному, грузинские войска должны отойти к югу от Бзыби. Закавказские государства должны воздержаться от всяких агрессивных действий против Добровольческой армии, кооперировать с ген. Деникиным доставку ему нефти и других припасов и недопущением проникновения этих запасов большевикам. Неисполнение этих условий повлечет за собой в будущем полное прекращение британского расположения и поставит правительство Его Величества в невозможность воспрепятствовать ген. Деникину перейти к Югу от этой линии».

Это письмо было напечатано в азербайджанском офицозе ⁷² и сопровождается правительственным сообщением о беспочвенности нападков прессы на англичан, вполне благожелательных к республике; при этом впредь за враждебные выступления против англичан правительство грозило суровой ответственностью... Представлялось чрезвычайно странным, что о таком важном решении я узнал только через месяц и то из ноты азербайджанского правительства, требовавшей исполнения «предписаний» английского правительства ⁷³...

Генералу Эрдели я дал приказание — требований англичан не исполнять и войск из Дербента не уводить. Азербайджанскому правительству через нашего представителя в Баку разъяснено было, что главнокомандующий осуществляет верховную власть на территории, занимаемой армиями Юга России, и потому ему никто не вправе давать предписания, и что Дагестан, добровольно подчинившийся, покинут не будет. Одновременно и Азербайджану и англичанам разослано было вновь подтверждение, что Азербайджану с нашей стороны никакая опасность не угрожает. Наконец, английской миссии была послана новая нота протеста о недопустимости умалять престиж Вооруженных сил Юга России, резать Дагестан по живому телу в угоду кавказским республикам и создавать на нашем фланге и в тылу район, свободный для большевистских и противодобровольческих организаций ⁷⁴.

На этот раз протест, поддержанный вновь екатеринодарской английской миссией, имел успех, и новый английский командующий в Баку, ген. Шательворт, в начале июля сообщил азербайджанскому правительству об отмене последней демаркационной линии и включении в зону Добровольческой армии всего Дагестана.

Этим эпизодом закончились наши столкновения с Англией по вопросам Северного Кавказа. Английская политика становится здесь отныне или нейтральной или благожелательной к интересам Вооруженных сил Юга России. Придет время, и тот самый полк. Роулинсон, который руководил «военными силами горского правительства» и потворствовал его политике, обратится с воззванием к народам Сев. Кавказа: «Правительство Англии поддерживает ген. Деникина и его цели... Английская миссия хорошо знает, что восстание горцев не есть национальное движение, а большевистское, и вызвано отдельными лицами, преследующими личные цели... Противодействие ген. Деникину будет рассматриваться как акт недоброжелательства к союзникам».

Эти поздние увещания не имели, впрочем, значения, так как в это время (сентябрь) английские войска покидали уже Баку и Тифлис...

Северный Кавказ был присоединен, но не замирен. Слишком много горючего материала накопилось в крае, чтобы разбушевавшаяся с началом революции стихия вошла так скоро в спокойные, мирные берега. Отзвуки расцветшего было, но вскоре поблекшего воинствующего панисламизма; обострившиеся межплеменные счеты; упадок народного хозяйства и развившиеся, как никогда, абречество и мюридизм; темнота масс, живших нелепейшими представлениями и слухами; деятельность местных народных вождей — фанатиков и авантюристов, подымавших народ жестокими расправами с непокорными аулами — все это подогревало брожение изнутри.

Извне с большой энергией и слепую ненавистью поддерживали его безавшие за пределы нашей досягаемости члены бывшего меджлиса, все еще рядившиеся в атрибуты власти и народного избранничества, заключавшие союзы, подписывавшие договоры, раздававшие закавказские земли ⁷⁵, наводнявшие территорию Кавказа своими агентами и пропагандой. Они находили средства и деятельную,

совершенно открытую поддержку в новообразованиях Грузии и Азербайджана, питавших восстания деньгами, оружием, даже живой силой — офицерами и инструкторами. И пока, таким образом, фактические и мнимые правительства Кавказа подготавливали пришествие третьей силы с севера, их заграничные делегации подрывали всемерно в общественном мнении Европы авторитет Вооруженных сил Юга, стремясь лишить их моральной и материальной помощи.

На Северном Кавказе восстания не прекратятся. Во второй половине июня они пронесутся по Ингушетии, горному Дагестану (Али-Хаджа), нагорной Чечне (Узун-Хаджи и Шерипов); затихнув в июле, они повторятся в августе с новой силой в Чечне и Дагестане под руководством турецких и азербайджанских офицеров и при сильном влиянии советских денег и большевистской агитации, направляемой из Астрахани... И хотя восстания эти неизменно будут подавляться русской властью, хотя они никогда не разгорятся до степени, угрожающей жизненно нашему тылу, но все же создадут вечно нервирующую политическую обстановку, отвлекая внимание, силы и средства от главного направления всех наших стремлений и помыслов.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. См. т. III, гл. XXXII.
2. 1-я (ген. Слащев) и 2-я (ген. Гейман) Пласт. бригады, 1-я Кавказ. каз. див. (ген. Шкуро), Черкесская див. (ген. Султан-Келеч-Гирей), Терский отряд и Баталпашинские ополчения.
3. 1-я див. (врем. ген. Колосовский) и 1-я Кубанск. (ген. Покровский, врем. ген. Науменко).
4. 1-я кон. див. (ген. Шатилов), 2-я Куб. каз. див. (ген. Улагай), Сводная конная бригада (ген. Чайковский), 3-я Пласт. бриг. (ген. Ходкевич).
5. Сборные части 3-й Куб. див., 3-й Пласт. бриг., 1-й див. и друг.
6. Район Предтече-Софиевский — Старый Бурукшун.
7. Черкесы и кабардинцы.
8. Там же захвачен весь спасавшийся кисловодский совдеп.
9. В командование 1-м кон. корпусом вступил ген. Покровский.
10. Некоторое основание было. См. главу XV.
11. Город обороняли Владикавказский полк, дружина самообороны, отряды коммунистов и ингуши — с сильной артиллерией и броневиками.
12. Это исполнено не было. Многие большевики появились в Тифлисе, поступали в Грузинскую нац. гвардию или выпускались к нам на Черноморское побережье. О неисполнении грузинами условий сообщало моему штабу и английское командование (23 марта, № 77).
13. 8 июня 1919 года. Город Козлов.
14. Будущий атаман.
15. «Протест Осетии», подписанный правителем Хабаевым и 9 членами совета. Осень 1919 года.
16. Из протокола заседания. Февраль 1919 года.
17. Владикавказ — спорный пункт между тремя племенами.
18. Общегосударственное значение нефтеносного района, находящегося в пределах Терека и Чечни.
19. Общероссийская здравница, созданная на государственные средства.
20. См. т. III, гл. XXXVII.
21. От 31 марта 1919 г., № 1276.
22. Кавказская добровольческая армия перебрасывалась на север.
23. Письмо предс. правительства от 13 мая 1919 г., № 2757.
24. В нашем проекте «Основных положений» вопрос о недрах трактовался следующим образом:

«IV. Недра земли в пределах Терского казачьего войска принадлежат их собственникам, на основании прежде изданных по сему предмету законов. Пользование доходами с нефтеносных земель, принадлежащих войску Терскому, сохраняется за ним на существующих основаниях.

V. Управление грозненскими нефтяными, а также всеми другими горными промыслами на территории войска Терского в техническом отношении, независимо от того, кто состоит владельцем их, принадлежит общегосударственной власти и осуществляется местным горным надзором, а через его посредство центральным горным ведомством.

VI. Регулирование добычи нефти и правильного распределения ее в соответствии с интересами всей страны принадлежит общегосударственной власти».

25. Телеграфный доклад по поводу переброски 1-й кон. дивизии.
26. Немалую роль играл в этом деле и известный ген. Комиссаров, приписавшийся к одной из станиц и выбранный казаками членом Круга. В это время Комиссаров носил личину крайне правого и пользовался поддержкой этих кругов, враждебных одновременно и самостоятельности и командованию Добров. армии.
27. Северо-кавказский союз городов.
28. Резолюция пленума Севкагора. Май 1917 года.
29. Надо понимать — органы Особого совещания.
30. «Программа Терского правительства» 10 ноября 1919 года.
31. Балкарцы — в Кабарде, керменисты — в Осетии.
32. Цитированный выше «Протест Осетии».
33. Человек с университетским образованием. Находится при Кубанском правительстве во время 1-го Кубанского похода.
34. Ротмистр конвоя Его Величества, владелец нефтяных промыслов в Грозном.
35. При председателе Чермоеве состоял секретарем турецкий офицер Терик-Джерил-Сазар, получавший инструкции из Константинополя.
36. То есть после занятия Дагестана турками. Из офиц. «заявления», обращенного ко мне городской делегацией 10 февраля 1919 года.
37. Из послания Коцева Кабардинскому национальному совету от 10 декабря 1918 года.
38. Договор, заключенный 10 декабря 1918 г. и подписанный Чермоевым, Коцевым и Сапроновым, Киреевым. Подобный же договор по военной части был заключен и подписан 14 января бывшим диктатором Дагестана и военным министром горской республики полк. кн. Тарковским и командующим Терским отрядом ген. Колесниковым.
39. Официоз «Азербайджан», № 32.
40. Письмо от 10 февраля н. с. 1919 года.
41. Делегация демонстративно отказалась беседовать с ген. Ляховым, которому поручены были все сношения с горскими народами, потому и не была мною принята.
42. Теоретически в нее входили этнографические пределы Абхазии (Сухумский округ, занятый Грузией), земля черкесов (Куб. области), Осетия, Кабарда, Чечня, Ингушетия и Дагестан.
43. Нота от 6 марта 1919 г., подписанная «министром председателем Ханом Хойским».
44. В составе Парижской делегации (март) были Чермоев, Гайдаров, Хадзаров и Баммат («министр иностр. дел»).
45. Из речи председателя совета Темирханова.
46. 20 июня 1919 г., № 133.
47. Это мы прочли позднее в официозе «Вестник горской республики» от 12—16 апреля н. с. 1919 года.
48. Собрались уполномоченные всего Грозненского округа и пяти аулов Веденского.
49. Этот пункт Коцев прибавил от себя в перечне ультимативных требований, предъявленных ген. Гейманом ингушскому народу. Ни Ляхов, ни Эрдели не принадлежали к казачьему сословию.
50. 1. Подчиниться управлению Добрармии, сохраняя внутреннее самоуправление.
2. Выдать красноармейцев — главарей большевиков и абреков.
3. Выдать артиллерию и пулеметы.
4. Выдать все награбленное и увезенное в Чечню красноармейцами. Возвратить все похищенные железнодорожные материалы.
5. Доставить в ближайшие станции и в ауд Алды продовольствие для войск за справедливую плату.
6. Возвратить разграбленное имущество Ново-Грозненских промыслов.
7. Возвратить жителям Грозного все свезенное в Чечню на хранение их собственное имущество.
51. Одно время на должность областного комиссара был приглашен осетин Шаханов.
52. Под командой полк. Хабаева — Дагестанский кон. полк., Чеченский и Кумыкский дивизионы.
53. Две канонерки — «Карс» и «Ардаган» и 5 вооруженных пароходов.
54. Отчет из с.-д. газеты «Искра».
55. № 474.
56. Президиумы рабочей конференции, профессиональных союзов и социалистических партий. Из отчета, с.-д. газеты «Искра».

57. Ген. Пржевальский объединял командование над отрядами ген. Колесникова, полк. Плотникова, и даже, до полного разрыва с меджлисом, ему подчинялся горский отряд Хабаева.
58. Принадлежал к группе, проводившей идею самостоятельности Дагестана.
59. Летом 1919 г. части Моллисона находились в Мешед, Асхабаде и Красноводске.
60. Прокламация от 8 декабря 1918 года.
61. Доклад ген. Эрдели о беседе с Томсоном 24 января.
62. Сношение от 7 декабря (Пуля) и телеграммы 31 декабря («Бритфорс») и 4 января (Пуля).
63. Телеграмма военной миссии 1 февраля 1919 г., № 74791, письмо ген. Бриггса 6 февраля и выборка из перечня сношений английской миссии. Эта линия проходила по южной границе Дагестана.
64. Джульфа — Батум, Энзели — Баку — Батум.
65. Телеграмма от 25 января, № 85.
66. 13 февраля 1919 года.
67. 22 февраля 1919 года, № 293.
68. Копия телеграммы, присланной ген. Драгомирову при сношении британской миссии от 11 марта, № 154.
69. Отставка Ляхова, вызванная причинами, о которых я писал выше, досадно совпала с этим письмом.
70. Сношение ген. Бриггса 2 мая 1919 года, № 758.
71. Сношение 11 июня 1919 года, № 1210.
72. При этом азерб. прав-во скрыло от печати и от нас фразу в письме Корри, заключавшую английское требование, чтобы «закавказские штаты способствовали провозу через их территорию боевого снабжения как для Добровольческой армии, так и для Закаспия и Урала».
73. Нота от 9 июня, № 45, получена в Екатеринодаре 24 июня.
74. Председателя Особого совещания 2 июля, № 992 и нач. воен. упр. 27 июня, № 2523.
75. Так, например, осенью 1919 г. состоялось «единогласное постановление» меджлиса от имени Аджарии о присоединении Батумской области к Грузии...

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Геополитические заметки по русской истории

П. Н. Савицкий

Термин «евразийство» и производные от него прочно вошли в категориальный словарь проектов обустройства России. Апеллируя к евразийской доктрине, даже самые непримиримые оппоненты единодушны в осознании, что особенности исторического и культурного пространства Евразии восходят к природно-географическим условиям ее развития на заре цивилизации, в значительной мере объясняются окружающей этнической средой и исторически сложившимися межэтническими отношениями. Эта геополитическая заданность продолжает оказывать могущественное воздействие на ход истории, межнациональные отношения, экономическое состояние.

Как бы ни относиться к евразийству в целом, невозможно не учитывать рациональных и научно выверенных наблюдений идеологов евразийского движения. Появляются исследования отдельных сторон евразийской доктрины¹, еще раз убеждающие в назревшей потребности «первопрочтения» сочинений ее создателей. Публицистика идеологов евразийства уже становится достоянием современного читателя², но она не заменяет знания работ, содержащих собственно научно-историческую и политико-географическую аргументацию, по части которой были сильны далеко не все евразийцы. Что касается историографического фундамента евразийской идеологии, речь прежде всего должна идти о работах первого и, пожалуй, самого последовательного и активного евразийца — Петра Николаевича Савицкого (1895—1968).

Он родился в родовом имении Савицево Черниговской губернии в семье председателя земской управы³. После окончания экономического факультета Петроградского политехнического института и написания магистерской диссертации он служил в российском посольстве в Норвегии. В годы гражданской войны без колебаний выступил на стороне белого движения, служил в штабе Врангеля, был секретарем П. Б. Струве. Находясь в эмиграции в Болгарии, стал техническим редактором возобновленного Струве журнала «Русская мысль». В первой сдвоенной книжке журнала (1921 г.) Савицкий поместил рецензию на нашумевшую в эмигрантских кругах брошюру Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество» (София. 1920). Вскоре Петр Николаевич переехал в Прагу.

Крупнейшего лингвиста XX в. Николая Сергеевича Трубецкого (1890—1938) также интересовала философия истории. Русский интелlectual европейской выучки выдвинул тезис, что содержанием культурного переворота в XX в. является кризис и исчерпанность западноевропейской, или романо-германской, культуры. Увидев в ней угрозу остальному человечеству, он призвал начать борьбу против кошмара всеобщей европеизации. Ответственность за безудержное проникновение романо-германской культуры в Россию Трубецкой возложил на главную, по его мнению,

агентуру европеизации — русскую интеллигенцию. Именно она, уверовав в космополитизм и «блага цивилизации», сокрушаясь об «отсталости» и «косности» своего народа, старалась приобщить его к европейской культуре, насильственно разрушая сложившиеся веками устои его собственной, самобытной культуры.

Поддержав в основном соображения Трубецкого, Савицкий в своей рецензии-статье «Европа и Евразия» противопоставил романо-германской культуре ей равносильную, потенциально способную отразить политические поползновения «романо-германцев» и свести к минимуму преобладание их культурного влияния, — культуру Евразии. Так был «открыт» особый субконтинент, состоящий из отломанной от всей Европы Европейской России и исключенной из Азии России Азиатской. И главное, понятию «Евразия» был придан не только географический, но исторический, этнический и культурно-исторический смысл.

Ближайший идейный источник евразийского учения — славянофильские и постславянофильские представления о месте России во всемирно-историческом потоке. Можно назвать и другие национальные и зарубежные реминисценции на тему Востока и Запада. Истоки евразийства легко обнаруживаются в трудах тех русских историков, кто исследовал роль географического и этнического факторов социальной эволюции — «природу страны» и «природу племени», или создавал теорию «культурно-исторических типов». Так или иначе, многие книги и имена бросают ответ на евразийскую теорию, до известной степени лишая ее самобытности, но прочно связывая с национальной умственной традицией.

Но был еще один существеннейший катализатор евразийского движения, отчасти объясняющий и сегодняшние евразийские умонастроения: национальная катастрофа и личные трагедии привели к катастрофичности мышления миллионов россиян, пробудили в них стремление обнаружить в развалинах Российской империи орудия и средства возрождения страны. Секрет популярности евразийской доктрины заключается в соответствии ее общего строя и стержневой идеи растеряннотрагическому мироощущению весьма разнородных слоев русской эмиграции. Евразийство пыталось способствовать преодолению острого духовного кризиса соотечественников. Оно объясняло глубинные причины происшедших событий. Вселяя надежду на почетное возвращение на родину, оно оправдывало и усиливало «эмигрантский национализм».

Кружки сторонников евразийства появились в Белграде, Берлине, Париже, Лондоне. Центром этого движения стала Прага. Митинги и диспуты, организуемые евразийцами, собирали, по отзывам современников, тысячи человек. Широкий размах приобрела литературно-публицистическая и издательская деятельность: выходили непериодические сборники «Евразийский временник», «Евразийская хроника», «Евразийский вестник». На всех этапах движения исключительной была роль Савицкого, проявившего незаурядные организаторские способности. О приверженности евразийской доктрине заявили историки Г. В. Вернадский и М. В. Шахматов, философ и историк Л. П. Карсавин, философ права Н. Н. Алексеев, философ и богослов И. А. Ильин, литературный критик Д. П. Святополк-Мирский, музыковед П. П. Сувчинский.

Основной категорией евразийского мышления признавалось определение России-Евразии как особого географического и исторического мира. Отсюда следовало утверждение «самостоятельной ценности русской национальной стихии». Россия, заявляли евразийцы, не принадлежит ни Востоку, ни Западу. Склонный к поэтическому творчеству, Савицкий писал: «Мы — не Восток, но и не Запад, // Особый наш уклад и род, // Мы — целостный Востоко-Запад, // Мы — путники его высот».

На пространстве Евразии, приблизительно совпадающем с территорией СССР, разворачивается вся русская история, утверждали евразийцы. Субконтинент служит «месторазвитием» евразийского культурно-исторического типа. «Географически евразийцы воспринимают Россию-Евразию, т. е. совокупность трех российско-евразийских низменностей-равнин и горных стран, к ним примыкающих, как «месторазвитие», как определенный «географический ландшафт», оказывающий влияние на историческое развитие»⁴. Ландшафту отводилось особое место в аргументации антитезы «Евразия — Европа». Мозаичному и дробному ландшафту Европы противопоставлялась «периодическая система географических зон» Евразии. Параллельным и горизонтальным географическим зонам Евразии — пустыне, степи, лесу, тундре — находилось историческое соответствие: «волновой» ритм развития —

«чреда подъемов и депрессий». Евразийский мир уподоблялся пульсирующему сердцу.

Оценивая роль западноевропейских влияний, евразийцы полагали, что в целом они пагубно отразились на евразийско-русском историческом и культурном развитии, что, по их мнению, подтверждают и данные о распространении пришедшего с Запада марксизма. Его продуктом и стала большевистская революция. Однако большевистский период русской истории не подлежит однозначно отрицательной характеристике. Революция — это восстание России против Запада. С нею необходимо смириться как со «стихийной катастрофой». Проклиная «сознательно-слепую волю» революции, нужно осознать, что она на деле доказала то, что теоретически доказать никогда не удавалось: социализм решительно отвергался русской почвой, его место рано или поздно займет Церковь. «Эпоха науки» сменится «эпохой веры», — не в смысле уничтожения науки, но в смысле признания бессилия и кощунственности попыток разрешить научными средствами основные, конечные проблемы существования. Таким образом, революция, приведшая к разрыву с Западом, создает основу подлинной евразийской России, открывает новую эпоху ее истории. Социальные процессы, оплодотворившись религиозным содержанием, сокрушат идеалы «коммунистического атеизма».

Впрочем, на заре своего движения евразийцы настойчиво декларировали аполитичность разрабатываемой ими доктрины. Но, возникнув в среде русской интеллигенции как культурное течение, евразийство быстро политизировалось. В некоторых пунктах евразийские представления изначально приняли вид общественно-политической и экономической программы. «Славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии» они совместили «с западным чувством относительной культурой примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность»⁵. Это, в частности, означало отказ от общинных идеалов народничества и защиту «последовательного индивидуализма». «Утверждение самодержавного значения личности» вело к добровольному выбору форм землепользования и, шире, «государственно-частной собственности». Евразийцы положительно оценивали пути решения национального вопроса в СССР, централизованное экономическое планирование, государственный контроль в промышленности, индустриализацию, хотя и предостерегали от бездумного ускорения ее темпов.

Вскоре некоторые участники евразийского движения перешли к более откровенным политическим заявлениям явно просоветского толка, вызвав недоумение эмигрантов. В отдельных публичных выступлениях делались многозначительные намеки на поддержку евразийцев некими могущественными силами в СССР, приведшими к созданию единой евразийской партии, весьма вероятной наследницы ВКП(б), на реальную возможность овладения государственным аппаратом, наконец, на установление в недалеком будущем евразийского государственного строя в форме идеократии, осуществляемой элитарным «ведущим отбором» через систему свободно избранных Советов.

Немало талантливых ученых и деятелей культуры собралось под знамена евразийства. Но не менее представительными были и ряды тех, кого Савицкий называл «противостоятелями»: П. Н. Милюков, П. Б. Струве, С. Л. Франк, А. А. Кизеветтер. «Противостоятели» были беспощадны к культурно-историческим принципам, а тем более, к политическим утопиям евразийцев. Внутри самого течения зрел кризис. Отошедший от евразийского движения Г. В. Флоровский увидел в нем историю духовной неудачи. Конечно, писал он, в евразийстве есть и «правда». Но «это — правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений... Евразийцам первым удалось... расслышать живые и острые вопросы творимого дня. Справиться с ними, четко на них ответить они не сумели и не смогли. Ответили призрачным кружевом соблазнительных грез... В евразийских грезах малая правда сочеталась с великим самообманом... Евразийство не удалось. Вместо пути проложен тупик»⁶.

Евразийцев иронично называли «чингисханчиками», высмеивали их претензии превратить евразийство в «стержневую идеологию русского народа». Не обходилось без злых фельетонов, едких эпиграмм: «Евразийцы в полусне // Сладко грезят о Востоке, // Видят в Азии истоки, // Истекая в болтовне».

Особые возражения критиков вызывало отрицание евразийцами идеи единства

человеческой культуры. Неприми́мо был настроен невольный пассажир «философского парохода» Кизеветтер. «Принадлежность России к европейской культуре», — писал он, — вовсе не может лишать ее национального своеобразия, как не лишаются такого своеобразия ни Англия, ни Германия, ни Франция и т. д. С другой стороны, наличие таких своеобразий отнюдь не противоречит наличности общечеловеческих культурных начал». Коренная ошибка евразийцев заключается, полагал он, в том, что они закрыли глаза на развитие русского национального самосознания, которое проходило «на почве возмущения татарским игом и сознательного отталкивания от татарщины, как чужеродного тела в организме русской жизни»⁷.

Вскоре в среде эмиграции распространились небезосновательные слухи об «агентах ГПУ», проникших в евразийское движение⁸. Все чаще евразийцев стали называть «православными большевиками». Неоднократные попытки Савицкого реанимировать движение во второй половине 30-х годов оказались несостоятельными.

На заре евразийства его «отцы-основатели» поделили между собой сферы его разработки в зависимости от профессиональных интересов. Собственно историческая концепция евразийства разрабатывалась наряду с Савицким (он, впрочем, одинаково успешно ориентировался и в экономике, и в географии, и в политике) Георгием (Джорджем) Владимировичем Вернадским (1887—1973), сыном гениального русского ученого В. И. Вернадского.

Осенью 1920 г. Вернадский эмигрирует в Грецию, а затем в Чехословакию. В Праге он активно сотрудничает в историческом семинаре выдающегося русского византиниста Н. П. Кондакова. Важным событием в «пражский» период деятельности стало знакомство Вернадского с лидерами евразийского движения, в первую очередь с Савицким. Евразийская схема национального прошлого оказалась созвучной умонастроению историка, соответствовала коренным основам его исторических представлений. Вернадский считал необходимым подкрепить историософские конструкции евразийцев конкретно-историческими исследованиями. На русском языке вышли его работы «Начертание русской истории», «Опыт истории Евразии», «Звенья русской культуры».

В «Начертании русской истории» прошлое России-Евразии интерпретировалось как история борьбы между «лесом» (оседлыми славянами лесной зоны) и «степью» (урало-алтайскими степными кочевниками). В монгольский период евразийско-русской истории «степь» победила «лес». В середине XV в. «лес» в лице Московии взял реванш. Наука русской истории слишком увлеклась изучением роли православия и византийского наследия и прошла мимо очевидного факта «обрусения и оправославления татарщины». Она не обнаружила «татарский источник русской государственности». Московское государство образовалось на развалинах Золотой Орды и является наследником не Киевской Руси, но империи Чингисхана. Духовный источник Москвы — Византия, но исторический — монголо-татары.

«Начертание русской истории» было рассчитано на широкого читателя и не претендовало на строгое исследование. Напротив, приложенные к нему «Геополитические заметки по русской истории» Савицкого — этот своеобразный научно-исторический и политико-географический комментарий к популярной работе — могут служить образцом мобилизации евразийцами конкретного исторического материала. В этом смысле «Геополитические заметки» включают в себя очевидные элементы позитивного содержания евразийской исторической концепции и философии истории.

В годы второй мировой войны Савицкий включился в патриотическое движение русской эмиграции. После освобождения Чехословакии он был арестован советскими властями. Долгие годы провел в мордовских лагерях. Освободившись в 1956 г., возвратился в Прагу. В 1960 г. в Париже вышел сборник его стихотворений под характерным псевдонимом «Востоков». Савицкий вновь оказался в тюрьме, на этот раз чехословацкой. Последние годы жил и работал в Праге. Научное и публицистическое наследие одаренного географа, экономиста, историка, философа по существу не изучено.

«Геополитические заметки по русской истории» публикуются по изданию: Г. В. Вернадский. «Начертание русской истории» (Прага. 1927). Сам автор называл геополитику наукой о «географическом распространении и географическом харак-

тере политических объединений (государств)». Незначительные сокращения текста специально не оговариваются. Имена и даты воспроизводятся в точном соответствии с оригиналом. Вводная статья написана и подготовка текста публикации осуществлена В. И. ДУРНОВЦЕВЫМ.

Примечания

1. ИСАЕВ И. А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX — начало XX в. М. 1991.
2. Новый мир, 1991, № 1; Наш современник, 1992, № 2—3; Вопросы философии, 1992, № 2, 6.
3. См. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М. 1992.
4. Slovanská Knižovna. P. N. Savicky — pozůstalost. Eurasijsky archiv, č. inv. 252, ul. XX.
5. Евразийский сборник, Прага, 1929, № 6.
6. ФЛОРОВСКИЙ Г. В. Евразийский соблазн.— Современные записки, 1928, т. XXXIV, с. 312.
7. Цит. по: ШМУРЛО Е. Ф. Курс русской истории. Т. I, вып. I. Прага. 1931, с. 483.
8. См. подробнее: БРОССА А. Групповой портрет с дамой. Глава из книги «Агенты Москвы». — Иностранная литература, 1989, № 12.

І. Джучиев улус и Россия

В ряду политических образований, существовавших на пространстве Старого Света и обнимавших ту или иную часть нынешней территории России (СССР), — Российская империя XVIII—XX вв. занимает, в отношении территориального протяжения, промежуточное место между Монгольской державой в ее целом и той частью этой державы, которая называлась Джучиевым улусом (кипчацко-русский улус). Российская империя ни в один период своего существования не достигала размеров Великой Монгольской державы, охватывающей почти целиком ойкумену (монголосферу), включая Корею, Китай, нынешний Индокитай, часть передней Индии, весь Иран и значительную часть так называемой «передней Азии». Но Российская империя, — больше Джучиева улуса. Правда, галицкие земли, находившиеся под властью Золотой Орды (Джучиева улуса), не входили в состав Российской империи, как не входят в пределы СССР. Нужно отметить и то обстоятельство, что золотоордынское политическое влияние на Балканах (Болгария, Сербия) и в Молдавии в течение некоторого времени имело более оформленный вид, чем имело его когда бы то ни было в этих местах русское влияние (однако и русское влияние бывало здесь временами сильно). Зато на западных и северо-западных пределах нынешней доруральско-русской (западно-евразийской) равнины русская власть проникла так далеко на запад и северо-запад, как никогда не проникало золотоордынское влияние (Прибалтика, в частности, Финляндия, Эстляндия и Лифляндия, затем — Литва и Польша). В этих местах русские войска исходили, и русская власть охватывала многие территории, где никогда не бывали монголы¹. Это относится также ко всему крайнему северу Евразии (хотя, например, Якутия при Кубилае [Хубилае] не только принадлежала Монгольской державе, но была «просвещаемая» и хозяйственно организуема монгольской властью). Освоение севера осталось в силе и в нынешнем СССР. Что же касается упомянутых выше северо-западных и западных земель, не вышедших в состав Монгольской державы, то они почти целиком отпали в течение 1915—1920 годов. Однако факт существования в устье Невы такого (созданного Империей) центра, как Петербург — Петроград — Ленинград, создает для СССР в Прибалтике существенно иную конъюнктуру, чем та, с которой должна была считаться в этих местах монгольская власть.

Дурновцев Валерий Иванович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Музея революции.

Если учесть место России в Прибалтике в XVII—XIX — начале XX в., то пред нами раскроется одна из немногих сторон геополитического положения Российской империи, которая не имеет прямых аналогов в истории монголов². Русский Балтийский флот временами являлся существенным политическим фактором. Монголы на Балтийском море флота не имели вовсе³.

Также на восток Российская империя проникла далее, чем распространялся Джучиев улус (еще в XVII в. Русское государство перешло через Енисей и распространилось до Тихого океана; Джучиев улус в этом направлении не шел дальше Алтая; Монгольская же держава, в ее целом, охватывала эти места). То же наблюдается и на юго-востоке: во второй половине XIX в. Россия овладела предгорным и горным Туркестаном, в свое время остававшимся вне Джучиева улуса. Огромный круг земель является общим Российской империи и Джучиеву улусу. Мы подразумеваем основное протяжение евразийских низменностей — равнин (нынешней доуральско-русской, западно-сибирской и туркестанской). (Сюда же относятся прилегающие части Кавказа.) Основная территория Джучиева улуса составляет основную часть территории новейшего Русского государства. Подобно державе императоров все-российских и власти правящих органов нынешнего СССР, власть золотоордынских ханов охватывала одновременно: бассейны Дона и Волги (в их полном составе), Киев, Смоленск, Новгород и Устюг, побережья Аральского моря (тогдашний Узбекистан) и степи позднейших Тобольской и Томской губерний⁴.

С геополитической точки зрения является незыблемо обоснованным то введение истории Золотой Орды в рамки русской истории, которое производит Г. В. Вернадский⁵. Даже элементарное изложение русской истории должно отныне знакомить с образами тех царей и тех темников, в деятельности которых выразились в свое время геополитические и хозяйственные тяготения, приведшие в новое время к созданию Великого Русского государства и в настоящее время являющиеся основой существования СССР. Имена этих царей и темников должны явиться одним из символов трактовки евразийских низменностей-равнин и прилегающих к ним стран, как «связной площади», как геополитического единства. Не нужно забывать, что и в смысле экономическом золотоордынская власть имела дело с (применительным к условиям того времени) использованием хозяйственных ресурсов тех самых территорий, которые в настоящее время являются поприщем экономической деятельности народов России-Евразии. К настоящему моменту нет возможности сомневаться, что это использование было многосторонним. Как выражается В. В. Бартольд в терминах старой географии, «доказано, что несмотря на произведенные монголами опустошения, первое время существования Монгольской империи было временем экономического и культурного расцвета для всех областей, которые могли воспользоваться последствиями широко развившейся при монголах караванной торговли и более тесного, чем когда-либо прежде и после, культурного общения между западной и восточной Азией» (Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л. 1926.— *Прим. ред.*). ...Пришедшие к процветанию (а отчасти возникшие) в течение XVIII—XIX вв. русские города Причерноморья, а также среднего и нижнего Поволжья представляются, в широкой исторической перспективе, воспроизведением и возрождением располагавшихся в тех же местах культурно-городских центров золотоордынской эпохи (Сарай, золотоордынские центры в Крыму). В Поволжье «остатки домов с облицовкой мрамором и изразцами, водопроводы, надгробия, куски серебряной утвари, парча, венецианское стекло выступают свидетелями о жизни татарских культурных средоточий XIII—XIV вв. и ...их отношений с другими народами Востока и Запада»⁶.

Ряд золотоордынских царей и темников XIII—XIV столетий в их качестве распорядителей судьбами евразийских низменностей-равнин может и должен быть сопоставляем с образами русских императоров, императриц и полководцев XVIII—XX веков⁷. И если среди последних мы видим много значительных и одаренных фигур, то немало их и среди первых: назовем «властного и сурового правителя» Беркая, «победителя греков» темника Ногая (правителя Причерноморья: 1266—1299), «правосудного и расположенного к людям добра всякого вероисповедания», в то же время «властного и сильного» хана Тохту (1291—1313), великого Узбека (1313—1341), Джанибека (1342—1357), при котором была «большая льгота» русской земле, и пр. Нужно отдать должное дому Джучи и монгольской военной среде. Ряд администраторов и полководцев, выдвинувшихся в истории Золотой Орды в течение

одного столетия (от середины XIII по середину XIV в.: «великое столетие» Золотой Орды!), может поспорить с любым таким рядом в истории других народов и стран. В особенности, если мы вспомним, что Золотая Орда есть только часть того целого, в центре и других частях которого действовали и Чингис, и его полководцы, и последующие великие ханы XIII в., среди которых немало крупных фигур⁸. Для русского человека изучение истории этих людей полно глубокого интереса. В частности, деятели Золотой Орды соприкасались со многими геополитическими конъюнктурами, которые и в настоящее время остаются в силе для России-Евразии (например, отношение к Балканским странам и Польше). Около них скрещивались религиозные принципы (православие, мусульманство, шаманизм), которые и сейчас действительны в евразийском мире⁹...

Сила золотоордынской государственной традиции не была исчерпана в «великое столетие» Золотой Орды (от середины XIII по середину XIV в.). Крупным фактом является двукратное «возрождение» государственно-политической традиции Золотой Орды. Первое из них можно назвать тохтамьшо-едигеевым или, тимуровым, возрождением (конец XIV — начало XV в.), второе — менгли-гиреевым, или крымско-османским (XV—XVIII вв.).

II. Русь и Литва

«Замятня великая» в Орде (конец 1350-х и 1360-е гг.) есть факт чрезвычайно значительный в геополитической истории Евразии. Именно в этот момент крайний юго-западный угол Евразии вышел из-под золотоордынской власти (процесс, который начался еще в конце 1330-х гг., когда Болеслав Тройденевич захватил Галич): степи между Днепром и Днестром заняло Литовско-Русское государство, между Днестром и Дунаем — Молдавия. Когда в 1362 г. Ольгерд разбил подольских татарских князей, остатки татар, частью ушли в Крым и за Дунай (в Добруджу), частью подчинились Литве. С этого момента у Литовско-Русского государства появились служилые татары, которым, на условиях несения военной службы, были уступлены земли в Причерноморье — так же, как на столетие позднее, на тех же условиях, Василием Васильевичем были даны татарскому царевичу Касиму земли на Оке (Мещерский городок). Это последнее событие оказалось «делающим эпоху». Касимовское царство многим способствовало переключению внутривразийских объединительных тенденций с монголо-татарских владений на московского царя. Появление же служилых татар в Литовском государстве не повлекло за собою крупных последствий; и та благоприятная для Литвы (и стоявшей за ней Польши) геополитическая конъюнктура, которая была создана в западном отрезке евразийских степей Ольгердом и Витовтом, к XVI в. была ликвидирована выступлением новых татарских и турецких сил... Иначе говоря, Москва оказалась годным объединительным центром в евразийской государственной системе. Литва-Польша таким центром не оказалась¹⁰. Здесь намечается граница двух исторических миров — одного, определяемого сложным сочетанием византийских и монгольских традиций, все глубже перерабатываемых и все полнее перекрываемых новым, из-под спуда бьющим началом русскости; другого — определяемого началом латинства (мира, в котором самые отрицания латинства соотносительны латинству и тем самым зависимы от него). Это есть первое и приблизительное определение Евразии и Европы, как особых исторических миров¹¹. Процесс русской истории может быть определен как процесс создания России-Евразии, как целостного месторазвития. Объединительным узлом в этом процессе сделалась та историческая среда, где налегали друг на друга и сопряглись друг с другом слои духовно-культурного византийского и государственно-военного монгольского влияния. Это есть историческая среда верхневолжской Руси XIII—XV вв., намечаемая именами князей от Александра Невского до Василия Васильевича (и далее), владык — от митрополита Кирилла (духовного отца Александра) до митрополита Ионы (духовного отца Василия)... Здесь неизменно были сильны полученные от Византии культурные начала, и эта же среда сначала принуждена была пойти, а затем волею пошла, и плодотворно прошла татарскую школу... Месторазвитием этой среды было то священное для каждого русского междуречье между верхнею Волгой и Окой, междуречье, где и последующие века оставили свои наиболее замечательные памятники, междуречье соборов, кремлей и монастырей, мощная антенна русских энер-

гий... Именно отсюда развевалась нить собирания и византийского, и монгольского наследства. Здесь наиболее ярко выразилась «русскость». А из всех православных стран именно эта область оставалась пока что независимой от латинства и ему недоступной, несмотря на постоянные попытки воинствующего латинства подчинить Москву своей власти. Бывали моменты, когда и в Иерусалиме и в Константинополе сидели латинские патриархи. Но никогда доселе латинский патриарх не сидел в Москве. Также, например, в области зодческой эта среда отмечена наименьшей представленностью храмово-строительных типов, свойственных Западу («базиличная схема»), и наибольшим своеобразием типов, в то время, как, например, на Ближнем Востоке базиличная схема представлена значительным числом примеров. Здесь она является одной из исконных схем храмостроительства, что сближает зодчество Ближнего Востока с зодчеством Запада. Но это есть уже вопрос географии зодчества, и его мы оставляем в стороне... Отклонения государственной литовской линии от подчинения целям латинства были только временными отклонениями. Основной урок, который русское сознание выводит из истории Литовской Руси, есть свидетельство о том, что русскость несовместима с латинством. Насколько, казалось, условия Литовской Руси XIII—XV вв. были благоприятней для развития русской культуры, чем условия Московской Руси: отсутствие монгольского ига, преемственность развития государственно-правовых норм, возможность сношений с Западом¹². И что же мы видим: вместо расцвета — постепенную потерю русской культурой наиболее ценных кадров культурного возглавления, захирение и захудание, завершающееся тем, что, например, к концу XVII в. (а именно в 1697 г.) для больших территорий, занятых русским населением, «польский язык был признан языком государственным и русский был изгнан из официальных актов»¹³. Литовско-русская государственность неуклонно переходила в польско-литовскую, а затем и просто в польскую государственность (конституция 1791 г.).

Поразителен контраст между судьбами русской культуры, с одной стороны, в условиях монгольского и, с другой стороны, — литовско-польского владычества. В условиях первого был подготовлен культурный расцвет Московской Руси XV—XVI веков. В условиях второго — культура русского племени, попавшего под литовско-польскую власть, в конце концов почти исчезла с поверхности исторической жизни.

Русскость оказалась несовместимой с латинством, а латинство, в свою очередь, оказалось несовместимым с осуществлением объединительной роли в пределах евразийского мира¹⁴. Этот исторический итог, выводимый из рассмотрения судеб литовского и польского государства, не препятствует признанию значительности той геополитической конъюнктуры, при которой течение Днепра от истоков до устья было в руках единой литовской власти (Витовтова таможня на Днепре, в районе позднейшего Херсона), когда магистраль Днестра была в обладании той же власти¹⁵, когда литовские войска проникали в позднейшую северную Таврию и на Крымский полуостров (например, в 1397 г.).

III. Русь и держава Тимура

Новое (после «замятни великой») усиление Орды сказалось в годы правления Мамаю и затем, в особенности, при Тохтамыше, а также в период правления Едигея и несколько позже. Было не только приостановлено распадение основного ядра золотоордынской державы (на которое указывало появление в 1360—1370-х гг. независимых владетелей в Мордовской и Болгарской земле), но также и Северо-Восточная Русь, сначала после Куликовской битвы, а затем после периода фактической независимости 1395—1411 гг. была снова приведена к подчинению. Однако также и в этот период, несмотря на победу на Ворскле, Золотая Орда не вытеснила польско-литовского государства из западно-причерноморских степей. Вытеснение это произошло в период второго «возрождения» золотоордынской государственной традиции, протекавшего в виде укрепления и расширения Крымского ханства... Первому же (только что упомянутому) «возрождению» золотоордынской традиции способствовало возникновение на Среднем Востоке новой мощной монголо-турецкой державы Тимура.

В геополитическом отношении держава Тимура уже тем интересна для русских историков, что во всяком случае более половины (по пространству) подчинившихся

Тимуру земель вошло в состав позднейшей Российской империи, а ныне входит в пределы СССР, в которых, в свою очередь, эти земли составляют значительную часть территории.

Затем: 1) именно ставленник Тимура (в период, когда он был его подручным) Тохтамыш вновь подчинил Москву золотоордынской власти, а через посредство Золотой Орды — власти Тимура (1380-е гг.); 2) другой ставленник Тимура, сменивший Тохтамыша, Темир-Кутлук (действовавший совместно с князем Едигеем) разгромил Витовта на Ворскле, чем помог делу защиты Москвы от литовского натиска и устранил литовскую «кандидатуру» на роль собирателя евразийских земель...

Вовлеченность Руси на периферию Тимуровой державы имеет большое систематическое значение. Вовлеченность эта, сочетаясь с другими историческими фактами, знаменует принадлежность Руси (восточных славян) к тому историческому миру, который именуем миром евразийским.

IV. Царства-наследники Золотой Орды

Процесс распада Золотой Орды, остановленный во второй половине XIV в. усилиями Мамая, Тохтамыша и Едигея, возобновился около середины и во второй половине XV века. Одним из первых выделилось Казанское ханство. Его возникновение опиралось на ту традицию государственной самостоятельности, которая была присуща землям бывших волжских болгар (области вокруг места впадения Камы в Волгу). Существование Казанского царства (1455—1552) предварялось многовековым существованием царства волжских болгар (с X в. — мусульман в своей социальной верхушке), а также правлением Булат-Темира (хана Болгарской земли после «великой замятни»). Этот ряд государственных образований (Болгарское царство — царство Булат-Темира — Казанское) представляет собою политическое знаменование определенного культурного факта. В областях вокруг впадения Камы в Волгу существовала и существует особая культура, которая с течением веков все более окрашивалась в цвета ислама. Эту культуру можно назвать «средне-волжской». Изучение этой культуры составляет одну из существенных задач исторического исследования России-Евразии. Наряду с православно-русской именно средне-волжская культура представляла собою крупное явление в геополитическом круге Золотой Орды. Исторические известия XIII в. дают основание заключить о некоторой конкуренции между этими культурами в золотоордынской царственной ставке¹⁶. Это выразилось, между прочим, в принятии золотоордынскими царями ислама. Впрочем, ислам проникал в царскую ставку не только с севера (со средней Волги), но и с юга. Определенно с севера (из Казани) шел ислам к целому ряду народов Среднего Востока в XVI—XIX вв. (ногаи, башкиры, «казаки»).

Основателем независимого Сибирского царства, охватившего северную часть зауральских владений Золотой Орды, явился ишимский хан Ибак (убийца хана Ахмата). История сибирских улусов Золотой Орды являет картину постепенного продвижения татарских поселений и татарских политических центров из пределов степи в пределы лесной зоны. В конце XV и в первые три четверти XVI в. Сибирское царство в значительной мере входило в ту систему государственных образований, которая возникла в результате распада Золотой Орды и в которой действовало и развивалось также и Московское государство. Также и в это время Уральский хребет не являлся существенным геополитическим рубежом, как не является он существенной географической границей. Зауральские владетели оспаривали у Москвы влияние в Казанском царстве. Уже в конце XVI в. (в период борьбы царя Кучума с московскими воеводами) сибирский царевич Аблай (вместе с «казацким» ханом Ак-Назаром) ходил походом на только что основанный московскими воеводами в башкирских землях город Уфу... В XVI в. история Сибирского царства выдвинула крупную фигуру Кучума. Сперва он был объединителем распавшегося перед тем Сибирского царства. В позднейшие годы, в социальной среде зауральских татар, уже затронутой социальным распадом, он вел исключительную по упорству борьбу с распространением московской власти (1582—1598). Вытесненный из частей Сибирского царства, находившихся в пределах лесной зоны, он продолжал борьбу в степной (точнее — лесостепной) части своих владений. Окончательное поражение было нанесено ему на Оби, несколько выше позднейшего Ново-Николаевска (на

восточной окраине Барабинской степи). Почти тысяча верст (по прямой) отделяет эти места от Искера, той столицы Кучума, которую брал Ермак (в окрестностях нынешнего Тобольска). От остяжских городков на нижней Оби до Барабинских степей и Башкирии — таков геополитический размах Кучумова царства ¹⁷...

Из числа «царств-наследников» Золотой Орды наиболее значительной исторической судьбою отмечено Крымское ханство. Действительным создателем этого ханства являлся Менгли-Гирей. В конце XV и в начале XVI в. Литовско-Польское государство было оттеснено от Черного моря ¹⁸. Польско-литовский рубеж отодвинулся к южной границе позднейших Подольской и Киевской губерний, т. е. к пределам лесостепи (луговой степи). Вся позднейшая Херсонская губерния была занята татарами. Нижний Днепр так же, как и нижний Днестр, перешли под власть Крымской Орды. В 1560 г. ногайцы (зависевшие от Крымского ханства) опустошили северную Бессарабию и утвердились в южной (в так называемом Буджаке, степях между нижним Днестром и Дунаем). Таким образом, и эта область из-под власти Молдавии снова перешла под владычество степняков. На востоке подвластные Крыму кочевья захватывали нижнее и среднее течение Донца. Почти всё (за исключением земель Запорожской Сечи) пространство ковыльных и полынных степей, лежащих между Доном и низовьями Дуная, оказалось в сфере влияния Крымского ханства ¹⁹. Единственное обстоятельство, которым умалялось значение этих успехов, — возникновение и укрепление Сечи Запорожской (середина XVI в.) — нужно приписать самоначальной деятельности народных украинско-русских элементов, а не политике литовско-польской власти... Еще более крупным являлся тот факт, что своими набегами крымские ханы в течение XVI—XVIII вв. держали в страхе окраины, а в XVI в. также и центральные области Польско-Литовского и Московского государства ²⁰. Еще в XVII в. крымцы хозяйничали на Украине. В начале XVIII в. Слободскую Украину почти каждый год постигал татарский набег. В 1769 г. крымские татары во главе с ханом Крым-Гиреем совершенно неожиданно появились перед стенами крепости св. Елисаветы (позднейший Елизаветград) ²¹. Встреченные с крепости пушечными выстрелами татары не решились на штурм, но опустошили окрестности. Татарами было уведено из Елисаветинской провинции более тысячи человек пленных, много скота, сожжено более тысячи домов и т. д. Это было последнее татарское нашествие в русской истории. Нужно предостеречь от суждения по этому выступлению татар о более ранних русско-монгольских и русско-татарских отношениях. Власть золотоордынских царей была регулярной властью, руководствовавшейся весьма широкими религиозными и политическими принципами. Ее нельзя отождествлять и определять хищничеством позднейших татарских набегов... И, однако, золотоордынская традиция сказывалась также и в Крымском ханстве (что и дает основание рассматривать усиление Крымского ханства в конце XV — начале XVI в. как второе «возрождение» золотоордынской государственной традиции). И не только в том отношении, что «крымский юрт» был основан выходцами из Золотой Орды, сохранившими об этом воспоминание, но и в смысле поддержания действительной традиции кочевого государства (в том числе родового устройства) ²². В геополитическом смысле Крымское ханство в значительной мере восстановило юго-западную границу владений Золотой Орды.

Поучительно соотношение Крымского ханства и Турецкой (Османской) империи. Принужденное признать над собой власть Османской империи Крымское ханство получило опору в существовании этой империи. С турками крымских татар соединял религиозный момент (мусульманство) и момент племенной (общие турецко-татарские корни); различал признак «месторазвития». Турецкая империя явилась наследницей Византии и усвоила себе «вокруг — царградское» (в широком смысле) месторазвитие, т. е. северо-восточную (отчасти же восточную и южную) часть Средиземноморья. Крымское ханство являлось наследником Золотой Орды и занимало юго-западную окраину Евразии. Именно началом «месторазвития» определяется «свое лицо» Крымского ханства в составе Турецкой империи. Османская империя удерживала элементы византийской культуры, Крымское ханство хранило степную (кочевую) традицию. Выражая логику месторазвития, Турция, в геополитическом отношении, установила то же соотношение с Крымским ханством, которое в свое время устанавливали греки в отношении скифов и генуэзцы в отношении Золотой Орды: заняла побережья. Занятые турками пункты побережья являли геополитический аналог греческим и генуэзским колониям и факториям...

История Золотой Орды не только входит весьма существенной главою в историю Евразии, но входит также в историю России. Под пеленою Золотой Орды возрастало Русское государство. Этому нельзя сказать про Крымское ханство. Крымское ханство было одним из важнейших соперников Московского государства (и даже Российской империи) в собирании рассыпавшихся улусов бывшей Золотой Орды. Этим положением и определяется, главным образом, отношение истории Крымского ханства к русской истории и систематическое место этого ханства в общей рамке евразийской истории ²³.

1). Влияние Крымской Орды было основным, которое конкурировало с московским в делах Казанского царства. 2). Крымский хан (при помощи турецкого султана) пытался отобрать у Москвы Астрахань (1564 г.). 3). Он же являлся соперником русской власти на Северном Кавказе, в кабардинских, черкесских и прочих делах (при Иване Грозном и позже). 4). Крымское влияние неизменно сказывалось в башкирских восстаниях против русской власти в XVII и XVIII веках. Башкиры «пересылались» с Крымскою Ордою. В начале XVIII в. к Елабуге, а затем к Казани подступала группа восставших под предводительством Акая, из рода крымских Гиреев ²⁴.

V. Защита Руси от степи и Запада

Крымские набеги в пределы Московского государства начались не сразу после образования Крымского ханства... Это время (конец XV — начало XVI в.) было вообще знаменательным временем в истории Москвы и Руси; одинаково в смысле политических и в смысле культурных достижений. В это время возникла теория Руси — Нового Израиля, имевшая исключительно большое значение в московском культурно-государственном мировоззрении XVI—XVII веков. Тогда же созданием кремлевских соборов (Успенского, Благовещенского, Архангельского) было «резюмировано» все предшествовавшее развитие русского храмоздательства (и внесен ряд новых мотивов). Этим, в свою очередь, было подготовлено возникновение (около 1530 г.) на московской почве своеобразного типа кирпично-каменных шатровых церквей (оригинальнейшего проявления русского архитектурного гения). Как раз в эти годы в заволжских лесах подвизался один из замечательнейших русских подвижников — Нил Сорский.

К концу XV в. с ясностью выступили основные черты геополитического положения Москвы, существенные для хода ее истории. Значительную часть нынешней доуральской России занимает «треугольник» смешанных лесов (где произрастают т. н. широколиственные породы: дуб, липа, клен и пр.) с вершиною на востоке (на Волге между Нижним Новгородом и Казанью) и основанием на западе (приблизительно по линии: устье Невы — Киев). Из числа лесных местностей именно области смешанных лесов наиболее пригодны для распашки. Москва расположена на «оси» этого треугольника. К западу от Москвы область смешанных лесов расширяется. Область эта по природе своей наиболее близка (из числа русских земель) к европейским условиям. Она и есть путь от Москвы на запад и с запада к Москве. От Москвы же на северо-восток и от нее же на юго-восток лежат области по природе своей существенно «внеевропейские». В ботанико-географическом расположении Москвы явственно выступают черты ее положения в «междуречье». Угол, образуемый Волгой и Окой, перед их слиянием у Нижнего Новгорода, отвечает приблизительно восточной вершине треугольника смешанных лесов; взятый в культуру, треугольник этот есть «лесо-полевая» область. За Волгой залегает тайга, область хвойных лесов, с представленностью сибирских пород; за Окой залегает лесостепь, в ней дубравы чередуются с «переполыньями»; дальше к югу — Дикое поле. На северо-востоке — заволжские старцы. Там же издавна — промыслы и пути (к Студеному морю и за Камень). На юго-востоке — татары. Скоро, однако, Дикое поле станет превращаться в возделанные поля... Так, между путями с запада, тайгой и татарами возрастала Москва — в характерном ботанико-географическом узле доуральской России. Опасность Москве грозила то с запада, то с юго-востока. Упором, на котором держалась Москва в моменты опасности, являлся северо-восток. Когда опасность принуждала великого князя покинуть Москву, он уходил собирать войска именно в этом направлении...

Опасность с юга (от крымских татар) стала явственна с начала XVI века.

Разрыв Москвы с Крымом произошел в 1510-х гг., а еще в 1509 г. великий князь Василий Иванович поставил деревянный город в Туле (на подступах к Москве с юга). В 1525 г. Коломна была взята и разграблена крымским ханом Махмет-Гиреем, и вслед за тем в Коломне был сооружен «очень крепкий каменный город». В 1530 г. был поставлен каменный город в Туле, в 1531 г. в Зарайске, в 1556 г. — в Серпухове. Это строительство кремлей явным образом сопряжено с повторностью татарских набегов. Таким образом, создалась «связная линия» кремлей по Оке, остатки которой являются доныне одним из примечательных памятников древнерусского фортификационного искусства (еще в 1508 г. был укреплен каменной стеною Нижний Новгород). «Связные линии» укреплений, которые воздвигаются с целью не пропустить противника за определенную черту, нужно отличать от «опорных пунктов», т. е. изолированных укрепленных мест, призванных служить убежищем в моменты опасности. Приокская линия кремлей вместе с линией древних каменных крепостей по северо-западной и западной границе (Старая Ладога, также Новгород, Копорье, Ивангород на Нарове, Псков, также Порхов, Остров, Смоленск, Можайск, также Дмитров), исчерпывают группу древнерусских крепостей, собранных в более или менее «связные» линии²⁵. Помимо них, как вехами, обставлены кремлями две основные артерии, по которым шло распространение русской власти соответственно на юго-восток и восток. Мы подразумеваем артерию Волги, с Казанским и Астраханским кремлем, и артерию Туры и Тобола, с кремлями Верхотурья и Тобольска. Так изобразимо в виде системы расположение каменных кремлей, этих важнейших укрепленных пунктов Московского государства²⁶. Деревянные города и остроги были разбросаны по всей территории государства. Ни один из них не сохранился до настоящего времени (остатки Якутского острога в Зауралье разобраны в революционные годы). В моменты напряженной опасности, когда неприятель проникал в глубь страны или возникла гражданская война, в качестве укрепленных пунктов («городов») выступали монастыри²⁷. Кроме общеизвестной защиты Троице-Сергиевой лавры в Смутное время, в качестве примеров можно назвать защиту Тихвинского Большого монастыря от шведов в 1613 г., защиту Макарьевского Желтоводского монастыря (на Волге, к востоку от Нижнего) в 1670 г. от разинского атамана Максима Осипова, защиту Далматова монастыря (в Зауралье, на р. Исети) в 1774 г. от пугачевцев и пр. В допетровской царской России из числа образований, существовавших в пределах государства, монастыри являлись, пожалуй, наиболее автономными (в отношении царской власти). Монастыри вели защиту в те моменты и в тех местах, где царской власти не существовало (случаи Троице-Сергиевой лавры в Смутное время, Макарьевского монастыря в 1670 г.). Монастырь мог отстаивать себя силой оружия в случае, если монастырские старцы не были согласны с решением высшей церковной и государственной власти (защита Солвецкого монастыря в 1668—1676 гг.)... На пространстве волжско-окского междуречья, а также к северу от него (а отчасти и к югу, в том числе в Левобережной Украине) можно назвать десятки монастырей, стены которых, относящиеся по преимуществу к XVII в., являются весьма внушительными сооружениями...²⁸. В меньшем числе также XVI в., с одной стороны, и XVIII, с другой, оставили образцы подобных сооружений...

VI. Проникновение России в степь и пустыни

Разителен контраст между постоянной укрепленностью западной русской границы и перемещающимся существованием (и несуществованием) других укрепленных линий. Западная русская граница то продвигалась к западу, то отходила к востоку, но в любом своем положении оставалась укрепленной. В этом отношении особенно поучительна история укреплений Псковской земли, которой в течение четырех столетий (от XIII-го по XVII-ое) приходилось выносить на своих плечах дело защиты от натиска с запада. Непрерывный исторический ряд ведет в городе Пскове от Довмонтовой стены XIII в. (ядро псковских укреплений) к стенам «Большого города», построенным в XV в., к земляным укреплениям, которые воздвигал у Пскова царь Петр в начале XVIII века. В этом же ряду помещаются другие (отчасти упомянутые выше) кремли и древние крепости западного и северо-западного рубежа; находятся в этом ряду и прочие укрепления, которые соорудил Петр²⁹, и Дрисский укрепленный лагерь, в котором одно время полагали защищать-

ся от Наполеона, и те крепости, которые строились на западной границе при Николае I (Бобруйск, Киев, крепости Царства Польского и пр.), и те, которые воздвигались в конце XIX — начале XX века... Восточным аналогом постоянной укрепленности западно-русского рубежа является Великая китайская стена на границе внутреннего Китая с Монголией (стена эта построена задолго до появления Руси на исторической сцене). На пространстве же между Великой китайской стеной и западной русской границей укрепленные линии то существовали, то не существовали вовсе. В Доуралье их не было до времен Владимира Святого; каждое из государств-соперников этого времени (Русь и хазары) — могло надеяться на полное одоление и едва ли нуждалось в оборонительных линиях³⁰. После появления печенегов «Владимир должен был строить целую систему укреплений, насыпать валы, рубить города». С этого времени начинается эпоха «противостепных» (для защиты от печенегов, а затем от половцев) укрепленных линий. История их в особенности тесно связана с историей Переяславского княжества³¹ (в 1089 г. г. Переяславль был обнесен каменной стеною). По типу эти укрепленные линии должны были напоминать позднейшую (московскую) «засечную черту» XVI—XVII веков. Проходя подобно последней по лесостепи (в пределах которой находилось Переяславское княжество), укрепленные линии X—XIII вв. опирались, в определенной части своего протяжения, на лесные массивы. Так, лесной массив по р. Трубежу прикрывал Переяславль с севера. Укрепленные линии Переяславского княжества относились к типу укрепленных линий в пределах лесостепи. Первая эпоха существования русских противостепных/укрепленных линий закончилась в XIII веке. В 1239 г. был разрушен Батыем (и на несколько веков сошел с исторической сцены) Переяславль. В 1260 г. по приказу Берке-баскак Бурундай принудил Даниила Галицкого срыть укрепления галицких городов³². Монгольская власть стерла укрепленные линии на пространстве от западной русской границы до Великой китайской стены и самую китайскую стену сделала ненужной, так как подчинила своей власти также и внутренний Китай³³. Это положение оставалось в силе более века. Великая китайская стена снова получила реальное значение после изгнания монголов из Китая в 1368 году. В Доуралье иных укрепленных линий, кроме линии западной границы (главным образом, в новгородских и псковских пределах), не существовало и в XV веке. Мы указывали на геополитическое своеобразие того момента русской истории (княжение Ивана III), когда Московская Русь уже освободилась от татарского (золотоордынского) ига, но еще не должна была защищаться от татарских (крымских) набегов. Мы говорили о приступе к постройке укреплений в княжение Василия Ивановича. В это время начиналась вторая эпоха существования русских противостепных укрепленных линий (в качестве первой принимаем время X—XIII вв.). Эта эпоха распадается на несколько периодов.

1. *Период укрепленных линий в пределах лесостепи (XVI—XVII вв.)*. Сюда относится «засечная черта» XVI в., Белгородская, Тамбовская и Симбирская черта XVII в., «Закамская» черта того же времени, шедшая от с. Белый Яр (на Волге, против Сенгилея) к г. Мензелинску (на р. Ике); Сызранская черта 1684 г. — от р. Суры к селу Усолье (на Волге, в Жигулевских горах); черта, проведенная в самом конце XVII в. от основанного тогда же г. Петровска (позднейшей Саратовской губ.) к г. Воронежу (входившему в состав Белгородской черты) и т. д. Все эти «черты» проходили по лесным местностям, перемежавшимся с «перепольяньями». Поляны укреплялись особенно тщательно, здесь ставились сторожи, сооружались «тарасные валы», помещались «надолбы». Сызранская и Петровская черты (конец XVII в.) проходили по южной окраине лесостепи.

И в этот период (XVI—XVII вв.) московская власть располагала отдельными «опорными пунктами», находившимися в более южных пределах, чем пределы лесостепи. Эти опорные пункты располагались на значительных водных артериях. Как известно, с середины XVI в. Москве принадлежала Астрахань, находящаяся в пределах пустыни (т. е. южнее не только луговой, но также ковыльной и полынной степи). Для Поволжья и Подонья можно назвать несколько подобных примеров³⁴. Размещение укрепленных пунктов на водных артериях «предваряет» общую эволюцию. Сюда относится построение Царевборисова (конец XVI в.) в пределах ковыльной степи, недалеко от места впадения р. Оскола в Донец. Царевборисов опирался на артерию Оскола (по которому с севера сплавливались снаряжение и припасы)... В Смутное время Царевборисов пришел в запустение.

2. *Период укрепленных линий в пределах ковыльной и полынной степи.* Засеки теряют значение (лесов нет). Основным является устройство укреплений, форпостов, пикетов и «маяков» на недалеком друг от друга расстоянии... Энергичное строительство укрепленных линий в пределах ковыльных и полынных степей Доуралья начинается в 1730-х гг. (при Анне Ивановне). Это строительство предваряется устройством в 1720 г. Иртышской линии в Зауралье (вдоль течения Иртыша, между Усть-Каменогорском и Омском). Иртышская линия выходит из пределов лесостепи и проникает в более южные степи³⁵. Устройство Иртышской линии представляет собою характерный случай «предварения эволюции» укрепленными линиями вдоль водных путей. Сооруженные на несколько десятилетий позднее, вдали от крупных водных артерий, западносибирские укрепленные линии 1737 и 1752 гг. проходили все еще в пределах лесостепи. Обе, пересекая водоразделы, тянулись от Иртыша к Тоболу. Линия 1737 г. окаймляла северные пределы ишимских степей; линия 1752 г. (т. н. «горькая») пролегла по прямой (совпадавшей приблизительно с 55° северной широты) от Омска на Иртыше к станции Звериноголовской на Тоболе. В Доуралье при Анне Ивановне и позднее были сооружены нижеследующие укрепленные линии, углублявшиеся в ковыльную (а отчасти полынную) степь: 1). Украинская линия, 2). Линия от Царицына (на Волге) к Дону (1731 г., устроена одновременно с основанием особого Волжского казачьего войска; это последнее расформировано после Пугачевского бунта), 3). Грандиозная система укрепленных линий, центрировавшихся на Оренбург, сооруженная в 1734—1744 гг. начальниками Уральского края Кирилловым, Татищевым и Неплюевым. Еще в 1732 г. была проложена «Новая Закамская линия» (взамен старой Закамской, к юго-востоку от последней), шедшая от Самары на Алексеевск (на р. Самаре) к Красноярской крепости, Сергиевску (на р. Соке) и далее к Новошешминску (на старой Закамской черте, к западу от Мензелинска). Линия эта пролегла отчасти в пределах луговой степи (лесостепи), отчасти же по границе между луговой и ковыльной степью. В Самаре она связывалась с «Оренбургской» системой укрепленных линий, пересекавшей, по большей части, ковыльную и полынную степь. По нижнему Яику «нижнеяицкая дистанция» проникала в пределы пустыни. Здесь мы опять встречаемся с «предварением эволюции», которое связано с тем, что укрепленная линия проложена вдоль водной артерии. В местах, удаленных от значительных водных путей, даже 4). линия кордонов, сооруженная в 1787 г. генерал-поручиком Чертковым от г. Камышина (на Волге) к р. Уралу (Яику), с крепостью в урочище Узнях (позднейший Новоузенск), проходила по рубежу пустыни, не углубляясь в нее. Кордоны на этой линии содержались до 1830-х годов. 5). Еще в 1837 г. пред началом большого «казацкого» (киргизского) восстания 1840-х гг. в Зауралье сооружались пикеты между Кокчетавом и Акмолинском в пределах все той же ковыльно-полынной степи.

3. Наконец, в 1840-х гг. вместе с подавлением киргизского («казацкого») восстания, руководимого султаном Кенесары (убит в 1847 г.) наступил третий период, *период укрепленных линий в пределах пустыни.* В течение 1841—1847 гг. в Казахстане русскою властью было построено немало укрепленных пунктов. Некоторые из этих пунктов, вместе с подходившими к ним линиями пикетов, находились уже в пределах пустыни (например, основанный в 1845 г. Иргиз, первоначально «Уральское укрепление»). В 1847 г. русские вышли из низовья Сыр-Дарьи (постройка Раимского укрепления). После взятия ряда кокандских крепостей в 1850-х гг. была устроена «Сыр-Дарьинская линия». В то же время русские проникли в Семиречье и выдвинули свои укрепления к подножьям Тянь-Шаня. Попытка «сомкнуть» Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую линии привела к завоеванию Туркестана (1860—1880-е гг.). И вместо «смычки» двух укрепленных линий получилось исчезновение всяких вообще укрепленных линий на всем пространстве от западной границы до китайской и от Ледовитого океана до предгорий Гиндукуша. То, что осуществили монголы в XIII в. (и чего, в частности, добился Берке, заставив Даниила Галицкого срыть укрепления) — уничтожение укрепленных линий на всем пространстве евразийских пустынь и степей и в прилегающих к ним странах, это вновь, после многовекового перерыва, осуществила императорская русская власть к концу XIX века. Таким образом, в течение последнего тысячелетия укрепленность западной русской границы является признаком постоянным. На пространстве же между западной границей и Китайской стеной существование и несуществование укрепленных линий сменяют друг друга в перемежающейся ритмике: 1) до времен Владимира Святого укрепленных

линий не существует, 2) время от конца X по XIII в. есть эпоха существования противостепных укрепленных линий, 3) время от XIII до начала XVI в. есть эпоха отсутствия таких линий (монгольское владычество), 4) с начала XVI в. по конец XIX в. продолжается новая эпоха строительства укрепленных линий, 5) она сменяется исчезновением этих линий в конце XIX века. Наши наблюдения можно выразить в иных терминах. Постоянно укрепленные: западная граница и Китайская стена означают собою границы исторического мира (Евразии). Укрепленные линии, то появляющиеся, то исчезающие, должны быть определены как внутриевразийские линии³⁶. Разъединение сменяется здесь объединительным процессом (исчезновением укрепленных линий). История этих линий — одно из выражений периодической ритмики государствообразующего процесса Евразии³⁷.

В частности, в течение русской истории мы замечаем две обособленные эпохи существования противостепных укрепленных линий: X—XIII вв. и века XVI—XIX. Примечательно, насколько различны финалы этих эпох. Первая заканчивается уничтожением укрепленных линий в силу покорения Руси степняками. Вторая завершается исчезновением этих линий в силу подчинения степняков России. Видимо, Россия XVI—XIX вв. существенно отлична от Руси X—XIII веков. Одно из важнейших отличий заключается в том, что Россия XVI—XIX вв. есть Русь, прошедшая татарскую школу...³⁸

Конкретные наблюдения над историей русских укрепленных линий XVI—XIX вв. вкратце могут быть сведены к нижеследующей схеме: 1) XVI—XVII вв.: период укрепленных линий в пределах лесостепи; 2) XVIII — первая половина XIX в.: период укрепленных линий в пределах ковыльной и полынной степи; 3) середина XIX в.: период укрепленных линий в пределах пустыни³⁹.

Приведенная схема обнимает историю укрепленных линий в пределах евразийских низменностей-равнин и невысоких горных стран, отделяющих эти равнины друг от друга (Урал и горная страна восточного «Казакстана»). Особую группу составляют русские укрепленные линии, охватывающие горные местности на периферии Евразии. Целью устройства таких линий являлось «замирение» гор. Строительство это получило особое развитие в XVIII и первой половине XIX в., когда русское расширение подошло вплотную к крупным горным массивам Кавказа и Алтая. Аналогом кавказских «линий» XVIII—XIX вв. является укрепленная линия в предгорьях Алтая, тянувшаяся от Усть-Каменогорска на Иртыше (где она смыкалась с Иртышской линией) до г. Кузнецка на р. Томи. Эта линия была заложена в 1759 г. и перестроена в 1764 году. Линии этого рода исчезли в третьей четверти XIX в. вместе с «замирением» Кавказа (Алтай был «замирен» значительно ранее)...

VII. Единство Евразии

Евразия, как географический мир, как бы «предсоздана» для образования единого государства. Но только в конкретном историческом процессе реализуется это единство.

К концу XIX в. завершился (в основных чертах) процесс создания России-Евразии как геополитического единства. Чисто географической стороне процесса имеются прообразы в прошлом. Была бы несостоятельной попытка свести культурное содержание процесса к каким бы то ни было известным в истории образцам. В культурном смысле геополитическое единство Евразии обосновывается и единственно может быть обосновано в принципах и формах, применительных к условиям этого времени. В последние годы Россия-Евразия вступила в полосу «мутации» (существенного изменения ряда признаков и свойств). Все исторические ценности и все принятые взгляды подвергаются пересмотру и переоценке. Одни отпадают, другие получают новооснование. Нарождается новое. «Мутация» еще не завершилась. И нет сомнения, что создающееся включит в себя (в преобразованном и обновленном виде) многое «старое». «Мутация» не порывает преемственной (генетической) линии, не разрушает традиции. Она только видоизменяет ее. И потому, как было в прошлом, так и остается в настоящем: ключ к пониманию современности в значительной степени лежит в познании историческом. Этим определяется жизненный интерес изучения как внешней рамки, так и внутренних движущих сил исторического процесса России-Евразии.

Примечания

1. В Ливонии и Литве татары действовали в XVI в. в виде особых отрядов служилых татар в составе московской рати.
2. Деятели империи придавали большое значение положению России в Прибалтике. Вспомним хотя бы политику Петра I или Семилетнюю войну (которая сопровождалась занятием Россией ряда прибалтийских провинций Пруссии).
3. Также на Черном море Россия XVIII—XIX вв. играла до некоторой степени роль одновременно Золотой Орды и генуэзцев XIII—XIV веков. Что же касается русского Тихоокеанского флота, то судьба этого флота пока что представляется сходной с судьбой тихоокеанского флота Кубилая. Нужно заметить только, что в силу геополитического сложения Великой Монгольской державы, Кубилай, опираясь на значительное протяжение населенных и богатых китайских и корейских берегов, имел значительно большие шансы морской победы над Японией, чем те, на которые могла рассчитывать Россия начала XX века. В войне с Японией русские силы висели буквально на ниточке железной дороги, среди почти совершенной хозяйственной и демографической пустоты. Этим сопоставлением рельефно выявляется легкомыслие руководителей русской внешней политики начала XX века.
4. Горная страна в восточной части нынешней Киргизской степи, от р. Имиля на востоке до р. Катала на юго-западе и Нуры на западе была занята в XIV в. «казацкими» (киргизскими) племенами, входившими в состав Джагатаева улуса (обнимавшего нынешний Туркестан).
5. Историю Монгольской державы сближает с историей Российской империи, в числе другого, геополитическая сторона некоторых военных операций и походов, соответственно золотоордынских и русских (в последующем перечислении руководствуемся исключительно признаком общего географического расположения театра военных действий и направлением движения воинских сил, не вдаваясь в детальное географическое сопоставление и оставляя в стороне все прочие признаки). I. Польским походам монголов соответствуют польские походы Империи. При этом русские походы в Польшу (например, 1794 или 1831 гг.) представляют собою более замечательные образцы военного искусства, чем польские походы монголов. II. Венгерскому походу Батыя отвечает венгерский поход Паскевича (1849 г.). Венгерский поход Батыя, выступавшего всецело на свой страх и риск, милитарно значительнее, чем поход Паскевича (1849 г.), который действовал как усмиритель во имя поддержания Габсбургской монархии. Батый и Паскевич одинаково шли из-за Карпат. III. Балканские походы монголов в геополитическом смысле повторены задунайскими и забалканскими походами русских. IV. Аналогом кавказских походов золотоордынских царей являются Кавказские войны, которые велись русским правительством. Однако русские операции на Кавказе шире, чем кавказские операции золотоордынских царей.
Таким образом, и Золотая Орда, и Россия вели войны на Кавказе и на Балканах, в Венгрии и Польше. Для каждой из этих держав названные области образовывали как бы «полосу военных действий», окаймлявшую их основные владения. Важнейшие из упомянутых золотоордынских походов относятся к XIII столетию; перечисленные русские походы принадлежат XVIII—XIX векам. Военная история Московского государства в этой области дает меньше материала для сопоставления с военной историей монголов. Итальянскому походу Суворова (в 1799 г.) и походам 1813—1815 гг. нельзя найти аналога в истории монгольских походов. Чтобы отыскать соответствующие явления, нужно углубиться в историю кочевых империй. Кони всадников, пивших воду в Дону и уральских реках, впервые со времен Аттилы, испили воду итальянских и галльских рек в русских походах XVIII—XIX вв. (в походах 1813—1815 гг. участвовали, в числе других, донские казаки и башкирская кавалерия образованного перед тем «иррегулярного» башкирского войска). Походы Аттилы милитарно существенней, чем русские походы 1799 и 1813—1815 годов. Аттила действовал как самостоятельный фактор. Россия выступала в рядах сложной европейской коалиции. С этим ограничением названные русские походы нужно признать геополитическим аналогом походов Аттилы (в смысле движения организованных воинских сил из глубин Евразии в глубь Европы).
6. Интересно, что Сарай (мы подразумеваем тот тотарский город, развалины которого расположены около позднейшего Царёва; остатки другого значительного поселения находятся у с. Селитренного, верст на 200 ниже по Ахтубе) принадлежит к числу исторических средоточий — вех, отмечающих основные «растительно-почвенные» рубежи доуральской России; как Киев и Великие Болгары помещены на границе леса и степи, так Сарай

расположен на рубеже между степью и пустыней, отмечает крайний, в направлении северо-запада, угол распространения внутриконтинентальной пустыни. Подобное географическое расположение столицы Золотой Орды вполне объяснимо: именно зона пустынь являлась основной линией сношений в пределах Великой Монгольской державы, связывала непрерывной сухопутной, относительно удобной магистралью Хан-Балык (столицу Кубилая, нынешний Пекин), недалеко от восточной окраины пустыни, с низовьями Волги. Сарай и поместился в крайне западном конце этой оси, и притом на берегу водной артерии (Ахтубы), связанной с Волгой. Волга, в сочетании с притоками, соединяла Сарай с болгарскими и русскими областями. Близость к месту, где Дон подходит к Волге (Волжко-Донской перешеек), давала Сараю удобные сообщения с юго-западом (Приазовскими, Причерноморскими и более южными землями); в сочетании с прочими упомянутыми обстоятельствами, близость эта делала Сарай важным узлом путей... В своем расположении на западной окраине евразийской пустыни, Сарай «симметричен» Хан-Балыку (помещенному на ее восточной окраине). И как из Хан-балыка монгольская власть повелевала странами к востоку и юго-востоку от пределов пустыни, так из Сарая золотоордынская власть управляла землями к западу и северо-западу от этих пределов... Вполне понятно также, почему важнейшие татарские средоточия расположены на Ахтубе (протоке, более восточном, чем Волга) и притом на восточном берегу: именно отсюда уводит к востоку непрерывное сухопутное пространство, являвшееся, согласно сказанному выше, основной линией сношений Монгольской державы... Несколько изменяя термины, предложенные автором «Наследия Чингисхана» (И. Р. [Трубецкой Н. С.] Наследие Чингисхана. Берлин. 1922.— *Прим. ред.*). Можно выразиться так: Сарай расположен у западного предела имеющей широтное простираение внутренне-евразийской «системы пустынь»; расположен в том месте, где к пределам пустыни подходят две из числа важнейших водных артерий Евразии, протекающих, как все почти крупные реки Евразии, в меридиональном направлении; мы подразумеваем Волгу и Дон. Беря картину в ее более детальных чертах, можно заметить следующее: течение каждой из названных рек, сначала как бы стремящихся к слиянию, поворачивает здесь под прямым углом. Получается четыре отрезка водных путей, ведущих, почти с полною точностью, на четыре стороны света (вверх по Дону — на северо-запад, вверх по Волге — на северо-восток (до Жигулей), вниз по Волге — на юго-восток, вниз по Дону — на юго-запад).

7. Ведя переговоры с Персией (после русско-персидской войны начала XIX в.), Ермолов называл себя потомком Чингисхана. Такое происхождение увеличило почтение к нему со стороны персидского шаха.
8. Роль цариц-регентш великой монгольской ставки (Туракина, 1241—1246, Огул-Гаймиш, 1248—1251) можно сопоставить с ролью царевны Софьи и русских императриц XVIII века.
9. Небезынтересны сведения о жизни и быте золотоордынских столиц (пользуемся сводкой Ф. В. Баллода, «Старый и Новый Сарай», 1923, внося некоторые свои замечания). Город у с. Селитренного являлся, видимо, Старым Сараем (основан Батыем), город около Царева — Новым Сараем (построен Узбеком). Видимо, это были мировые города, в подлинном смысле слова. Замечательны гидротехнические и оросительные сооружения Нового Сарая. Город был пересечен каналами и орошен прудами (вода была проведена также в отдельные дома и мастерские). Одна из систем бассейнов располагалась по склону сырта. Падение воды использовалось заводами, устроенными около дамб. Старый Сарай во времена Узбека являлся, по преимуществу, промышленным центром (развалины горнов, кирпичный завод, поташные печи, целые городки керамических мастерских). Однако и в Новом Сарае открыты остатки монетного двора, ювелирных, придворных сапожных, портновских и др. мастерских). В торговом квартале обнаружены остатки товаров происхождением со всех концов ойкумены, в том числе, например, кофе. В деревянных конструкциях встречаются еловые бревна (ближайшие еловые леса отстоят от Сараев на несколько сот верст). В обоих городах были районы, состоявшие сплошь (или почти исключительно) из кирпичных построек. «Технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордынского города; прекрасные полы и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте». В окрестностях располагались дворцы, окруженные садами. В предместьях размещались шатры прикочевавших к городу степняков. В Новом Сарае обнаружено немало христианских погребений. Там же развалины, приурочиваемые к древней русской церкви. В Сааре существовал особый «русский квартал». Он располагался, по-видимому, «вблизи от тех учреждений, куда надлежало обращаться по делам русских областей». От себя сделаем нижеследующие наблюдения. За последние века мы знаем четыре столицы, каждая из которых администрировала в свое время все (или

почти все) пространство евразийских низменностей-равнин; это два Сарая, Москва и Петербург. Все четыре города на географической карте располагаются на одной прямой, а именно по линии, соединяющей устье Волги с устьем Невы. Эта линия есть как бы «ось развертывания» почвенно-ботанических зон доуральской России (основные почвенно-биологические рубежи, границы пустынной, степной и лесной зоны, она пересекает под прямым углом. От XIII к XVIII в. административный центр евразийских низменностей-равнин перемещался по этой линии с юго-востока к северо-западу; каждая более поздняя столица расположена на северо-запад от более ранней: Новый Сарай — на северо-запад от Старого, Москва — на северо-запад от Нового Сарая, С.-Петербург — на северо-запад от Москвы. В XX в. процесс пошел в противоположном направлении (столица вернулась в Москву). Возможно, что процесс на этом не остановится. В широкой исторической перспективе представляется вероятным дальнейшее перемещение столицы на юг и восток (может быть, в среднее или нижнее Поволжье)...

10. Совершенно исключительное значение в смысле ликвидации объединительных (в отношении евразийского мира) попыток Литвы имела битва на Ворскле 1399 года.
11. Польша и собственно Литва, историческая жизнь которых определяется началом латинства, принадлежат, следовательно, не евразийскому, но европейскому историческому миру.
12. Преемственность развития выразилась, например, особенно ярко в уставных грамотах, которые Витовт дал Полоцку, Смоленску и Витебску. Грамоты эти воспроизводят и утверждают в упорядоченном виде тот политический, социальный и правовой строй, который выработывался в названных землях в течение предшествовавших веков. Здесь сохраняется вече в виде собрания «добрых и малых людей», являющегося верховным органом в делах местного управления. В то же время обеспечивается (выражаясь современным термином) «неприкосновенность личности», свобода передвижения и т. п. Ничто подобное не было возможно в то время в Московской Руси при суровости тамошних государственно-политических условий.
13. В Галицкой Руси (бывшей под властью Польши с XIV в.) именно в конце XVII и первом десятилетии XVIII в. перешли из православия в унию епископы львовский, перемышльский, теребовльский, ставропигиальное братство во Львове и пр. Иными словами, именно в конце XVII и начале XVIII в. православие в Галицкой Руси потерпело наиболее тяжелые потери.
14. Вторичную попытку принять на себя эту роль, столь же безуспешно, как и в XV в., произвела на этот раз польская государственность в первой половине XVII в. (агрессивная политика в годы московской смуты, колонизационная и организационная деятельность И. Вишневецкого в Полтавщине и пр.).
15. По Днестру сплавляли хлеб из Подолии. В 1415 г. несколько кораблей с хлебом из Гаджибея (позднейшей Одессы) спасли от голода Константинополь, окрестности которого были опустошены турками. В связи с этим указанием интересно отметить устойчивость некоторых «геокультурных» и хозяйственно-географических конъюнктур. В XIX в., уже при русской власти, Одесса была портовым городом польских (нередко литовско-русского корня) помещиков «юго-западного края».
16. Наряду с обращением членов царского дома в ислам происходили обращения в православие (крещение митрополитом Кириллом царевича Петра в середине XIII в.).
17. В XV—XVI вв. башкирские земли нижеследующим образом распределялись между «царствами-наследниками» Золотой Орды: башкиры, жившие по рекам Белой и Ику, платили ясак царям казанским, башкиры, кочевавшие по р. Узеню (в позднейшей Самарской губ.) — царям астраханским, башкиры горного и лесного Урала — сибирскому царю.
18. В начальный период существования Крымского ханства (до воцарения Менгли-Гирея) Польско-Литовское государство пользовалось в Крыму влиянием, аналогичным позднему влиянию Москвы в Казанском царстве. Однако в дальнейшем параллелизм перерождается в противоположность. Казань была завоевана Москвою, а Крымское ханство отбросило Польско-Литовское государство от Черного моря.
19. Влияние это проникало и в области к востоку от Азовского моря: в степи между нижним Доном и Кубанью, в предгорные и горные страны северо-западного Кавказа.
20. Крымские татары в 1503—1506 гг. были, например, под таким внутреннелитовским (белорусским) центром, как Новоградок, а в 1571 г., как известно, были под Москвой; в 1577 г. разорили Волынь и Подолию (в пределах тогдашней Польши) и т. д. и т. п.
21. Заложена в 1754 году. Этот набег стоял в связи с объявлением Турцией войны с Россией.
22. Военная техника крымских набегов в некоторых отношениях была близка к технике более ранних монголо-татарских походов.

23. В некоторые моменты «крымский царь» претендовал на все наследство Золотой Орды, в том числе на прямое господство над Московской Русью. В этом отношении характерны, между прочим, показания Генриха Штадена (немца-опричника при Иване Грозном, записки которого недавно изданы).
24. В XV—XVI вв. также зауральские (сибирские) владельцы своим вмешательством в казанские и башкирские дела претендовали на роль собирателей улусов бывшей Золотой Орды и в этом качестве конкурировали с Москвою (боролись с нею в Башкирии и Казани).
25. Московский Кремль вместе с прилегающими к нему укреплениями находился как бы на смычке западной и южной линии укреплений. Он в равной степени обращен и против запада, и против юга.
26. Отсутствием укреплений со стороны севера предлагал воспользоваться Генрих Штаден в своем, предоставленном «римско»-германскому императору плане завоевания Московского государства со стороны Ледовитого океана. (Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника.— Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1865, кн. IV; 1866. кн. I, II, III; 1867, кн. II.— *Прим. ред.*).
27. Укрепления некоторых монастырей создавались в том же порядке, в каком создавались пограничные кремни. Здесь в особенности нужно упомянуть стены Соловецкого монастыря (воздвигнуты в 1584 г. по плану инок Трифона на северо-западной окраине) и стены Печорского монастыря (к западу от Пскова) на западной границе. Оба укрепленных пункта неоднократно видали противника пред своими стенами. Целыми системами монастырей — опорных пунктов были окаймлены укрепления таких городов, как Москва, Можайск, Коломна...
28. Не случайно, нужно думать, то обстоятельство, что XVII столетие, век «великих государей» — патриархов Филарета и Никона — был веком сооружения фундаментальных монастырско-крепостных оград: массивных стен Кирилло-Белозерского монастыря (1663—1666), ограды Прилуцкого монастыря (около Вологды), стен Спасо-Евфимьевского монастыря в Суздале и других величественных памятников монастырского стеностроительства.
29. Период между Ништадтским миром и третьим разделом Польши был временем относительно малой укрепленности западной границы. Военная слабость тогдашней Польши позволяла уделять меньшее внимание укреплению польской границы. Серьезней, в качестве военного противника, была в то время Швеция. Это отражалось, между прочим, на состоянии «финляндских крепостей» (Суворов, как известно из его биографии, был посылаем для производства инспекции этих крепостей). Положение изменилось, когда нашими соседями стали Австрия и Пруссия. Положение это привело к возникновению сплошной «огненной стены» от Балтийского моря до Черного, той стены, которую мы знаем из истории войны 1914—1917 годов.
30. Отметим, однако, оборонительные мероприятия хазар, направленные против печенегов. Этими усилиями хазар предвзялись аналогичные мероприятия русских князей.
31. На юго-восток от Киева.
32. Видимо, направленные против степи.
33. Приблизительно одновременно со срытием галицких крепостей князь Довмонт укрепил каменную стеною Псков для защиты от немцев (1266 г.). Этим сопоставлением характеризуется отличительное для эпохи уничтожение внутриевразийских линий при дрящейся укрепленности западно-русского рубежа.
34. Так, например, еще в 1589 г. был построен Царицын (на Волге) в пределах ковыльно-попынной степи. В 1620-1630-х гг. строятся Черный Яр (на Волге) и Красный Яр (на Ахтубе) — в пределах пустыни. В тех местах нижнего Поволжья, где возможно степное земледелие, жители городов еще при Петре I «ничего сеять в полях и степях не смели» за опасением внезапных набегов кочевников.
35. Иртышская линия была усилена в 1745 и затем снова в 1764 году. Ранее устройства Иртышской в Донском бассейне значение важного укрепленного центра на южной окраине сплошного русского заселения перешло от Воронежа (который играл эту роль в конце XVII в.), расположенного в лесостепи, к «крепости на Осереде» 1708 г. (места впадения р. Осереда в Дон), в пределах степи ковыльной. В данном случае переход от XVII к XVIII в. весьма близко отвечает рубежу между периодами строительства укреплений: 1) в лесостепи и 2) в степи ковыльной.
36. Эпохам несуществования внутриевразийских укрепленных линий отвечает, с большим или меньшим приближением, состояние таможенного единства Евразии. Эпохам существования этих линий соответствует таможенная раздробленность. Предваряя последующие

работы, хотим отметить, что рассматриваемые в этих страницах факторы имеют значение и в экономической жизни.

37. Приведенному наблюдению не противоречит подвижность западной русской границы. Не бывает «абсолютных» и неподвижных границ.
38. На основании всего вышеизложенного в предыдущих страницах отношение Руси-России к истории монголо-татарских держав можно свести к нижеследующим моментам: 1) в течение двух веков значительная часть русского племени находится под властью Золотоордынской державы; 2) в следующие века Русское государство представляет собою одно из царств-наследников Золотой Орды и принадлежит по преимуществу к той системе государств, которая образовалась в результате распада Золотоордынской державы; 3) к XIX в. Россия воспроизводит и восстанавливает (в геополитическом смысле) Золотоордынскую державу XIII—XIV вв. (а отчасти и Великую Монгольскую державу этого времени). Так принадлежность к золотоордынской геополитической системе и сопряженность с нею красной нитью проходит в русской истории последних столетий. В этом смысле значение Золотоордынской державы в русской истории не меньше значения империи Карла Великого в истории европейской.
39. При рассмотрении этой схемы нужно иметь в виду указанные выше случаи «запаздывания» и «предварения» эволюции.

Духовенство и реформа приходской жизни. 1861—1865

Ю. Освальт

В новейшей литературе активно обсуждается вопрос о характере и значении реформ Александра II. Особенно важным представляется наблюдение, что отмена крепостного права повлекла за собой реформу во всех областях государственного устройства и общественной жизни¹. При перечислении затронутых реформами сфер не упоминается церковно-приходская жизнь. Это объясняется прежде всего тем, что история церкви в России XIX в. мало изучена. Советская историография если и обращала внимание на церковь в этот период, то лишь для того, чтобы показать реакционную роль представителей духовенства, которые «неизменно поддерживали наиболее консервативно настроенных дворян-помещиков»². Правда, в сборнике «Русское православие. Вехи истории» при рассмотрении истории участия православной церкви в преобразованиях середины прошлого века затрагиваются некоторые аспекты государственной политики по отношению к православной церкви³.

На деятельность тех членов православной церкви, особенно из приходского духовенства, которые приветствовали отмену крепостного права, мало кто в историографии обращал внимание, хотя уже в труде Г. Флоровского содержалась оценка общественной деятельности православного духовенства в эпоху реформ: «С большим вниманием в это время обсуждаются и все вопросы, связанные с устройением или восстановлением приходской жизни, с открытием братств и сродных им обществ... Это был первый открытый опыт социально-христианской работы». Флоровский отмечал, что эта деятельность встретила «сопротивление со стороны светской администрации, опасавшейся чрезмерной активности духовенства, и широко задуманный план церковно-социально-карикативной работы был смят»⁴.

Для исследования этого аспекта церковной жизни самый богатый материал дают церковные журналы, основание которых свидетельствует о том, что ряд духовных лиц отозвался на призыв гласно обсудить социальные проблемы. За 1855—1865 гг. было начато издание девяти таких журналов, помимо полуофициальных «Епархиальных ведомостей». Вопреки бытующему в так называемом просвещенном, или прогрессивном, обществе мнению, что церковь закаменела в формализме и обрядности, благодаря открытию этих журналов создавалась церковная общественность: епископы, монахи, приходские священники, миряне заявляли, что церковь готова поддерживать реформы, что «церковь не реформирует мир, но способствует реформам, которые полезны человеку»⁵.

Одним из самых активных иерархов-журналистов являлся Григорий Постников⁶. Основанный им в 1821 г. журнал «Христианское Чтение» с 1855 г. стал

Освальт Юлия — доцент Франкфуртского университета, автор книги «Церковный приход и освобождение крестьян».

платформой для обсуждения церковно-общественных вопросов. В 1855 г. под руководством того же Григория, в то время архиепископа Казанского, при Духовной академии в Казани начал выходить журнал «Православный Собеседник». Сразу же стало ясно, что издатель поставил перед собой задачу умственного и нравственного развития духовенства. В первом номере журнала содержалось жизнеописание Феофилакта Болгарского (ум. в 1107 г.), в котором особенно подчеркивалось, что Феофилакт требовал от священников, чтобы они были «мудры в делах не только духовных, но и мирских», что он не допускал вмешательства мирских властей в назначения на церковные должности⁷. Так, пока еще косвенно и осторожно, было обращено внимание на проблемы отчужденности церкви от общества и обременительность вмешательства государства в ее дела.

После перевода на кафедру Новгородскую и Петербургскую, теперь уже митрополит, Григорий в 1858 г. учреждает журнал «Духовная Беседа». В первых же статьях его обсуждается вопрос ответственности церкви перед обществом. Долг священника состоит, по мнению журнала, в том, чтобы действовать в миру, разделять нужды и проблемы прихожан.

По сравнению с «Православным Собеседником» 1855 г. «Духовная Беседа» обращается непосредственно к проблемам современности. Касаясь актуального тогда вопроса, как православный христианин должен оценивать достижения науки и цивилизации, журнал стремится внушить читателям, что «не гражданственность отрицаем, а ложное ее направление, не ученость осуждаем, а гордость, в которую любит облекать себя ученость, не любомудрие отвергаем, а умничание и возношение на разум Божий»⁸.

Издатели почти единодушно объясняли появление новых духовных журналов указанием на то, что «в то время, когда государственная власть и само общество заняты мыслью о благе народном, православная церковь, обладающая драгоценным сокровищем, назначенным для блага целого человечества, не может не высказать и своей собственной заботы о благе того народа, среди которого она живет»⁹. Так говорится в первом номере журнала «Православное Обозрение», который был основан в 1860 г. в Москве по благословению митрополита Филарета¹⁰. Редакционная коллегия журнала, главным редактором которого являлся Н. А. Сергиевский, профессор богословия Московского университета¹¹, состояла из представителей ученого белого духовенства.

В январе 1860 г. в Петербурге стал выходить журнал «Странник». По мнению его редколлегии, странник — это богослов, борющийся с атеизмом, странник — это священник, который работает на благо и устройство данного ему прихода, странница — это женщина, употребляющая свои силы на служение нуждающимся, странник — труждающийся для развития умственных и нравственных сил в народе. Странник — это христианин, исполняющий закон Божий в служении обществу¹².

Такое необычное в то время внимание церковных деятелей к мирским делам вызвало спор об отношении православия к современности. Поводом послужило в 1860 г. дело архимандрита Феодора Бухарева¹³. Он утверждал в «Страннике», что христианство не есть некая мечтательность вне сферы нашей действительности, о чем непосредственно свидетельствует пример самого Спасителя, добровольно подвергнувшего себя всем условиям земной юдоли. Такой, в то время радикально новый для православного сознания, подход получил поддержку в московском «Православном Обозрении», в петербургском «Страннике» и обратил на себя внимание светских журналов.

Против него резко выступил А. С. Аскоченский, редактор петербургского журнала «Домашняя беседа», который создал себе репутацию ультрареакционного. Поэтому вначале никто особенно и не обращал внимания на его выпады против Феодора. Но позиция Аскоченского, который обвинял его в профанировании православия, смешении учения церкви с современной проповедью материализма и сенсуализма, получила поддержку тех кругов, которые всякое движение мысли и духа осуждали как нигилизм и материализм.

Так как спор захватывал все более увеличивавшийся круг лиц и возникла угроза вмешательства синодальной бюрократии, митрополит Филарет, старавшийся где только возможно уберечь церковную жизнь от такого рода вмешательств, посоветовал митрополиту Исидору¹⁴ в Петербурге, симпатизировавшему «Домашней беседе», воздействовать умиротворяюще на Аскоченского, а сам обратился

в «Православное Обозрение» с просьбой прекратить спор. На духовных журналистов дело Фёдора произвело отрезвляющее действие. Они поняли, что иерархия в целом будет очень настороженно относиться к их намерениям и что большая часть паствы не готова поддержать их идеи. Такие выводы оказали влияние на дальнейшее содержание журналов.

Спор об отношении православия к современности уже притих, когда в Петербурге появился в 1861 г. журнал «Дух Христианина». В первой же статье он объявлял: «Мы желали бы, чтобы наш журнал был прежде всего отголоском современной жизни»¹⁵. Его редакционная коллегия состояла из четырех приходских священников¹⁶. По своему практическому опыту они могли увереннее оценивать смысл современности, под которой понималась жизнь, отчужденная от церкви. Они определяли церковный приход как место, где по своему существу церковь встречается с миром, православие — с современностью. Важной предпосылкой реформы церковного прихода они считали создание образа приходского священника, который уже не только как исполнитель треб служит своему приходу, но имеет все качества просветителя, одновременно исполняющего социально-благотворительные задачи.

В первом же номере «Дух Христианина» поместил обзор духовных журналов 1860 г., дав высокую оценку журнала «Руководство для сельских пастырей», выходившего с 1860 г. в Киеве: «Ни один журнал не шел так твердо и верно раз определенным путем... Метко угаданные потребности духовенства и народа в их взаимном соотношении определили характер и направление журнала»¹⁷. В этой оценке издатели «Духа Христианина» выразили и свои намерения, отмечая свое духовное родство с киевским журналом.

Все толстые журналы имели отдел под названием «Смесь», или «Хроника», или «Письма из провинции» и т. п., в котором преимущественно обсуждались приходские проблемы и помещались письма читателей с указанием, что они не обязательно соответствуют мнению журнала. Журналы, особенно в 1860—1865 гг., создавали возможность поиска путей к реформе православного прихода вопреки бюрократическому синодальному аппарату, который тормозил внутрицерковное движение.

Приходскую реформу можно было провести с успехом, только обсудив в печати недостатки приходской практики, что опять-таки вызвало возмущение в тех кругах, которые считали, что открытая дискуссия повредит церкви в целом, а это пробудило подозрение обер-прокурора Синода, не без основания усмотревшего в этих планах подрыв юридических норм приходской деятельности¹⁸.

Дальнейший ход дискуссии был связан с отменой крепостного права.

В государственных комитетах и в светских общественных кругах мало кто обращал внимание на то, что в связи с предстоящими реформами крестьянину придется столкнуться с вопросами, которые прежде за него решал помещик (школьное обучение, попечительство о бедных, больных и престарелых, проблема нравственности в семейных отношениях). Сторонники реформ из числа духовных журналистов обращали внимание как раз на эти задачи, призывая церковную общественность к сотрудничеству для создания условий, при которых раскрепощенный крестьянин мог бы развивать свои умственные и духовные способности, «ибо освобождение не много принесет пользы крестьянину, пока он сам не поймет разумно своего положения в мире и обществе»¹⁹.

Духовные журналисты старались представить на страницах журналов, по возможности, реальную картину крестьянского быта. Умственное и нравственное состояние крепостного населения давало им мало надежд на то, что крестьянин сам сможет определить свое новое положение в обществе. Священники, публиковавшие свои наблюдения, видели причины такого состояния прежде всего в крепостном строе. «Дух Христианина» приводил сообщения из провинции, как притеснял помещик священника, старавшегося обучить свою паству хотя бы элементарным понятиям веры. Знакомя читателей с мрачной картиной жизни крепостных и угнетающих их владельцев, духовные журналы в то же время подавали надежду, что священники в приходах возьмут в свои руки заботу об укреплении семейных отношений, а также попечение о больных и престарелых и развитие школы для крестьян и их детей.

Священники с мест не разделяли той оценки русской семьи, какая была свойственна славянофилам. Наоборот, они рассказывали о разложении семейных устоев под воздействием крепостных отношений. В крестьянских домах муж часто становился деспотом по отношению к своей семье, «где смотрят на женщин как на

рабынь..., где женщина — мать семейства — является или рабой безответною, бесправною, запуганною, униженною, или рабой злой, ожесточенной... В том и другом случае влияние ее на домочадцев не может не быть дурным... На всю жизнь портится характер людей, первые лета которых протекли среди брани, проклятий и колотушек»²⁰.

Духовные журналисты отмечали, что превратные понятия о роли женщины были распространены и среди духовенства, где еще бытовали представления времен Даниила Заточника (XII в.) или Домостроя (XVI в.). В журналах подвергалось критике такое восприятие этих источников, способных служить всего лишь отражением нравственного состояния общества своего века²¹. Духовные журналисты требовали развивать в женщине сознание ее ценности и ссылались при этом на Евангелие, которое не допускает разной оценки мужчины и женщины.

Следующий комплекс проблем, широко обсуждавшийся на страницах духовных журналов, охватывал область социально-карикативной работы. До середины XIX в. в приходах не велась попечительская работа: еще в петровском законодательстве эта задача была возложена на монастыри²². Результатом того, что не по месту жительства мог нуждающийся обратиться за помощью, явились скитания нищих по всей империи. Попытки государственными указами ограничить их численность, особенно запрещения им обитать в столицах, не принесли успеха. Возникали подпольные организации, описанные в «Православном Обозрении»: «Ищущие помощи обманывают и того, у кого просят засвидетельствований о их бедности и добром поведении, обманывают и благотворителя... Есть целые компании..., они сочиняют письма, пишут свидетельства, подписывают и утверждают их казенными или церковными печатями»²³. Такие факты журнал объясняет в первую очередь тем, что нуждающихся лично никто не знает, а поэтому и благотворительные общества не имеют возможности различить, просит ли тунеядец или действительно нуждающийся.

К недостаткам попечительного дела прибавились проблемы, возникшие после освобождения крестьян потому, что помещик перестал являться лицом, обязанным по закону заботиться о престарелых и больных из числа своих крепостных. Все это вместе взятое заставляло задуматься, какие же возможности имеет приход для попечения о нуждающихся его членах. По мнению духовных журналов, священник лучше, чем кто-либо, может различить нуждающихся и лиц, которых словом и советом можно направить на занятие полезным делом.

Оживлению приходской самодеятельности духовные журналы старались способствовать путем помещения корреспонденций священников, работавших за границей. Из Стокгольма священник И. Толмачев сообщал в «Духе Христианина», что в Швеции попечительство о нуждающихся возлагается на приходы. Другой священник, А. Попов, писал из Лондона, что образование и попечительство ставят перед приходом одни и те же задачи и в Англии и в России²⁴.

«Православное Обозрение» в 1862 г. сообщало об А. Сивекинг из Гамбурга, которую корреспондент ставил в пример как «истинную сестру милосердия — лучшую диакониссу нашего времени, хотя она и не носила монашеской одежды и не принадлежала ни к какому монашескому ордену». Священник И. Базаров писал из Штутгарта о пасторе Г. Вернере, учредившем братский дом. Все эти статьи подчеркивали «необходимость соединения всех сословий в общественных делах христианского милосердия»²⁵, которое не должно оставаться уделом монастырей и лишь в очень неполной мере проявляется в деятельности бюрократически учрежденных благотворительных обществ.

Задачи, возлагавшиеся духовными журналами на приход, не могли быть решены без просветительной работы духовных лиц. В момент, когда учреждались духовные журналы, во многих приходах по всей России уже существовали приходские школы. Священники, стремившиеся помочь крестьянам стать свободными сельскими обывателями, предлагали им самим и их детям учиться грамоте. Часто приходилось убеждать прихожан в пользе грамотности; если это удавалось, в доме священника начинались уроки. Все необходимое для этого священник обычно заводил на собственные средства. За 1859—1860 гг. в одной только Киевской епархии число таких школ возросло со 151 с 3625 учениками до 885 с 16 530 учениками²⁶. То же наблюдалось в других епархиях.

В достоверности этих цифр можно сомневаться, но тот факт, что между

Министерством народного просвещения и Синодом разгорелся спор, какому ведомству эти школы должны принадлежать, служит доказательством значимости этого движения. Синод требовал, чтобы они состояли в его ведении, потому что священники не должны служить «двум господам», и ссылался на то, что в священниках угаснет ревность к школьному делу, если они будут подчинены чуждому им бюрократическому аппарату. Министерство же стремилось подчинить себе все начальные школы, не исключая приходских.

В середине XIX в. в обществе широко обсуждались педагогические методы и считалось, что в преподавании должны применяться хотя бы элементарные педагогические знания, что предполагало контроль Министерства народного просвещения за всеми народными школами, без чего нельзя было рассчитывать на политическую благонадежность каждого, кто стремился обучать народ грамоте. Подчинить школы, возникшие в приходах, министерство стремилось еще и потому, что в то время профессиональных народных учителей практически не было. И в школах нецерковных ведомств во многих случаях преподавателями являлись те же священники²⁷. Из-за соперничества двух ведомств ни с одной, ни с другой стороны не были приняты меры, чтобы поставить школьное дело на более прочную основу.

Царский указ от 18 января 1862 г., согласно которому церковные школы оставались в ведении Синода, а там, где их нет, утверждались школы Министерства народного просвещения, мало способствовал тому, чтобы школы, учрежденные в приходах, получили материальную поддержку правительства²⁸. Не имея ее, школы, учрежденные священниками, еще и подвергались критике со стороны различных общественных течений.

Из среды немногочисленных профессиональных педагогов раздавались голоса, что безответственно оставлять дело народного просвещения в руках людей, не имеющих представления о современной педагогике. Более радикальные педагоги требовали закрыть приходские школы, ибо «поповство» воспитает народ в реакционном духе и он останется апатичным к общественным вопросам²⁹. Духовные журналы настаивали, чтобы приходские школы были защищены от вмешательства бюрократии. «Представляется ненужным заводить каких-либо особых окружных инспекторов, губернских или областных надзирателей и т. д.», — писало «Православное Обозрение». «Деньги, и конечно немалые, которые были бы употреблены на содержание этих совершенно бесполезных лиц, несравненно с большею пользою могут быть обращены на покупку книг и других учебных пособий»³⁰. Приходские школы должны быть подчинены надзору только епархиального епископа.

К другим направлениям в народном просвещении «Православное Обозрение» относилось терпимо: «А не лучше ли всем ревнителям народного образования, согласным в добром желании просвещать народ, но несогласным в мнениях, как и чем нужно просвещать его, вместо того, чтобы ссориться, браниться, мешать друг другу, не лучше ли разойтись и делать каждому свое дело?». Автор этой статьи считал, что народ сам выберет ту школу, которая удовлетворит его потребности, и это, конечно, будет та школа, которая зиждется на религиозном принципе³¹.

Первоначально власти не реагировали на либеральные воззрения, распространявшиеся духовными журналами, но и официальной поддержки приходские школы не получали ни тогда, ни в дальнейшем, даже в условиях, какие создавались с 1866 г., когда Д. А. Толстой совмещал должности обер-прокурора Синода и министра народного просвещения. Лишь при К. П. Победоносцеве приходские школы отошли в ведение Синода, их работа была упорядочена — бюрократическими мерами, но не в том духе, какой стремились поддерживать в них церковные журналисты. Поначалу в приходском школьном деле все зависело как от священника, так и от интереса, который к этому делу проявляло епархиальное начальство. Духовные журналы критически относились к тем иерархам, которые своими предписаниями приказывали священникам открывать приходские школы, предупреждая, что таким бюрократическим путем насажденные школы не дадут ожидаемых результатов³².

Размышления духовных журналистов над задачами, поставленными жизнью перед церковью в области семейных отношений, в социально-карикативной работе и в деле народного просвещения, приводили к заключению, что исходным пунктом должна быть реформа церковного прихода. В связи с этим обсуждалась проблема

оживления приходской жизни, так как приход считался подходящей общественной единицей, где крестьян можно научить заботиться о себе, о своей семье, о нуждающихся из их непосредственного окружения. Оптимизм тех авторов, которые считали, что уничтожение крепостного права открыло возможности «оживить и возвысить значение... приходов», в большой мере питался надеждой, что бюрократические рамки раздвинутся и это даст простор самоуправлению, самодеятельности всех общественных сил.

Параллель между дворянским стремлением к самоуправлению, выразившимся в требовании устройства земских учреждений, и начатками приходского самоуправления очевидна. Сторонники реформ из церковной среды видели преимущество прихода над всеми новыми общественными организациями в том, что приход есть органически выросшая единица, которую нужно лишь очистить от наростов и наполнить новой жизнью. В повреждении церковного прихода обвиняли преимущественно петровское законодательство, которое уничтожило бессословный характер прихода, тогда как все его члены должны быть «равны перед Богом» независимо от их сословной принадлежности³³.

Самый основательный анализ влияния петровского законодательства на приход давался в «Православном Собеседнике» П. Знаменским, профессором истории церкви Казанской духовной академии³⁴. Он показал, что сословное законодательство Петра I привело к замкнутости сословий и таким образом отделило духовенство от народа. Кроме того, произведенная им централизация государственного аппарата строилась на привилегиях, нарушавших равноправные отношения между общественными единицами, что особенно ощутимо изменило характер церковного прихода. Конечно, цели реформы приходов в начале XVIII в. не противоречили церковному идеалу, но метод ее проведения не соответствовал внутренней церковной жизни. «Государственный принцип, развитый в законодательстве Петра до последней крайности, как только проникал в церковную сферу, везде производил вредные действия; он ослаблял духовный характер церковной деятельности, сообщал ей официальное, приказное значение, делал ее своим орудием», — писал «Православный Собеседник»³⁵.

Особенно тягостно ощущалась двусмысленность положения духовенства, которое, с одной стороны, уже не путем избрания, а по бюрократическому назначению поступало на приходскую службу, а с другой — его благосостояние зависело от прихожан. Для улучшения материального положения приходского духовенства при Екатерине II было указано предоставлять священникам на содержание по 33 дес. земли. Это ставило приходское духовенство в зависимость от учреждений, распоряжавшихся землей³⁶. Нелегко в условиях крепостного строя складывались его отношения и с помещиками. Священнику трудно было блюсти свой пастырский авторитет при помещике, от которого он материально зависел. Неудивительно, что отмена крепостного права приветствовалась на страницах духовных журналов и как освобождение духовенства.

Выступления духовных журналистов не оставляют сомнений, что они отвергали превращение церковного прихода в бюрократическую единицу, а священника — в государственного чиновника. Поэтому поддержку реформы прихода духовные журналы искали не в Синоде, а у приходских священников. В корреспонденциях с мест говорилось о первых шагах их приходской деятельности. Некоторые священники писали, как они после литургии обращались к верующим со словами, что пришло время им самим позаботиться о нуждающихся из их прихода. Они устраивали сбор средств и по указанию прихожан раздавали эти средства нуждающимся, при гласной отчетности. В других случаях прихожане образовывали органы, готовые помочь священнику в его школьной и благотворительной работе, — приходские советы, приходские попечительства или церковные братства.

Название «церковное братство» особенно часто применялось в Киевской епархии, где еще были живы воспоминания о братствах XVI и XVII вв., которые заботились о нуждах православных — подданных Речи Посполитой. Эти братства свидетельствовали о том, что в православной церкви существует возможность свободного объединения духовенства и мирян всех сословий и любого происхождения для «нравственного и экономического сближения людей достаточных с бедными и пресечения того зла, какое производит неравенство общественных состояний»³⁷.

В сообщениях из провинции, публиковавшихся духовными журналами,

говорится о тех трудностях, которые стояли на пути к оживлению приходской жизни. Новоучрежденные церковные братства встретили сопротивление со стороны тех, кто увидел в них конкурентов. Печатались, в частности, жалобы на мировых посредников и представителей крестьянского схода, волостных старшин, которые мешали братствам, особенно когда речь шла о заведении школы. Это столкновение было неизбежно потому, что те же задачи — учреждение школы и попечительство о нуждающихся — по закону возлагались на мировых посредников и волостных старшин.

Первые шаги по реформированию приходской деятельности не всегда отвечали намерениям духовенства. Менее всего, может быть, можно отнести к общественному движению начинание попечителя Виленского учебного округа князя А. П. Ширинского-Шихматова по созданию братства представителей высшего общества для поддержки православных приходов и русского элемента на западных окраинах империи, где среди высших слоев преобладали католики. Ширинский-Шихматов призывал высшее общество Петербурга, Москвы и других больших городов объединиться в братство для поддержки православного населения в Литве. С тех пор учреждение подобных братств вошло в моду ³⁸.

Иначе была поставлена работа в московских приходах. В 1864 г. там уже существовало семь «попечительных советов о приходских бедных». Первую попытку в этом роде предпринял священник А. Ключаров ³⁹, один из издателей «Духовной Беседы», который в 1862 г. учредил попечительный совет при Казанской церкви у Калужских ворот. Он отмечал, что живой интерес среди прихожан вызвала статья священника М. Сперанского «О христианской добродетели». Многие предложили свою помощь при организации попечительства. У Калужских ворот, на краю города, жила беднота, и многие прихожане там нуждались в помощи. Деятельность попечительства одобрил митрополит Московский Филарет: «Распространение приемлемого образа действия в сравнении со случайным подаванием в неизвестные руки, без сомнения, удобнее и вернее может открывать, отличать истинно нуждающихся, а других располагать и направлять к посильным полезным занятиям» ⁴⁰.

Благотворительная работа заключалась в том, чтобы помочь нуждающемуся найти путь для приложения собственных сил к улучшению своего положения, а также использовать возможности для самопомощи. Попечительства заботились о воспитании и обучении детей бедствующих семей, стремясь предотвратить нужду в будущем. Приходы с попечительствами подыскивали работу для безработных. Все это говорит о том, что духовенство, принявшее участие в социально-карикативном движении, разделяло оценку возможностей человека, характерную для эпохи Просвещения ⁴¹.

Большое внимание уделяли духовные журналы деятельности о. Александра (А. В. Гумилевского) в Петербурге. Начав с братской трапезы, он учредил в своем приходе 7 апреля 1863 г. братство Христова-Рождественской церкви на Песках, которое в течение года открыло небольшую приходскую больницу, старческий дом, два детских дома и библиотеку. Братство располагало капиталом в 6 тыс. руб. серебром; ему был пожертвован большой участок земли. К обработке ее старались привлечь тех в приходе, кто не мог ничего пожертвовать, чтобы таким образом дать им возможность принимать посильное участие в братском деле ⁴². Этот пример приходской деятельности привлекал внимание духовных журналистов.

Противопоставляя созданное Гумилевским братство нецерковным обществам благотворительности, «Православное Обозрение» подчеркивало, что к успехам его привела «не боязнь разных социальных движений или революций», не «стремление ослабления пролетариата» и не «интерес богачей, охраняющих себе безопасность в будущем», а братский союз тех, кто занимается благотворительностью исключительно из христианского милосердия к ближнему. И тех, кто «скорбят о разобщении высших классов и народа», призывали в приходские братства, где сближение всех слоев общества действительно возможно ⁴³.

Оценка деятельности братства со столь социально вызывающими акцентами больше вредила, чем помогала о. Александру. Правительство опасалось такого движения среди духовенства, и о. Александр был переведен из Петербурга в Нарву ⁴⁴. Судьбу его разделил и его журнал: «Дух Христианина» перестал выходить в 1865 году.

Если священники в приходах пользовались доверием прихожан, то вне их на

это внутрицерковное движение смотрели скорее без доверия. Представители материалистического мировоззрения считали, что церковная каритативная работа только задерживает движение человечества к лучшему будущему. Не сочувствовали такого рода деятельности и лица, формально относившиеся к вопросам веры и видевшие в едва начатой реформе разлад церковной жизни. Но не эти настроения в конце концов привели к тому, что инициатива в приходах затихла. Синод не был готов допустить подобные преобразования, распространявшиеся, как сообщали духовные журналы, и в провинции.

Анализ мер по реформированию церковного прихода, принятых правительством, свидетельствует, что он воспринимался только как орган отправления религиозных потребностей подданных. Это противоречило идеалу церковных преобразователей: приход как свободное объединение лиц на евангельских началах. К тому же власти с тревогой следили за приходским каритативным движением, лишенным той централизованности, которая гарантировала бы им контроль над происходящими переменами. Поэтому правительство считало необходимым взять это дело в свои руки⁴⁵.

В первую очередь это касалось материальной стороны приходской жизни. Использование земли Петербургским братством не соответствовало земельному праву даже и после 1861 года. Освобождение крестьян не превратило их в собственников обрабатываемой ими земли. Приходские священники фактически нарушали действующее земельное право, приобретая для каритативных целей землю и призывая прихожан, включая сельских, пользоваться ею на условиях, которые им были вне прихода не доступны. Со своей стороны, священники жаловались на вмешательство мировых судей и волостных старшин в приходские дела. На первых порах после реформы 1861 г. на всех должностных лиц возлагалось попечение о школе, но так как нужные для нее средства полагалось изыскивать на местах, возникала новая область соперничества между церковным приходом и волостным и мирским управлением.

Со времени учреждения Синода забота о материальном быте духовенства воспринималась как задача государственная. В дискуссиях середины XIX в. о способах улучшения материального положения духовенства обнаружили два течения. Сторонники одного из них требовали решить проблему назначением жалованья от казны. Но такая радикальная перемена традиционной системы окончательно превратила бы священника в чиновника. Сторонники более традиционного подхода искали иные пути.

Для подготовки приходской реформы 28 июня 1862 г. было учреждено «Особое присутствие для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства»⁴⁶. За деятельностью присутствия следили духовные журналы, особенно «Православное Обозрение», озабоченное тем, как бы меры правительства не подавили приходскую инициативу, которая только начинала проявляться. Особое присутствие выработало два акта. 8 мая 1864 г. был принят устав «О правилах для учреждения православных братств», задним числом утвердивший ту деятельность в приходах, которая строилась на добровольном сотрудничестве. Второй устав, «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» (2 августа 1864 г.), создавал условия для проведения государственной воли в жизнь церковных приходов, делая волостных и сельских старшин непременно членами этих попечительств.

По общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, волости следовало устраивать согласно разделению на приходы («из каждого прихода образуется волость»)⁴⁷. Такое территориальное совпадение церковной и административной единиц, особенно когда все местные жители принадлежат к одному вероисповеданию, было бы естественным, если бы не та двусмысленность, что волость представляла собой деление не географическое, а чисто сословное: ни дворяне, ни духовенство не были представлены в волости. Если в приходе объединялись все сословия, то в попечительстве волостной старшина по закону должен был сотрудничать с дворянином — своим бывшим хозяином, в то время как с делами волости он должен был управляться самостоятельно.

«Устав о братствах» вводился в действие там, где прихожане были готовы к добровольному сотрудничеству со священником; там же, где это условие отсутствовало, учреждались попечительства. Такая двойственность вызывалась прежде всего стремлением Министерства внутренних дел укрепить позиции православного элемента на западных окраинах империи. На практике попечительство

могло действовать также и в том случае, если священнику удавалось привлечь к добровольному сотрудничеству своих прихожан, а это осложнялось необходимостью уговаривать в первую очередь волостного старшину.

Если верить существующим подсчетам, то попечительства были учреждены в 20% приходов⁴⁸. Весьма индифферентно к проведению в жизнь «Положения о попечительствах» относилось и большинство иерархов⁴⁹. Безуспешность насаждения попечительств заставила правительство пойти по другому пути. В юго-западных губерниях оно ввело особый поземельный сбор взамен существовавших там натуральных повинностей прихожан в пользу местного православного духовенства; изменился и «порядок устройства православных церквей» в девяти западных губерниях⁵⁰.

Попытки правительства развить приходскую жизнь не дали желаемых результатов. Так как оно преследовало лишь политические цели (соединение волости с церковным приходом, укрепление православного элемента в губерниях с преобладанием католической церкви), оно было не в состоянии терпеливо дожидаться плодов общественного движения, которое зарождалось в церковных приходах и поддерживалось духовными журналами. Причина заключалась главным образом в том, что в противоположность властям внутрицерковное движение поначалу ставило целью освободить церковную жизнь от бюрократической опеки и пробудить сознание, что развитие приходской жизни — задача общественная, а не государственная. Потребность в этом проявилась, когда духовные круги поняли, что законодательные меры по отношению к церкви будут неизбежно расходиться с духом Евангелия.

В стремлении освободить общественную деятельность от такой опеки церковные преобразователи были не одиноки. Такое же движение охватило дворянство после отмены крепостного права⁵¹. Те же нормы, которые ограничивали самоуправление дворян, определяли и законодательство по отношению к приходу. Нацеленность «Положения о земских учреждениях» и «Положения о церковных попечительствах», изданных в 1864 г., обнаруживает их сходство. Оба акта отражают коренную проблему, вставшую перед правительством в связи с отменой крепостного права: как удержать общественные силы, заявившие о себе в органах самоуправления, в пределах, не угрожающих сохранению самодержавия⁵².

В середине прошлого века старания духовенства совместно с мирянами оживить приходскую жизнь имели ограниченный успех. Должную оценку эти начинания получают, если учесть, что этот опыт использовался в ходе Поместного Собора Русской православной церкви 1917—1918 годов. Выработанный им новый устав предполагал освобождение прихода от государственной опеки и давал простор для развития приходской братской жизни.

Примечания

1. ЗАХАРОВА Л. Г. Самодержавие и реформы 60-х годов XIX в. в России.— Вопросы истории, 1989, № 10, с. 20.
2. ГРЕКУЛОВ Е. Ф., ПЕРСИЦ М. П. Усиление идеологического влияния церкви в пореформенный период. В кн.: Церковь в истории России XIX в.— 1917 г. М. 1967, с. 227.
3. ЛИТВАК Б. Г. Русское православие в XIX веке. В кн.: Русское православие. Вехи истории. М. 1989.
4. ФЛОРОВСКИЙ Г. Пути русского богословия. Париж. 1931, с. 341—342. Об истории церкви в царствование Александра II см.: FREEZE G. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. New Jersey. 1983.
5. Православное Обозрение, 1861, № 4, с. 348.
6. См. о нем: SMOLITSCH I. Geschichte der russischen Kirche. 1700—1917. Leiden. 1964, S. 297.
7. Православный Собеседник, 1855, № 1.
8. Духовная Беседа, 1858, № 2, с. 69.
9. Православное Обозрение, 1860, № 1, с. 69—70.
10. См. о нем: ФЛОРОВСКИЙ Г. Филарет, митрополит Московский.— Путь (Париж), 1928, № 2; ИВАНОВ В. Становление богословской мысли в Московской духовной академии, 1814—1870. В кн.: Богословские труды. Юбилейный сборник. М. 1986.
11. См. о нем: КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Письма, дневники, афоризмы об истории. М. 1968, с. 32—36.
12. Странник, 1860, январь, с 1—11.

13. См. о нем: ФЛОРОВСКИЙ Г. Ук. соч., с. 346; SMOLITSCH I. Op. cit., fn. 7. Статьи его были изданы в виде сборника «О православии в отношении к современности» (СПб. 1860).
14. См. о нем: Русский биографический словарь. Репринт. Нью-Йорк. 1962.
15. Дух Христианина, 1861, № 2, с. 1—7.
16. Д. И. Флоринский, А. Гумилевский, И. Флеров, И. Заркевич (см. SMOLITSCH I. Op. cit., S. 514).
17. Дух Христианина, 1861, № 1, с. 13.
18. См. БАРСУКОВ Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 15. СПб. 1900, с. 150.
19. Дух Христианина, 1862, июль, с. 838 и др.; Руководство для сельских пастырей, 1860, № 3, с. 133.
20. Дух Христианина, 1862, август, с. 838 и др.
21. См. там же, с. 843.
22. ВЕРХОВСКОЙ П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов-н/Д. 1916, с. 101.
23. Православное Обозрение, 1862, июнь, т. 8, с. 226.
24. Дух Христианина, 1862, № 3, с. 153; Православное Обозрение, 1862, № 3, с. 72 и др.
25. Православное Обозрение, 1862, май, с. 67; там же, 1862, октябрь. Заметки, с. 68; Странник, 1860, апрель, V, с. 42.
26. БЛАГОВИДОВ Ф. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань. 1891, с. 15.
27. См. Проект устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения.— Журнал Министерства народного просвещения, 1860, т. 106.
28. ЧАРНОЛУСКИЙ В. Начальное образование во второй половине XIX столетия. В кн.: История России в XIX веке. Т. 8. СПб. Б. г., с. 127.
29. БЛАГОВИДОВ Ф. Ук. соч., с. 27.
30. Православное Обозрение, 1862, т. 7, с. 34.
31. Там же. Заметки, с. 8; т. 8, с. 35.
32. ЧАРНОЛУСКИЙ В. Ук. соч., с. 128.
33. Православное Обозрение, 1862, т. 7, с. 127; Христианское Чтение, 1863, т. 1, с. 141.
34. См. ЗНАМЕНСКИЙ П. Приходское духовенство в России во времена Петра Великого. Казань. 1873.
35. Православный Собеседник, 1863, т. 11, с. 148.
36. SMOLITSCH I. Op. cit., S. 501.
37. Православное Обозрение, 1862, апрель. Заметки, с. 238.
38. Там же, 1863, сентябрь. Заметки, с. 68.
39. О нем см.: FELMY K. Chr. Predigt im Orthodoxen Russland. Göttingen. 1972, S. 99.
40. Дух Христианина, 1862, май, с. 395.
41. SCHERPNER H. Theologie der Fürsorge. Göttingen. 1962, S. 121.
42. Православное Обозрение, 1864, июнь. Заметки, с. 108.
43. Там же, 1865, сентябрь. Заметки, с. 71.
44. Влиятельным друзьям удалось выхлопотать ему разрешение возвратиться в столицу, но уже не в прежний приход, а священником в Обуховскую больницу. Там он заразился тифом и умер в 1869 году. В некрологе «Христианское Чтение» сообщало, что старожилы Петербурга не помнят такого многочисленного стечения народа при погребении самых знатных лиц, какое им пришлось видеть при погребении Гумилевского. Гроб его несли лица всех званий и состояний (Христианское Чтение, 1869, № 1, с. 1020).
45. ПАПКОВ А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России.— Русский вестник, 1900, март, с. 144.
46. РУНОВСКИЙ Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань. 1898, с. 51.
47. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Разд. II, п. 44. (ПСЗ, № 36657).
48. 38 613 церквей, 7502 приходских попечительства (см. SMOLITSCH I. Op. cit., S. 709; РУНОВСКИЙ Н. Ук. соч., прим. 58).
49. Православное Обозрение, 1865, февраль. Заметки, с. 103.
50. О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края, 7.II.1867 (ПСЗ, № 45 252).
51. EMMERS T. The Russian Panded Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge. 1968, p. 82.
52. STARR S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton. 1972, p. 71.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

«Шлюссштайн»

А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков

27 августа 1918 г. в Берлине РСФСР и Германия подписали Добавочный договор и секретные ноты к нему. В одной из них определялась программа действий двух стран в борьбе с войсками Антанты на Мурмане. В Берлине тогда считали, что тем самым решится судьба операции «Шлюссштайн» («Заключительный камень»). Даже из опубликованных наркоминделом СССР Г. В. Чичериным в 1925 г. воспоминаний опускались при переизданиях без всяких оговорок те несколько строк, которые касались данного сюжета, ибо они отчасти подтверждали высказывавшуюся на Западе точку зрения, что большевистский режим удержался в первые месяцы своего существования во многом благодаря немецким штыкам.

Все началось с высадки в марте 1918 г. в Мурманске воинских частей Антанты. Возможность их продвижения на юг беспокоила немцев. Берлин потребовал от правительства РСФСР изгнать союзнические отряды, а факт наличия их на Мурмане рассматривался и как угроза интересам Германской империи, и как повод оказать давление на Москву. Вильгельм II писал в мае 1918 г., что невыполнение требования Германии предоставляет ей возможность начать снова войну с Россией. Немецкая сторона разрабатывала и такой вариант: совместное советско-финляндское наступление на части Антанты. Подобная же мысль пришла в голову полпреду РСФСР в Берлине А. А. Иоффе. Но Чичерин, когда к нему за комментариями обратился германский посланник в России граф В. Мирбах, отнесся к этой идее скептически, ибо такая операция стала невозможной после подавления в мае 1918 г. революции в Финляндии.

Москва поначалу не предпринимала активных шагов по удалению войск союзников с Кольского полуострова. Но в мае предсовнаркома РСФСР В. И. Ленин решил уступить германскому нажиму, хотя к изгнанию антантовских войск с Мурмана пока не приступили: подавление вспыхнувшего в конце мая мятежа чехословацкого корпуса отнимало почти все силы. Ситуацию в России германское имперское руководство и верховное командование досконально обсудили 2—3 июля в бельгийском городке Спа и решили «побудить правительство России к тому, чтобы оно предложило нам сотрудничать с ним против англичан в Восточной Карелии и на Мурманском побережье. Если это не удастся, то следует склонить финнов выступить против англичан»¹. Причем немецкие военные, в случае отказа РСФСР от сотрудничества, выступали даже за оккупацию Петрограда.

Еще в мае и июне немецкие части, находившиеся в Финляндии, получили приказ о разведке на петроградском направлении. 1 июля генерал-квартирмейстер штаба верховного командования Э. Людендорф запросил, какую помощь мог бы оказать германский флот делу

Рупасов Александр Иванович — научный сотрудник С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН. *Чистиков Александр Николаевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

оккупации немецкими войсками Петрограда, чтобы потом использовать этот город, в частности, как базу для наступления на Мурман ². В тот же день в Петрограде председатель Союза коммун Северной области (СКСО) и Петроградского совета Г. Е. Зиновьев, выступая с докладом «О положении на Мурмане», сказал: «Имеется огромная опасность со стороны немцев. Если мы окажем слабость, не будем оказывать сопротивления англичанам, у немцев восторжествует «военная партия», и они двинутся на Питер» ³. Но Людендорф хитрил, а Зиновьев ошибался, когда они оба напрямую увязывали проблемы Петрограда и Мурманна. Последующие события подтвердили это.

6 июля вице-адмирал германского флота Х. фон Хольцендорф прислал Людендорфу проект операции «Шлюссштайн»: эскадра из четырех линкоров и четырех крейсеров, сопровождаемая торпедными катерами, должна была двинуться из Либавы к Кронштадту; десантникам с кораблей ставилась задача ночью при поддержке корабельной артиллерии овладеть о. Котлин; одновременно армейские части двигались на Петроград, на завершающем этапе поддерживаемые огнем боевых кораблей. Для проведения подготовительных мероприятий Хольцендорф просил четыре недели ⁴. О Мурмане в проекте не было сказано ни слова. Но спустя четыре недели развитие событий пошло по неожиданному пути.

1 августа Москва получила сообщение о движении английских кораблей к Архангельску. «В Кремле поднялась суматоха,— вспоминал впоследствии белогвардейский агент А. А. Борман, занимавший видный пост в одном из наркоматов.— Заработали телеграфные аппараты, особенно усиленно с Берлином» ⁵. Чичерин сообщал: «После долгого совещания с Владимиром Ильичем я лично поехал к новому германскому послу [К. фон] Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексея на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря» ⁶. Этот факт проясняет записку Ленина к Иоффе в Берлин 3 августа: «Мы продолжаем как раз лавирование, предоставляя немцам взять уже взятое Антантой и тем затрудняя и оттягивая англо-американо-японское удушение России» ⁷.

Предложения Берлину включали ряд оговорок: не открытый военный союз, а молчаливое допущение германского вмешательства как параллельной акции; неиспользование германскими войсками Петрограда и Кронштадта в качестве базы или опорного пункта; определение политического статуса Карелии и Кольского полуострова только по окончании операции ⁸. Вот записка Чичерина, переданная 3 августа Иоффе в Берлин: «Военное соглашение между нами и Германией невозможно, это мы всегда заявляли... В нынешней конъюнктуре имеется временное и случайное совпадение интересов в определенной области и до известного предела между нами и Германией, но не больше. Возможны поэтому только параллельные действия их и наши, независимо друг от друга. Поэтому может идти речь отнюдь не о военном соглашении, а только о пассивном отношении с нашей стороны к некоторым их действиям до известного предела. Движение их через Петроград находилось бы за таким пределом» ⁹.

Напротив, в письме к госсекретарю П. фон Гинце Людендорф доказывал необходимость оккупации Петрограда с военной и политической точек зрения. Политический фактор, как расшифровал это Гинце, означал свержение большевиков. Теперь августовское предложение Москвы позволило привязать «Шлюссштайн» к мурманскому вопросу. Представители германской армии и флота на совещании в Ковно 11—12 августа поставили задачу оккупировать Петроград и наступать против войск Антанты вдоль Мурманской железной дороги, а 21 августа военное командование определило цель «Шлюссштайна» так: «Обеспечить восстановление в России прежних порядков, если необходимо, то посредством реставрации монархии и поддержкой этого движения германской армией» ¹⁰. На Петроград должны были идти две пехотные дивизии 8-й армии через Псков, две пехотные дивизии двигались от Нарвы и Балтийская дивизия Р. фон дер Гольца из Финляндии. Одну дивизию в качестве резерва выделяла 10-я армия. Флоту предстояло обеспечить безопасность на Балтике и помешать возможному выходу Красного флота из Кронштадта, а при отсутствии сопротивления занять этот порт. Русские корабли интернированию не подлежали. Подготовка операции завершалась по плану к 24 августа.

На начавшихся еще в июне переговорах в Берлине по заключению Добавочного договора Петроград стал камнем преткновения при обсуждении мурманского вопроса. Немецкие дипломаты поддерживали идею использования города как базы на пути к Мурману, но натолкнулись на сопротивление с советской стороны. Слухи о предполагаемом наступлении немцев на Петроград и неожиданный переезд германского посольства из Москвы в Псков вызывали возбуждение в Кремле. 10 и 14 августа по приказу из Москвы были выставлены в Финском заливе дополнительные минные заграждения. Германия и Финляндия заявили протест, ибо такая акция нарушала условия Брестского договора. В ответной ноте Чичерин пытался

представить этот шаг как проверку старых минных полей. Ленин 14 августа дал указание задержать постановку мин, но его распоряжение запоздало.

Но и к середине августа вопрос о Петрограде не удалось продвинуть. Большевики соглашались на ввод немецких частей лишь в Петрозаводск. Об этом говорил германскому консулу в Петрограде комиссар внутренних дел СКСО и председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. Он подчеркивал, что ввод немецких отрядов в Петроград невозможен, ибо рабочие не допустят этого. Он настоятельно просил ускорить выступление против войск Антанты на Мурмане. Иоффе 7 августа известил Чичерина, что «в тайном обмене нотами по вопросу о Мурмане» Германия согласилась завершить подготовку «в ближайшее время»; спустя три дня он подтвердил свое сообщение и процитировал слова Гинце: «Германия не имеет никаких агрессивных в отношении России целей»¹¹.

Но немецкие военные жаждали оккупации Петрограда. После одобрения плана операции кайзером началось передвижение кораблей. Отряд крейсеров и торпедных катеров под командованием вице-адмирала Ф. Бедикера перешел 18 августа из Киля в Либаву, а через два дня направился в Койвисто. Германские моряки получили приказ начать траление минных заграждений в русских территориальных водах. «Это крайне серьезно,— писал Чичерин Иоффе 26 августа,— ибо если они полезут к Кронштадту, то будет столкновение. Немедленно постарайтесь предотвратить это»¹².

Напряжение достигло, казалось, предела, но 27 августа в Берлине был подписан Добавочный договор. Он закрепил значительные экономические, финансовые и территориальные уступки со стороны РСФСР. В нем содержалось также положение о параллельных действиях русских, германских и финляндских войск при гарантии, что во время операции территория РСФСР, включая Петроград, не подвергнется нападению со стороны Финляндии¹³. Об этом условии сами финны узнали лишь после подписания договора. А в одной из секретных нот к договору, подписанных в тот же день, указывалось, что если русское наступление не достигнет цели, то в действие вступают германские и, возможно, финляндские войска, при этом территория РСФСР между Финским заливом и Ладожским озером, а также к югу и юго-востоку от него не будет затронута немецкими и финляндскими войсками «без специального согласия русского правительства»¹⁴. То есть Германия отказывалась от оккупации Петрограда.

Кораблям вице-адмирала Бедикера было приказано вернуться на базы. 30 августа Иоффе сообщил Ленину и Чичерину, что «германским адмиралтейством отдан приказ прекратить траление мин и вопрос этот передать на рассмотрение Либавской комиссии, которая должна будет приступить к работам»¹⁵. Зато РСФСР обязалась выплатить Германии 6 млрд. марок (включая перевод Германии 245 564 кг чистого золота). Позднее фон дер Гольц по этому поводу заметил в мемуарах: «За презренные деньги оставили на произвол судьбы будущее Германии на Востоке»¹⁶. Истинная же причина ослабления нажима со стороны Берлина заключалась в ухудшении положения Германии на Западном фронте после предпринятого Антантой наступления под Амьеном.

Договоренность, закрепленная тайной нотой, не представляла, однако, серьезной угрозы для антантовских войск на русском Севере. А внимание немцев все больше отвлекали события на Западном фронте. Правда, с 20-х чисел августа в Берлине начались переговоры военных комиссий России и Германии по мурманскому вопросу. После долгих споров участники заседаний договорились для начала изучить состояние дорог между Ладожским озером и Петрозаводском¹⁷. Русскую часть группы военных, проводивших в сентябре рекогносцировку, возглавлял некто М. М. Харитонов. В архиве сохранилось выданное ему удостоверение, в котором указано, что его экспедиция обследует район Петрозаводск — Сердоболь — Олонец¹⁸.

Разведка показала, что дороги находятся в безотрадном состоянии, чем и закончилось выполнение условий Добавочного договора и секретного приложения к нему относительно мурманского вопроса, хотя в конце августа представители германского флота подтвердили командованию Балтийской дивизии, что при ее наступлении на Петроград корабли поддержат наступающих.

В начале сентября Людендорф заявил, что операция должна находиться в такой степени готовности, чтобы начаться сразу по получении приказа. В 11-дневную боевую готовность был возвращен флот. Неожиданная реанимация «Шлюсштайна» была связана с получением известия о ранении 30 августа Ленина: если он умрет, то при другом большевистском лидере события могли бы развернуться по-иному. Однако положение на Западном фронте стремительно ухудшалось, и 27 сентября верховное командование в Берлине объявило: «Операция «Шлюсштайн» в обозримом будущем не состоится. Подготовка может быть прекращена»¹⁹.

Примечания

1. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. док. Т. 1. М. 1968, с. 575—576.
2. HERWIG H. German Policy in the Eastern Baltic Sea in 1918.— *Slavic Review*, 1973, vol. 32, June, № 2, p. 347.
3. Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга, ф. 16, оп. 1, д. 289, л. 8 (сохранен стиль документа).
4. HERWIG H. *Op. cit.*, p. 348.
5. БОРМАН А. А. Москва-1918.— *Русское прошлое*, 1991, № 1, с. 138.
6. *Мировая политика в 1924 г.* М. 1925, с. 5.
7. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 50, с. 134.
8. BAUMGART W. *Deutsche Ostpolitik 1918.* Wien — München. 1966, S. 108.
9. Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГА СПб.), ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 44.
10. HERWIG H. *Op. cit.*, p. 354.
11. ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 140, лл. 62, 85.
12. *Документы внешней политики СССР.* Т. 1. М. 1957, с. 437.
13. *Советско-германские отношения.* Т. 1, с. 607.
14. Цит. по: ХОЛОДКОВСКИЙ В. М. *Финляндия и Советская Россия, 1918—1920.* М. 1975, с. 44.
15. ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 238.
16. GOLTZ R. von der. *Meine Sendung in Finland und im Baltikum.* Leipzig. 1920, S. 92.
17. BAUMGART W. *Op. cit.*, S. 114, 116.
18. ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 56, л. 9.
19. BAUMGART W. *Op. cit.*, S. 116.

Сен-Симон до и во время революции

А. В. Гладышев

Потомок герцогского рода граф Клод-Анри де Рувруа де Сен-Симон (1760—1825), выдающийся представитель критическо-утопического социализма, был одной из самых оригинальных фигур в истории. Он пережил полдюжины политических режимов, был миллионером и нищим, полковником королевской армии и революционером, меценатом и арестантом. В молодости его, приняв за убитого, однажды едва не выбросили с корабля в море. На склоне лет он выстрелил себе в голову из пистолета. Его называли, в разное время и разные люди, сеньором, гражданином, мэтром, сумасшедшим, санкюлотом, а также последним дворянином и первым социалистом Франции.

Участник революционных событий во Франции конца XVIII в., он вел свое происхождение от императора Карла Великого¹. Один из предков утописта — знаменитый Луи де Рувруа де Сен-Симон, писатель и член Совета регентства при малолетнем короле Людовике XV. Еще 15-летним юношей Клод-Анри приказал слуге будить его по утрам словами, ставшими со временем афоризмом: «Вставайте, граф. Вас ждут великие дела». Будущий автор «Нового христианства», проповедовавшего идею «Все люди — братья», категорически отказался в 13-летнем возрасте от обряда первого причастия и за непокорство был помещен отцом в парижскую тюрьму Сен-Лазар. Одиночная камера не сломила в нем духа свободомыслия, затем ему удался побег.

Образование Сен-Симон получил под руководством замечательного энциклопедиста-просветителя Ж.-Л. д'Аламбера. В 1810 г. Сен-Симон писал: «Вспомним о воспитании, которое мы получили. Сначала наше внимание сосредоточивали на истории Греков и Римлян, воспламеняли наши молодые сердца добродетелями Гракхов и Брута, поражали наши восприимчивые души республиканским клеймом. Это были самые демократичные чувства, что нам внушали... Жан-Жак (Руссо. — А. Г.), Вольтер, Гельвеций, Рейналь, д'Аламбер, энциклопедисты: авторы, книги которых вложили нам в руки. Наше воспитание достигло своей цели; оно нас сделало революционерами»².

Став в 1777 г. офицером, молодой лейтенант Туренского полка параллельно службе продолжал самообразование, увлекся Руссо и навестил философа в Эрменонвиле, а спустя два года с энтузиазмом отправился защищать независимость североамериканских колоний от Англии. Из-за океана Европа выглядела иначе. Сравнивая Старый и Новый Свет, он сделал вывод, что Европа состарилась и нуждается в омоложении. Личный итог его участия в той войне — пять сухопутных кампаний, девять морских сражений, два ранения, орден Цинцинната. К концу войны им овладело отвращение к военному делу, и с тех пор его мысли были заняты преимущественно «изучением движения человеческого разума»³.

Гладышев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, преподаватель Саратовского педагогического института.

По пути из Америки фрегат, на котором плыл Сен-Симон, был захвачен англичанами. Контуженный Сен-Симон попал в плен на Ямайку. Подписанный мир вскоре вернул ему свободу, и он отправляется в Мексику, где предлагает вице-королю построить канал, соединяющий Тихий и Атлантический океаны. То был первый из великомасштабных проектов будущего утописта. Во Францию он возвратился в 1783 г. и был назначен помощником командира Аквитанского полка. 23-летний подполковник стал разрабатывать антибританский план французско-голландской экспедиции в Индию. Когда этот план сорвался, полковник Сен-Симон уволился из армии и сблизился с франкмасонами. Одновременно он занялся скупкой и перепродажей имущества и нажил огромное состояние.

Когда началась Французская революция, Сен-Симон находился уже в Испании, где разрабатывал проект канала Мадрид — Атлантика. На родину он вернулся в ноябре 1789 года. Ему тогда казалось, что разум восторжествовал над предрассудками, что родился новый мир. Позднее, при Наполеоне, когда разорившийся Сен-Симон жил уже на средства своего бывшего слуги, он заявил, что его возврат во Францию вовсе не был попыткой сыграть политическую роль, ибо политика была представлена борьбой партий, стремившихся лишь к разрушению и уничтожению. Чем же он занялся? 2 ноября 1789 г. Учредительное собрание передало церковные земли в распоряжение нации, пытаясь разрешить финансовые затруднения правительства. Сен-Симон увидел, что появилась возможность предприятия, не менее доходного, чем мадридский канал. Он избрал местом жительства Пикардию, знакомую ему с детства, и развернул бурную деятельность в кантонах, где некогда Сен-Симоны были феодальными сеньорами. Его богатство росло.

А его дебют в сфере задуманного им «морального восстания» состоялся 7 февраля 1790 года. Тогда прошли выборы в муниципальные органы. Председательствуя на собрании по случаю избрания мэра в Фальви, Сен-Симон произнес речь, в которой отказался от графского титула: «Нет больше сеньоров, господа; мы все здесь совершенно равны, и чтобы разубедить вас в том, что мой титул дает мне права, первенствующие над вашими, я заявляю, что я отказываюсь навеки от этого титула, что я смотрю на него, как на более низкий, чем титул гражданина, и прошу, чтобы мое самоотречение было включено в протокол ассамблеи»⁴. Вскоре он предложил отменить все дворянские титулы как «нечестивые отличия рождения», предвосхитив декрет Учредительного собрания от 19 июня 1790 г. об отмене института наследственного дворянства и всех связанных с ним титулов и гербов.

Одновременно Сен-Симон проявлял настойчивость в получении причитавшихся ему наград: в январе и мае он посылал запросы военному министру де Ла Туру, своему соратнику по кампаниям в Америке, относительно ордена св. Людовика, то есть награды, которую давали только дворянам. Такое противоречие в поступках — лишь кажущееся. Он смотрел на золото креста св. Людовика как на революционную награду. К тому же многие офицеры-«американцы» во главе с героем двух частей Света маркизом М.-Ж. Лафайетом занимали тогда видные посты.

Полный воодушевления по случаю победы революции и личных удач, Сен-Симон искал среди парижских финансистов компаньона, который субсидировал бы его агентство по приобретению пущенного в продажу национального имущества. Покупателями были и видные революционеры (Л.-А.-Л. Сен-Жюст, Ж.-Ж. Дантон), и буржуа, и священники, и различные дельцы, и крестьяне. «Я стремился к состоянию, — вспоминал позднее Сен-Симон, — как к средству организовать большое промышленное предприятие, основать научную школу усовершенствования: вот истинные цели моего устремления... Этот филантропический проект должен был создать большое учреждение для общественной пользы»⁵. Как скупщик он при продаже сознательно дробил феодальные домены, чтобы соединить свободных крестьян и их владения, а землю зачастую продавал по ценам, близким к себестоимости⁶. «После продажи национальных имуществ, — писал он, — тысячи пролетариев перешли вдруг в класс земельных собственников... Новые собственники оказались гораздо более способными, чем старые»⁷.

Деньги на скупку Сен-Симону предоставляли прусский дипломат барон Редерн, его сестра графиня Штольберг, полковник Р. Б. О'Нейл, а также начальник почтовой службы в Марсельпо, пероннский нотариус и т. д. — все, кто мог или хотел дать такую ссуду. А его банкиром был прусский подданный. Первая покупка состоялась 1 февраля 1791 г., а уже спустя два года он вошел в авангард нуворишей.

Когда 20 июня 1791 г. король Людовик XVI попытался бежать за границу, Сен-Симон находился в Камбрэ, где посещал местный якобинский клуб и где ему предложили возглавить национальную гвардию города. Сен-Симон согласился. Тогда же Сен-Симон демонстративно предоставил ежегодную пенсию одной старой женщине, чей сын-кормилец погиб в стычке с аристократами во время беспорядков, вызванных бегством короля⁸.

Но расстрел демонстрации парижан на Марсовом поле 17 июля означал открытый раскол в третьем сословии. Сен-Симон, неоднократно приезжавший в Париж, сблизился тогда с таким же, как он, «ренегатом» от пикардийской аристократии, просветителем и философом маркизом Ж.-А.-Н. Кондорсе и стал ярким республиканцем, однако к новой Конституции, принятой в сентябре 1791 г., отнесся критически: «Она уничтожила королевскую власть... и не создала взамен ее никакого иного основного института»⁹.

Материальное состояние Сен-Симона по-прежнему улучшалось, а 17 марта 1793 г. муниципалитет Перонны назначил его на военную службу «в качестве одного из граждан, призванных доставить контингент этой коммуны на Бельгийский военный театр»¹⁰. Вскоре французская армия потерпела там поражение, ее командующий, арестовав комиссаров Конвента, перебежал в лагерь врагов, французские войска покинули Бельгию, и Сен-Симон вновь остался вне военных рядов. Впрочем, ненадолго. Вернувшись на родину, он стал 30 июня 1793 г. капитаном национальной гвардии Перонны. Потом 17 июля неожиданно покинул свой пост. Если в 1791 г. он согласился в Камбрэ возглавить национальную гвардию только на сутки, то сейчас прошло 18 дней! Ему пришлось давать объяснения, почему он покинул свой пост. Оправдываясь, он ссылался на болезнь, хотя и не подтвердил ее врачебным заключением.

6 сентября комиссары Комитета общественного спасения, прибыв в Перонну, опечатали бумаги Сен-Симона. Ничего предосудительного в них обнаружено не было, и 19 сентября Сен-Симон стал членом Народного общества Перонны вместе со своей подругой, ирландкой Ш. Тийе, связь с которой не снискала ему лавров, ибо тогда повсюду искали английских шпионов. Шарлотта была вскоре задержана и выслана из Перонны. Позднее она родила дочь Каролину, которую Сен-Симон не признавал своей, но судьбой которой постоянно интересовался. А пока что бывший граф поспешил «выказать неизменную преданность революции», отказавшись в присутствии члена Конвента от своей аристократической фамилии. Перемена фамилий и имен была тогда разрешена специальным законом и широко практиковалась среди представителей всех сословий.

Сохранился такой рассказ: «20 сентября 1793 г. гражданин Клод-Анри Сен-Симон, бывший дворянин, проживающий в этом городе (Перонне.— А. Г.), предстал перед Советом и объявил, что хочет искупить республиканским крещением свой первородный грех. Он просил лишить его имени, которое напоминает ему о неравенстве, осужденном разумом задолго до того, как его обрекла на гибель наша Конституция. Он просил, чтобы Совет дал ему новое имя — Клод-Анри Боном»¹¹. Боном означало Простак (обычное прозвище французских крестьян). На том же заседании этот Простак заявил, что он уже около двух лет материально помогает пенсией женщине, а теперь хочет опекать с той же целью бедного старика. Его решение приветствовали и предложили ему на выбор троих. Спустя шесть дней Простак передал городскому Совету свои бумаги послужного списка и три ордена с их документацией: Мальтийский крест, американский орден Цинцинната, орден св. Людовика. Муниципалитет решил бумаги сжечь, а ордена оставить в канцелярии, Сен-Симону же выдать копию акта¹².

Между тем якобинский террор нарастал. Его машина карала правых и виноватых. Проведенная в те дни чистка муниципалитета Перонны сопровождалась арестами, а гражданин Клод-Анри Боном был занесен в список подозрительных и как бывший дворянин исключен из Народного общества¹³. 14 октября при обыске у Сен-Симона обнаружили его письмо от весны 1791 г., в «мало умеренных выражениях характеризующее действия Национальной Ассамблеи». И 28 октября парижские комиссары Комитета общественного спасения снова подвергли Сен-Симона обыску и издали приказ о его аресте. Впрочем, выданное в тот же день якобинцами Камбрэ удостоверение вернуло ему свободу: «О поведении гражданина Бонома в нашей коммуне нам не известно ничего такого, чтобы заподозрить его в неблагонадежности»¹⁴.

15 ноября он уехал из Перонны в Париж, а 16 ноября увидел свет новый приказ о его аресте. Протокол гласил: не застав Сен-Симона дома, агенты полиции опечатали его квартиру, оставили часового и вернулись в Комитет, куда вскоре пришел и сам разыскиваемый со словами: «Я узнал, что меня искали... Вот я»¹⁵. Спустя три дня муниципалитет Перонны выслал удостоверение, подтверждавшее благонадежность Сен-Симона: «Он показал самую большую преданность делу свободы и равенства». 12 декабря пришло письмо от женщины, которой он помогал пенсией. В том же месяце в его защиту как «сына революции» выступили граждане Камбрэ. Затем новые хвалебные удостоверения насчет патриотичности Сен-Симона приходят из Перонны, Фальви, Маршельпо, но тщетно.

3 мая его переводят из Сен-Пелажи в Люксембургскую тюрьму, которая была прозвана «предбанником смерти». В середине мая он пишет спокойное, рассудительное, мотивированное письмо членам Комитета всеобщей безопасности, отмечая, что со времени участия в Амери-

канской революции для него учителем была его родина, а сам он — убежденный сторонник революции. Это ему не помогло, но о нем временно забыли. Даже после термидорианского переворота 27 июля 1794 г. он находился в заключении еще месяц. Только очередная интерпелляция перонцев возвратила ему свободу.

Французская революция оставила глубочайший след в сознании Сен-Симона. В 1810 г. он вспоминал: «В наиболее жестокую эпоху революции, во время моего заточения в Люксембургской тюрьме, однажды ночью предо мной предстал Карл Великий и сказал мне: «С сотворения мира никакой фамилии не выпадало чести произвести сразу первейшего героя и первейшего философа. Эта честь была зарезервирована за моим домом. Сын мой, твои успехи как философа сравниваются с теми, каких я добился как воин и политик. И он исчез»¹⁶. Одни исследователи видят в этом рассказе доказательство духовной экзальтации, другие — действие болезненного возбуждения, ибо в тюремных условиях весны и лета 1794 г., когда мертвые постоянно соседствовали с еще живыми, видения и галлюцинации не были исключением¹⁷. То были моменты, после которых Сен-Симон решился вступить на путь философии. Можно сказать, что сен-симонизм родился в парижской тюрьме весной 1794 года. Духовный перелом, конечно, зрел постепенно. Но «кульминация его началась именно здесь и именно теперь»¹⁸. Впереди лежали годы выработки идей утопического социализма.

Примечания

1. По другим сведениям, он происходит от короля Людовика VI Толстого.
2. SAINT-SIMON. *Projet d'Encyclopédie*. — *La Nef*, 1946, № 20, p. 64.
3. АНЕКШТЕЙН А. Анри де Сен-Симон: его жизнь и учение. М. 1926, с. 9.
4. SAINT-SIMON. *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin*. Vol. 1. P. 1865, p. 15.
5. SAINT-SIMON. *Oeuvres*. Vol. 1. P. 1966, pp. 67, 120.
6. LEROY M. *La vie véritable du comte Henri de Saint-Simon*. P. 1925, pp. 132, 135—136.
7. СЕН-СИМОН. Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л. 1948, с. 318—320.
8. DAUTRY J. *Nouveau christianisme ou nouvelle théophilantropie?* — *Archives de sociologie des religions*, 1965, № 20, p. 15.
9. СЕН-СИМОН. Ук. соч., с. 307.
10. DAUTRY J. *Saint-Simon et la Révolution nécessaire*. — *Annales historiques de la Révolution française*, 1966, № 184, p. 26.
11. ROUGÉ E. *Le Conventionnel André Dumont (1764—1838)*. P. 1911, p. 166.
12. RAMON G. *La Révolution à Peronne*. Sér. 1. Quentin. 1878, pp. 59—60.
13. Французская революция в провинции и на фронте: донесения комиссаров Конвента. М.-Л. 1924, с. 253, 302.
14. DONDO M. *The French Faust Henri de Saint-Simon*. N. Y. 1955, p. 47.
15. MATHIEZ A. *L'Arrestation de Saint-Simon*. — *Annales historiques de la Révolution française*, 1925, № XI—XII, p. 572.
16. SAINT-SIMON. *Oeuvres*. Т. 1, p. 101.
17. HUBBARD G. *Saint-Simon. Sa vie et ses travaux*. P. 1857, p. 29; DUMAS G. *Psychologie de deux messies positivistes: A. Comte et Saint-Simon*. P. 1905, p. 20; LEROY M. *Op. cit.*, pp. 163—167.
18. ЛЕВАНДОВСКИЙ А. П. Сен-Симон. М. 1978, с. 125.

М. Н. Тихомиров как историк древнерусской культуры

Е. В. Чистякова

Среди историков есть свои классики. Их труды не подвластны времени. Они не клали поклоны одной парадигме и не тяготели к штампам. Поэтому мы постоянно возвращаемся к их трудам. К числу таких ученых относится Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965) ¹.

Родился он 19 мая (ст. ст.) 1893 г. в Москве и был четвертым сыном в многодетной семье служащего конторы Морозовской мануфактуры. В своих «Воспоминаниях», которые до сих пор не опубликованы, Тихомиров рассказывает о нелегком отрочестве, проведенном вдали от родных — в Демидовском коммерческом училище в Петербурге. Светлым пятном осталась в его памяти встреча с молодым обаятельным преподавателем истории, будущим академиком — Б. Д. Грековым. Вернувшись в Москву, юноша отказался от работы в престижной фирме Рябушинских и с согласия родителей стал готовиться к поступлению в Московский университет, куда и был зачислен в 1912 году. Окончив его в 1917 г., он ищет свое место в жизни: организует музей в подмосковном Дмитрове, работает в библиотеке под Егорьевском. Затем едет в Самару, где служит инспектором по организации библиотек, спасает от гибели архивы Иргизских монастырей и семьи Аксаковых, в Самарском университете преподает палеографию, а главное, работая, продолжает пополнять свои знания под руководством проф. В. Н. Перетца и его жены В. П. Адриановой-Перетц, к которым навсегда сохранил самое теплое отношение.

В 1923 г. Михаил Николаевич вернулся в Москву и с тех пор надолго не покидал ее. Первое десятилетие ему пришлось преподавать в школе географию, занимался он и краеведением, увлекался учебным кино. Но над всем доминировало одно желание — вести научную работу. И он занимался ею — непрерывно и безвозмездно — в Отделе рукописей Государственного исторического музея (ГИМ), где в 20-е годы трудились такие ученые, как А. И. Соболевский, В. Ф. Ржига, М. Н. Сперанский, М. В. Щепкина, А. Д. Сидельников, Н. Н. Попов. Так что молодому ученому было с кем посоветоваться. В ходе этих занятий Михаил Николаевич овладевал принципами археографии, кодикологии, источниковедения. В итоге уже к началу 30-х годов в списке его трудов значились четыре книжки: «Псковский мятеж» (1919 г.), «Город Дмитров» (1925 г.), «Феодальный порядок на Руси» (1930 г.), «Первый печатник» (1934 г.), учебники по географии и много статей.

В начале 30-х годов Михаил Николаевич начал работать в высшей школе (Московский государственный институт истории, философии, литературы, Историко-архивный институт, Московский университет). С 1936 г. он был сотрудником Института истории АН СССР, где и работал вплоть до 1957 г., когда перешел в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. В 1935 г. за обновленную на основе архивных материалов книгу «Псковское восстание

Чистякова Елена Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

1650 г.» ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. В 1939 г. он защитил докторскую диссертацию: «Исследование о Русской правде. Происхождение текстов», которая была опубликована в 1941 году. В 1940 г. на основе своих лекций Тихомиров издал первый в России учебник по источниковедению (т. 1). Позже вышло и учебное пособие по палеографии, подготовленное им совместно с А. В. Муравьевым.

В годы Великой Отечественной войны он пишет брошюры на военно-патриотические темы (о борьбе россиян с иноземными завоевателями в прошлом). Затем им были опубликованы учебники по русской истории (в соавторстве с В. И. Пичетой, А. В. Шестаковым, С. С. Дмитриевым), а также хрестоматии по истории России (совместно с В. И. Лебедевым и В. Е. Сыроечковским). Тихомиров создает книги: «Древняя Москва» (1947 г.), «Древнерусские города» (1946 г., 2-е изд.— 1956 г.).

В 1946 г. Тихомирова избрали членом-корреспондентом, а в 1953 г.— действительным членом АН СССР. С 1953 по 1957 г. он был академиком-секретарем ее Отделения истории. На этом посту он получает возможность развернуть работу в республиках, воссоздать Археографическую комиссию, организовать летописную группу, сплотить обширный коллектив для написания многотомной серии «Очерки истории исторической науки в СССР» (он был редактором и одним из авторов первого тома). Михаил Николаевич принимал участие в создании таких периодических изданий, как «История СССР» (ныне — «Отечественная история»), «Вопросы востоковедения», «Византийский временник», «Археографический ежегодник», «Советское славяноведение». Под его руководством велась работа по составлению «Сводного каталога славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв.» (М. 1984). Он добился переиздания сочинений В. О. Ключевского в восьми томах (1956—1959 гг.). И все это время он занимался педагогической работой: читал спецкурсы, руководил дипломниками, подготовил 30 кандидатов и нескольких докторов наук.

Несмотря на внешнее благополучие научной карьеры Михаила Николаевича, его жизнь складывалась нелегко. В 30-е годы погиб его младший брат — Борис, приверженец школы М. Н. Покровского, талантливый историк и публицист. С большими трудностями проходили в печать некоторые работы самого Тихомирова: например, статья о Новгородском восстании 1650 г. пролежала в редакции четыре года. Не обошла стороной Тихомирова и травля интеллигенции, поднятая в связи в печально знаменитым докладом А. А. Жданова.

В 1948 г. Михаил Николаевич совместно с С. С. Дмитриевым опубликовал учебник для исторических факультетов высших учебных заведений «История СССР. Т. I. С древнейших времен по 1861 г.» Вскоре, 26 октября и 2 ноября того же года, на кафедре истории СССР исторического факультета Московского университета состоялось его обсуждение. Показательно, что наряду с преподавателями (Б. А. Сыроечковский, Г. Н. Анпилов, К. В. Базилевич, М. В. Нечкина, П. П. Епифанов) на нем заставили выступить аспирантов, руководителем которых был Тихомиров (Н. Тур, А. П. Пронштейн, М. Т. Белявский, С. О. Шмидт и даже студент А. М. Сахаров), кроме того взял слово А. Я. Аврех. Судя по всему, Тихомиров понимал, что это вынужденные ораторы, потому что — за одним исключением — он не прервал с ними отношений и в заключение дипломатично сказал: «Мне особенно было приятно слушать выступления моих учеников, которые здесь, несомненно, показали умение хорошо и критически мыслить».

Выступавшие критиковали авторов за то, что они «не раскрывают социальных корней литературных течений», что в учебнике «принятие христианства и развитие культуры Киевской Руси рассматривается авторами в отрыве от развития феодальных отношений», «много внимания уделяется религиозным спорам, религиозным обрядам, а классовая природа раскола не показана», «грубо ошибочная» оценка дана секуляризации церковных земель, «говорится только о прогрессивном значении крещения, а следовательно и церкви, но не сказано о том, что церковь была опорой феодального общества»; «вообще история церкви на всем протяжении учебника выглядит так, что она вполне бы подошла для «Вестника Московской патриархии»; роль церкви как поборницы «единства Руси» явно преувеличена». При подведении итогов дискуссии было сказано, что авторы «в освещении ряда важнейших исторических проблем... сползли на позиции либерально-буржуазной историографии».

Но организаторам травли двух ученых этого показалось мало. В «Вопросах истории» появилась рецензия на этот учебник за подписями Л. В. Черепнина и П. А. Зайончковского. По их словам, «учебник страдал настолько серьезными недостатками и ошибками в трактовке основных вопросов истории, что его совершенно нельзя рекомендовать для высших учебных заведений», поскольку написан он с немарксистских позиций (в ряде случаев политические события предшествуют социально-экономическим, затушевывается классовая борьба, отсутствует «определение классовой основы самодержавия», недостаточно сказано

о внеэкономическом принуждении как одном «из основных признаков феодализма»). Обвинения эти, практически неаргументированные, были по тем временам достаточно серьезными.

Всячески обосновывая тезис о затушевывании авторами учебника классового фактора, в том числе в оценке язычества, рецензенты, противореча сами себе, утверждали, что принятию христианства дано «явно неудовлетворительное объяснение» и «совершенно излишне подчеркиваются церковные события». Оценка Тихомировым Русской Правды была объявлена противоречащей ленинской. Только что опубликовавшего монографию «Древняя Москва» Тихомирова обвиняли в том, что он не выявил «роль Москвы как центра формирующейся русской народности». Автора работ о Новгороде уличают в том, что он якобы недостаточно осветил «общественный строй» этого города.

В заключение рецензенты пишут, что авторы учебника в ряде оценок оказались в плену буржуазно-либеральных теорий и что учебник написан ими не с «марксистско-ленинских позиций» и «может только повредить» воспитанию студенчества². Эта рецензия была типичной для своего времени, когда политические ярлыки заменяли содержательную и объективную научную критику. Она очень тяжело и болезненно ударила по беспартийному, да к тому же еще и верующему ученому — профессору и члену-корреспонденту АН СССР. Здоровье Михаила Николаевича было серьезно подорвано. Он долго болел и почти до конца своих дней должен был соблюдать строгую диету, что в его положении холостого и бездетного было достаточно сложно.

Стремление оградить себя от напрасных нападок и самоутвердиться во многом объясняет его взрывной характер, придирчивость, обидчивость, которые особенно проявлялись в последние годы жизни. Его прямоту и неподкупность, бескомпромиссность в вопросах науки некоторые принимали с опаской. К ученикам и близким он относился строго и требовательно — это не все могли вынести. Однако в сущности он был добрым, отзывчивым, внимательным человеком.

История русской культуры занимала в его трудах одно из ведущих мест. К ней он возвращался в каждой из своих монографий. При ее изучении неуклонно придерживался ряда принципов. Отечественную культуру он считал «великой, неповторимой, замечательной, родной и близкой каждому советскому человеку и в годы ее подъема и в годы несчастий русского народа»³. Он был убежден, что Россия — европейское государство, хотя и тесно связанное с Востоком. Историю ее Тихомиров никогда не рассматривал изолированно, всегда стараясь вписать ее в общемировой историко-культурный процесс. При изучении истории русской культуры он использовал комплекс различных источников: археологических, письменных, устных, литературно-художественных и т. д., привлекал арсенал различных дисциплин: палеографии, исторической географии, археографии, источниковедения, текстологии, литературоведения, кодикологии, историографии и т. д. Его труды — пример междисциплинарного и сравнительно-исторического подхода к предмету исследования, строгого следования принципу историзма.

Базой его разысканий по материальной культуре являлись археологические памятники, которые он изучал непосредственно на месте раскопок в отрядах А. В. Арциховского (Новгород), Д. А. Авдусина (Смоленск — Гнездово), М. Г. Рабиновича (Москва), С. А. Таракановой (Псков). Важным источником служили для Тихомирова архитектурные памятники. Он очень много ездил (посетил около 70 городов СССР). Мне довелось быть свидетельницей, как Михаил Николаевич осматривал собор Строгановых в Соли Вычегодской и другие памятники. От него не ускользала ни одна деталь. По узкой, осыпающейся лестнице, выдолбленной в стене, мы взбирались на колокольню, спускались в сырые подвалы, где располагались каменные мешки, в которых промышленники гноили неудобных им людей.

Градостроительству, промыслам, ремеслу, равно как и путям сбыта продукции, Тихомиров неизменно уделял большое внимание в своих работах по истории городов. Глубоко интересовался он книгописанием, техникой книгопечатания. По форме шрифта, расположению текста, по водяным знакам, внешнему виду переплета он точно атрибутировал разнообразные издания. Особенно хорошо он знал специфику московского городского ремесла (иконного, книгописного, ювелирного, оружейного, литья колоколов), московские ремесленные слободы и черные сотни (государевы посадские люди, платившие налоги), пути их пополнения, историю борьбы за городские вольности и т. д.

Подчеркивая, что «историческая наука — это наука комплексная, основанная на всех достижениях истории, археографии, археологии, лингвистики, этнографии»⁴, первостепенное значение в исследовании древнерусской культуры Тихомиров отводил все же письменности. «Без нее, — писал он, — невозможно было бы развитие мировой культуры. Изучение

письменных источников, знакомство с основными их видами обязательно для каждого историка»⁴. Именно поэтому он проявлял большую заботу о сборе и сохранении письменного богатства русского народа, сам руководил полевыми исследованиями студентов (в Каргополе), участвовал в организации поиска древних книг в Сибири. Собранные им рукописи, вместе с составленным им же «Описанием» (позже опубликованным), он передал в молодой тогда научный центр в Новосибирске, где под руководством Н. Н. Покровского (ныне действительного члена Российской АН) это собрание ежегодно пополнялось и стало базой археографических исследований в Сибири⁵. Михаил Николаевич выработал методику описания рукописей, которая легла в основу «Сводного каталога древнейших рукописей, хранящихся в СССР»⁷.

Естествен и интерес Тихомирова к истокам письменной традиции. Цикл его работ посвящен «чертам и резам», слову «гороухца», начертанному на гнездовском сосуде, деятельности «солунских братьев» Кирилла и Мефодия, новгородским берестяным грамотам.

Но, пожалуй, самым предпочтительным для Тихомирова¹ источником была все же рукописная книга, хотя и первопечатной он посвятил несколько больших работ. Книгу он рассматривал как важнейший исторический памятник, сохранивший ценнейшую информацию. Будучи знатоком книжного дела, он интересовался и местонахождением рукописи, переплетом и его «начинкой», количеством листов, их размерами, водяными знаками, характером почерка, особенностями украшений, различными пометками и записями, наконец, окружением книги. Такие его работы, как «Отрывки славянских рукописей в Матенадаране» и «Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря», позволяют считать Тихомирова одним из основателей российской кодикологии.

Первая из упомянутых работ посвящена иноязычной книге. Обнаруженные в форзацах армянских книг пергаментные листки славянских рукописей поведали Тихомирову об армянских колониях в России, на Украине и на Балканах, а также указали, «где и когда армянские купцы вступали в соприкосновение со славянскими рукописями»⁸. Во второй работе воспроизведено 153 записи на книгах из библиотеки Чудова монастыря в Кремле, которые, по мнению ученого, «являются не только историческими свидетельствами, но и непосредственными историческими остатками»⁹.

Столь же глубоко и всесторонне Михаил Николаевич работал над первопечатными изданиями. Его привлекала личность Ивана Федорова, его драматическая судьба. Тихомиров занимался исследованием недатированных изданий, вышедших в неизвестной типографии в 50-х годах XVI в. еще до «Апостола» (1564 г.). Изучив расположение текста, форму шрифта, нумерацию листов, водяные знаки, характер украшений, переплет, полноту текста, вкладные записи и другие признаки, он пришел к выводу, что московское книгопечатание развивалось под «влиянием венецианских и балканских книг славянской печати»¹⁰. Тихомиров сумел воссоздать «общее историческую картину времени и окружения работ первопечатников».

По-своему трактовал он некоторые повороты в судьбах первопечатников. По его мнению, к переносу типографии в Литву побудило образование архиепископий на ее территории (в частности, в Полоцке) и необходимость иметь там свои богослужебные книги. В связи с этим он решительно отвергал версию о поджоге типографии московским духовенством. Прекращение деятельности типографов в Заблудове он связывал с подписанием Люблинской унии 1569 г., а вовсе не с состоянием здоровья гетмана П. А. Ходкевича и т. д. Просветительский характер деятельности Ивана Федорова, подчеркивал Тихомиров, особенно проявился в польско-литовский период его жизни: он был не только типографом, но и редактором и «справщиком» (корректором), работал управителем магнатских имений, инженером и т. д. За 30 лет изучения истории отечественного книгопечатания Михаил Николаевич создал свыше десятка работ на эту тему.

Большое место в творческом наследии Тихомирова занимали памятники древнерусской литературы, философии и общественного сознания. Он не уставал открывать и публиковать повести (четыре повести о начале Москвы, псковские повести о Смутном времени). Неоднократно возвращался он к «Слову о полку Игореве», анализировал хождения и жития святых и другие древнерусские литературные жанры. Произведения исторического плана он считал самостоятельными памятниками, которые позже включались в летописные сборники как рассказы — «без разделения на годы». Это давало ему повод как бы заново вычленять их из хронологической ткани летописей. Моносюжетные повести, считал Тихомиров, дают великолепные характеристики «деятели своего времени».

Михаил Николаевич видел разницу между былинно-фольклорной литературой Киевской поры и повестями возрождающейся в ходе борьбы с монгольским игом Руси XIV—XV веков.

«Повесть о Митяе» (митрополите Михаиле), по мнению Тихомирова, рисует внешность героя, его ученость, его службу. Иногда эти произведения, такие, как повести «О начале Москвы» или о «Московском разорении» (1382 г.), считал он, посвящались не личности, а городу. В «Повести о Колоцкой иконе Божьей матери» содержится поучительный рассказ о простолюдине Луке. В этом повествовании Михаил Николаевич видит «настоящую новеллу, характеризующую быт XIV—XV вв»¹¹. К такому же типу повестей он относил и назидательную «Повесть о смоленском князе Юрии».

Особую роль Тихомиров отводил «Сказанию о Мамаевом побоище» и «Задонщине». Он был уверен, что эти памятники возникли в конце XIV в. и что их не читали, а распевали, ибо ни один из списков, например, «Задонщины», не представляет собой «полного воспроизведения текста другого».

В хождениях и житиях Тихомиров искал отражение реальной жизни. Особенно это характерно, по его мнению, для «Жития новгородского архиепископа Ионы» и произведений Епифания Премудрого, перу которого принадлежат «Житие Сергия Радонежского» и «Житие Стефана Пермского». Из числа хождений Михаил Николаевич выделял «Хождение митрополита Пимена в Царьград», описанное его спутником Игнатием (конец XIV в.) и «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина в Индию (1466—1472 гг.), отличающиеся красочностью языка и изяществом формы повествования.

В связи с дискуссией о библиотеке московских царей, Михаил Николаевич обратился к «Житию Максима Грека», найдя в нем свидетельства о наличии греческих книг в книгохранилище великого князя Василия Ивановича. Изучал Тихомиров и другие жития: «Житие Варлаама» (Пенежского, или Важского), частью которого является «Сказание о новгородском боярине, построившем городок в Двинской земле», «Житие Александра Невского», «Житие Саввы Сторожевского», написанное Маркелом, и т. д.

Серию статей Тихомиров посвятил «Слову о полку Игореве». Он был убежден, что это произведение появилось именно в конце XII века. Он разбирает лингвистические особенности «Слова», анализирует историко-географический кругозор его автора. Очень болезненно Михаил Николаевич воспринял выступление А. А. Зимина, подвергнувшего сомнению датировку и авторство «Слова», и готовился сделать доклад по этому вопросу в Праге на международном конгрессе славистов. Смерть помешала ему осуществить это намерение.

Тихомиров великолепно знал древнерусскую живопись и архитектуру. В его фонде сохранился альбом с 26 карандашными рисунками подмосковных церквей, часовен и усадеб, а также еще восемь рисунков сельских церквей (в Самарской и Калужской губ.), сделанный чернилами рисунок Спасского собора Андроникова монастыря (в Москве) и предметов церковного обихода¹². Существенный вклад внес Тихомиров в изучение рублевского наследия. Этой проблематике посвящена его работа «Андрей Рублев и его эпоха». Он попытался путем привлечения малочисленных источников воссоздать вехи биографии художника и вписать ее в эпоху, отмеченную Куликовской битвой и началом самоутверждения Москвы как центра собирания русских земель. Он сумел обосновать даты жизни Рублева, а также основные вехи его творчества по росписям храмов. По житиям он сделал ряд ценных наблюдений о причастности Рублева к строительству храмов в Звенигороде, Люблине, Троице-Сергиевом и Андрониковом монастырях.

Тихомиров, посвятивший десятилетия исследованию хранящихся в Отделе рукописей ГИМ такого рода памятников, как лицевые своды, по праву мог оценить книгу своего коллеги и друга А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (1944 г.). Он отмечает, что монография дает возможность проследить развитие русской миниатюры от Киевской Руси до XVII в. и высказывает веские и аргументированные замечания по поводу содержания книги, что говорит о его научной принципиальности.

Михаил Николаевич много сделал для сохранения памятников зодчества, искусства и письменности в Москве и Подмосковье, Новгороде и Пскове, Смоленске и других городах. Его роль в этом деле еще ждет специального рассмотрения.

Сквозной в творчестве Тихомирова была тема вклада Новгорода в сокровищницу мировой культуры. До некоторой степени синтезирована эта проблематика в его докладе «Великий Новгород в истории мировой культуры» на праздновании в 1959 г. 1100-летия города. Тихомиров считал, что Новгород занимал «исключительное, выдающееся место в средневековом мире, не имея себе равных»¹³ и что именно «прочность и длительность новгородских традиций обеспечили Новгороду сохранение его культурных богатств». Обширность и разносторонность торговых и культурных связей города определялась, по мнению Тихомирова, не столько удобными торговыми путями, на которых стоял Новгород, сколько тем, что его

жители «представляются нам отважными, смысленными, искусными людьми, смелыми путешественниками, дерзкими в войнах и в дальних странствиях».

Замечательными примерами новгородской письменности Тихомиров считал «Хождение в Константинополь» новгородского архиепископа Антония (до 1204 г.), рукопись о паломничестве Стефана Новгородца (1349—1350 гг.) и др. Обилие книг, сохранившихся в Новгороде, Михаил Николаевич объяснял в числе прочих причин и тем, что его миновали монголо-татарские погромы. Об уровне культуры и грамотности новгородцев Тихомиров судит и по граффити на стенах церквей и множеству найденных берестяных грамот, выдающееся культурное значение которых, по его мнению, можно сравнить разве что с египетскими папирусами.

Объектом исследований Тихомирова была и древнерусская философия. (При публикации этой части его наследия в его рукопись издателями был ошибочно включен небольшой (7 машинописных страниц) отрывок о переводных сочинениях на Руси, принадлежавший перу покойного проф. М. В. Соколова, о чем редколлегия уведомила читателей лишь в следующем томе собрания сочинений Тихомирова.) Сохранилась большая его работа «Философия в Древней Руси». В ней ставится вопрос о внутренних и внешних условиях, способствовавших зарождению на Руси философско-социологической мысли. Тихомиров обратил внимание на то, что летопись, составленная уже в христианские времена, отразила длительность существования язычества на Руси, долго еще сохранявшего «свое значение преследуемого, но любимого народными кругами мировоззрения».

Бурное развитие культуры в Киевской Руси, которая еще в X в. брела «робкими шагами по пути просвещения», а менее чем через столетие обрела собственную литературу и искусство, по мнению Михаила Николаевича, было во многом связано с тесными контактами с Византией. Древняя Русь не знала латиницы (в отличие от европейских стран) и создавала свой литературный язык на славянской основе. От Древней Руси сохранилось мало светских, гражданских произведений. Тем не менее, считал Тихомиров, там зарождалась философско-социологическая мысль, образцом которой было илларионово «Слово о законе и благодати». Он показал, что Древняя Русь была знакома с юго-западной ученостью. Древнерусские книжники разбирались в сложных философских системах античности. Были переведены философские труды Иоанна Дамаскина («Слово о правой вере»), Иоанна экзарха Болгарского («Шестоднев»). Специально для князя Святослава Ярославича были написаны дошедшие до нашего времени «Изборники» 1073 и 1076 гг., в которых рассматривались и некоторые философские категории: существенное, случайное, род, вид, количество, качество и т. д. Древнерусский автор не просто переписывал античные сочинения, но переосмысливал, перерабатывал и излагал их содержание на славянской основе.

Михаил Николаевич выявил в летописях выдержки и изречения из трудов античных авторов. Он также показал, что не чужда была русской книжности и мудрость Востока. Уже в XI—XII вв. на Руси ходила «Повесть о царевиче Иоасафе», или «Повесть об Акире Премудром»: сборник поучений и притч воспитательного характера, пришедший из Сирии, переведена была знаменитая «Александрия». Глубокими и содержательными были, по мнению Тихомирова, диспуты по религиозно-этическим вопросам, что отразилось, в частности, в «Житии Феодосия Печерского».

Тихомиров отмечает наличие даже в догматических церковных произведениях (в «Толковой Палее» — из Демокрита, в Кормчей — из Жития Нифонта) вольнодумных мыслей, обнаруживает атеистические и еретические идеи, в частности и в «Отреченных книгах», в которых «ставились и разрешались некоторые вопросы философского порядка в явном противоречии со сложившимся церковным учением».

Первым философско-схоластическим трудом, вставленным в летопись, Михаил Николаевич считал «Речь философа» о ветхозаветных пророчествах. К собственно русским произведениям проповедников он относил «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона и проповеди Кирилла Туровского. Первый прославляет новозаветное христианство в противоположность ветхозаветному иудейству, которое исповедовали жители соседней с Русью Хазарии, Русскую землю и ее правителя Ярослава Мудрого. Поучения и проповеди второго — писателя и проповедника XII в. — имели, по мнению Тихомирова, полемический характер, были жизнеутверждающими, поучительными «и для души и для жизни».

Михаил Николаевич специально рассмотрел и вопрос о философии истории в древнерусских сочинениях. Схема всемирной истории была заимствована их авторами в основном из византийских хроник — Иоанна Малалы (VI в.), Георгия Синкелла (IX в.), Георгия Амартола (IX в.) и Симеона Логофета (X в.). Знали на Руси и «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия. С XII в. известна была там «Толковая Палая» — «трактат о творении мира и библейской истории».

Нестора, автора «Повести временных лет»; Михаил Николаевич не считал панегиристом княжеской династии. В концепцию этого летописца вплетались идеи «средневековой православной книжности», хотя преобладала в ней все же «мирская стихия». Как отмечает Тихомиров, летописец поднялся до понимания того, что «каждый народ имеет свой закон или обычай и этот закон или обычай кажется народу справедливым и отеческим, как и законы других народов... За князей отвечают все люди: жертвы гонений сами оказываются виновниками своих бедствий». В философско-исторических взглядах летописцев и авторов сказаний, подчеркивает Тихомиров, доминировала идея единства Русской земли, защиты ее от иноплеменников. С особой силой звучит эта мысль в «Слове о полку Игореве».

Созданию славянской азбуки и роли Кирилла и Мефодия Михаил Николаевич посвятил серию работ. В них исследуется «Сказание о письменах» болгарского черноризца Храбра, «Житие Кирилла Философа», летописные записи, «Память и похвала князю русскому Владимиру» мниха Иакова и другие памятники.

В поле зрения Тихомирова находились и такие темы: отношения мужчины и женщины в браке и вне брака, моральное поведение человека, воспитание детей и пр. Анализ этих вопросов он ведет по таким источникам, как «Послание Иакова черноризца князю Дмитрию Борисовичу» (XIII в.), «Вопрошание Кириково», «Слово о наказании детей к родителям» и особенно «Поучение Владимира Мономаха», а также «Слово Даниила Заточника» (XII в.) и «Послание Даниила Заточеного». Эти произведения, по мнению Тихомирова, являются показателями «увеличившегося значения книжных людей с образованием не только церковного, но и светского порядка».

Перу Михаила Николаевича принадлежат два небольших фрагмента, посвященных развитию и общему направлению философско-социологической мысли на Руси в XIII—XIV вв., в условиях раздробленности и бедствий и с учетом особенностей и взаимовлияния культуры, языка и политической жизни России, Украины и Белоруссии. Источниками для разработки этой проблематики послужили поучения владимирского епископа Серрапиона, «Слово о гибели Русской земли», своды законов и наставления судьям («Мерило праведное», «Закон судный людем», «Правосудие митрополичье» и т. д.), а также послания, слова, поучения и жития святых, особенно — труды Епифания Премудрого. Рубежом в развитии русской культуры Тихомиров считал XII—XIII века, когда в силу феодальной раздробленности развиваются новые ветви когда-то единой древнерусской народности и возникают три славянских народа: русский, украинский и белорусский со своим языком, историческими судьбами.

Примечания

1. Год назад были переизданы две его монографии, вышедшие под одной обложкой: ТИХОМИРОВ М. Н. Древняя Москва. Россия на международных путях. XIV—XV вв. М. 1992.
2. Вопросы истории, 1949, № 2; Вестник Московского университета. Серия общественных наук, 1949, № 4.
3. ТИХОМИРОВ М. Н. Еще несколько замечаний о «Культуре Руси эпохи образования Русского национального государства». — Вопросы истории, 1947, № 11.
4. ТИХОМИРОВ М. Н. К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова. — История СССР, 1958, № 5.
5. ТИХОМИРОВ М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М. 1962, с. 8—9.
6. ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М. 1984.
7. Подробнее см.: ВАЛК С. Н. Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова. — Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1962 год. М. 1963; ШУНКОВ В. И. Академик М. Н. Тихомиров. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М. 1963; и др.
8. ТИХОМИРОВ М. Н. Отрывки славянских рукописей в Матенадаране. — Вестник Матенадарана, Ереван, 1962, № 6.
9. ТИХОМИРОВ М. Н. Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря. — АЕ за 1958 год. М. 1960, с. 11.
10. ТИХОМИРОВ М. Н. Начало московского книгопечатания. — Ученые записки МГУ, 1940, вып. 41, История, т. 1, с. 90.
11. ТИХОМИРОВ М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М. 1968, с. 239.
12. Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. М. 1974, с. 44, № 489—493.
13. ТИХОМИРОВ М. Н. Русская культура X—XVIII в., с. 188 (далее цитируется это издание, с. 189, 190, 95, 126, 148, 149, 150).

Н. ВЕРТ. *История Советского государства. 1900—1991*. М. Прогресс: Прогресс-Академия. 1992. 480 с.

Николя Верт — французский историк, научный сотрудник Национального центра научных исследований в Париже, сын российского эмигранта, также являвшегося профессиональным историком. Рецензируемая книга адресована студентам, изучающим историю России XX века. В предисловии «К российскому читателю» автор пишет, что он попытался применить к советской истории «методы, проверенные при анализе других обществ, точнее — деидеологизировать, деполитизировать споры о СССР, понять сложные взаимоотношения общества и порожденных им институтов, не рассматривая как единственный объект анализа политическую власть и средства ее осуществления (государство, партию, идеологию), вернуть истинное значение экономическим и общественным факторам» (с. 5—6).

Переводчик предпочел совершенно однозначному заголовку французского издания — «История Советского Союза» свое — «История Советского государства». Можно понять стремление автора осмыслить глубинные истоки советского государства, но непонятно, почему за исходный рубеж принят 1900 год.

Главную предпосылку Февральской революции 1917 г. Верт усматривает в том, что первая мировая «война породила кризис, которым самодержавие было не в состоянии управлять» (с. 68). Результатом политики Временного правительства стал, по его мнению, крах государственных институтов и распад общества. В условиях «организационного вакуума осени 1917 г. ... было достаточно энергичных действий одной группы, пусть даже малочисленной, но организованной и решительной, чтобы авторитет ее немедленно вырос до размеров, несопоставимых с ее реальной силой» (с. 101). Воззвание Петроградского Военно-революционного комитета 25 октября 1917 г. о переходе власти в его руки — до взятия власти II Всероссийским съездом Советов — представляло собой, по мнению автора, «настоящий государственный переворот» (с. 104).

Книга повествует об основных вехах установления и развития советского государства вплоть до распада Советского Союза. Верт знакомит читателя с концепциями известных западных советологов (М. Левина, Н. Ясного и др.), со взглядами советских историков и социологов. Он прослеживает, как шло превращение большевизма в государственную структуру. В книге приводятся сведения о первых социально-экономических преобразованиях советского правительства, об антидемократических мерах в области печати и т. д. Автором освещена история роспуска Учредительного собрания, в результате чего власть «перешла от общества к государству, а в государстве — к партии большевиков, монополизировавших исполнительную и законодательную власть» (с. 113).

Большое место уделено рассмотрению «военного коммунизма» и его несостоятельности как особого метода «управления экономикой» (с. 126—127). К этому периоду автор относит и установление политической диктатуры большевиков, подчинивших себе Советы и профсоюзы и уничтоживших другие партии.

По мнению Верта, новая экономическая политика хотя и приблизила промышленность и сельское хозяйство к уровню 1913 г., но вызвала «социальную деградацию» общества: оно приобрело характер социума, в котором «заправляли тунеядцы, паразиты, спекулянты и продажные чиновники» (с. 166). Именно «социальная деградация» и общее «разгильдяйство», считает автор, вызвали у большинства коммунистов мысль о необходимости «большого скачка» (с. 166). «Антикапиталистическая революция» — насильственная коллективизация и ускоренная индустриализация — в числе своих социальных последствий имела «классовую войну», жертвами которой стали кулаки, духовенство, буржуазная интеллигенция (первая волна), рабочие и крестьяне, отказывавшиеся подчиниться требованиям дисциплины (вторая волна), хозяйственные, партийные и научно-технические кадры (третья волна) (с. 232—233).

В книге уделено большое внимание внутрипартийной борьбе по вопросам текущего и перспективного развития страны, а также политическим процессам 30-х годов. По мнению Верта, тогдашние лидеры государства разработали «идею заговора», в основу которой была положена «идея разрыва» между партийными директивами и их выполнением местными руководителями. «Идея заговора», явившаяся, как считает Верт, «результатом чудовищной политической слепоты» (с. 208), легко объясняла все неурядицы и хозяйственные трудности в стране. Впрочем, трудно согласиться с авторским выводом о «политической слепоте» советских руководителей 30-х годов. Скорее здесь имело место их осознанное стремление «списать» трудности в экономическом развитии на «буржуазное вредительство», на «врагов народа».

Любопытна точка зрения Верта на причины поддержки репрессивных акций со стороны части населения. Вслед за американским советологом М. Левиным, автор развивает тезис об идее «демонизма, нечистой силы», истоки которой «уходили корнями в целый комплекс религиозных и мифологических верований предков». «В народном сознании идея законности в некотором смысле дополняла традиционно присутствующую в нем идею «нечистой силы», — пишет Верт, — беды и неудачи объяснялись кознями врага, предательством. В этом смысле широкие публичные процессы по выявлению врагов, со своими героями (партийные и государственные руководители)

и своими демонами (предатели, саботажники, шпионы), являли собой настоящие ритуалы по изгнанию «нечистой силы» и поэтому с большой легкостью усваивались сознанием простого народа» (с. 234).

Верт пытается дать свой (хотя и спорный) ответ на ряд острых вопросов периода Великой Отечественной войны — о причинах военных неудач Красной Армии в первые месяцы войны, о «катынских захоронениях» и др. Интересны его размышления об идеологической эволюции сталинского режима в годы войны, выразившейся, в частности, в сближении власти с Русской православной церковью и урегулировании отношений с исламским духовенством. Впрочем, Верт не всегда точен в изложении выступлений И. В. Сталина в первые дни войны, на которых, собственно, построена авторская концепция эволюции режима (с. 285). Непонятно, почему в книге отсутствует какое-либо упоминание о войне СССР с Японией.

Автор считает, что хозяйственные реформы конца 50-х — середины 60-х и последующих годов имели своим результатом глубокий кризис советской экономики из-за порочности существовавшей системы, неспособной «обеспечить эффективное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала общества» (с. 407). Верт обращает внимание на социальный кризис, проявившийся на рубеже 70—80-х годов в виде различных форм протеста советских людей, не согласных с «официально признанными нормами и ценностями» (с. 418). Он вслед за другими западными советологами полагает, что именно в эти годы произошло рождение в СССР подлинно гражданского общества (с. 412, 413).

Социальный кризис середины 80-х годов оказался настолько глубоким, пишет Верт, что «призыв к реформе тотчас нашел отклик в чаяниях «низов», выношенных в течение двух предшествующих десятилетий» (с. 441). Глава «Революция Горбачева» — одна из наиболее интересных (хотя и наиболее дискуссионных) в книге. «Команде Горбачева», считает автор, не удалось решить три важнейшие проблемы, стоящие перед страной: создание политического плюрализма, утверждение рыночной экономики и подписание нового союзного договора, что, в конечном счете, и ускорило распад СССР.

Книга Верта — одна из наиболее обстоятельных современных работ по отечественной истории XX века. На большом документальном материале в книге рассмотрены сюжеты, которые почти не затрагивались в нашей литературе, например, борьба с бюрократизацией в 30-е годы, послевоенная система концлагерей, урбанизация в середине 60-х — 80-х годах и т. д. Автор обратил внимание на темы, при освещении которых отечественные историки еще не освободились от сложившихся в прежние годы стереотипов.

В то же время в книге очень много фактических неточностей и ошибочных утверждений. Автор

не всегда учитывает разницу в датировке тех или иных событий по старому и новому стилю. Даты принятия некоторых советских декретов — о ВСНХ, рабочем контроле, национализации банков и др. (с. 108, 109) — указаны по новому стилю, а большинство событий политической истории — по старому, что вносит известную путаницу, неоправданно разделяя двухнедельным сроком одновременно происходившие события.

Противоречит документам утверждение, будто в избранный II Всероссийским съездом Советов ВЦИК вошли лишь большевики и левые эсеры. В выборах ВЦИК участвовали также присутствовавшие на заседании эсеры-максималисты, социал-демократы-интернационалисты («новожизненцы») и украинские социалисты (меньшевики и эсеры). Всего в состав ВЦИК II созыва был избран 101 (а не 96) человек, из них 62 (а не 67) большевиков¹. Не соответствует фактам утверждение, что после роспуска Учредительного собрания советское правительство ограничило prerогативы Всероссийского съезда Советов, «сессии которого проходили все реже и сводились к чисто символическим заседаниям», а ВЦИК собирался раз в два месяца (с. 112). Тезис этот опровергается опубликованными стенографическими отчетами III, IV и V съездов, состоявшихся — соответственно — в январе, марте и июле 1918 года. Достаточно часто проходили сессии ВЦИК. Например, ВЦИК IV созыва, который работал с 20 марта по 4 июля 1918 г., собирался на пленарные заседания 21 раз².

Несколько искусственными выглядят рассуждения автора о «радикальном разрыве» Сталина с ленинским наследием в послевоенные годы. Этот разрыв, считает Верт, осуществлялся на «уровне символов» (воссоздание отмененных Лениным гражданских и военных званий), на теоретическом уровне (скрытая критика ленинской концепции партии в речи Сталина 9 февраля 1946 г.), а также в игнорировании им руководящих партийных органов (с. 327—328). Дело в том, что указанные автором «символы» никогда не ассоциировались в СССР с ленинским наследием, под которым понимались прежде всего теоретические взгляды Ленина, его учение. Речь Сталина, произнесенная накануне выборов в Верховный Совет СССР, имела пропагандистский характер и одной из ее задач было сплочение всего населения — членов партии и беспартийных — в целях восстановления разрушенного войной хозяйства. Что же касается игнорирования Сталиным руководящих органов партии, то это был закономерный результат проводимого им курса на утверждение своей диктатуры.

Причину оттока сельского населения в города в послевоенные годы Верт видит в денежной реформе 1947 г., которая сильно «ударилась по крестьянам» (с. 297). Но были и другие, и притом более важные причины, как, например, меры по обеспечению индустрии рабочими кадрами из числа сельских жителей (система оргнабора рабочих на

основе договоров хозяйственных организаций с колхозами и мобилизационный принцип комплектации учебных заведений системы подготовки трудовых резервов), а также недовольство крестьян политикой правительства в области сельского хозяйства.

Существовавшие в 1947—1953 гг. школы и училища системы трудовых резервов, вопреки утверждению автора на с. 300, не давали учащимся среднего специального образования. «Ленинградское дело», говорится на с. 331, позволило устранить ряд партийных руководителей, в числе которых находился Г. М. Попов — первый секретарь Московской парторганизации, замененный в 1949 г. Н. С. Хрущевым. Но Попов вовсе не был «устранен» от политической деятельности. После ухода с поста первого секретаря МК он оставался председателем Моссовета и секретарем ЦК (вплоть до 1953 г., когда был назначен послом в Польшу).

Неубедительно утверждение автора, будто «неожиданный успех» программы освоения целины в 1956 г. «сыграл не последнюю роль в утверждении Хрущева в качестве неоспоримого лидера на XX съезде партии» (с. 342). Ко времени открытия съезда Хрущев уже приобрел определенный авторитет и в стране, и в партии как инициатор ряда политических реформ, как один из зачинателей процесса демократизации общественно-политической жизни. Съезд же состоялся в феврале, т. е. задолго до уборочных работ и до того, как стали известны итоги целинной жатвы.

Отдельные даты и факты, указанные в книге, неверны. Так, Ленин был ранен не во время левозерского мятежа в июле (с. 224), а 30 августа 1918 г.; «ленинградское дело» было сфабриковано не в 1948 г. (с. 352), а в 1949 г.; в 1946 г. был закрыт по постановлению ЦК ВКП(б) литературно-художественный журнал «Ленинград», но не «Звезда», как сказано на с. 306; на XVIII съезде партии шла речь о создании двух, а не трех (с. 231) дружественных классов и народной интеллигенции, которая рассматривалась в СССР как «специфическая социальная группа», «социальная прослойка». Число таких замечаний можно было бы умножить. Трудно понять, почему подобное издание, не снабженное к тому же необходимым справочным аппаратом, примечаниями и комментариями, было рекомендовано студентам в качестве учебного пособия.

Т. А. СИВОХИНА

Примечания

1. См. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. Депутатов II созыва. М. 1918, с. 4.
2. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва. (Стенографический отчет). М. 1920.

J. FORSYTH. *A History of the Peoples of Siberia. Russia's North Asian Colony. 1581—1990.* Cambridge University Press. Cambridge — N.Y., etc. 1992. 455 p.

ДЖ. ФОРСИС. *История народов Сибири. Северная азиатская колония России. 1581—1990*

Монография руководителя Русского департамента Эбердинского университета (Великобритания) Дж. Форсиса посвящена истории коренных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, освоения этих регионов русскими, влиянию последнего на жизнь аборигенов, их современному положению и дальнейшим его перспективам. Автор обращается и к сравнительно-историческому анализу судеб коренных народов Сибири и северо-американских индейцев и эскимосов, затрагивает проблему изменений в среде обитания этих народов.

Хронологические рамки книги весьма значительны: с конца XVI в. до «перестройки и гласности»; в географическом отношении исследование охватывает народы, населяющие территорию от Урала до Дальнего Востока и от побережья Северного Ледовитого океана до границ с Китаем и Монголией. Автор опирается на публикации документов XVII—XIX вв., этнографические и географические описания, записки путешественников по Сибири

и Дальнему Востоку, материалы переписей населения, а также на опубликованные научные исследования, в особенности на новейшие работы этнографов о коренных народах, художественную и «пропагандистскую» литературу (в использовании последней, впрочем, автор не всегда достаточно объективен).

Форсис предлагает свою интерпретацию проблем и стремится опровергнуть основные положения советских историков, в том числе: о мирном присоединении народов Сибири к России, о том, что оно принесло коренным народам пользы больше, чем вреда, поскольку привело их к контакту с «более высокой культурой». Российский колониализм, по мнению автора, ничем в принципе не отличался от других колониальных режимов. Работы советских авторов, освещавшие послереволюционный период в истории малых народов, как полагает Форсис, искажают фактическую историю «принудительных культурных преобразова-

ний» в жизни этих народов, их приспособления к советским общественным и политическим структурам в результате коллективизации, «деноматизации» и разрушения традиционного уклада жизни (с. XVII).

Книга написана в жанре «этноистории», т. е. на стыке истории и антропологии. «Событийные» разделы чередуются с этнографическим материалом, который нередко как бы «вплетается» в полотно исторических событий. «Этнографические разделы» преследуют цель показать изменения в традиционном жизненном укладе, хозяйственной деятельности, духовном и культурном облике коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Впрочем, эти разделы не лишены ряда неточностей. Так, например, Форсис утверждает, что у сибирских татар в XVI в. отсутствовало огнестрельное оружие, хотя источники свидетельствуют о том, что у противостоявших Ермаку татар были пушки¹.

Ряд ключевых сюжетов автор постоянно держит в фокусе своего внимания, неоднократно возвращаясь к ним по ходу изложения. Среди них — негативное воздействие прокладываемых русскими путей сообщения на весь образ жизни местного населения; роль ясака и пушной торговли в экономике Московского, Российского и Советского государств (с. 38—42, 111, 116, 242, 258, 293); пагубная для коренного населения практика торговли алкоголем в дореволюционное (с. 161, 185, 262) и советское время (с. 349, 369, 384, 392); рабство, работорговля и использование рабского труда местных народов (с. 68, 80, 114, 128, 135, 140, 142, 143, 151).

Однако утверждение, что русские восприняли и распространили рабство и работорговлю, существовавшие до их прихода у местных народов в небольших масштабах, автором не доказано. Приведенный им материал относится скорее к единичным фактам, нежели к явлениям массового характера, и свидетельствует не столько о рабстве, сколько о более или менее тяжелых формах кабалы, найма в услужение. Известны в то же время случаи, когда русские находились в услужении, например, у купцов-«бухарцев»². Нельзя согласиться с жестко сформулированным Форсисом тезисом о тождественности рабства и русского крепостничества как его «особой систематизированной формы» (с. 68).

Совершенно необоснован автором перенос того типа социальных отношений, которые сложились в Европейской части России, на Сибирь. В Центральной Сибири, о которой в данном случае идет речь, русские появились задолго до юридического оформления крепостного права в 1649 году. В Сибири в целом никогда не существовало крепостное право как система: перед реформой 1861 г. здесь насчитывалось всего 4 тыс. крепостных мужского пола, преимущественно дворовых, т. е. занятых в качестве личной прислуги.

Для характеристики взаимоотношений пришлого и местного населения автор широко пользу-

ется терминологией, которая свидетельствует о его необъективности при рассмотрении истории русской колонизации («оккупация», «вторжение», «захват», «завоевание», «колония» и даже «русский расизм»).

Форсис рассматривает миграцию и демографическую динамику коренных народов; их взаимоотношения с соседями и русскими пришельцами; племенные, а затем территориальные и национальные государственные образования, автономии; языковое взаимодействие, антропонимику; процессы «русификации», «христианизации» как результаты культурного и религиозного взаимодействия русских и коренного населения, и другие вопросы. Особое внимание уделяется в книге фактам вооруженного сопротивления со стороны коренных народов, движениям за национальную автономию в царской России, в годы Октябрьской революции и гражданской войны, а также за национальный суверенитет в наше время.

Говоря о «сибирской ссылке», Форсис выделяет, кроме обычных преступников, такие категории ссыльных, как старообрядцы, сектанты, неортодоксальные христиане и другие, сосланных за «религиозные преступления». Выделены и некоторые этнические группы ссыльных, например, шведы, плененные в ходе Северной войны, и мятежные поляки, высланные во время разделов Польши и в XIX веке. Автор высоко оценивает вклад 100 тыс. высланных в Сибирь поляков в общественную и культурную жизнь этого региона, и выделяет заслуги таких ученых, как географ И. Черский, исследователь северных районов Центральной Сибири А. Чекановский, этнографы В. Серошевский, Б. Пилсудский (с. 194). Говоря о политических ссыльных в начале XX в., Форсис особо отмечает эсеров — В. Г. Богораза и В. И. Йохельсона, участвовавших в географо-этнографических экспедициях в северо-восточной Сибири и опубликовавших по их результатам солидные научные труды о коренных народах азиатской России (с. 195, 420, 424). О роли ссыльных как культурных «прогрессоров» Сибири писали и отечественные историки³.

В целом же английский исследователь весьма негативно оценивает и систему сибирской ссылки и вред, принесенный пришлым «криминальным элементом». Следовало бы более четко разграничивать сами понятия «ссылка» и «каторга», поскольку каторжники в значительной мере были изолированы от местного населения и их присутствие в Сибири не могло оказывать на него непосредственного влияния.

Представляет интерес авторская трактовка и некоторых проблем истории советского периода, в частности коллективизации в Сибири. Дж. Форсис исходит из того, что система кооперации, созданная в 1920-х годах усилиями Комитета Севера, обеспечивала коренное население региона всем необходимым для поддержания его существования в рамках традиционного уклада. Последний, одна-

ко, не обеспечивал производства излишков продуктов, представлявших интерес для Советской России с точки зрения экспорта (с. 290—291). Коллективизация же — как радикальный опыт «социального конструирования» — была навязана коренным народам без учета их специфики.

Вполне обоснованными представляются утверждения автора об относительности классовой «стратификации» у народов Сибири, занимающихся охотничьим промыслом, у которых была распространена традиционная уравнительная система распределения — «нимат». Убедительно показаны негативные экономические последствия коллективизации для коренных народов, неоправданное ускорение ее темпов вопреки своевременным предупреждениям Комитета Севера и некоторых членов Политбюро. Впечатляют данные, замалчиваемые до недавнего времени, свидетельствующие о фактах насильственного создания «коммун» среди эвенков (с. 293—295).

Оценивая ущерб, понесенный в период Отечественной войны коренными народами Сибири, Севера и Дальнего Востока, автор утверждает, что «цена воинской мобилизации сибирских народов... вряд ли сможет оправдать тяготы, понесенные ими, а также разрушение традиционного уклада жизни этих народов в связи с изъятием массы мужчин на нужды армии и промышленности» (с. 351). Все возраставшие миграционные потоки (эвакуированные вместе с промышленными предприятиями, спецконтингент ГУЛАГ'а, занятый в промышленности) стали дополнительным бременем для местного населения (с. 352).

Создается впечатление, что Форсис одинаково доверительно относится как к серьезным научным исследованиям, так и к содержанию публицистических и художественных произведений, не выделяя собственно источники как особую категорию (ч. XVI, предисловие).

Выбор автором источников и литературы не всегда удачен. Так, рассматривая различные проблемы истории коренных народов Сибири во второй половине XIX в., Форсис отдает предпочтение трудам «областников», приверженцев идеи «сибирской автономии», и прежде всего работам Н. М. Ядринцева⁴. Однако некритически используя его аргументацию, автор не всегда учитывает ее односторонность и явную предвзятость.

Форсис подходит к русскому освоению Сибири как к единому процессу, между тем как отечественные историки-«сибиреведы», и прежде всего В. А. Александров, — убедительно показали, что необходимо различать «государственную» и «народную», «крестьянскую» колонизацию. Фактически имели место два процесса, не совпадающих во времени — «политический» (связанный с развити-

ем государства и присоединением новых территорий) и «этнический» (связанный с заселением и освоением новых земель крестьянством). Содержание этих процессов было неоднозначным, существовали различные тенденции в заселении и освоении Сибири. Имели место и насильственные, «колониальные», формы взаимодействия русских с коренными народами. Форсис приводит факты конфликтов пришлых крестьян с местным населением (см. с. 64, 65, 101, 117, 159, 187). Но при всем том, в государственной политике России всегда присутствовало и достаточно вдумчивое, «охранительное» отношение к народам Сибири и Дальнего Востока.

Сибирь, будучи вотчиной «государственного феодализма», рассматривалась как важнейший источник доходов и экспортных поступлений. В до-революционной России издавались указы, преследующие цель юридически ограничивать злоупотребления по отношению к ясачному населению (имеются в виду указы Петра I, Анны Ивановны, Екатерины II, а также реформы М. М. Сперанского, — о них упоминает и автор: с. 135, 139, 150, 156—157). Впрочем, Форсис невысоко оценивает реальное значение всех этих нормативных актов. Все же нам представляется, что именно достаточно взвешенная политика Российского государства позволила в конечном итоге сохранить коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока как этнические общности.

Стремление опровергнуть «идеологические основы» отечественного сибиреведения в конечном итоге приводит Форсиса к односторонности в трактовке целого ряда проблем русской колонизации Сибири.

Появление этой книги свидетельствует о необходимости разработки нашими историками объективной научной концепции взаимоотношений между русскими и коренными народами Сибири и Дальнего Востока.

О. Л. МИЛОВА

Примечания

1. СКРЫННИКОВ Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск. 1986, с. 217.
2. ВИЛКОВ О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск. 1990, с. 303.
3. См., напр., ЗУЕВ А. С., МИНЕНКО Н. А. Секретные узники сибирских острогов. Новосибирск. 1992.
4. ЯДРИНЦЕВ Н. М. Сибирь как колония. СПб. 1882; и др.

Ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, доктор исторических наук Н. С. Кулешов, используя новые материалы из русских и зарубежных архивов, публикации документов и специальную литературу, предложил свою, вполне обоснованную и более конкретную, чем в работах его предшественников, трактовку политики России в отношении Тибета, позволяющую внести ясность во многие сложные вопросы ее азиатской политики на рубеже XIX—XX веков. Кулешов убедительно доказал, что Россия не стремилась к захвату Тибета. Этот регион не являлся прямым объектом англо-русского соперничества.

Россия не имела четко разработанной тибетской политики. Конечно, необходимость учитывать, что уже в XVII в., когда Россия вплотную соприкоснулась с Китаем, Тибет попал в орбиту ее внимания как регион, прилегающий к Китаю и к тому же связанный тесными духовными узами с Монголией и Джунгарией, отношения с которыми оказывали прямое влияние на российских подданных — бурятов и калмыков. Интерес России к Тибету имеет глубокие исторические корни. Однако, и в этом Кулешов прав, нельзя смешивать этот интерес с государственной политикой, да к тому же будто бы преследующей цель захвата Россией Тибета.

Между тем подобные версии бытуют в западной науке и поныне. Кулешов показывает, как рождалась версия о стремлении России захватить Тибет. Ее муссировала не только британская администрация в Индии и ведомство иностранных дел Великобритании (с. 32—33). Иногда к этому прибегала и российская дипломатия. Директор Азиатского департамента МИД России Н. П. Игнатьев писал, что «у России нет притязаний на Индию», но у Англии нужно поддерживать страх за ее владения (с. 26).

Подозрения относительно российских намерений в Тибете получили широкое распространение после того, как ближайшим сподвижником XIII Далай-ламы, правившего с 1894 г., стал выходец из России Агван Доржиев (1853/54—1938). Сведения о его появлении в Тибете и в высших правительственных кругах Лхасы различны. По данным, приведенным Кулешовым, Доржиев «в возрасте 18 лет ушел в Ургу, получил там высшее буддийско-богословское образование, затем переселился в Лхасу» (с. 42). По разысканиям А. И. Андреева, «бурят по национальности, российский подданный Доржиев получил богословское образование и титул лхарамба (высшая ученая степень в буддизме) в Брайбунском монастыре в окрестностях Лхасы, а затем стал духовным наставником (цаншав-хамбо) и доверенным лицом тибетского XIII Далай-ламы Тубдан-Чжамцо (1876—1933)»¹.

Кулешов считает, что Доржиев «был сторонником ориентации Тибета на Россию и активным проводником этой линии» (с. 42). XIII Далай-лама, кото-

рый исходил из позиции «о всегда существовавшей независимости Тибета» (с. 20), вероятно, как полагает автор, не без влияния Доржиева (документированных свидетельств этому не обнаружено) решил в трудных условиях, когда на Тибет оказывалось давление с востока и юга, искать поддержку у России. Был ли Доржиев «агентом» России? На этот вопрос тоже пока нет документированного ответа. Его нет в известных науке документах российских властей и в документах иных стран, в том числе и тибетских. Думается, если бы китайская наука располагала таковыми, она бы не преминула воспользоваться ими в 70-х годах. Трудно предположить, что такие документы имеются и в тибетских архивах, вывезенных за рубеж XIV Далай-ламой, после того как он покинул Тибет в марте 1959 года. Иначе они непременно стали бы достоянием западной и американской науки.

Доржиев скорее всего был обычным бурятским ламаитом; получившим высшее богословское образование в Монголии и в Тибете и благодаря своим способностям продвинувшимся в Тибете до самых высоких постов религиозно-государственной службы. В сложной ситуации конца XIX — начала XX в. Тибет подвергался давлению со стороны цинских властей. Кулешов справедливо указывает, что, уступая колониальным державам в других районах, цинские власти сами проводили жесткую политику в Синьцзяне и на окраинах Тибета. Естественное для Доржиева желание «отдать предпочтение России» (с. 42), его поездки в Россию и аудиенции у царя, как верно отмечается в рецензируемой книге, «не привели к какой-либо двусторонней договоренности между Тибетом и Россией, равно как и к установлению каких-либо официальных отношений между ними» (с. 47). МИД России подчеркивал, что миссии Доржиева имели религиозные цели.

Читатель найдет в книге подробные сведения о подготовке экспедиции полковника Янгхасбенда (1904 г.). Эта британская акция трактуется Кулешовым правильнее, чем это делалось ранее. Автор обоснованно характеризует позицию цинского двора как стремление преподать урок тибетцам руками англичан. Однако этот «урок» оказался направленным против самой династии Цин. Заключив с Великобританией 7 сентября 1904 г. Лхасскую конвенцию, правительство Тибета проявило свою независимость от Китая, а тот, по условиям конвенции, фактически оказался в положении иностранного государства по отношению к Тибету (с. 259—260). Лишь «Отдельная статья» конвенции допускала, что «правительство Тибета согласно разрешить британскому агенту... в Гьянцзе... посещать Лхасу в случае необходимости для консультаций с высшими китайскими и тибетскими должностными лицами» (с. 261).

Остается неясным тезис Кулешова, что власти

Британской Индии проводили более экспансионистскую политику, нежели лондонское правительство. Данные, приведенные в книге, свидетельствуют не столько о расхождении политических курсов, сколько о том, что лондонское правительство корректировало результаты экспедиции Янгхасбенда с учетом международной обстановки, ссылаясь при этом на «недисциплинированность» британских чиновников в Индии.

Автор считает несостоятельным ставшее традиционным положение о якобы экспансии в Азии лишь двух держав — Англии и России. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что последняя не реагировала жестко на Лхасскую конвенцию (возможно, это было связано с русско-японской войной и начавшейся революцией в России). Автор справедливо обращает внимание на то, что XIII Далай-лама, покинувший Лхасу и прибывший в Ургу, в пределы России допущен не был. Не вызвала протестов в России и англо-китайская конвенция 1906 г., по существу открывшая путь к присоединению отдельных районов Тибета к Китаю. Практически от английской экспедиции 1904 г. в Тибет выиграл только Китай, за которым, согласно англо-русской конвенции 1907 г. признавался сюзеренитет над Тибетом (с. 263).

Впрочем, Кулешов не очень четко излагает свою точку зрения на значение этого документа (с. 129). По его мнению, у России в Тибете были интересы скорее «нравственные», и «Россия, в отличие от Англии, не разрабатывала и не имела своей активной тибетской политики. Ее образ действий в отношении Тибета определялся не собственными планами, а был отражением тибетской политики Великобритании» (с. 126). Думается, однако, что если бы Россия не была хоть как-то заинтересована в Тибете и в Далай-ламе, вопрос этот вряд ли бы получил отражение в англо-русской конвенции.

Неясно, почему Англия, добившись удовлетворения своих «реальных» интересов в этом регионе, сама как бы отказалась от своих преимуществ в пользу Китая. Признание двумя державами сюзеренитета Китая над Тибетом не означало еще признания этой области частью китайской территории. Цинская империя не была «договаривавшейся державой» в англо-русском соглашении. Она получила

то, что ей выделили «договаривавшиеся державы»: «Тибет был отнесен к маньчжуро-китайской сфере влияния, что фактически означало предоставление Цинам полной свободы действий в отношении этой страны» (с. 139), чем Китай и воспользовался (см. главу «Карательная война в Тибете»).

Подробно говорится в книге о пребывании XIII Далай-ламы в Индии, а также о Тибете в период Синхайской революции и в первые годы после нее. Английское правительство в меморандуме от 17 августа 1912 г. предложило республиканскому правительству Китая сохранить сюзеренитет над Тибетом. Однако китайскую сторону не устраивало положение сюзерена. Создались предпосылки к конференции в Симле (1913 г.). Но в этих акциях Россия уже не участвовала, что, как правильно подмечает Кулешов, фактически было нарушением конвенции 1907 года. Статья 11 конвенции, подписанной в Симле, признавала сюзеренитет Китая над Тибетом, но обязывала Китай не превращать Тибет в свою провинцию.

Представляется слишком категоричным утверждение автора, будто «Россия оставалась совершенно пассивной в сфере взаимоотношений как с Тибетом, так и с другими державами в связи с Тибетом» (с. 245). В книге недостаточно четко охарактеризованы российские интересы в этом регионе, которые по многим причинам (о них пишет и Кулешов) не могли быть реализованы. Однако Россия никогда не покушалась на целостность Цинской империи, хотя и стремилась получить определенные преимущества в отдельных ее регионах.

Многие проблемы, поднятые в книге, сохраняют и поныне свое значение, особенно если учесть наличие в Российской Федерации значительного числа буддистов, для которых Далай-лама остается главным духовным главой и наставником.

Е. И. КЫЧАНОВ

Примечания

1. АНДРЕЕВ А. И. Из истории Петербургского буддийского храма. — Ориент, вып. 1, 1992, с. 7.

И. А. ЗАИЧКИН, И. Н. ПОЧКАЕВ. *Русская история. Популярный очерк. IX — середина XVIII в.* М. Мысль. 1992. 798 с.

Кто из любителей истории не знает, как трудно найти хорошую книгу, в которой бы просто и увлекательно, на современном научном уровне рассказывалось о прошлом нашей страны? К сожалению, в последние годы историки не баловали своих сограждан такими работами. Приходилось переизда-

вать массовыми тиражами труды Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. И вот, наконец, вышел в свет популярный очерк русской истории. Причем, по объему он намного превосходит вузовские учебники истории России и написан еще вчера никому не известными авторами.

Впрочем, по мере чтения книги становится ясно, что представления их об истории России не отличаются в принципе от бытовавших в советской литературе много лет назад. Уже с первых страниц книги, с введения «Об истории» (с. 3—7) появляется ощущение, что это именно так. Достаточно сравнить данный текст с любым введением к вузовским учебникам по истории СССР 40-х — начала 50-х годов, чтобы удостовериться, что и по объему, и по структуре, и по основным идеям наши авторы ни в чем не отступают от этого образца (например, второго издания «Истории СССР» под редакцией Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева. — Т. 1. М. 1947, с. 7—10).

Само по себе это, может быть, и не так уж плохо — все-таки эти учебники писали солидные ученые. Беда в другом. То, что тогда было приемлемо, сегодня, мягко говоря, несколько устарело. Правда, авторы об этом, кажется, не подозревают. Они громят «идеалистов вообще и буржуазных вульгаризаторов истории, в частности» (с. 5). Причем больше всего достается при этом немецкой «критически мыслящей интеллигенции» 40-х годов XIX в., и в частности Г. Бюхнеру. Но ведь пресловутые буржуазные историки за полтора века все-таки продвинулись вперед и свои взгляды, в том числе и на роль личности в истории, успели существенно изменить.

Вообще же во введении речь идет не столько об истории, сколько о «домарксистской философии истории» и материалистическом понимании жизни общества. Философско-социологический «запев» дополняется тремя определениями самого понятия «история», заимствованными из словарей русского языка, энциклопедического и философского (причем с указанием, что «строго научное определение» дает только последний), а также рядом цитат из Карамзина, Фейхтвангера и Ключевского.

Вряд ли в рамках рецензии возможен анализ каждого из 68 очерков, составляющих книгу. Гораздо важнее выяснить, что же она представляет собой в целом как издание, претендующее на то, чтобы формировать массовое историческое сознание.

Итак, прежде всего уточним, что же понимают авторы под термином «популярный очерк». В аннотации к книге говорится, что это рассказ в «живой форме» о «главных вехах» развития русского народа, в котором широко используются «произведения исторической беллетристики». Однако такие ее достоинства, как высокая художественность, в книге отсутствуют.

Литературу, которой авторы дополняют «беллетристику», можно разделить на: 1) монографии ведущих историков; 2) обобщающие курсы истории и учебники; 3) научно-популярные издания. Изредка встречаются в книге ссылки на источники. Впрочем, и здесь авторы предпочитают довольствоваться цитатами, взятыми из вторых, а то и из третьих рук. А ведь ни один беллетрист не передаст аромата ушедшего времени точнее и полнее, чем удачно

найденный фрагмент исторического документа. Но такую цитату надо уметь найти и «обыграть». Авторы не считают с тем, что есть определенная разница (и существенная!) между источником, исследованием, пособием по истории и историческим романом, считая их равными по значению для воссоздания истории. В результате свидетельства летописи дополняются в книге домыслами литератора, фантазирующего на тему любви князя Святослава к «девушке-рабыне по имени Малуша». Оказывается, этого князя «только непреклонная воля матери вынудила... жениться» на ...венгерской княжне. Причем авторы даже сообщают имя супруги князя-воина: «Ильдико (русское имя — Предслава)»; дочь князя Такшоня (с. 36—37).

Порою свидетельства источников вообще отвергаются авторами вслед за беллетристами (к примеру, С. Спяренко) и, таким образом, они переписывают историю, превратив жертву в преступника: изнасилованную Владимиром Рогнеду в этакую Сигрид Убийцу, пытавшуюся живьем сжечь своего «благодетеля» — «жениха», только что даровавшего ей жизнь и свободу... (с. 44). Подобных примеров можно привести немало.

Для воссоздания собственного очерка русской истории на популярном уровне авторы используют не только романы: они обильно цитируют, а чаще — пересказывают вузовские учебники, статьи из популярных журналов и даже научно-популярные книжки для подростков (с. 16, 24—25 и многие др.). Однако было бы неверно полагать, что авторам неизвестна более серьезная литература. Достаточно часты в книге ссылки и на монографические исследования. Но этим дело не ограничивается. Стоит только внимательнее «вчитаться» в незакавыченные тексты книги, как можно тут же узнать знакомый стиль.

Так, авторы пишут: «Иван Калита сыграл положительную роль в объединении Северо-Восточной Руси вокруг Москвы как главного территориального ядра будущего Русского централизованного государства, однако как политического деятеля его не следует идеализировать. Он был сыном своего времени и своего класса, правителем жестоким, хитрым, лицемерным и вместе с тем умным, упорным и целеустремленным» (с. 154). А вот как о том говорится в монографии известного ученого: «Княжение Ивана Калиты было важным этапом в процессе политического возвышения Московского княжества, как основы объединения Северо-Восточной Руси и главного территориального ядра будущего Русского централизованного государства... Калиту не нужно идеализировать. Это был сын своего времени и класса, правитель жестокий, хитрый, лицемерный, но умный, упорный и целеустремленный»¹.

Правда, в заимствованных таким образом текстах, переставляя местами или заменяя менее трех слов в предложении, авторы делают ссылку на использованную работу. И все же весь их очерк

«Объединение русских земель вокруг Москвы» практически состоит из таких же «позаимствованных» цитат. То же характерно и для многих других разделов книги. Так, очерки об эпохе Петра I фактически списываются из работ Н. И. Павленко и Е. В. Анисимова. При этом источник заимствований обнаруживается довольно легко, если в книге дается хотя бы одна ссылка на него. А иногда о нем говорит уже название очерка (к примеру, «О «птенцах гнезда Петрова»»).

Нет нужды приводить здесь текстологические сопоставления, чтобы показать, откуда сделаны авторами такого рода заимствования. Очевидно, они полагали, что радикальное сокращение, конспектирование текста чужих работ, — это и есть основной способ популяризации истории. Правда, они пытаются комментировать тексты, вышедшие из-под пера ученых. Но при этом авторы опираются только на свои представления о ходе русской истории, не учитывая того, что они в ней сократили. В результате нашим предкам наряду с распашкой «временно заброшенных земель» приходится осваивать загадочные «новые пустоши» (с. 142).

Особенно в авторских комментариях не везет женщинам. Оказывается, супруга Ярослава Мудрого, Ирина-Инггерда — дочка вовсе не шведского короля Олафа Скотконунга, как все до сих

пор думали, а норвежского короля Олафа I Трюгвассона (у авторов — Тюргвассон, с. 51). Пятую жену Ивана Грозного А. Г. Васильчикову авторы сделали сиротой и более того — ее, дочь простого костромского дворянина, — воспитанницей князя М. И. Воротынского (с. 316).

Грустно, что серьезное, уважаемое издательство выпустило в свет такую книгу, да еще в 2,5 раза большим тиражом, чем переиздание «Лекций по русской истории» С. Ф. Платонова и почти в 1,5 раза большим, чем его же действительно популярного «Учебника русской истории», перепечатанного в серии «Библиотека журнала «Вопросы истории»».

Велика в появлении рецензируемого сочинения вина не только редакторов, но и историков, оставивших незаполненной «нишу» популярной литературы по истории. Создание ее — дело тонкое, требующее высочайшего профессионализма и ответственности.

И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

Примечания

1. ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960, с. 512—513.

О. Р. БОРОДИН. *Византийская Италия в VI—VIII веках. (Равеннский экзархат и Пентаполь).* — *Scripta Classica, Mediaevalia et Archaeologica Sibirica*. Т. 2. Барнаул. День. 1991. 366 с.

К актуализирующейся не по дням, а по часам проблеме взаимосвязи «формационного» и «цивилизационного» подходов (тем более, когда речь идет об изучении эпохи переходной от античности к средневековью) исследование кандидата исторических наук О. Р. Бородин имеет отдаленное отношение. В истории византийской Италии середины VI — середины VIII в. его хотя и интересуют проблемы генезиса феодальных отношений в целом, но прежде всего — социально-экономические и этнические процессы (с. 5). Их разбору посвящено более половины книги. В «Заключении» автор соотносит свои выводы с типологией генезиса феодализма в Европе, известной прежде всего по работам А. Д. Люблинской, Е. В. Гутновой и З. В. Удальцовой.

Бородин обнаруживает — на материале Восточной Италии (Романьи) — возможный пятый вариант зарождения феодальных структур, а в Равеннском экзархате — «специфический социальный анклав, где феодальные отношения складывались бессинтезным образом, становились следствием саморазвития позднеантичных общественных порядков, уже содержащих в себе элементы феодализма» (с. 310). Таким образом, Боро-

дин выступает как сторонник наличия в поздней античности феодальных элементов. Обращают на себя внимание те стороны его исследования, которые касаются уже не методологии, а методики. В нашей научной да и популярной литературе почти не найдешь аналогичного обзора истории раннесредневековой Романьи.

К анализу социально-экономической и прочих ситуаций в экзархате, как ни жаль, применимо высказывание самого Бородина, сделанное в содержательной главе об истории административных структур Романьи: «Предел выяснению большого комплекса частных вопросов кладет недостаток конкретных данных» (с. 171). А при рассмотрении этнической картины Италии на втором этапе византийского господства автор замечает, что о каких-либо процессах «из-за недостатка прямых свидетельств судить... приходится, часто исходя из общих сведений о социальной эволюции региона и даже просто *ab silentio*. Однако основная тенденция процесса выявляется достаточно определенно» (с. 284).

Что верно, то верно. На то он и период «темных веков», чтобы даже такие источники, как равеннские папирусы, Баварский кодекс или,

допустим, Агнелл, позволяли восстановить только отдельные фрагменты истории Равеннского экзархата и Пятиградья. Данные Баварского кодекса, например, или *Placitum de Rignano* при умелом ретроспективном анализе (и даже при экстраполяции) дают превосходные результаты, — в частности, для выявления основных форм аренды, размера и характера земельных угодий собственников и арендаторов, определения состава поборов с сельских труженников, взаимосвязи города и его *territorium'a* и т. п. (см. таблицы 1 «Аренда на землях Равеннской архиепископии» и 4 «Доля урожая, отдаваемая Равеннской церкви ее арендаторами в виде арендной платы»).

Правомерно использование материала Истории начала IX в. для характеристики крупных земельных владений фиска на территории экзархата (с. 49). Убедительны выводы Бородина о преобладании в Восточной Италии того времени разных видов безусловной и долгосрочной аренды, о постепенном исчезновении латифундий (с. 57—60), о приоритете среди арендаторов государственных и церковных земель людей из числа служилой знати (как в византийское, так и в послевизантийское время; с. 69—71). Средние и крупные собственники и арендаторы, в основном горожане, составили, по мнению Бородина, в Равенском экзархате, в отличие от собственно византийских фем, основную социальную базу армии VIII в. (с. 192, 208).

Не представляется достаточно убедительной аргументация автора относительно превращения аренд съемщиков церковной земли Восточной Италии в условную собственность, поскольку нет никакой уверенности, что такие платежи, как *herbaticum* и *glandaticum*, в византийское время доставались арендаторам (с. 65). Точно так же приведенные в книге факты прямо не говорят, что такой платеж, как *exenium*, вытекал из права собственника земли на личность производителя (ср. с. 61—62, 65, 83).

В книге охарактеризован круг должностных полномочий византийских официалов по отношению к населению (с. 172—183), их превращение в земельных собственников и арендаторов. Заставляют задуматься и представленные в качестве доказательства зарождения в Восточной Италии вассалитета (пусть в ранней форме) примеры из Агнелла и одной грамоты из Ризано (с. 75—76, 267, 303). Представляется, что необходимо продолжать поиски доказательств феодализации Романьи, исследование конкретных линий социально-экономической эволюции востока Апеннинского полуострова VI—VIII веков.

Интересно, что Бородин лишь частично соглашается с выводами Г. Острогорского о «византийском» и «итальянском» путях формирования раннесредневекового войска (в первом случае — превращение стратиотов в собственников земли, во втором — превращение собственников земли в воинов). По мнению Бородина, в Равенском экзар-

хате и Пентаполе имели место и тот и другой процессы; он особо отмечает приобщение потенциальных членов *exercitus* к земле через аренду разных по юридической принадлежности владений (с. 202—204). Это дает автору основание отличать юридическую базу формирования войска в Восточной Италии от фемной, собственно византийской, подразумевающей в конечном счете складывание единой системы стратиотских держаний от государства (с. 204).

Во многом исходя именно из этого, Бородин видит сходство Равеннского экзархата и фем прежде всего в их административно-структурных началах. Но он и определяет их разницу в содержании взаимозависимости между земельной собственностью и военной службой в обеих структурах, а также отличие социальной базы армии экзархата от фемного войска (в первом случае — средние и крупные собственники, в основном горожане). Хорошо показан в книге отход от античной военной системы и переход к иррегулярному войску из местных землевладельцев (в итоге оказавшемуся антивизантийской силой).

Не менее важны и другие наблюдения автора. Существование войска как самостоятельной социальной группы лишь до середины VII в., приобретение им далее сословных признаков, структурируемых уже разными социальными группами, сопровождалось, как показано Бородиным, именно иррегуляризацией *exercitus*, ставшей фактом в начале VIII в. (с. 191). Подобная ускоренная эволюция войска Романьи обуславливалась перманентным давлением лангобардов на византийские владения в Италии (с. 182). Автором выведена четкая периодизация внешнеполитической истории Романьи.

Думается, что тезис о более интенсивном характере социальных изменений в экзархате (по сравнению с Византией), что характерно для раннего средневековья (с. 237, 307), в известной мере конфликтует с тезисом о синхронности процессов феодализации лангобардской Италии и Романьи (с. 304). Можно согласиться с тем, что зарождение феодальных отношений в том и другом организме шло в одном направлении и в одном варианте («западноевропейском», по определению Бородина, с. 306). Но иногда создается впечатление, что автор совмещает понятия «лангобардское общество» и «лангобардская Италия» (с. 301—305).

С одной стороны, Бородин соглашается с А. И. Неусыхиным по поводу параллельности, но отнюдь не адекватности развития лангобардского и итальянского обществ в VII в. (с. 302), с другой — идентифицируются результаты коммандации ариманов к крупной лангобардской знати и возникновение *familiares ecclesiae* в византийской зоне (то и другое явление, по мнению Бородина, имеет итогом ранние формы вассалитета). Но сообщения источников относительно *familiares ecclesiae* неясны. Что же до коммандации ариманов, то Неусыхин писал, что речь здесь может идти о пожалованиях,

которые только через долгое время приведут к появлению срочного бенефиция¹. В собственно же лангобардском обществе времени Ротари (в эдикте которого и содержится данное сообщение о коммендациях) еще только шел переход аллода большой семьи к аллоду как собственности семьи малой.

Вряд ли здесь улавливается параллельность с тем, что происходило в экзархате, ассимилировавшем варваров, как показывает Бородин, столь эффективно, что там не могло быть речи даже о смягченном позднеантично-варварском синтезе (с. 288—306, 311). Бородин, видимо, прав в оценках содержания и направлений развития лангобардской Италии, с большими потерями приспособившей варваров к условиям своего существования. Соглашается автор и с М. Я. Сюзюмовым, писавшим о взаимодействии античных и варварских элементов как о борьбе противоположностей².

Очень плодотворна мысль Бородина о пятом варианте генезиса феодализма — о бессинтезном пути, когда генезис идет только на базе позднеантичных начал, автономно от варварского влияния (с. 311). Автор видит в Равеннском экзархате образец такого варианта, хотя применительно к Италии VI—VIII вв. лучше все-таки говорить о «взаимовлиянии» трех культур — западноримской, варварской и ранневизантийской (с. 7). Наиболее рельефно вызревание раннесредневековых социально-экономических и институциональных форм на базе «бессинтезного» варианта показано при анализе развития города.

Бородин признает «непрерывную со времени античности» традицию городского развития в Равеннском экзархате и Пятиградье и справедливо указывает, что здесь упадок городов не был столь глубоким, как в лангобардской Италии (с. 169). Названные им факторы дезурбанизации (постепенное сокращение ремесленного производства, упадок внутреннего рынка, отказ от услуг рынка значительной части горожан, сокращение численности городского населения) говорят скорее о сокращении значимости торгово-ремесленной функции города.

Особенно убедителен в монографии показ изменений бытия курии, превращающейся в замкнутую корпорацию с нотариально-регистрационными функциями (скорее всего, под эгидой церкви). Справедливо указывая на неправомочность идеентификации исчезновения античной курии и со-

словия куриалов (с. 96), Бородин видит только один способ ухода куриалов с исторической сцены — их растворение к концу VII в. в составе плебса (с. 158). Но если это так, то эволюция первоначальной городской верхушки Романи несколько расходится с общевизантийской, поскольку во втором случае (см. работы Г. Л. Курбатова и Г. Е. Лебедевой) часть куриалов инфильтрировалась в состав магнатов.

Можно согласиться с выводами Бородина относительно роста в городе влияния церкви, власти епископа или архиепископа (как в Равенне). Он предлагает обзор терминов, касающихся социальной стратификации города (на материалах сочинений Григория Великого и Агнелла), предпринимает попытку выяснить реальное содержание этих терминов. В разработанной Бородиным схеме социальной структуры правомерно различаются два этапа — VI начало VII в. и VII—VIII вв. — византийского господства в Восточной Италии. Возможно, при анализе терминологии источников следовало бы построже обозначить дистанцию между сведениями папы Григория и аббата Агнелла, которых разделяют более чем два века.

Бородин прав, когда пишет о незавершенности генезиса феодализма в период Равеннского экзархата (с. 307). Видимо, прав он и в том, что основным противоречием в истории экзархата «было противоречие между развивавшимся по феодальному пути в его итальянском варианте общественным строем и консервативной системой восточноримского управления с ее налоговым гнетом, мелочной социальной регламентацией и беззастенчивым идейно-религиозным диктатом» (с. 308).

Монография убедительно показывает, как опасно было в переходные эпохи имперской централизованной бюрократической системе игнорировать интересы регионов.

А. С. КОЗЛОВ

Примечания

1. История Италии. Т. 1. М. 1970, с. 54.
2. Кстати, Сюзюмов четко высказывал эту мысль не только в дискуссии с Люблинской и материалах спецкурса, но и в статье «Закономерный переход к феодализму и синтез» (Античная древность и средние века. Вып. 12. Свердловск. 1975, с. 42, 44, 49).

Ф. ФУКУЯМА. *Конец истории и последний человек*

В книге проф. Френсиса Фукуямы, специалиста по советской внешней политике в странах третьего мира, бывшего заместителя директора Совета планирования госдепартамента США, развиваются и углубляются идеи и положения, выдвинутые им в нашумевшей статье «Конец истории?», опубликованной летом 1989 г. в журнале «National Interest»¹.

Автор стремится ответить на два фундаментальных вопроса. Доказывает ли крушение авторитарных режимов правого и левого толка, что демократический либерализм остался единственно верной и универсальной идеологией, а его практическое воплощение — либеральная демократия — единственно жизнеспособной системой правления? И если так, означает ли это, что «история» — в смысле всеобщего движения к окончательному осуществлению человеческих чаяний и возможностей — пришла к своему концу? Фукуяма отвечает на оба вопроса утвердительно, полагая, что за 200 лет, прошедших после Американской и Французской революций XVIII в., принципы свободы и равенства оказались не просто надежными, т. е. прошли испытание временем, но и постоянно возрождающимися, привлекающими людей.

Прежде всего автор пытается осмыслить и объяснить стремительные общественно-политические трансформации в СССР и Восточной Европе на рубеже 80—90-х годов. По его мнению, кризис тоталитаризма начался не с горбачевской «перестройки» или падения Берлинской стены, а с краха первых, реакционных авторитарных режимов в Южной Европе, ряде стран Латинской Америки и Восточной Азии в середине 70-х годов (с. 13). При этом он констатирует «замечательное постоянство» в том, что эти режимы (за исключением диктатуры Сомосы) были отстранены от власти мирным путем, а не в результате насильственного переворота или революции (с. 21). Падение коммунистических режимов в Восточной Европе в июле — декабре 1989 г. ознаменовало крах левого тоталитаризма как фактора мировой истории.

Говоря о важнейших событиях 1989—1991 гг., автор большое внимание уделяет ключевому звену социалистической системы — Советскому Союзу. Советское общество 60-х — середины 80-х годов, считает он, не может быть охарактеризовано как тоталитарное. Скорее «брежневскую эру» можно назвать, вслед за В. Гавелом, «посттоталитарным режимом». В обществах, подобных советскому, тоталитаризм не смог полностью убить демократическую идею, однако его наследие сдерживало их способность к последующей демократизации. Реформистские настроения не были навязаны СССР извне, они являлись результатом «внутреннего

кризиса доверия, который заразил значительную часть советской элиты» (с. 30). В своих первоначальных призывах к гласности и перестройке М. С. Горбачев по существу не отклонялся от тактики Н. С. Хрущева по либерализации режима, однако при этом он высвободил те социальные и политические силы, которые вскоре вышли из-под его контроля и повели самостоятельную линию, разрушавшую самое советскую систему.

Фукуяма пишет, что хотя коммунизм мертв, политического спокойствия не предвидится, так как на его место приходит нетерпимый и агрессивный национализм. Западные эксперты считают преждевременным праздновать исчезновение «сильных государств» и порождаемых ими угроз, разумея под этим тоталитарные режимы различного толка, ибо там, где коммунизм не сумеет выжить, он будет просто заменен националистическим авторитаризмом. Поэтому, по оценкам некоторых аналитиков, такие регионы, как Восточная Европа, какое-то время и в будущем не будут ни мирными, ни демократическими, оставаясь такими же опасными для западных демократий, как и бывший Советский Союз (с. 36).

Фукуяма понимает, что упадок авторитаризма и тоталитаризма не ведет автоматически к установлению либерально-демократических режимов. «Либеральная революция», которой отведена в книге целая глава, не затронула отдельные регионы, например, Средний Восток. И все же из всех типов государственного устройства, появившихся в ходе истории, к концу XX в. свою жизнеспособность доказала лишь либеральная демократия. Причем победоносной оказалась не столько либеральная практика, сколько либеральная идея. Теперь даже недемократы вынуждены говорить на языке демократии, чтобы оправдать свою легитимность. Несмотря на все зигзаги, откаты назад, перерывы и задержки в историческом развитии, тенденция его за последние 400 лет очевидна: это распространение либеральной демократии вместе с ее спутником — экономическим либерализмом, что, как подчеркивает автор, является наиболее замечательным макрополитическим феноменом (с. 48).

Согласно подсчетам Фукуямы, количество демократических правительств в мире постоянно росло: в 1790 г. их насчитывалось всего 3, в 1848 г. — 5, в 1900 г. — 13, в 1919 г. — 25, в 1940 г. — 13, в 1960 г. — 36, в 1975 г. — 30, в 1990 г. — 61 (с. 49—50). Принципы либеральной демократии распространились за пределы Европы, в другие части света и — что не менее важно — среди разных по своим политическим, религиозным и культурным традициям народов. Все это, по мнению Фукуямы, позволяет предположить, что принципы свободы и равне-

нства, на которых основана либеральная демократия, вытекают из самой природы человека, а их истинность не только не ослабевает, но и становится все очевидней.

Последнее время у многих людей налицо разочарование итогами бурных процессов, связанных с преодолением остатков авторитаризма и тоталитаризма, демократизацией политических структур, обновлением общественной жизни и т. д. в СССР и странах Восточной Европы. Оно вызвано провалом горбачевской перестройки, усилением националистических и авторитарных (в новой «упаковке») тенденций в ряде независимых государств, возникших после развала СССР, экономическим хаосом, кровопролитными межэтническими конфликтами, опасными дезинтеграционными процессами. Фукуяма пытается разобраться в причинах, которые вызвали упомянутые последствия. Он указывает, что либеральная демократия может быть по-настоящему действенной только в том обществе, которое уже достигло высокой степени социального равенства и согласия относительно своих основных ценностей. В обществах же, сильно поляризованных — в социально-классовом, национальном или религиозном отношении, — демократия может привести к застою и тупику.

В странах с традиционными элитами нередко формальная демократия лишь маскирует фактическое (и часто огромное!) неравенство в богатстве, престиже, общественном положении, власти, которые эти элиты могут использовать для контроля демократического процесса. Отсюда возникает опасная тенденция: сохраняющееся господство старых социальных групп неизбежно порождает непримиримую левую оппозицию (охватывающую и честных людей), которая верит, что демократическая система сама по себе является продажной и должна быть сметена вместе с силами, ее защищающими (с. 118—119).

Демократия также не особенно подходит и для разрешения споров между различными этническими или национальными группами. Диктатура, склоненная или готовая пойти на модернизацию общества, может в принципе быть намного более эффективной в смысле создания социальных условий как для капиталистического экономического роста, так и со временем для появления прочных демократических порядков. Фукуяма приводит примеры того, как ориентированные на рыночное хозяйство авторитарные режимы сумели соединить лучшее из капиталистической и социалистической систем: они оказались в состоянии навязать своему населению высокую степень дисциплины, допуская в то же время определенную свободу в использовании наиболее современных технологий, поощряя новаторство и предприимчивость (с. 124).

В книге подробно анализируются факторы, как укрепляющие, так и дестабилизирующие демократические порядки. Фукуяма считает, что успех и стабильность либеральной демократии зависят

не от механического приложения к обществу определенного набора принципов, законов и т. п., но в значительной мере от гармоничности взаимоотношений между народом и государством (с. 123).

Фукуяма полагает, что на исходе XX в. История (именно — с большой буквы!) подошла к своему концу: та форма социальной и политической организации общества, какой является либеральная демократия, полностью удовлетворяет наиболее существенные потребности людей (с. 136). При этом имеется в виду не конец истории как таковой, а завершение идеологической эволюции человечества и утверждение либеральной демократии западного образца в качестве окончательной, наиболее разумной формы государства.

По мнению Фукуямы, движение истории именно в этом направлении определяется двумя могущественными движущими силами: «логикой современного научного знания» и «борьбой за признание» (с. 204). Первая побуждает человека стремиться к удовлетворению своих постоянно растущих потребностей и желаний посредством наиболее рациональной организации экономического процесса. Вторая же (для обозначения ее Фукуяма использует платоновский термин «тимос») вообще — «мотор истории». Она объясняет явления, которые не могут быть поняты в рамках только экономического детерминизма, такие, как культура, религия, национализм, многие войны, внезапные взрывы иррационального поведения людей и др. В глубинной основе подобных явлений, как положительных, так и отрицательных, лежит присущее человеку стремление к самоутверждению, к осознанию самоценности своей личности, к признанию ее другими людьми. Вот почему люди сознательно, с опасностью для жизни участвовали в демократическом движении в Южной Корее или на Тайване в период господства там авторитарных режимов, несмотря на весьма высокий материальный уровень жизни.

Автор утверждает, что и логика экономического развития и «борьба за признание» обуславливают крушение тираний как правого, так и левого толка. Одновременно Фукуяма задается рядом непростых вопросов, в которых звучат как тревога за будущее человечества, так и ностальгия по той истории, которая, согласно его «приговору», безвозвратно уходит в прошлое. С одной стороны, жизнь «последнего человека» (термин Ницше) в этом идеальном обществе будет протекать в условиях физической безопасности и материального достатка; но, с другой, — действительно ли такой была цель истории в прошедшие несколько тысячелетий? Не следует ли опасаться, что люди, счастливые и удовлетворенные своим положением, перестанут быть таковыми и превратятся в своего рода животных вида *homo sapiens*, чьи горизонты будут ограничены только обеспечением себе земных благ? И не ввергнет ли духовное состояние такого человека, лишенного отдушин для реализации своей сущно-

сти, его самого да и мир в целом снова в хаос, войны, несправедливости, революции? (с. 312).

В некоторых суждениях Фукуямы просматривается определенная противоречивость. Так, в приводимом им перечне стран с либеральной демократией фигурирует Сингапур, а в других местах книги он относит его политическую систему к авторитарным и нелиберальным (такая же непоследовательность допускается в толковании политического устройства Японии). По ряду важнейших вопросов Фукуяма избегает давать прямые оценки. Так, он обходит стороной дискуссии о сущностном содержании самого понятия «демократия», о ее типах и «встроенных пороках».

Между тем одни ученые считают, что существующие в странах со стабильной демократией серьезные проблемы, проявления несправедливости и т. д. возникают из-за неполного воплощения двух главных принципов — свободы и равенства (кстати, на них базируется свое понимание демократии и Фукуяма), а не из-за пороков в самих принципах; другие утверждают, что, несмотря на неоспоримые достоинства и преимущества, демократическое правление «рано или поздно разбивается о те подводные камни, которые подстерегают его в пути», указывая, в частности, на характерный для него

стремительный рост социального неравенства, чреватого смутами и раздорами²; третьи же напоминают, что знаменитая демократическая триада включала в себя еще и принцип «братства», без которого невозможна подлинная и прочная, то есть «органическая демократия»³.

Впрочем, тема, избранная Фукуямой в качестве предмета исследования, настолько объемна и сложна, что какие-то упущения, недостатки и спорные моменты являются, вероятно, неизбежными. Они перекрываются, однако, в целом благоприятным впечатлением, которое оставляет книга, написанная автором, обладающим высоким профессионализмом, широким кругозором и эрудицией.

А. И. СЫЧ

Примечания

1. Русский перевод см.: Вопросы философии, 1990, № 3.
2. ЕФИМОВ И. Метapolитика: наш выбор и история. Л. 1991.
3. ДУГИН А. Органическая демократия. — Наш современник, 1992, № 10.

По страницам зарубежных журналов

ПУТЕШЕСТВИЕ БАУМБЕРГЕРА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ в 1932 году

Librarium (Zürich), 1992, № 1.

Швейцарский историк Кристиан Улиг (Высшая школа в Санкт-Галлене) посвящает свою статью путевым впечатлениям цюрихского художника Отто Баумбергера (1889—1961) о Советском Союзе. Улиг пишет, что «как и сейчас, так и в 20-е и 30-е годы, т. е. в первые 20 лет после Октябрьской революции», к России было привлечено повышенное внимание международной общественности (с. 2). Многие швейцарцы стремились составить собственное и, как они надеялись, объективное мнение о процессах, развивавшихся в этой стране.

Баумбергер оставил обширный архив и книгу «Заметки о Советской России». Группа, с которой он выехал в нашу страну, состояла в основном из людей, отрицающих советскую схему построения нового общества, однако среди них были и коммунисты (с. 3). Швейцарским туристам «было чрезвычайно сложно составить объективную картину положения дел в Советском Союзе» и не в последнюю очередь потому, что его руководство всячески пыталось повлиять на их мнение. Так, в частности, приезжавшим в СССР иностранцам предоставлялись лучшие отели и создавался европейский ком-

форт. Однако от глаз внимательных наблюдателей не ускользало, насколько в общем и целом убоги были жилищные условия советских людей. Но швейцарцы, например, даже не узнали о чудовищном голоде, постигшем в 1932 г. Россию и особенно Украину. Группа, в которую входил Баумбергер, преодолела за короткое время в общей сложности 5600 км, что исключало возможность сколько-нибудь серьезно и глубоко изучить положение дел на местах (с. 3).

Художник обратил внимание на то, что советские пограничники приветливы и корректны в отношении членов туристической группы, безотносительно к их политическим взглядам. По пути в Ленинград Баумбергер увидел, что выбор овощей и других продуктов на полустанках был очень скуден, а цены чрезвычайно высоки. Туристов поразило также, что ленинградцы на вокзале смотрели на фотоаппараты, термосы, ручные часы, как на диковину. Многие дома в Ленинграде ремонтировались, но, как замечает автор, Баумбергер не знал, что фактически это был лишь ремонт фасадов (с. 4).

Короткие экскурсии по Ленинградской области,

убедили путешественника, что там «снабжение населения еще хуже», а «для непривилегированных слоев на рынке нет почти никаких товаров» (с. 4). Чиновники же, агенты ГПУ, командный состав армии, руководство профсоюзов и фабрик «располагали собственными, привилегированными потребительскими товариществами, которые были закрыты для широкой общественности»; у иностранцев, а также привилегированных слоев имелась возможность отовариваться в «Торгсинах» (с. 4—5). Это противоречие между провозглашенным большевистским руководством принципом социалистического равенства и реальным положением дел настолько поразило Баумбергера, что он неоднократно возвращается к нему в своих путевых заметках.

Ленинградские и московские музеи произвели неизгладимое впечатление на Баумбергера. В этой связи он усомнился в правдивости утверждений западных средств массовой информации относительно «полной распродажи предметов искусства советским руководством» (с. 5). Москва понравилась художнику и многим другим швейцарским туристам

больше Ленинграда. В последнем «преобладает в основном французская архитектура, Москва же являет собой удивительный образ подлинно русского города» (с. 6). Туристам бросилось в глаза то, что многочисленные легковые автомобили в основном перевозят партийных функционеров (с. 6). В Харькове швейцарцы обратили внимание на необычно высокий процент женщин в составе рабочих, в том числе и на строительстве дорог, и на железнодорожном транспорте (с. 17).

Улиг отмечает противоречивость впечатлений швейцарского художника: здесь были и ярко выраженное восхищение, и острая критика многих негативных явлений в СССР.

И. А. Дьяконова

Примечания

1. BAUMBERGER O. Bemerkungen über Sowjetrussland. Zürich, 1932.

МИГРАЦИЯ НЕМЦЕВ ИЗ ГДР В ЗАПАДНУЮ ГЕРМАНИЮ

World Politics (Princeton), 1992, № 2.

Профессор Принстонского университета (США) А. Хиршман в статье «Бегство, голос и судьба Германской Демократической Республики» рассматривает процесс отчуждения граждан ГДР от «социалистического выбора», и в частности историю миграции из этой страны. Автор употребляет термин «бегство», считая, что он полнее и ярче выражает сущность рассматриваемого процесса, поскольку подчеркивает значимость не только материальных, но и социально-духовных побуждений мигрантов.

До 1989 г. бегство из ГДР сочеталось с «голосом» протеста против утвердившегося режима. «Со времени своего основания стабильность Германской Демократической Республики обуславливалась сосуществованием с Федеративной Республикой. Возможность улучшить свое положение просто через уход в иную..., более свободную..., процветающую Германию — существенно отличала послевоенную Восточную Германию от Польши, Чехословакии и Венгрии» (с. 178). Отсюда, полагает автор, и относительная слабость движений протеста в ГДР.

Историю же миграции из ГДР, считает Хиршман, можно разбить на два периода: 1949—1961 гг., когда число беженцев не опускалось ниже 100 тыс. (1949 г.— 129 тыс., 1953 г.— 331 тыс., 1956 г.— 279 тыс., 1961 г.— 207 тыс.) и 1961—1988 гг., когда оно не превышало в среднем 43 тыс. (1962 г.— 62 тыс., 1977—1980 гг.— ежегодно чуть более 12 тыс., 1984 г.— 41 тыс., 1988 г.— 38 тыс.) (с. 179). В то же время

в этот период можно говорить не только о беженцах, но и о мигрантах, выехавших на законном основании; они составляли преобладающую часть покинувших ГДР и высланных политических заключенных (от 500 до 2 тыс. ежегодно). «Берлинская стена и драконовский контроль на границе,— подчеркивает автор,— оказались неспособными остановить эмиграцию» (с. 181).

Власти ГДР по-своему трактовали соотношение «бегства» и «голоса» (протеста). Лишение гражданства ГДР поэта В. Бидермана в ноябре 1976 г. показало, что началась политика принуждения к «бегству» ради заглушения «голоса». Интеллигенция ГДР тщетно протестовала против этой акции. Более того, «вскоре после воздвижения стены ГДР систематически «продавала» некоторых людей Федеративной Республике, требуя богатого денежного выкупа за них. Цена за каждую голову составляла, как часто утверждалось, около 40 тыс. марок ФРГ и, таким образом, конверсия «голоса» в «бегство» становилась значимым источником валютных поступлений» (с. 185). ГДР имела куда меньше возможностей измениться изнутри, чем Чехословакия, поскольку многие политически активные люди очень быстро оказывались на Западе (с. 185).

1989 год показал, что государство в ГДР не имело массовой опоры. Празднование ее 40-летия приобрело гротескные формы — на него пришелся пик «бегства» (всего в том же году покинули ГДР почти 344 тыс. человек) (с. 188). Но все же тогда

интенсивнее стали не только «бегство», но и «голос». 15 января — марш молчания по поводу 70-летия со дня смерти К. Либкнехта и Р. Люксембург, 7 мая — демонстрация против «фальшивых» выборов в Восточном Берлине, май — июнь — митинги протеста в Лейпциге, сентябрь — право на «бегство» декларируют массы

людей, октябрь — поток беженцев становится неудержимым, 4 ноября — полумиллионная демонстрация в Восточном Берлине, а после 8 ноября миллионы немцев посещают Западный Берлин, доказывая свое право на свободу передвижения (с. 196).

И. Е. Задорожнюк

РОЛЬ И МЕСТО ГИТЛЕРА В ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ

Przegląd Zachodni (Poznań), 1992, № 4.

В западной историографии не утихают дискуссии о месте и роли Гитлера в истории Германии. Всплеску этих споров посвящена статья польского историка Марии Змерчак.

Литература о Гитлере, пишет она, насчитывает уже более тысячи томов, подавляющее большинство которых издано за последние 20 лет. До сих пор выходят работы, в которых Гитлер изображается как марионетка в руках крупного капитала, агент германского империализма. Автор связывает это с влиянием на некоторых западных историков марксизма, по сути отрицавшего роль личности в истории.

Коммунисты и вообще левые всегда считали фашистских главарей орудием концернов, а Гитлера — лакеем наиболее реакционных сил империализма. Такая концепция, пишет Змерчак, с одной стороны, оправдывала большую часть немецкого общества (в том числе и рабочий класс), а с другой — клеймила капиталистический строй. Некоторые сторонники этой концепции даже характеризовали Гитлера как малозначимое и даже смешное лицо в духе известного кинофильма Ч. Чаплина «Диктатор».

Но самое удивительное, что и некоторые творцы теории тоталитаризма не придавали особе Гитлера большого значения, считая его лишь функционером нацистской системы. Однако логически эта теория, признавая диктатора существенным фактором государства, вела к версии, согласно которой в третьем рейхе ничего не могло происходить без ведома Гитлера. Этим объясняется появление многих работ о его мировоззрении. «Функционалисты», однако, считают, что такой подход создает опасность преувеличения роли фюрера и недооценки его приспешников.

Теория тоталитаризма дала толчок изучению личности Гитлера во всех ее проявлениях. Высказывались мнения, что он был психопатом на грани шизофрении или шизофреником, стремящимся к саморазрушению. Все его действия объяснялись его психическими потребностями. Многие историки решительно отвергали такие причины поведения фюрера. Если Гитлер был маньяком, уродом, ненормальным, спрашивает Змерчак, то как же он стал

вождем партии и народа, главой государства и шефом правительства?

По мнению автора, правы те, кто считает, что Гитлер не был просто преступником, подчинившим себе немецкий народ. Дело в том, что пока Гитлер одерживал победы, немцы в большинстве своем добровольно ему подчинялись. Фюрер, как уже неоднократно указывали историки, прекрасно чувствовал настроения в немецком обществе, уязвленном поражением в первой мировой войне. Оно имело основания для восхищения личностью Гитлера, но в конечном счете он злоупотребил доверием этого общества. По крайней мере до начала войны, по мнению ряда историков, он вел себя как государственный деятель, в правление которого была ликвидирована безработица, произошли изменения в обществе, была обновлена военная доктрина и модернизирована армия. Однако затем Гитлер предал свой народ, о чем свидетельствует продолжение бессмысленной войны.

Змерчак отмечает, что были даже историки, пытавшиеся выдать фюрера за революционера, помещая его на левом фланге политической сцены. С этим связаны утверждения о слабости Гитлера как диктатора, которой воспользовались его приспешники, принимая, например, решение об уничтожении евреев. Но эти тезисы, говорится в статье, не выдерживают критики.

В поисках ответа на вопрос, почему немецкое общество одобрило Гитлера, была выдвинута версия о нем, как идеологе. В спорах по этому вопросу была высказана мысль, что Гитлер считал своей миссией уничтожение большевизма и этому подчинял все свои действия, используя при этом большевистские методы и ошибочно отождествляя евреев с коммунистами. Змерчак подчеркивает, что отсюда лишь один шаг к тому, чтобы сначала простить Гитлера, а потом и восхититься им.

Политические последствия всех этих концепций очевидны — если фюрер был чужд немецкому обществу, трудно последнее обвинять за действия Гитлера, если же они были результатом ошибочных представлений, то об этом можно только сожалеть. Последние исследования подтверждают сомнения относительно Гитлера как всемогущего

диктатора, который действовал во всецело подчиненном ему обществе. По мнению автора, в дальнейшем историки, учитывая «фактор Гитлера», должны выяснить, какая в действительности связь существовала между ним и немецким обществом,

между представителями крупной промышленности и фашистским правительством, как функционировали администрация и в целом государство в третьем рейхе и каким был там политический климат.

И. С.

«СЕВЕРНО-ВОСТОЧНЫЙ АРХИВ»

«Nordost-Archiv», Zeitschrift für Regionalgeschichte (Lüneburg), Neue Folge, Bd. 1, 1992, № 1, 2.

Институтом северогерманских культурных исследований в Люнебурге возобновлено издание журнала, посвященного региональной истории народов и государств северной части Восточной Европы (района, ограниченного Балтийским морем, реками Одером и Невой и Карпатами). Естественно, что в этом пестром конгломерате наций и этнических групп главное внимание уделяется немцам, их роли в регионе, их взаимоотношениям с другими народами. При этом прошлое немцев рассматривается как неотъемлемая часть истории всего этого многонационального региона. Редакция и авторы стремятся раскрывать как «объективные» (торговые, культурные и иные) связи, так и «субъективные» (имагологические) аспекты взаимоотношений этих народов.

Каждый из вышедших в 1992 г. номеров посвящен одной теме. Первый озаглавлен «Немцы в истории севера Восточной Европы». Редакторы его, Э. Маттес и К.-Г. Руффман, отмечают, что расширившиеся возможности использования архивных материалов, развитие научных связей, освобождение от идеологических предвзятостей позволили полнее и глубже исследовать эти проблемы, в том числе и важнейшую из них, касающуюся причин катастрофы, постигшей Германию в 1945 году. Они призывают немецких историков к «самокритичной рефлексии» и всестороннему обсуждению исторического опыта взаимоотношений немецкого и других народов региона.

В статьях первого номера разбираются вопросы, относящиеся к роли немцев в политической и культурной жизни Польши и народов Прибалтики, характеризуется само понятие «Восточная Германия» и ее роль в истории всех германских земель.

Тема второго номера — «Просвещение и национализм. Школа в этнически смешанных областях в XIX и XX веках». По мнению его редактора Р. Рексхойзера, в указанное время этническая ситуация в регионе отличалась стабильностью. Отсутствовали четкие разграничительные линии между этническими группами. Языки свободно сосуществовали друг с другом. Этническая дифференциация была встроена в социальную, профессиональную, сословную, конфессиональную. Этнические факторы играли подчиненную роль в социальной структуре.

Однако с развитием национализма ситуация постепенно изменилась. Глубокие перемены произошли в иерархии ценностей, определяющих этнические взаимоотношения. При сохранении географических, социальных, конфессиональных и иных различий на авансцену вышли собственно этнические, принадлежность индивидуума к определенному народу.

Самым ярким и наиболее понятным этническим признаком, подчеркивает Рексхойзер, стала языковая принадлежность. Именно этот фактор, считает он, с наибольшей силой воплощает в себе идеи национализма. Это особенно сказывается в тех сферах жизни (церковной, административной, судебной, парламентской), где язык сильнее всего подвергается политическому влиянию. В северной части Восточной Европы подобная функциональная языковая практика уходит своими корнями в XIX век. Однако в тот период правящие круги, соприкасаясь с иноязычными группами, широко использовали идиоматику последних (Петербург употреблял немецкий язык в общении с прибалтами, Берлин — польский в общении с жителями Познанщины и литовский — с коренными жителями Восточной Пруссии).

В эпоху утверждения национализма доминирующими во взаимоотношениях народов стали этнические категории. Примерно с 80-х годов XIX в. (в прусско-австрийском ареале несколько раньше, в российском несколько позже) «центральная власть идентифицируется с определенной и единственной этнической группой» (с. 278). Ее язык пытаются превратить в привилегированный в сфере социального общения, использовать его для ассимиляции других этнических групп (германизации, русификации, в Галиции после поражения Австрии в австро-прусской войне — полонизации).

Этот курс дал свои результаты в Пруссии применительно к познанским евреям, польскоговорящему населению Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Однако в общем эта политика стимулировала тенденции роста национального самосознания угнетенных этнических групп, что особенно сильно проявилось в языковой сфере.

После краха трех восточноевропейских империй в регионе возник ряд государств, по своему

составу также (хотя и в меньшей степени) многонациональных. В этих государствах продолжалась политика вытеснения и ассимиляции национальных меньшинств. Межвоенный период отмечен противостоянием двух указанных тенденций. В 1939—1945 гг. северная часть Восточной Европы оказалась под властью германских национал-социалистов. Однако расистская направленность националистического мышления, как это ни парадоксально, не исключала ни политики ассимиляции, ни строгого различия этнических групп. И то и другое использовалось для их закабаления.

На ранних стадиях политика ассимиляции была направлена на всех и каждого. Субъекту

предоставлялась возможность свободно выбрать, хочет ли он ассимилироваться или уклоняется от этого. Теперь же она базировалась на односторонней биологической селекции: ассимилируемые превращались в объект этой принудительной политики. В прошлом к этническим различиям относились с уважением, теперь — свысока и с презрением. Проводилось принципиальное различие между «народом господ» и «народом недочеловеков».

Авторы показывают, как проявляли себя и сталкивались друг с другом эти тенденции в сфере школьного образования.

К. Е. Рогов

ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ГДР

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Heidelberg-Berlin), 1993, № 1.

Берлинский профессор Г. Радант десятки лет занимается проблемами источниковедения применительно к истории предприятий.

В 1966 г. он проанализировал использование источников в книге по истории одной из электростанций. Несмотря на нарочитую сдержанность критики в его рецензии, Государственное архивное управление ГДР воспрепятствовало опубликованию этой рецензии в своем органе «Archivmitteilungen». В 70-е годы Радант, возглавлявший в Обществе историков ГДР комиссию по истории предприятий, добивался издания соответствующего справочника. Кончилось дело тем, что в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ был создан сектор истории предприятий, заведующий которым и взял на себя руководство подготовкой подобного справочника. Фактически же готовился не научный труд, а еще одно наставление по изготовлению пропагандистских пособий. Раданту пришлось оставить руководство комиссией в Обществе историков и выйти из соответствующего проблемного совета.

В середине 80-х годов редколлегия «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte» заказала Раданту статью по истории предприятий. В ней он проанализировал, как использовались источники в проблемных исследованиях и «обобщающих трудах», посвященных взаимоотношениям государственных органов с частным капиталом. Он показал, что в этих трудах то и дело из упоминаемых источников

цитировалось то, чего в них вовсе не было; исследователи заимствовали фактические данные без проверки и к тому же из вторых и третьих рук вместе с первоначально допущенными искажениями; обнаружилась неразборчивость в оценке источников; ожидаемые производственные достижения истолковывались как уже свершившиеся факты; практиковались неправомерные обобщения и натяжки (с. 62).

Опубликовать свою статью Раданту так и не довелось; поскольку это, как объяснили автору (кстати, члену редколлегии журнала), могло бы повредить и журналу и институту. «То было еще время, когда какого-либо обсуждения ошибок не допускалось» (с. 61).

Приведенные Радантом конкретные сведения и эпизоды¹ из практики работы историков в ГДР напоминают не так давно минувшую полосу в развитии исторической науки и в нашей стране. Они свидетельствуют также о необходимости сугубой осмотрительности в обращении с выпущенной в те годы литературой.

В. В. Поликарпов

Примечания

1. Дополнительные штрихи содержатся в письме Раданта в редакцию «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (1993, № 2).

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О родоначальнике Русской Америки

Изучение архивных источников и специальной литературы о Г. И. Шелихове позволяет сделать вывод, что в его биографии все еще есть не вполне ясные страницы.

О дате его рождения имеются противоречивые сведения. На памятнике Шелихову, сооруженном на его могиле, высечен 1748 год. В неопубликованных же записках историка морских путешествий В. К. Военского приведены две даты: 1746 и 1748 годы. Между тем архивные материалы свидетельствуют, что Шелихов родился в Рыльске Курской губернии в 1747 году¹.

Существует несколько разных версий и о его социальном происхождении: одни пишут, что Шелихов родился в зажиточной купеческой семье; другие утверждают, что он был сын богатого курского мещанина Ивана Шелихова; третьи указывают на то, что тот был вовсе не богачом, а имел скромную лавку. Согласно же архивным документам, семья Шелиховых принадлежала к весьма богатым и широко представленным в коммерции кругам. Среди родственников путешественника — состоятельные рыльские купцы Иван и Андрей Шелиховы и московский купец Федор Шелихов. С ними он, уже будучи в Сибири, поддерживал постоянные связи. А его записка в Рыльский городской магистрат от ноября 1781 г. говорит о том, что он был отнюдь не последним человеком в городе².

Имеется ряд расхождений у исследователей и относительно мотивов, по которым Шелихов покинул Рыльск, а также даты переезда. Б. Юркевич считает, что он бежал в Сибирь от рекрутчины; Б. П. Полевой указывает, что, прибыв в 1772 г. в Курск, он узнал, «что некоторые курские купцы отправились искать счастья в далекую Сибирь», и последовал за ними³. Курский купец И. Л. Голиков, который был до 1772 г. браковщиком по отбору

пеньки, получил потом винный откуп в Сибири. Он-то и забрал в качестве управляющего делами молодого Григория Шелихова в Иркутск. Прибыв туда в 1773 г., Шелихов быстро понял, что скупка пушнины — самый надежный источник обогащения. Голиков подсказывал это же: «На вырученные из питеи денги старатца покупать уже Вам пышные и прочие товары»⁴. А через год Шелихов простер свой взор на Восточные острова (позднее — Русская Америка).

В 1774 г. совместно с якутским купцом П. Лебедевым-Ласточкиным он вызвался исполнить указ Екатерины II о снаряжении секретной экспедиции на Курильские острова, обратив на себя внимание правительства. Это намерение Шелихов решил осуществить на судне «Николай», приобретенном им совместно с Лебедевым у «морских компаний» Мухина и Засыпкина. Тот факт, что он смог стать совладельцем судна, тоже разрушает версию о его малообеспеченности и предположение, что он получил свой первоначальный капитал при женитьбе в 1775 г. в качестве приданого за богатой вдовой⁵.

С 1774 г. Шелихов становится постоянным эксплуататором пушных богатств Восточных островов и с данной целью вступает в восемь различных компаний. Наиболее стабильными были его связи с Лебедевым (будущим его конкурентом, вместе с которым он в 70-е годы XVIII в. отправил три судна на Курильские острова) и с бывшим своим хозяином Голиковым.

Кульминационным стал для Шелихова 1780 год, когда успешное возвращение снаряженного на Алеутские острова, судна «Святой Павел», которое тут же было продано за 74 тыс. руб., принесло «новые средства и достаточный капитал для дальнейших предприятий», что позволило ему

стать независимым предпринимателем. Развив бурную деятельность и вступая в деловые отношения со многими аляскинскими предпринимателями, он постиг «из опытов недостатки тамошних промыслов и пользы, могущие произойти от лучшего устройства»⁶.

В 1784—1786 гг. Шелихов заложил на о. Кадьяк первую столицу Русской Америки — Гавань Трех Святителей. Итогом вояжа стала книга «Российского купца Григория Шелихова странствования по Восточному океану к Американским берегам». Будучи, по отзывам знавших его лично, человеком от природы «ума необыкновенного», Шелихов жадно впитывал знания из различных наук, от сельскохозяйственной до исторической⁷. «Царек Шелихов» — шутливо называл его А. Н. Радищев.

Эти качества позволили Шелихову, как отмечается в неопубликованных бумагах М. М. Сперанского, составить «себе обширный план, ему токмо тогда свойственный»⁸. То была как бы комплексная программа реконструкции Русской Америки. Она изложена им в донесениях правительству и местным властям, инструкциях своим сподвижникам на Аляске, в частных письмах. Там предусматривались и внедрение сельскохозяйственного производства на Аляске, и планировка новой столицы Русской Америки — Славороссии, и строительство местных судоверфей, и планы внешней торговли края.

В 1793—1794 гг. Шелихов разработал устав невиданной в России монопольной акционерной компании. Этот проект лег в основу организации Соединенной Американской компании и ее преемницы, Российско-Американской компании. Готовясь отправить русских колонистов на Курильские острова, Шелихов разработал также план хозяйственного их освоения, предусмотрев завести там «разного рода хлебопашество и скотоводство... фабрики парусные, кожевенные и другие, и канатные заводы, и строение мореходных судов»⁹. Он же выдвинул проект изыскания Байкало-Амурско-

го торгово-транспортного пути, который почти совпадает с маршрутом БАМ.

Дети русских переселенцев, аборигенов и креолов учились на Аляске в открытых там школах, первую из которых построил Шелихов. Он скончался 20 июля 1795 г.¹⁰, не дожив до своего 50-летия, но оставив по себе долгую память. В дни празднования 200-летия США среди выдающихся национальных деятелей этого государства называлось и имя рыльского купца Григория Ивановича Шелихова.

В. В. Иванов (Воронеж)

Примечания

1. Российская национальная библиотека, Рукописный отдел (РНБ, РО), ф. Военского, оп. 1, № 525; ф. 874, оп. 2, № 262.
2. Исторический вестник, 1895, № 9; ЮРКЕВИЧ Б. Григорий Шелихов. — Литературный альманах, Курск, 1940, кн. 2, с. 233; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. РАК, оп. 888, д. 38, л. 2; д. 67, л. 2; д. 879, л. 1.
3. ЮРКЕВИЧ Б. Ук. соч., с. 233; ПОЛЕВОЙ Б. П. «Колумб Российский» и его книга. В кн.: Российского купца Григория Шелихова странствования по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск. 1971, с. 9.
4. Архив Петербургского филиала Института отечественной истории РАН, ф. 36, оп. 1, д. 573, л. 151; АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 33, л. 2 об.
5. РНБ, РО, ф. 874, оп. 2, № 262; ОКУНЬ С. Б. Российско-американская компания. М.-Л. 1939, с. 22; РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 2539, л. 44 об.
6. РНБ, РО, ф. 541, оп. 1, № 799, л. 1 об.
7. АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 33, л. 3 об.; д. 792, лл. 4—6 об.; д. 67, л. 2; д. 68; РНБ, РО, ф. 588, оп. 1, № 201.
8. АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 125, л. 187.
9. Там же, д. 426, л. 2; д. 427.
10. РНБ, РО, ф. 874, оп. 2, № 262.

Новое о военной службе В. Н. Татищева в 1706—1708 годах

Известно, что В. Н. Татищев служил в Азовском драгунском полку. Однако сведения об этом в его трудах и литературе о нем¹ отрывочны, а оставшиеся неизвестными материалы этого полка в делах Поместного приказа пока не использованы.

Еще в 1702 г. Н. А. Татищев, отец молодого стольника, выезжал в Казань и в «низовые города», где занимался набором рекрут в армию. Эта работа велась под началом руководителя Поместного приказа думного дьяка А. И. Иванова². В феврале 1706 г. Иванов был «пожалован... за его радетьельное управление в его Великого Го-

сударя делах драгунским полком»³, который с мая 1708 г. по указу Петра I велено было «писать Пермским»⁴; туда и был зачислен офицером молодой Василий Татищев.

В составленном вскоре первом списке офицеров полка из 34 человек числятся братья, поручики Иван и Василий Татищевы, которые несколько лет служили в одном полку⁵. Сохранилась ведомость выдачи первого жалованья в полку о подлинными расписками обоих Татищевых. Фраза «Василий Никитин сын Татищев» предварительно написана казначеем или писарем полка. Далее следует авто-

граф: «Великого Государя жалованье на май, на июнь, на июль, на август 26 руб., двадцать два алтына взял я Василий Татищев и росписался»⁶. Можно считать это самым ранним автографом автора «Истории Российской».

Однако вскоре в документах действующей армии его имя исчезает, потому что осенью 1707 г. поручика Василия Татищева посылают в Москву по делам полка. В челобитной Петру I от 7 февраля 1708 г. Татищев писал: «Державнейший царь, государь милостивейший, в прошлом 707 году в сентябре месяце прислан я к Москве с писмами ис полков в Поместной приказ и живу за тем делом на Москве, а твоего государева жалованья мне не додано и в полк то моё надлежащее жалованье непосылано, а которые того полку оставлены на Москве и ис полку присланы для полковых нужд драгуны и вахтмистры и им жалованье давано на Москве сполна, и ныне дают. Всемилостивейший государь, прошу Вашего Величества вели государь то моё заслуженное жалованье мне выдат на Москве по своему Великому Государю указу. Вашего Величества нижайший раб Азовского драгунского полку парутчик Василей Никитин сын Татищев, февраля 7 дня 1708 году». Челобитная написана писцом, а подпись самого Татищева: «к сей челобитной парутчик Василий Татищев руку приложил»⁷.

По челобитной было заведено дело на нескольких листах. В нем удостоверилось, что «на сентябрь, на октябрь, на ноябрь, на декабрь месяца прошлого 708 года, да генваря с 1-го числа мая по 1-ое число нынешнего 707 году ему Василью Великому Государю жалованье не дано». Челобитье мо-

лодого офицера было удовлетворено, и он получил причитающие ему деньги⁸.

Пребывание Татищева в Москве было посвящено в основном набору в полк молодых драгун. Сохранился скрепленный Татищевым список 188 драгун с перечислением всего выданного им — лошадей, оружия, обмундирования, амуниции⁹. 10 июля 1708 г. Татищев получил более сотни лошадей, о чем сделана запись: «Отданы в Азовской драгунской полк Василью Никитину сыну Татищеву сто пятнадцать коней Романовской станицы, которых с той станицы пригнал к Москве капитан Василей Даскин»¹⁰.

Летом 1708 г. по повелению Петра I и по приказу Иванова Татищев возвратился в полк через Смоленск, доставив 188 драгун: 151 рекрута «да из новоприборных драгун 35, да 2 человека писарей ис подьячих, лошадей ему Василью дано под тех драгун 196. С ним же послано мундиру и полковых припасов 188 кафтанов», а также порох, свинец и пр.¹¹.

Отправившись из Москвы 7 июля, Татищев 17 июля прибыл под Вязьму, откуда 19 июля послал командиру полка Иванову донесение о ряде слож-

ностей, которые задерживали его продвижение; в письме от 30 июля Татищев сообщал Иванову о разных фактах, имевших место во время его пребывания в Вязьме¹². В настоящий момент их можно считать самыми ранними известными нам письмами Татищева¹³.

В конечный пункт — польское местечко Мигновичи, где в то время квартировал Азовский драгунский полк, Татищев со своими драгунами прибыл в сентябре. Там произошел инцидент, о котором говорится в челобитной князя О. И. Щербатова Петру I от 10 мая 1709 года. Крепостной крестьянин князя М. Ф. Пугачев был отдан «в полк к Василью Татищеву», но в местечке Мигновичи «з дороги отехал, а где жил, про то неведомо». Дезертировавший рекрут был пойман, доставлен в Поместный приказ и понес наказание кнутом, вырыванием ноздрей с последующей вечной каторгой¹⁴.

В. С. Астраханский

Примечания

1. ВОЛЫНСКОЙ Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в великой Северной войне. Вып. 1. 1698—1706 гг. Кн. 4, СПб, 1912, с. 537, 538, 542; ТАТИЩЕВ С. С. Род Татищевых. 1400—1900. СПб. 1900, с. 81—82, 84; КОЛОСОВ Е. Е. Новые биографические материалы о В. Н. Татищеве. В кн.: Археографический ежегодник за 1963 г. М. 1964, с. 107—108.
2. РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 4, ч. 2, № 5037, л. 360; № 5184, л. 359.
3. Там же, № 5178, л. 1—1 об.
4. Там же, № 5179, л. 85.
5. Там же, № 5178, л. 128 об. Некоторые подробности о наборе братьев Татищевых см.: КОЛОСОВ Е. Е. Ук. соч.; «Сказка» И. Н. Татищева опубликована (см. ВОЛЫНСКОЙ Н. П. Ук. соч., с. 537, 542).
6. РГАДА, ф. 1209, оп. 4, ч. 2, № 5178, л. 131 об.
7. Там же, № 5176, л. 600—600 об.
8. Там же, л. 603.
9. Там же, № 5176, л. 605—641 об.
10. Там же, л. 583.
11. Там же, № 5176, л. 434—436, 602—641, 652, 654, 656; № 5179, л. 117, 117 об.
12. Там же, № 5175, л. 66—68 об.
13. Недавно изданная в серии «Научное наследство» (т. 14) переписка В. Н. Татищева, включающая большое число писем и записок, многие из которых публикуются впервые, начинается лишь с 1717 года (В. Н. Татищев. Записки. Письма. 1717—1750 гг. М. 1990).
14. РГАДА, ф. 1209, оп. 4, ч. 2, № 5176, л. 402—404, 407.

Ответ нашим критикам (к вопросу о научности и популярности)

Редакция журнала «Вопросы истории» не может пройти мимо факта необъективной критики, когда обнаруживаются незнание (а иногда нарочитое игнорирование) содержания журнала и предвзятость рецензентов.

М. Горинев в обзоре исторических журналов, вышедших в свет в 1992 году («Свободная мысль», 1993, № 3), отмечает, что «Вопросы истории» принадлежат к тем массовым периодическим изданиям, которые в наибольшей степени пострадали от экономического кризиса и резкого вздорожания издательских (и — мы добавим — почтовых!) расходов. Но одновременно он утверждает, будто падение тиража журнала в 1992 г. поставило «под вопрос правильность взятого редакцией курса на превращение «ВИ» из академического в научно-популярный журнал». При этом он не учел, что реализуемая редакцией программа журнала, заявленная ею еще в 1988 г., встретила дружную поддержку читателей. Это показали многочисленные письма в редакцию, встречи с читателями, анкета, на которую откликнулось множество принадлежащих к различным социальным и образовательным группам читателей из разных регионов страны. В результате более чем в шесть раз возросло число подписчиков (с 19 тыс. в 1988 г. до 110 тыс. в 1991 г.). Спад же тиража пришелся на 1992 г., когда была поднята подписная цена, а главное — действия издательства «Прогресс» и Тверского полиграфического комбината практически сорвали переподписку на второе полугодие.

В приверженности к популяризаторству упрекает редакцию и М. Колеров («Сегодня», 27.VII.1993); статья сего ревнителя академичности свидетельствует о том, что он не читает нашего журнала. Иначе ему было бы известно, что воспоминания А. И. Гучкова до того, как вышли отдельным изданием, были полностью опубликованы в журнале (1991, №№ 7—12).

Для Горинова «академический» характер из-

дания равнозначен его научности и определяется наличием сложного и развернутого справочного аппарата, редакционных комментариев к публикациям. По его мнению, таких комментариев требуют «такие далекие от объективности источники, как мемуары Хрущева или насыщенные массой неизвестных фактов стенограммы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. и др.». Ряду публикаций журнала в обзоре Горинова приклеены ярлыки «объективистских». Таким образом, Горинев, по существу, предлагает редакции навязывать читателям одну «единственно правильную» оценку и самих публикаций, и содержащихся в них фактов, оценок и выводов.

Оценке журнала «Вопросы истории» как издания неакадемического явно противоречит то, что, анализируя освещение в исторических журналах актуальных научных проблем, Горинев оперирует в качестве примеров в большинстве своем статьями именно из «Вопросов истории», признавая их высокий научный уровень!

Теперь об «академизме» и популярности содержания журнала. Думается, что задача современной исторической периодики, претендующей на научность своих публикаций, состоит прежде всего в том, чтобы решительно покончить с практикой, когда истинность научных оценок определялась точкой зрения каких-то «инстанций».

Само противопоставление научности («академизма») популярности явно надумано. В недавнем прошлом под видом «научных» публикаций печатались упакованные в псевдоакадемические атрибуты сочинения, в которых отсутствовала какая-либо научность и содержались лишь иллюстрации к пропагандистским клише и догматическим схемам. Авторы же популярных изданий сплошь и рядом извращали факты, отбрасывая прочь и принцип историзма, и принцип строгой объективности. И все это делалось во имя борьбы с «объективизмом» под флагом партийности.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1993 ГОДУ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. №№ 2, 5—9
- Секретные документы из особых папок: Афганистан. № 3
- Секретные документы из особых папок. № 1

СТАТЬИ

- Бородин А. П. — Объединенное дворянство и аграрная реформа. № 9
- Васильева О. Ю. — Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 годах. № 8
- Генис В. Л. — Разгром Бухарского эмирата в 1920 году. № 7
- Дмитриев С. С. — Раннее славянофильство и утопический социализм. № 5
- Дьяков В. А. — Исторические альтернативы для Европы 40—70-х годов XIX века. № 7
- Ивонин Ю. Е. — Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI века. № 6
- Кабанов В. В. — Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке. № 2
- Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. — Советская номенклатура: становление, механизмы действия. № 7
- Ланда Р. Г. — Исламский фундаментализм. № 1
- Лурье Я. С. — Русь XV века: отражение в раннем и независимом летописании. № 11 —12
- Михутина И. В. — СССР глазами польских дипломатов (1926—1931 гг.). № 9
- Мэйси Д. — Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыцина. № 4

- Новосельцев А. П. — «Мир истории» или миф истории? № 1
- Осадчая А. И. — Биржа в России. № 10
- Панеях В. М. — Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году. № 10
- Поспеловский Д. — Русская православная церковь: испытания начала XX века. № 1
- Стам С. М. — Диалектика общности и личности в средние века. № 3
- Троицкий Н. А. — Корифеей отечественной адвокатуры. (Жизнь и судьба Н. П. Карабчевского). № 6
- Ферро М. — Кино и история. № 2
- Харитонов В. Л. — Февральская революция в России (попытка многомерного подхода). № 11 —12
- Цернак К. — Конец эпохи великих держав в европейской политике. № 5
- Шелохаев В. В. — Российские либералы в годы первой мировой войны. № 8

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. — Николай II. № 2
- Анисимов Е. В. — Анна Ивановна. № 4
- Васютинский В. Н. — Франсуа Миттеран. № 1
- Водарский Я. Е. — Петр I. № 6
- Зотова З. М. — Петр Бернгардович Струве. № 8
- Капустина Т. А. — Николай I. № 11 —12
- Наумов В. П. — Елизавета Петровна. № 5
- Немировский А. И. — Иоанн Креститель. № 9
- О'Коннор Тимоти — Анатолий Васильевич Луначарский. № 10
- Сенин А. С. — Александр Иванович Гучков. № 7
- Филиппов Б. А. — Иоанн Павел II. № 3

ВОСПОМИНАНИЯ

- Абакумов Б. С.— Советские летчики в небе Кореи. № 1
Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. №№ 2
—10

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Авторханов А. Г.— Технология власти. №№ 2
—3
Искендеров А. А.— Российская монархия, реформы и революция. №№ 3,
5,7
Тополянский В. Д.— Гибель Фрунзе. № 6

ПУБЛИКАЦИИ

- Бенеш Эдвард — Демократия сегодня и завтра (Вступление В. В. Марьиной). №№ 2,
3
Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р. В. Малиновского (май — ноябрь 1914 г.) (Вступительная статья Ю. Н. Амиантова и З. Н. Тихоновой). №№ 9
—12
Письма Азефа (Вступление Д. Б. Павлова). №№ 4
—5, 8

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Деникин А. И.— Очерки русской смуты. №№ 2,
4—12

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Готье Ю. В.— Мои заметки. №№ 1
—5

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- Из досье КГБ на академика Л. Д. Ландау. № 8

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- Мельгунов С. П.— Осада Зимнего дворца (Вступительная статья Ю. Н. Емельянова). № 1
Милюков П. Н.— Величие и падение Покровского (Вступление М. Г. Вандалковской). № 4

- Рязановский В. А.— К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право (Вступительная статья Г. В. Мелихова). № 7

- Савицкий П. Н.— Геополитические заметки по русской истории (Вступительная статья В. И. Дурновцева). № 11
—12

- Шмурло Е. Ф.— С. М. Соловьев (Вступительная статья С. Г. Яковенко). № 9

СООБЩЕНИЯ

- Давыдов А. Ю.— Князь-кооператор А. И. Васильчиков. № 8

- Кошкин А. А.— Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуока (1941 г.). № 6

- Кощеев В. Б.— Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году. № 10

- Освальт Ю.— Духовенство и реформа приходской жизни. 1861—1865. № 11
—12

- Перович Л.— Об источниках социалистической мысли в Сербии. № 4

- Сафонов М. М.— Суворов и оппозиция Павлу I. № 4

- Степанов А. И.— Место России в мире накануне первой мировой войны. № 2

- Федосова Е. И.— Ф. Гизо во главе МИД Франции (1840—1847 гг.). № 10

- Циркин А. В.— Современный уровень исторического мышления студентов. № 8

- Чуркина И. В.— В. С. Соловьев и Й. Ю. Штросмайер об объединении церквей. № 6

- Шевеленко А. Я.— Технология городских ремесел в Западной Европе VI—XV веков. № 1

- Демология. № 10

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

- Алексеев Л. В.— Судьба Виленского музея древностей. № 4

- Арзаканян М. Ц.— Роковой выстрел Береговуа. № 10

- Безрогов В. Г.— Скотоводство в древней Ирландии. № 7

- Бережанский А. С.— Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов. № 4

- Борисов Л. П.— Первая отечественная баллистическая ракета. № 5

- Генис В. Л.— «Батайская пробка». . . № 1
Гладышев А. В.— Сен-Симон до
и во время революции. № 11
—12
Дроков С. В.— Организатор Женс-
кого батальона смерти. № 7
Егоров А. А.— Генерал Марсо. . . . № 4
Ерошкин Н. П.— Выстрел у Лет-
него сада. № 7
Ерошкина А. Н.— Деятель эпохи
просвещенного абсолютизма
И. И. Бецкой. № 9
Журавлева Л. С.— Смоленская
крепость. № 4
Закс А. Б.— Ташев хаджи. № 4
Комиссаров Б. Н., Иванов
В. Г.— Миссия Луиша де Соузы
Диаша. № 1
Котельников В. Р., Лейко
О. Ю.— Челночные операции бом-
бардировщиков США с советских
аэродромов. № 2
Лейберов И. П.— «Странный губе-
рнатор». № 4
Мионов Д. А.— Шувбунд. № 8
Молчанов А. А.— Загадочный
диск из Феста. № 2
Нитобург Э. Л.— Фульхенсио Ба-
тиста. № 6
Овченко Ю. Ф.— Полицейская ре-
форма В. К. Плева. № 8
Перхавко В. Б.— Гости-сурожане. . № 6
Петрова М. В.— Из прошлого рода
графов Бобринских. № 5
Познахирев В. В.— Вице-адмирал
З. П. Рожественский. № 10
Попов К. Ф.— Судьба Сергея Седо-
ва. № 10
Пстыго И. И.— Самолеты над Мар-
ково и Уэлькалем. № 10
Рогачевская Л. С.— Как состав-
лялся план первой пятилетки. . . № 8
Рупасов А. И., Чистиков
А. Н.— «Шлюссштайн». № 11
—12
Ходнев А. С.— Закат Лиги Наций. . № 9
Шофман А. С.— Первая в Европе
академия. № 8
- ИСТОРИОГРАФИЯ**
- Алпатов Г. М.— К. Ригли. Ллойд
Джордж и вызов труда. Послевоен-
ная коалиция № 1
Ананьич Б. В.— Великие реформы
в России. 1856—1874. № 10
Аппатов С. И.— А. М. Филитов.
«Холодная война». Историографи-
ческие дискуссии на Западе. . . . № 4
- Арзаканян М. Ц.— В. П. Смир-
нов, В. С. Посконин. Традиции Ве-
ликой французской революции
в идейно-политической жизни Фран-
ции. 1789—1989. № 3
Баутдинов Г.— П. Каццола. Рос-
сия — Болонья. Три века отноше-
ний, встреч и путешествий. . . . № 1
Джованни ди Пиан ди Карпине. Ис-
тория монголов. № 8
Бибииков М. В.— К. В. Хвостова.
Социально-экономические процес-
сы в Византии и их понимание ви-
зантийцами-современниками
(XIV—XV вв.). № 7
Бойко В. С.— Белая книга о депор-
тации корейского населения России
в 30—40-х годах. № 10
Борозняк А. И.— Я. С. Драбкин.
Проблемы и легенды в историо-
графии германской революции.
1918—1919. № 1
Борозняк А. И., Буханов
В. А.— Два пути на Москву. От
пакта Гитлера — Сталина к опера-
ции «Барбаросса». № 8
Ватлин А. Ю.— Переоценка советс-
кой истории. № 5
Венер М.— К. Мэрридейл. Московс-
кая политическая жизнь и возвыше-
ние Сталина: организации Комму-
нистической партии в столице,
1925—1932. № 2
Виглков О. Н., Бочанова Г. А.—
История Урала. № 8
Виноградов В. Н.— Размышления
о румынской истории (заметки на
полях книги). № 8
Волков Л. В.— Очерки русской
культуры XVIII века. № 10
Гинцберг Л. И.— М. И. Семиряга.
Тайны сталинской дипломатии.
1939—1941. № 2
Голиков А. Г.— А. П. Пронштейн.
Источниковедение в России. Эпоха
капитализма. № 10
Гусев К. В.— Г. А. Герасименко.
Первый акт народовластия в Рос-
сии: общественные исполнительные
комитеты (1917 г.). № 9
Данилевский И. Н.— Н. А. Собо-
лева. Русские печати. № 4
И. А. Заичкин, И. Н. Почкаев.
Русская история. Популярный
очерк. IX — середина XVIII в. . . № 11
—12
Денисов В. В.— В. И. Гуляев. До-
колумбовы плавания в Америку:
мифы и реальность. № 8
Дмитриев М. В.— М. Словиньс-

- кий. Дурак. История образа и мотива. № 8
- Дурновцев В. И.— М. Г. Вандалковская. П. Н. Милоков, А. А. Кизеветтер: история и политика. . . № 5
- Ерин М. Е., Чукарев А. Г.— Ю. Л. Дьяков, Т. С. Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Известные документы. № 7
- Задорожнюк Э. Г.— С. Рамет. Социальные перемены в Восточной Европе. Источники и значение Великого преобразования. № 2
- Чешский и словацкий опыт. Избранные доклады IV Всемирного конгресса советских и восточноевропейских исследователей. № 7
- Зеленин И. Е.— М. Н. Денисевич. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930—1985 гг.). № 9
- Иванов Е. П.— Наше отечество. Опыт политической истории. . . № 2
- Иванов Ю. В.— Победа 1920 г. . . № 1
- Иоффе Г. З.— Новый альманах «Русское прошлое». № 1
- Каменский А. Б.— Грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 г. № 5
- Камкин А. В.— М. Д. Курмачева. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773—1775 гг. . . № 4
- Карпачев М. Д.— Г. Д. Алексеева. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция. № 2
- Керов В. Л.— С. Л. Плешкова. Французская монархия и церковь (XV — середина XVI в.). № 10
- Козлов А. С.— О. Р. Бородин. Византийская Италия в VI—VIII веках. (Равеннский экзархат и Пентаполь). . № 11
—12
- Косачев В. Г.— Джон Скотт. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. № 8
- Котов Р. Е.— Журнал «Исторический архив». № 3
- Кравченко В. В., Тимофеев В. В.— Д. Сондерс. Россия в век реакции и реформы. 1801—1881. . . № 10
- Кычанов Е. И.— Н. С. Кулешов. Россия и Тибет в начале XX века. . № 11
—12
- Лабутина Т. Л.— Просветительское движение в Англии. № 6
- Леонов С. В.— Американские историки о советском обществе времен гражданской войны. № 4
- Лучицкая С. И.— Власть как социальная практика. Исторические и социально-антропологические исследования. № 6
- Мазуров А. Б.— О. В. Мартышин. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. № 10
- Милова О. Л.— Дж. Форсис. История народов Сибири. Северная азиатская колония России. 1581—1990. № 11
—12
- Михальченко С. И.— М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель. № 6
- Муравьев В. А., Степанский А. Д.— Американский историк о первой российской революции. . № 9
- Наумова Н. Н.— В. И. Антюхина-Московченко. Шарль де Голль и Советский Союз. № 1
- Нидерхаузер Э. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. № 7
- Орлов А. С.— Новые учебные пособия по истории для средней школы. № 5
- Погосян В. А.— Б. Гейно. Словарь членов Комитета общественного спасения. № 4
- Подаляк Н. Г.— Л. И. Солодкова. Ранний Кёльн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан. XI—XIII вв. . . № 4
- Поткина И. В.— С. Г. Маркс. Путь к могуществу. Транссибирская железная дорога и колонизация азиатской России. 1850—1917. № 4
- Рогачев К.— М. Раев. Русское зарубежье. Культурная история русской эмиграции. № 2
- В. Т. Пашуто. Русские историки-эмигранты в Европе. № 9
- Рогов К. Е.— Энциклопедический словарь юного историка. Всеобщая история. № 10
- Сетов Р. А.— Американский ежегодник, 1989, 1990, 1991. № 7
- Сивохина Т. А.— Н. Верг. История Советского государства 1900—1991. № 11
—12
- Симонова Т. М.— Т. Цегельский, Л. Кондзеля. Разделы Польши. 1772—1793—1795. № 4
- Смолярчук В.— История отечественного государства и права. . . № 6
- Соколов А. Б.— Британская империя XVIII в. в зарубежной историографии. № 7

- Солодкин Я. Г.— В. П. Загоровский. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. . . . № 6
- Сыч А. И.— М. Экштайнс. Весна священная. Великая война и рождение современной эпохи. . . . № 4
- Ф. Фукуяма. Конец истории и последний человек. . . . № 11
—12
- Теребов О. В.— Л. Т. Ли. Хлеб и власть в России. 1914—1921. . . № 3
- Тимофеев В. В.— Р. Дебо. Выживание и консолидация. Внешняя политика Советской России. 1918—1921. . № 9
- Торопова С. Ю.— Ф. Виллиамсон. Национальный кризис и национальное правительство. Британская политика, экономика, империя, 1926—1932 гг.; Э. Торп. Всеобщие выборы в Великобритании в 1931 г. . . . № 6
- Троицкий Н. А.— Записки А. П. Ермолова. 1798—1826 гг. . № 5
- Трут В. П.— И. Л. Омельченко. Терское казачество. . . . № 6
- Чекунова А. Е.— А. Г. Тартаковский. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века. От рукописи к книге. . . . № 5
- Черкасов Н. С.— И. Я. Биск. История повседневной жизни населения в Веймарской Республике. . . № 3
- Чернышевский Д. В.— Е. Л. Рудницкая. Русский бланкизм: Петр Ткачев. . . . № 9
- Чистякова Е. В.— М. Н. Тихомиров как историк древнерусской культуры. . . . № 11
—12
- Цверева Г. К.— Я. В. Ковальский. Папы и папство. . . . № 2
- Шелохаев В. В.— А. Е. Иванов. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. . . . № 5
- Н. Г. Думова. Либерал в России: трагедия несовместимости (исторический портрет П. Н. Милюкова). . № 9
- Шеремет В. И.— В. П. Грачев. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв. . . № 3
- Щавелев С. П.— Д. Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист. . . . № 3
- По страницам зарубежных журналов. №№ 2, 4, 6, 8, 11—12
- ### ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ
- Астраханский В. С.— Новое о военной службе В. Н. Татищева в 1706—1708 годах. . . . № 11
—12
- Бондарь М. М.— С больной головы на здоровую! № 9
- Буганов В. И.— Валаамский список царского синодика 1583 года. . . № 3
- Вайсман А. С.— Не исторический факт, а монархическая легенда. . . № 1
- Добродомов И. Г., Кучкин В. А.— Об истинной истории народов Поволжья. . . . № 8
- Иванов В. В.— О родоначальнике Русской Америки. . . . № 11
—12
- Иванов Г. И.— Наконец-то прервано долгое молчание. . . . № 10
- Кан А.— Еще одно «белое пятно». . № 10
- Лившиц И. И.— О роли кадровых офицеров в гражданской войне. . . № 6
- Люттов Л. Н.— Отвергнутые проекты акционирования предприятий. . № 8
- Селезнев Е. С.— Об опыте работы школьного «Мемориала». . . . № 1
- Тумшис М. А.— Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов. . . . № 6
- Хохлов Р. Ф.— Помогите создать дом-музей П. А. Кропоткина. . . № 7
- Шарапов Ю. П.— Читая дневник Готье. . . . № 7
- Шилов В. В.— Строгановы были не только меценаты. . . . № 5
- Ответ нашим критикам № 11
—12

Contents

Articles: Ja. S. Lurje. Ancient Russia of the XVth Century: Reflection in the Early and Independent Chronicles. V. L. Kharitonov. The February Revolution in Russia (An Attempt of a Many-Sided Approach). Historical Profiles. T. A. Kapustina. Nikolaj the First. Publications. Materials of the Commission of Inquiry CC RSDRP on the Case of R. V. Malinovskij (May-November 1914). History and Fates. A. I. Denikin. The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians of Russian Emigration. P. N. Savitskij. Geopolitical Notes on Russian History (Introduction by V. I. Durnovtsev). Reports: U. Oswalt. Clergy and Reform of the Parochial life in 1861—1865. People. Facts. Events. A. I. Rupasov, A. N. Chistikov. «SchluBstein». A. V. Gladyshev. Saint-Simon before and during the Revolution. Historiography. Reviews on Books: M. N. Tikhomirov as a Historian of Ancient Russian Culture. N. Vert. History of Soviet State. 1900—1991. J. Forsyth. A History of the Peoples of Siberia. Russia's North Asian Colony. 1581—1990 (Cambridge N. Y., etc. 1992). N. S. Kuleshov. Russian and Tibet at the Beginning of the XXth Century. I. A. Zaichkin, I. N. Pochkaev. Russian History. A Popular Essay of the IXth-middle of the XVIIIth Century. O. R. Borodin. Byzantine Italy in the VIth-VIIIth Centuries. Fr. Fukuyama. The End of History and the Last Man. N. Y. 1992. On the Pages of Foreign Journals. Letters to the Editor. Index of Materials in Alphabetical Order Published by the Journal in 1993.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка без разрешения журнала «Вопросы истории» не допускается.

«Вопросы истории» № 11—12, 1993

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2 Телефон: 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 08.09.93. Подписано в печать 05.11.93. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6. Уч.-изд. 21,09. Тираж 30 000. Заказ 4042. Индекс 70145

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории», ТОО «Сашко»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий», 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ПОДПИСКА-94 НА ИЗДАНИЯ «МН»

по каталогу издательства «Известия»
в любом отделении связи

Редакция «Московские новости» предлагает к подписке
на 1-е полугодие 1994 года следующие издания:

Индекс по каталогу «ИЗВЕСТИЙ»	Название издания	Периодичность	Цена (без стоимости доставки) на 6 месяцев
50080	Газета «Московские новости»	1 раз в неделю	660 руб.
50077	Газета «Moscow News»	1 раз в неделю	540 руб.
50249	Газета «Нью-Йорк Таймс. Недельное обозрение» (на русском языке)	1 раз в две недели	330 руб.
73118	«Если» (журнал фантастики и футурологии)	1 раз в месяц	1200 руб.

**25% —
скидка
за комплект**

НОВИНКА!

Обратите внимание на новый индекс **39801**
в каталоге издательства «Известия»:

Комплект изданий редакции «Московские новости»

Подписка на три издания в комплекте — по одному индексу!

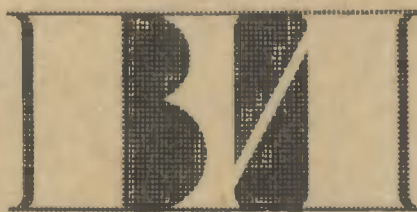
Ваш выигрыш — 25% стоимости каждого издания в отдельности по каталогу.

Заполните только один подписной талон на весь комплект!

В комплект входят:

1. Газета «Московские новости»
2. Газета «Нью-Йорк Таймс. Недельное обозрение» (на русском языке)
3. Журнал «Если»

Цена комплекта без стоимости доставки — 1650 руб. на 6 месяцев.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**